

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
 Л. Виола (*Lynn Viola*),
 А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
 А. А. Дроздов,
 Э. Каррер Д'Анкоцс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
 В. П. Лукин,
 С. В. Мироненко,
 Ю. С. Пивоваров,
 А. Б. Рогинский,
 Р. Сервис (*Robert Service*),
 Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
 А. К. Сорокин,
 Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
 О. В. Хлевнюк

В ГОРОДЕ М
ОЧЕРКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Москва
2008

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2).631

ЛЗЗ

Лейбович О. Л.

ЛЗЗ В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. /О. Л. Лейбович. – 2-е изд., испр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 295 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1068-9

Книга пермского историка О. Лейбовича посвящена событиям и людям поздней сталинской эпохи в советской провинции. Описание событий он начинает с 1947 года, с момента поворота во внутренней политике, затронувшей самые широкие слои советского общества. Основное внимание в монографии уделяется описанию конфликтных полей, свойственных тому времени. Факты, о которых на страницах своей книги, упоминает автор, тщательно документированы. Основную массу источников представляют документы, хранящиеся в фондах двух пермских архивов: государственном общественно-политическом (ГОПАПО) и в государственном (ГАПО).

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-8243-1068-9

© Лейбович О. Л., 2008

© Российская политическая энциклопедия,
2008

Предисловие

Книга, которую Вы только что открыли, посвящена событиям и людям пятидесятих годов. История не всегда дружит с календарем. Новые эпохи редко совпадают с декадами. Так и пятидесятые годы начинаются через год-два после окончания войны, а завершаются за несколько лет до начала шестидесятых. Первую веху можно датировать 1947 годом. Именно тогда новая правительственная политика, маркированная партийными постановлениями, касающимися издательской деятельности и судьбы подсобных хозяйств, вторглась в повседневную жизнь советских людей, ни в малой мере не причастных ни к литературе, ни к сельскому хозяйству. Смысл новой политической линии сформулировал Сталин в феврале того же 1946 года: восстановление status quo ante. Завершающей вехой пятидесятих годов можно считать создание в 1958 г. территориальных советов народного хозяйства, заместивших на некоторое время отраслевые министерства. Насаждение совнархозов являлось по сути своей восстановлением в полном объеме партийного контроля над экономикой. Изменились, однако, его техники и процедуры.

В советской истории это время отмечено большим поворотом во внешней и внутренней политике, поворотом, повлекшим за собой существенное обновление основных социальных институтов. В литературной исторической традиции принято датировать начало новой эпохи 1953 годом или в ином варианте — 1956 годом.

Последняя сталинская декада так залита светом торжествующей пропаганды, что историкам, за редким исключением, кажется невозможным или неинтересным заглянуть за декорации, покрытые толстым слоем лака. Видны разве что густые тени, ими отбрасываемые: нищета деревни, репрессивные практики, идеологические погромы. И только изменив угол зрения, приблизившись на дистанцию, позволяющую увидеть переходы, оттенки, полутени, отдельные фрагменты большой исторической картины, можно обнаружить за кажущимся монолитным фасадом следы эрозии: борьбу интересов, формирование критических позиций, конфликтные ситуации и, самое главное,

рассмотреть людей, обладающих резко выраженными индивидуальными чертами, меньше всего напоминающих винтиков государственной машины с их клишированным сознанием и запрограммированным поведением.

Иначе говоря, под боевые клики партийной печати, под оглушительный гром политических кампаний в советском обществе происходили изменения, без которых не были бы возможны никакие реформы пятидесятых годов. Речь идет в первую очередь о социальном самоопределении номенклатуры — советского политического класса, обживающего привилегированные социальные ниши, восстанавливающего, или, вернее сказать, заново устанавливающего разорванные внутренние социальные связи, выстраивающего защитные механизмы и по отношению к верховной власти, и по отношению к оспаривающим его притязания массам трудового населения. Повторяется в новых условиях ситуация тридцатых годов, завершившаяся, как известно, большой чисткой. Призрак террора продолжает довлеть над умами, или, вернее сказать, над социальными инстинктами людей власти. Для их оппонентов, самочинно взявших на себя роль народных заступников, возобновление террора, обращенного против партийных вельмож вкупе с их хозяйственной службой, представляется способом возвращения в утраченный мир социального равенства. Верховная власть время от времени, строго дозированно использует террористический инструмент для поддержания социального равновесия, отдавая до поры до времени предпочтение идеологическим кампаниям, нацеленным против интеллигенции. Эта общественная группа, тесно связанная с номенклатурой, переживает сходные процессы: она претендует на социальную автономию, основанную на профессиональных достижениях и культурных традициях, тем самым бросая вызов одновременно и номенклатуре, и верховной власти, и работникам физического труда, от которых интеллигенция отделена образовательным цензом. В таких условиях кампании против интеллигенции — с антисемитским акцентом или без него — пользуются общественной поддержкой и потому продолжают в тех или иных формах в пятидесятые годы. Впоследствии власти найдут более эффективные способы усмирения образованного класса: вновь, как и в тридцатые годы, широко откроют двери высших учебных заведений для рабочей и колхозной молодежи, умножат количество вузов, тем самым растворят интеллигенцию в толпе дипломированных новобранцев. Что касается номенклатуры, то она добьется реализации своих интересов в послесталинском партийном государстве с упорядоченными властными институтами.

В знаменитом романе «Три мушкетера» автор на первых страницах сообщает, что во времена Д'Артаньяна горожане бунтовали против принцев, против испанцев, иногда против короля, но против кардинала — никогда. Подобным образом вел себя советский политический класс в эпоху хрущевских реформ. Люди номенклатуры в той же степени, что и представители советской интеллигенции критиковали властные начинания: подвергали сомнению неуклюжие хозяйственные мероприятия, неодобрительно отзывались об административных перестройках, неуважительно называли первое лицо государства «Хрущом» или «кукурузником», скептически относились к внешнеполитическим инициативам, в общем, бранили все и вся. Вне зоны критики, однако, оставалось основание внутренней политики, ее непреложная черта. Я имею в виду прекращение террора. Только из самых глубин народной толщи иногда — очень редко — раздавались отдельные голоса, призывавшие власть железной рукой выкорчевать гнезда разложения, коррупции и обогащения, наказать, не оглядываясь на закон, зарвавшееся и обнаглелое начальство, заставить его работать руками и отобрать привилегии. Советская номенклатура, выросшая в условиях террора, применявшая десятилетиями соответствующие управленческие практики, как будто по мановению волшебной палочки полностью и окончательно отказывается от своей традиции, более того, старается о ней забыть, или хотя бы вытеснить ее на периферию политического сознания. Слово «террор» обрастает новыми, сугубо отрицательными коннотациями, оно становится синонимом преступной политики, или, вернее, извращения политики карьеристами в фуражках с голубым околышем, заклеянных собирательным именем «бериевцы».

Происходит быстрое обновление публичного языка: его «омиршвление» и профессионализация. «Партийной работы в чистом виде не бывает, — вразумлял своих подчиненных Н. С. Хрущев. — Нам надо добиться такого положения, чтобы все наши партийные работники хорошо знали конкретные вопросы производства и всю свою работу вели бы на обеспечение изобилия продуктов питания, жилья, обуви для трудящихся»¹. Партийные секретари часами обсуждают преимущества квадратно-гнездового метода посадки зерновых и клубневых культур, с высоких трибун выявляют недостатки травопольной системы земледелия. Пропагандисты на все голоса воспевают наступившее благосостояние, говорят о масштабах жилищного строительства,

¹ Стенограмма пленума Молотовского обкома КПСС. Январь 1954 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 21. Д. 10. Л. 48.

о выпуске все новых и новых товаров народного потребления, производят тонкое различие между правильными и неправильными стилями исполнения балетных танцев. Научные работники на страницах профессиональных журналов публикуют материалы, совершенно не доступные для понимания гражданами, не получившими соответствующего образования.

Коренные перемены в политическом и вербальном поведении вряд ли можно объяснить только высокой социальной пластичностью советской номенклатуры. Конечно же, партийные чиновники были людьми в крайней степени дисциплинированными, всегда готовыми откликнуться на импульсы, идущие со стороны верховной власти, людьми, обладавшими инстинктом предугадывать подлинные намерения хозяев Кремля. Их выдающиеся способности плыть по течению не подлежат никакому сомнению. Сталинские министры, секретари и литераторы проявили их в полной мере во все последующие десятилетия. Все так, но это не отменяет вопрос. Почему они столь легко и быстро, по сравнению с иными методами отправления власти, отказались от террористических практик, освоили иной язык и, добавлю, обновили ценностные ориентации: изгнали из собственного обихода аскетизм во всех его проявлениях, признали для себя (а затем не сразу, с большой неохотой и для других) в качестве непреложного принципа право на закрытую от глаз посторонних комфортную частную жизнь?

Как правило, такие превращения возможны только в одном случае: если в предшествующую историческую эпоху под прежней культурной оболочкой уже созрели все основания для новых социальных практик. И задача историка состоит в том, чтобы обнаружить их в хитросплетении многочисленных и разнородных конфликтов, которыми так изобилует послевоенное семилетие. За торжественным, казалось бы, застывшим фасадом монументальной советской культуры сороковых годов открывается полное внутренней напряженности разнородное многоуровневое социальное пространство. Номенклатурные и интеллигентские кланы непрерывно борются между собой, вступая в жесточайшие схватки по причинам, которые с исторической дистанции представляются ничтожными поводами. При этом это всегда война на уничтожение, которая, тем не менее, ведется по правилам, согласно тщательно разработанным ритуалам. В них обязательно присутствует апелляция к высшему авторитету, заверения в личной и групповой бескорыстности, жонглирование идеологическими формулами. Приемы едины для всех. Каждый участник поединка использует их, не обращая внимания на степень соответствия

традициям и нормам морали. Все схватки происходят в особом этическом поле с его новыми нравственными ориентирами. Так, донос на противника не считается низким делом.

На отдалении все участники межклановых и внутриклановых войн выглядят похожими друг на друга, как близнецы. Вызывают сочувствие разве что жертвы, подвергшиеся внезапному нападению, да так и не приступившие к активной обороне. Все или почти все сражаются за доступ к властным ресурсам, которые в равной степени обеспечивают как экономические преимущества, так и символические знаки престижа. Только при внимательном знакомстве с документами эпохи обнаруживаются дополнительные черты. Оказывается, бойцы аппаратных сражений, кроме сугубо властных резонансов, руководствуются и другими мотивами: они — если не все, то многие — отстаивают право на собственный стиль, на индивидуальный почерк в профессиональной деятельности. Когда же они не говорят, а действуют, например, в экстремальной ситуации денежной реформы, выясняется, что партийные и хозяйственные работники готовы рискнуть своим служебным положением, чтобы сохранить или приумножить личное благосостояние, уйти от государственного вмешательства в частную жизнь. Собственно, и сами кланы, в одном из партийных документов неожиданно точно названные «домами» на манер средневековых родственных общин, были ничем иным как особыми социальными институтами, основанными на общем доверии, родстве, личных пристрастиях, социальными институтами, по своей природе противоположными партийным и государственным учреждениям сталинской системы. Люди, выстраивающие по своему усмотрению дополнительные социальные цепочки для защиты собственных интересов, переставали быть просто винтиками большой государственной машины, они приобретали особые корпоративные свойства.

В конфликтах сороковых годов обнаруживается проблема, в полном объеме раскрывшаяся в иную, более позднюю эпоху. Я имею в виду проблему социальной дифференциации между командными группировками общества и трудовым населением: рабочими, колхозниками, мелкими служащими. С 1953 года эта тема будет доминировать в идейных и социальных конфликтах советского и постсоветского общества. В первое послевоенное десятилетие идеологи, настаивавшие на точном соблюдении социалистических эгалитаристских принципов, бросят вызов практикам от управления, раздававшим экономические бонусы наиболее ценным хозяйственным кадрам: руководителям предприятий в первую очередь. И если уравниатели ссылались на раннюю большевистскую традицию, закрепленную в наи-

более авторитетных партийных текстах, то их противники опирались на успешный военный опыт.

В дни Отечественной войны верховная власть предоставила далеко идущую самостоятельность местным управленческим инстанциям и оборонным предприятиям. От областных партийных руководителей, так же как от директоров заводов, требовали одного: своевременных поставок на фронт оружия, боеприпасов, продовольствия, в обмен предоставив право самостоятельно распоряжаться ресурсами, до поры до времени закрыв глаза на нарушение многочисленных инструкций, регламентов и положений, стеснявших эффективную работу промышленности. Рожденная в городских низах поговорка «кому война — кому мать родна», конечно же, осуждает лиц, обогатившихся в пору народных бедствий. Есть в ней и другой, более глубокий смысл.

На самом деле военная экономическая политика в наибольшей степени отвечала интересам руководителей предприятий. Она придавала им статус действительных капитанов индустрии, имеющих право принимать ответственные решения в производственной, технологической и хозяйственной сфере, маневрировать в соответствии с меняющейся конъюнктурой и, что совсем не маловажно, рассчитывать на соответствующее вознаграждение не только материальное, но и символическое: на ордена и генеральские погоны, на почетное представительство в областных партийных и советских учреждениях, на решающее слово в кадровых назначениях, на действительную защиту от критики снизу, даже право на самоуправство. После войны верховная власть постепенно оттесняла этих людей с завоеванных ими позиций, возобновила старые регламенты и вводила дополнительные запреты и ограничения, отказывалась признавать былые заслуги и наказывала за малейшие отступления от новой линии. В новой ситуации военная модель хозяйствования в ее практическом воплощении приобретает в глазах индустриальных менеджеров идеальные черты. Она рассматривается ими как недостижимый образец правильного управления промышленностью, да и экономикой в целом. Конфликты второй половины сороковых годов разворачиваются в проблемном поле хозяйственных компетенций руководителей предприятий, местных партийных начальников, центральных регулирующих инстанций. Главный вопрос состоит в том, обладает ли директор завода или секретарь обкома правом распоряжаться вверенными им ресурсами (и если, да, то в какой степени): устанавливать шкалу материального поощрения для своих подчиненных, производить эквивалентный обмен производственными излишками — или все это остается прерогативой Москвы.

В послевоенных спорах вновь возникает тема соответствия хозяйственной и социальной политики социалистическим принципам. И если обсуждение ее в таком общем виде является делом запретным, более того, преступным, то вполне допустимым кажется выявление частных, нетипичных, отдельных отступлений от социалистической партийной линии, совершаемых «недобросовестными» людьми на местах. О таких фактах рядовые и номенклатурные граждане пишут в большие учреждения или говорят на публичных собраниях. Каждый такой поступок, взятый в отдельности, сообщает лишь о лояльности конкретного советского человека, реализующего свое законное право на критику и самокритику. Взятые in concreto они характеризуют общественные настроения, в которых нарастает недовольство существующим положением дел. Но и это не все. Они также свидетельствуют о новом состоянии общественного сознания. В нем возрождаются очаги сомнений, касающихся фундаментальных основ советской идеологии, в том числе и веры в могущество и всеведение вождя.

Эти ферменты разложения в последующее, послесталинское десятилетие вызовут к жизни несколько разрушительных для сложившейся политической системы процессов: отчуждение от политической жизни множества молодых людей, протестные акты одиночек, во имя коммунистических принципов отвергающих партийную линию, десакрализацию власти и, наконец, глухое недовольство всем и всяческим начальством со стороны городских и сельских низов.

Если рассматривать поведение номенклатуры в течение двух послевоенных десятилетий, можно обнаружить преемственность и в поступках, и в позициях, и в интересах. Есть, однако, и отличия. Они касаются языковых практик и степени общественных притязаний. В позднюю сталинскую эпоху угроза террора умеряла социальные аппетиты номенклатуры. Образ 1937 года, изредка встречающийся в партийных документах годов сороковых, наполнен тем же содержанием, что и в известном докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС: страхом и неприятием. «Смутное и непонятное время», — как сказано в одном из официальных писем.

Для выражения своих притязаний номенклатура была вынуждена пользоваться мало приспособленным для этих целей идеологическим языком. Она претендовала на благоустроенный домашний быт, на коммунальные привилегии, наконец, на право распоряжаться отданной в ее ведение государственной собственностью. А говорить приходилось о достоинстве советского человека, готовности к самопожертвованию, коммунистической скромности, партийной дисциплине и большевистской бдительности.

Эмансипация номенклатуры образующая основное социально-политическое содержание последующих десятилетий советской истории, родом из конфликтов сороковых годов — периода ее утробного развития.

Отданная на суд читателям книга повествует о повседневных политических практиках, характерных для той эпохи. Их участники, как правило, представители советского политического класса: партийные работники, журналисты, хозяйственники, обществоведы. Все материалы, помещенные в книгу, если они публиковались ранее, дополнены и заново отредактированы.

Каждый очерк посвящен отдельному событию. Автор придерживается исследовательского принципа, некогда сформулированного К. Гинзбургом¹, согласно которому изучение истории начинается с реконструкции индивидуальных случаев на основе сохранившихся в источниках следов: «За этой уликовой или дивинационной парадигмой угадывается самый, быть может, древний жест в интеллектуальной истории человечества: жест охотника, присевшего на корточки в грязь и высматривающего следы будущей жертвы»².

Каждое событие, представленное в книге, в основе своей имеет конфликт. С исторической дистанции все они представляются ничтожными и, в конечном счете, могут быть сведены к бессмертной формуле: «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем». В этих событиях, однако, выражены в полной мере социальные коллизии эпохи: ее противоречия, поведенческие коды, культурные смыслы. И чем ближе автор документа к событию, чем он безыскусней, чем меньше владеет литературными этикетными формами, тем красноречивей источник, тем больше в нем указаний на действительные мотивы поступков, на их символическое содержание, да и сами поступки представлены детально, в подробностях.

Документы, хранящиеся в фондах двух пермских архивов: государственном общественно-политическом (ГОПАПО) и просто в государственном (ГАПО), являются источниковой базой исследования. Основной массив составляют официальные материалы: служебная переписка, протоколы партийных собраний, доклады и материалы к ним, справки, характеристики, отчеты, собранные в фондах областно-

го комитета партии, районных комитетов, университета, областной и городской прокуратуры.

При цитировании текстов исправлены только грамматические ошибки. Стиль оставлен без изменения. Пропуски обозначены многоточием, заключенным в скобки: «<...>».

Я сердечно благодарен Галине Федоровне Станковской и Татьяне Владимировне Безматерных за бескорыстную и ценную помощь в поиске и подборе документов.

Выводы и оценки, представленные в книге, прошли предварительную проверку в продолжительных и продуктивных дискуссиях с коллегами, прежде всего — с Александром Дмитриевичем Боронниковым, Андреем Валентиновичем Бушмаковым, Александром Игоревичем Казанковым, Андреем Николаевичем Кабацковым, Анной Семеновной Кимерлинг, Константином Викторовичем Титовым, Владиславом Валерьевичем Шабалиным, Натальей Викторовной Шушковой, Александром Валерьевичем Чашухиным. Они же были и первыми ее читателями. Я, как мог, постарался учесть высказанные ими замечания в издании, предназначенном для печати.

¹ Карло Гинзбург (род в 1939), профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес) и Болонского университета, считается основоположником одного из направлений итальянской «микроистории». — Прим. ред.

² Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000. С. 200.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Город М. — это г. Молотов, центр области, образованной незадолго до войны на Западном Урале. По Указу Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 г. из Свердловской области выделили Коми-Пермяцкий национальный округ и четыре города — Пермь, Лысьву, Кизел, Чусовой, а с ними и тридцать четыре района¹. Указ явно готовили наспех: в нем забыли упомянуть центр химической промышленности г. Березники, перепутали название других городов. Правительственные чиновники не слишком утруждали себя и поиском названия для новой области, просто выдали ей старорежимное имя некогда упраздненной Пермской губернии. В марте 1940 г. спохватились: Пермь переименовали в г. Молотов, а область, соответственно в Молотовскую. Новое имя обязывало: вновь назначаемым на Западный Урал ответственным работникам в ЦК внушали: «Вы едете в область имени Молотова, оправдайте доверие партии на той работе, на которую выезжаете»².

По переписи 1939 г. в области проживало чуть более двух миллионов человек³.

Каких-то резонансов, кроме сугубо географических, создания новой административной единицы за давностью лет отыскать не удалось. От Свердловской области просто отрезали расположенные западнее Уральского хребта территории, между собой ничем не связанные: ни дорогами, ни хозяйственным обменом, ни культурными традициями. Складывается впечатление, что Свердловское начальство просто пы-

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении Свердловской области на Пермскую и Свердловскую области. 3.10.1938 // Пермская область накануне войны. Сборник документов. Пермь, 2005. С. 10.

² Стенограмма оперативного совещания при прокуроре Молотовской области от 26 сентября 1942 г. // ГАПО. Фонд 1366. Оп. 1. Д. 58. Л. 21.

³ См.: Краткий доклад, представленный в оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области о проведении переписи населения в 1939 г. в Пермской области. 19.04.1939. // Пермская область накануне войны..., С. 20.

талось сбросить груз ответственности за десятилетиями пребывающий в прорыве Кизеловский угольный бассейн. «Здесь месяцами сидели бригады, наркомы. Происходило массовое избивание кадров, в результате чего Комиссия партконтроля при ЦК ВКП(б) вынуждена была принять специальное постановление в 1943 об избивании и смещении кадров в Кизеле. Сюда, как в прорыв, посылали все — и спирт, и продукты», — со знанием дела сообщал начальству секретарь обкома ВКП(б) К. М. Хмелевский¹. А уже к Кизелу добавили все остальное.

Область напоминала сшитое на скорую руку лоскутное одеяло. Ее административный центр был отдален от подвластных ему местностей отсутствием надежных коммуникаций. «Районы области территориально разбросаны, — докладывал в Москву ново назначенный прокурор, — до северных Ныробского, Красновишерского, Чердынского, Гайнского, Косинского районов расстояние до центра области составляет 200—600 км, без железных дорог и автомобильного сообщения, до южных районов — Чернушинского, Щучье-озерского, Куединского, Б. Усинского, Фокинского и др. — расстояние от Молотова по прямой 250 км, но, чтобы попасть туда, надо ехать через Свердловск, или пользоваться авиатранспортом»². Областное начальство годами не могло вызвать на доклад своих подчиненных³.

Время от времени областное начальство высылало экспедиции, в духе времени называемые бригадами обкома, для обследования удаленных территорий. Руководитель бригады, им в сороковые годы чаще всего назначался областной прокурор, вернувшись в г. Молотов составлял справку, очень напоминающую по содержанию и даже по форме доклады путешественников по казенной надобности, объезжавших в XIX веке окраины империи.

Вот любопытнейший документ — «О состоянии социалистической законности в Юго-Оскокинском районе Молотовской области», датированный ноябрем 1948 г. На трех десятках машинописных листов государственный советник третьего класса Д. Куляпин скрупулезно описывает поселения местных жителей: «во многих деревнях, сельском и районном центрах чувствуется упадок культуры и хозяйства»; их занятия сельским хозяйством: «посевы происходят зачас-

¹ Хмелевский — Харитонову. 3.02.1945 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154. Л. 28—29.

² Яковлев — Баранову. 5.07.50. // ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 192. Л. 35.

³ В августе 1944 г. из областного центра в Москву сообщили, что «тов. Собянин (прокурор Ныробского района) не был в облпрокуратуре с 1938 г.», Самсонов — Шаховскому. 1.08.1944 // ГАПО. Ф. р1366. Оп. 3. Д. 190. Л. 4.

тую вместо рядового сева руками, минеральных удобрений не завозят, яровизацию зерновых культур (кроме картофеля) не применяют, протравы семян не производят, уход за посевами крайне слабый, на полях множество сорняков. <...> в колхозе «Труженик», расположенном в районном центре, навоз из скотных дворов не вывозился на поля в течение 8 лет подряд; обменом: «наличие родственных связей среди торгового аппарата превратило торговлю в какую-то особую касту, где немало всякого рода противозаконных и жульнических операций — и все это покрывается в результате взаимной дружбы», а также странные обычаи местных князьков, промышляющих полудем: «Также установлено, что некоторые руководящие работники, посещая колхозы, не платят деньги за предоставляемые им обеды и продукты», или пирующих за казенный счет: «Установлено также и то, что после демонстрации в районном центре 7.XI. 1947 г. б. Первый секретарь РК ВКП(б) Кайдалов, председатель райпотребсоюза Любимов и бухгалтер сельпо Елтышев зашли в чайную, где за закуску и вино не уплатили 765 рублей 80 коп. денег впоследствии списанных «на культурные нужды»». Особое впечатление на прокурора произвели дороги. Прочитую соответствующий раздел полностью:

«В то же время Юго-Осокинский район ни одного километра не имеет нормальной дороги, как на станцию Ергач, так и в г. Кунгур. Если же эти две основные магистрали, по которым перевозятся все грузы хлеба, овощей, товаров и т.п., считаются главными артериями, то они, особенно в осенний период, а также и весной, представляют собой невозможность проезда. Мосты худые и опасны для автомашин и для лошадей. Кюветов почти нет, глубокие колеи. Что же касается сельских дорог, связывающих районный центр с колхозами, то здесь дороги представляют собой прямо-таки чудовищное явление. Глубочайшие ямы сплошь, объезды на лошадях только стороной, и то в ряде мест возможно только верхом, или пешком порядком, не говоря уж о мостах, которых фактически нет. Во многих селениях (Бырма, Быково, Ерши, колхозах «Союз», «Стаханов», «Коммунар» и др.) передвигаться возможно только пешком человеку и то с большим трудом. Вот по таким дорогам, представляющим собой дикое состояние, везут хлеб, овощи и товары, где ломаются телеги и автомашины, калечатся лошади, чувствуется полнейшее оскудение элементарной заботы о дорожном хозяйстве»¹.

¹ О состоянии социалистической законности в Юго-Осокинском районе Молотовской области. 17.11.1948 г. // ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 140—172.

Уральская деревня жила иначе, чем ей полагалось по колхозному уставу: голодно, неторопливо, затаенно. Областной военком докладывал секретарю обкома, что сельские «...допризывники не знают текущих вопросов жизни страны, важнейших решений партии и правительства, многие из них не являются передовиками на производстве»¹.

В сельских районах люди жили старыми обычаями: «Если судить только по посещаемости церкви, то с этой стороны как будто не так уж много верящих и сочувствующих мракобесничеству, не освободившихся еще людей от пережитков прошлого, — писал уполномоченный по делам РПЦ Горбунов секретарю обкома, — но это глубоко ошибочно, сельское население в большинстве своем еще не освободилось от пережитков прошлого. Если оно не посещает церкви, то довольно оживленно справляет религиозные празднества, сопровождающиеся сплошной пьянкой, что серьезно отражается на работах в колхозах. Вот, например, в этот же Михайлов день [21 ноября 1953] население вышеуказанных деревень заранее к нему готовилось (варили брагу, самогон), к этому празднеству колхозникам выдавалось бражное, пшеничная мука. К этому празднику проявлялся особый интерес, и в эти деревни на праздник приехали из других населенных пунктов, 21, 22 и 23 ноября не работали.

В этих же деревнях наш советский Великий праздник 36 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции прошел совсем незаметно, и к нему не готовились, такого интереса не проявлялось»².

Деревня пользовалась дедовскими орудиями труда и крайне нуждалась в телегах, вилах, хомутах, хозяйственной веревке. «У нас очень узкое место с подковными гвоздями, их наша местная промышленность не поставила 10 тонн», — жаловался на пленуме обкома партии председатель облпотребсоюза³. Директора заводов отмалчивались: они решали совсем другие проблемы.

Юго-Осокинский район, о котором шла речь, находился в двухстах километрах от областного центра, в котором также «...улицы и подъездные дороги ... пришли в непригодное для эксплуатации состояние»⁴.

¹ Дружинин — Хмелевскому 16.06.1947 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 170. Л. 21.

² Справка по ознакомлению с церковной деятельностью и религиозностью в Чагинском, Черновском, Большеосновском и Оханском районах 1.12.1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 131. Л. 226—228.

³ Из стенограммы 19-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 4—5 апреля 1946 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 2. Л. 81.

⁴ Хмелевский — Бещеву 26.06.1946. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 12.

Для московских властей новая административная единица и после войны была темным пятном на карте Российской Федерации, иначе не пришлось бы секретарю обкома К. М. Хмелевскому в официальном письме Л. М. Кагановичу сообщать, что «...область имеет 48 районов включает в себя 8 городов областного, один город окружного подчинения и 33 рабочих поселка. Молотовская область простирается на расстоянии до 328 км с востока на запад и до 660 км с юга на север. Как Вам известно, южная и центральная часть обширной области насыщена предприятиями черной и цветной металлургии, химической, нефтяной, каменноугольной, лесной и оборонной промышленности»¹.

Впрочем, одно из центральных ведомств Молотовскую область знало хорошо. МВД СССР превратил ее в место ссылки, куда «...приводили все время “десанты”, эшелон за эшелон из тюрем и лагерей»². Бывшие заключенные, не только прибывшие извне, но и освобожденные из местных лагерей, оседали на шахтах и стройках, формируя особую среду. Милицейские начальники после войны взяли в привычку объяснять свои провалы и ошибки некомплектom личного состава: не из кого набирать, люди не те³.

Кроме бывших уголовников МВД СССР размещало на территории области спецпоселенцев. Последних делили по категориям, общим числом двенадцать. В таблице, составленной в 1954 г. в областной прокуратуре, все они были аккуратно расписаны в соответствии с директивными актами. Вот эта таблица:

ПЕРЕЧЕНЬ

контингентов выселенцев-спецпереселенцев с указанием оснований к их переселению и содержанию на спецпоселении

№№ пп	Наименование контингента	Основание к переселению на спецпоселение
1.	Лица немецкой национальности	Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935с от 12.09.1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»/о переселении граждан немецкой национальности из быв. АССР немцев Поволжья, Саратовской области и Сталинградской области/

¹ Хмелевский — Кагановичу 6.05.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 171. Л. 9.

² Стенограмма обл.совещания горрайпрокуроров. 23.10.1950.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 3. Д. 32. Л. 85.

³ См.: Натаров — Федюнькину 30.12.1947 Отчет «О работе с руководящими кадрами Управления МВД за 1947 год и о выполнении решения обкома ВКП(б) от 4/XI -47г».//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 8.

№№ пп	Наименование контингента	Основание к переселению на спецпоселение
		<p>Указ ПВС СССР № 21/160 от 28.08.1941 г. о переселении всего немецкого населения, проживающего в районах Поволжья.</p> <p>Постановление ГОКО № 636сс от 6.09.41 г. о выселении граждан немецкой национальности из города Москвы и Московской области.</p> <p>Постановление ГОКО № 698сс от 21.09.41 г. о выселении немцев из Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Сев. Осетинской АССР.</p> <p>Постановление ГОКО № 702-сс от 22.09.1941г. о переселении немцев из Запорожской, Ворошиловградской, Сталинской областей.</p> <p>Постановление ГОКО № 743/сс от 8.10.41 г. о переселении немцев из Воронежской области.</p> <p>Постановление ГОКО №744/сс от 8.10.41 г. о переселении немцев из Азербайджанской и Грузинской СССР.</p> <p>Постановление ГОКО № 827-сс от 22.10.41 г. о переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР.</p> <p>Распоряжение СНК СССР № 84-кс от 3.11.41 г. о переселении немцев из Калмыцкой АССР.</p> <p>Распоряжение СНК СССР № 280-кx от 21.11.41 г. о переселении немцев из Куйбышевской области.</p> <p>Постановление ГОКО № 1828-сс от 29.05.42 г. о переселении немцев из Краснодарского Края и Ростовской области.</p> <p>Указ ПВС СССР №116/102 от 7.03.44 г. и Постановление ГОКО №5073-сс от 31.01.44 г. о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и о переселении чеченцев и ингушей.</p>
2.	Выселенцы из Крыма/крымские татары, крымские армяне, греки и болгары	<p>Постановление ГОКО №5859-сс от 11.05.44 г. о переселении крымских татар.</p> <p>Постановление ГОКО №5937-сс от 21.05.44 г. о дополнительном переселении из Крыма крымских татар.</p> <p>Постановление ГОКО №1828-сс от 29.05.42 г. о выселении из Краснодарского Края и Ростовской области крымских татар.</p>

№№ пп	Наименование контингента	Основание к переселению на спецпоселение
		Постановление ГОКО № 5984—сс от 2.06.1944 г. о переселении из Крыма немецких пособников армян, греков и болгар./7/
3.	«Оуновцы» /члены семей оуновцев и активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновениях/	Директива НКВД СССР № 122 от 31.03.1944 г. о ссылке в отдаленные районы членов семей оуновцев и активных повстанцев как арестованных, так и убитых при столкновениях. Постановление СМ СССР № 3214—1950с от 10.09.1947 г. о высылке из Западных областей УССР членов семей оуновцев. Директива НКВД СССР № 181 от 11.10.1945 о взятии на учет спецпоселений всех репатриированных советских граждан немецкой национальности, прибывших на места поселения. На учет спецпоселений взяты также лица немецкой национальности, высланные в административном порядке по решению Военного Совета Ленинградского фронта № 00714-а от 20 марта 1942 г. из прифронтовой полосы г. Ленинграда и Ленинградской области.
4.	Калмыки	Указ ПВС СССР от 27.12.1943 г. №115/144 и Постановление СНК СССР №1432-425сс от 28.12.43 г. о ликвидации Калмыцкой АССР и о переселении калмыков.
5.	Выселенцы с Северного Кавказа /карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши/	Указ ПВС № 115/13-с от 12.10.1943 г. и Постановление ГОКО № 118/342 сс от 14.10.1943 г. о переселении карачаевцев. Указ ПВС № 117/6 от 8.04.44 г. и Постановление ГОКО №5309-сс от 5.03.44г. о переселении и Кабардино-Балкарской АССР балкарцев.
6.	Выселенцы из Грузии /турки, курды и хемшилы/	Постановление ГОКО № 6279/сс от 31.07.44 г. о переселении из Грузии турок, курдов и хемшилов.
7.	«ИПХ» /члены религиозной секты истинно-православных христиан/	Директивы НКВД СССР за №№ 329, 330, 331 и 332 о направлении членов религиозной секты «истинно-православных христиан» из Рязанской, Орловской и Воронежской областей.
8.	«Власовцы» и лица, служившие в строевых формированиях немецкой армии, легионеры и полицейские	Постановление ГОКО № 9871-с от 18.08.1945 г. Постановление СНК СССР № 3141-950-сс от 21.12.1945 и СМ СССР № 691/271сс от 29 марта 1946 г. о переселении сроком на 6 лет «Власовцев» и лиц, служивших в строевых формированиях немецкой армии, легионеров и полицейских.

№№ пп	Наименование контингента	Основание к переселению на спецпоселение
		Указание УМГБ Молотовской обл. №9/с/15874 от 29.10.52 г., данное на основании Постановления СМ СССР №3857-1763сс от 7.10.1951 г.
9.	Спецпоселенцы из Литовской ССР /члены семей главарей и активных участников банд/	Телеграфное распоряжение НКВД СССР № 328 от 16.01.1945 о переселении из Литовской ССР членов семей главарей и активных участников банд. Постановление СМ СССР № 417-160сс от 21.02.1948 г. о высылке на спецпоселение из Литовской ССР семей бандитов и бандпособников./8/
10.	«Фольксдойч» и немецкие пособники	Переселены в 1944 г., согласно Постановлению ОСО при НКВД СССР, высланным по каждой переселяемой семье.
11.	«Указники»	Указы ПВС СССР от 21 февраля и от 2 июня 1948 г. о выселении из республик и областей/кроме Молдавской ССР и Прибалтийских республик/лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни.
12.	Карачаевцы, «оуновцы» и др., прибывшие к своим семьям из мест лишения свободы после отбытия наказания	Указ ПВС СССР от 11.03.1952 и Приказ МГБ и МВД СССР № 00219/00374 от 1.04.1952 г.

Счет шел на десятки тысяч людей¹.

Примеру МВД следовали и другие ведомства, командировав в область руководящих работников с дурными анкетами, в том числе и отбывших наказание по 58 статье.

Итак, судя по всему, центральная власть рассматривала Молотовскую область как место сбора всякого рода нежелательных, вредных и социально-опасных элементов, своего рода большой лагерь без колючей проволоки, внутри которого находились особые зоны.

¹ Перечень контингентов выселенцев-спецпереселенцев с указанием оснований к их переселению и содержанию на спецпоселении // ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 777. Л. 9.

В 1948 г. на территории области было размещено около 50 000 заключенных¹. Их и не пытались скрыть от глаз населения. Регулярно по утрам и вечерам по центральным магистралям г. Молотова гнали на работу колонны зеков. Рычали овчарки, конвоиры стволами и прикладами автоматов отталкивали случайных прохожих. Вот картинка с натуры все того же 1948 г.:

«Я хочу напомнить наш разговор с т. (имя нрзб) в прокуратуре по поводу конвоирования арестованных. Может быть, часть присутствующих здесь товарищей испытывали на себе подобные экзерциции, когда ведут арестованных по городу, что-то творится ужасное. Впереди идут десятки людей с винтовками наготове. Некоторые с револьверами сбоку, слева, справа, идут впереди собаки, собаки справа и слева. Наводится страх. Люди бегут под заборы, во дворы. <..> Это серьезное политическое дело. Стоит какому-нибудь человеку со слабым зрением не заметить, как он может ощутить дуло автомата. Такая дикость должна быть осуждена. Мало того, часть работников из штаба УИТЛК была обстреляна. Меня самого чуть не пристрелили. Я ехал на машине, вдруг, откуда ни возьмись, наваливаются на шофера с автоматом, с винтовками и собаками. Шофер ничего сделать не может. Подходит человек к машине с автоматом. Спрашиваю — что вы делаете? “Уходи немедленно, куда хочешь”»².

Это была одна сторона медали, имелась и другая. За годы войны область превратилась в гигантское предприятие по производству боеприпасов, вооружения, стратегических материалов.

Хмелевский был прав, когда с нескрываемой гордостью представлял секретарю ЦК Кузнецову новый — промышленный — образ областного центра: «В настоящее время город вырос в крупнейший индустриально-транспортный центр на Урале. В г. Молотове построены и работают на полную мощность крупнейшие заводы союзного значения: Завод им. Сталина, завод № 33 Министерства авиационной промышленности, завод им. Кирова и завод № 260 Министерства сельскохозяйственного машиностроения. Только за последние 5 лет количество союзных и республиканских заводов возросло с 24 до 40 с годовым выпуском продукции около 4 млрд. рублей»³.

¹ См.: Протоколы оперативных совещаний при прокуроре области. 4.10.48. // Ф. р1366. Оп. 1. Д. 151. Л. 4.

² Стенограмма доклада областного прокурора т. Куляпина на объединенном совещании работников прокуратуры и МВД. 20.10.1948 г. ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

³ Хмелевский — Кузнецову А. А. 26.06.1946 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 13.

В 1944 г. впервые за долгие годы выполнил задания по угледобыче Кизел. Интенсивно работали химические предприятия в городах Березники, Губахе и Соликамске, увеличивали объемы производства предприятия лесной промышленности¹. Область приняла более ста заводов, эвакуированных из западных областей страны, с некоторыми из них пришлось после войны расстаться. Другие укоренились на пермской земле. Перечень промышленных предприятий в области, получивших союзную категорию, выглядел внушительно: сорок семь заводов, ТЭЦ, трестов и комбинатов: магниевые заводы в Березниках и Соликамске, завод ферросплавов в г. Чусовом, коксохимический завод в Губахе, бумагоделательные комбинаты в Соликамске, Краснокамске и Красновишерске и многие другие².

В июле — августе 1948 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) «... по личному указанию товарища Сталина приняли ряд решений, направленных на развитие народного хозяйства Молотовской области»³. У области появились экономические перспективы, а с ними и возможность выйти из тени именитого соседа — Свердловской области.

Крупная промышленность — это не только оснащенные современным оборудованием фабрики и заводы, но и новые работники, среди которых излюбленные персонажи тогдашнего советского эпоса: рабочие — стахановцы и инженеры — орденосцы, противостоящие «отсталому» и «неблагонадежному» люду, завербованному, или попросту загнанному властями в медвежий угол европейской России. Правда, взглядевшись в их лица внимательней, обнаруживаешь так много общего в их социальном и культурном облике, что все внешние различия кажутся чем-то второстепенным, несущественным.

Тем более, что по своей социальной организации новые предприятия больше походили на старые уральские заводы демидовской эпохи, чем на рационально организованные фабрики XX столетия. В 1945 г. в Молотовский обком было доставлено анонимное письмо из Добрянки, в котором утверждалось: «...в 1944—1945 в заводе суще-

¹ См.: Тиунов В. Тридцать лет строительства социалистического хозяйства на Западном Урале // Тридцать лет. Статистический сборник по развитию хозяйства области за 1917—1947 гг. 25.10.1947 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 175. Л. 30—55.

² См.: Список категорированных объектов промышленности по Молотовской области. 9.02.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 212. Т. 1. Л. 37—38.

³ К. М. Хмелевский — И. И. Малышеву 6.09.1948 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 131. Л. 68.

ствовала директорская охранка во главе с начальником охраны Ромашевым. Рабочих за малейшееслушание сажали в карцер, где избивали и лишали трудоспособности». На обороте письма сохранилась запись, сделанная рукой партийного чиновника: «Эти вопросы разбирались Добрянским РК ВКП(б). Начальник охраны Добрянского металлургического завода исключен из партии, арестован. В настоящее время по этому вопросу ведется следствие органами прокуратуры. Директор Добрянского завода т. Вершинин и парторг ЦК ВКП(б) нам заявили, что об избиваниях и арестах рабочих охраной они не знали». Письмо списали в архив¹.

Патриархальные нравы, неопределенная продолжительность рабочего дня, несправедливое отношение перед заводским начальством — все это порождало ответную реакцию, часто даже средневековую — бегство с места работы. Беглецов ловила милиция. Наказывал военный трибунал. Судебные чиновники вели учет. Когда количество беглецов с какого-нибудь конкретного завода резко увеличивалось, тогда по этому поводу проводилось прокурорское или партийное расследование. Дирекции предприятия указывали на то, что «...случаи бездушного отношения к старым кадровым рабочим со стороны отдельных лиц из администрации завода являются не единичными» и требовали принять меры². Раздавались выговоры, производились служебные перемещения, но через некоторое время все возвращалось к исходному состоянию.

Не следует также переоценивать техническое состояние новых предприятий. Строили их наспех, оборудование эксплуатировали по-стахановски, условия труда и быта рабочих учитывались в последнюю очередь. В 1954 г. областная прокуратура проверила состояние охраны труда на березниковском содовом заводе. Из составленных актов следует, что «...атмосферный воздух на территории завода и прилегающей к нему площадки сильно загрязнен продуктами горения каменного угля ТЭЦ-4 и заводской ТЭЦ». Во многих цехах обнаружен высокий уровень загазованности ввиду «...отсутствия необходимой герметизации аппаратуры и коммуникаций, очистных сооружений, нарушений технологического режима». Люди работают при температуре 45—55 °С, а потому часто болеют: «Общая заболеваемость рабочих за 10 месяцев 1953 г.

¹ Анонимное письмо Гусарову, Андрееву 7.06.1945//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154. Л. 69—69(об).

² Стародубцев — Пигалеву 16.01.1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 39.

по заводу на 100 рабочих выражается в случаях 102,2, т. е. болело 6526 чел. Потеряно 64.194 рабочих дня»¹.

Быт рабочих был организован соответствующим образом. В информационных сводках, поступающих в обком, из года в год повторялись одни и те же сведения: «На всех шахтах треста «Сталинуголь» в общежитиях одиночек и семейных рабочих большая скученность. В 45 общежитиях по шахтам с общей жилплощадью 11930 кв.м. проживает 4227 человек. В среднем на одного живущего в общежитии приходится 2,8 кв.м., а на шахте № 5/13 — 2,4 кв.м., на шахте № 3/4 — 2,5 кв.м., на шахте № 2 Капитальная — 2,7 кв.м. Около 100 семей рабочих по шахтам треста проживают вместе с одиночками. <...> Выдача зарплаты рабочим и служащим на шахтах не организована. При получении зарплаты создаются большие очереди, вызывающие недовольство рабочих.

В банях шахт № 2 Капитальная, имени Серова, № 3/4 и имени Сталина паропроводная и водяная магистрали не исправные. Часто бывают перебои в подаче пара и горячей воды. Не полностью обеспечены бани душевыми установками и тазиками.

На улицах поселков и около общежитий грязь, горы кокса, мусор и нечистоты»².

Так же грязно было и в столовых: «Столовая № 3 ОРСа Кизелшахтстрой находится в антисанитарном состоянии. На кухне мухи, в разделочных столах обнаружены в большом количестве черви и тараканы. Помещение столовой по своей запущенности похоже на грязный подвал. Пища готовится невкусно, в антисанитарных условиях. Имеются случаи порчи продуктов /рыбы/. Посуда моется небрежно без соды и хлора. Обслуживающий персонал носит грязную спецодежду. Техминимум не проходит. В результате этого имеются массовые недовольства и жалобы рабочих»³.

Рабочий-стахановец, увиденный с близкого расстояния, столь же мало походил на персонажа газетных очерков и официальных характеристик, как и Добрянский машзавод на передовое социалистическое предприятие. В августе 1946 г. в областную газету «Звезда» при-

¹ См.: О заболеваемости и травматизме рабочих на Березниковском содовом заводе. Т.1. 17.02.1954—17.03.1954.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 72. Л. 1—15.

² Информационная сводка № 21. 29.05.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 204. Л. 63—64.

³ Информационная сводка № 33. 23.06.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 204. Л. 68.

шло письмо из деревни. Автор письма — партиец, сельский житель и фронтовик, подписавшийся своим именем, критиковал воспитательную работу на заводе имени Дзержинского. Поводом для письма послужила встреча с племянником — Щеклеиным Василием Михайловичем, 21 одного года от роду:

«Он имеет 6 разряд, работает по доводке точных деталей. Является таким образом “дефицитным” рабочим. На заводе работает много лет. От призыва в армию был освобожден по брони. Вот коротенькие биографические данные. Что же характеризует безобразную воспитательную работу партийной организации завода? Первое: Щеклеин женился и взял женой девушку — комсомолку с этого же завода. Свадьба проходила по всем правилам, при этом жениха несколько раз обливали водой. Венчание проходило в церкви, при большом стечении публики, гостей, знакомых. <...> Бригада инструментальщиков этого цеха завоевала первенство по Министерству и получила ценные премии. Послушайте, что говорит член этой бригады Щеклеин В. М.: “премии нам дали так, совсем ни за что. Мне дали, я совсем не знаю за что. Никаких перевыполнений у нас нет, а там сидят конторщики, выдумали, приписали, вот нам и дали”. “У нас премию получить, или повышенную ставку — раз мигнуть. Напоишь мастера, дашь ему денег немного, вот тебе и премия, и ставка, какая надо будет”. <...> А что говорит Щеклеин: “Ухожу на работу в 8, прихожу в 12. Ничего мне не будет. Мастеру подам 200 грамм водки — и все будет улажено. Сейчас у нас мастер новый, хочет выслужиться, новшества всякие вводит, программу хочет выгнать. Сегодня мне говорит — вот тебе задание — сделать 20 колец, а я его к ... матери послал. А колец ни одного не сделал. А при расчете тысячу или полторы отдай, да выложь. Но ничего, мы этого мастера быстро скрутим, он у нас долго не проживет. Старший мастер нам заработать не дает. Дает такую работу, на которой ничего не заработаешь, а я нахожу сотни причин, чтобы такую работу не брать”. И это говорится, и делается на заводе, который включился в соревнование трех областей». Кроме того, дядя упрекал племянника в антисемитизме: «Послушайте, что говорит Щеклеин В. М. по этому вопросу: “Евреи и украинцы предали Россию. Евреи — самые последние люди и их надо убивать. И спасибо Гитлеру за то, что он их убивал. Если бы мне разрешили убивать евреев, я бы их всех перебил, как собак. Это продажные шкуры. На Украине в Киеве был еврейский погром, ох, и били там евреев, страсть, и совсем бы перебили, если бы Хрущев

не заступился. Вот погодите, и у нас так будет”», и в неприязни к рабочему — новатору, лауреату Сталинской премии¹.

На редактора письмо произвело впечатление, и он переправил его первому секретарю обкома ВКП(б). Тот письмо прочел и выдал несколько поручений — секретарю Кагановического райкома и начальнику УМГБ. Первому — «... задуматься о положении в комсомоле»². Второму — проверить факты. Спустя короткое время на стол секретарю обкома легла «Справка», подписанная заместителем начальника областного управления МГБ по Молотовской области:

«Щеклеин Василий Михайлович, 1925 года рождения, уроженец села Ножовка Еловского района Молотовской области, происходит из рабочих, русский, образование 7 классов, беспартийный, не судим.

Щеклеин на заводе работает с августа м-ца 1941 года. Приобрел специальность токаря — доводчика сложных работ /доводит резьбовые кольца/. Имеет 6 разряд. Дело свое знает, программу систематически перевыполняет. В 1945 г. несколько раз отмечался как лучший по профессии. Является членом лучшей молодежной бригады завода.

Администрацией, партийной и профсоюзной организацией цеха характеризуется по производству с положительной стороны, как добросовестный и честный работник. Но наряду с этим обращается внимание на его дружественные взаимоотношения с бывшим старшим мастером Буториным, с которым Щеклеин не раз бывал в компаниях, выпивал, на почве чего имел от Буторина поблажки. <...> Свой досуг проводит игрой на баяне на вечеринках и пьянством. К проводимым мероприятиям партийной, комсомольской и профсоюзной организациями цеха относится с насмешкой, подчас истолковывая неправильные взгляды. На неоднократные предложения вступить в члены ВЛКСМ заявил:

“У меня нет для этого времени, и вообще я не нахожу тут ничего хорошего”.

Щеклеин женился на комсомолке Шеламовой — работнице цеха № 10, с которой венчался в церкви.

Шеламова за данный поступок разбиралась на первичной комсомольской организации цеха, но решения по этому поводу было не вынесено, заводской комитет ВЛКСМ данным вопросом не занимался, и Шеламова взыскания не понесла.

¹ Кадников — в газ. Звезда. Август 1946 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146. Л. 35–40.

² Хмелевский — Баскакову. 23.08.1946 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146. Л. 33.

По вопросу венчания в церкви Щеклеин заявил: «Комсомольцам и беспартийной молодежи венчаться не запрещено — свобода». <...>

Отец Щеклеина — Щеклеин является старым членом ВКП(б) и работает в 6 цехе завода № 10. Свадьба и венчание в церкви его сына происходило в его присутствии»¹.

По поводу религиозной свободы для комсомольцев Щеклеин, конечно же, озорничал, но неспроста. После войны даже люди интеллигентного труда надеялись, что власть реабилитирует церковь или хотя бы разрешит гражданам невозбранно совершать требы и приобщаться к религиозным таинствам. В докладной записке Кунгурского райотдела НКГБ, касающейся подготовки к выборам в Верховный Совет СССР (декабрь 1945 г.), цитировались высказывания агитатора — учительницы неполной средней школы М. П. Метелкиной, которая по сообщению осведомителя «...в селе Курашим в отношении отделения церкви от государства говорила: “Церкви открываются везде свободно. В церковь ходят все, даже офицерский состав. Церковь помогла в отечественную войну с немецкими оккупантами — и поэтому церковь отделять от государства уже нельзя.<...> Скоро в конституции по этому поводу будет изменение, и церковь причислится к государству”»².

Спустя три года уполномоченный по делам РПЦ докладывал секретарю обкома: «Настоящим считаю необходимым сообщить имеющиеся факты посещения церковей специалистами и лицами, способствующими восстановлению церковей и созданию в церквях благолепия, пышности, проявляющих ненужную заботу о церкви и мешающих проведению моей работы. <...> Необходимо отметить, что среди медицинских работников, как ни странно, много верующих в Бога. Ходатайствуют об открытии церковей, посещают церковь, состоят в исполнительных органах церковей и т. д., вот, например: Третьяков Алексей Александрович, 1908 года рождения, врач — зав. лабораторией Молотовского тубдиспансера, по совместительству работает регентом в Нижней Кладбищенской церкви гор. Молотова. Плешков Виктор Васильевич, 1899 года рождения, ассистент Молотовского медицинского института, состоит в исполнительном органе собора гор. Молотова — член ревизионной комиссии». В церковь ходят

¹ Справка/о рабочем цеха № 9 з-да № 10 Щеклеине В. М./23 августа 1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146. Л. 34.

² Докладная записка Кунгурского ГО НКГБ «Об антисоветских проявлениях со стороны отдельных граждан в период подготовки выборов в Верховный Совет СССР по Кунгурскому району». 11.01.1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 1140. Л. 1(об).

члены партии. «Архиерей говорит, что им безразлично, кто пришел в церковь совершать требы, лишь бы у него были законные документы гражданских властей — свидетельство о рождении, о браке, о смерти. И коммунистов они в церковь не тащат насильно. А если коммунистам посещать церковь и совершать обряды нельзя, то пусть с ними работают и разъясняют им, что можно, что нельзя»¹.

Членов партии «за религиозные предрассудки» наказывали выговорами и снятием с работы. Токаря-доводчика отпустили с миром. На бюро Кагановического РК ВКП(б) вопрос о состоянии дел в комсомольской организации обсудили. Тем дело и закончилось.

Этот рабочий — стахановец завода имени Дзержинского напоминает разбитного уральского мастерового, тертого, себе на уме, не дурака выпить, умеющего ладить с начальством, соблюдающего предписанные традицией церковные обряды и обычаи, совсем не затронутого новой культурой.

Среди инженеров-орденоносцев также встречались люди с нетипичными биографиями. В 1947 г. бюро обкома партии утверждало в должности главного конструктора завода № 172 имени Молотова Михаила Юрьевича Цирюльниковца, дипломированного инженера, отмеченного правительственными наградами, лауреата Сталинской премии, беспартийного. Приложена анкета: *год рождения* — 1907, *Место рождения*: Местечко Корсунь, Каневского уезда, Киевской губернии. *Социальное положение* — служащий. *Член ВКП(б)* — нет.

Образование — высшее. *Окончил* — артиллерийскую академию, г. Москва.

По специальности — артиллерийский инженер.

Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств — нет.

Участвовал ли в оппозициях, имел ли колебания? — нет.

Имеет ли награды (какие) — Ордена: «Отечественной войны I степени»; «Красной Звезды», медаль: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Состоял ли в других партиях? — нет.

Был ли за границей? — нет.

В общем, все, как полагается, кроме партийности. Почему такой заслуженный человек и не член ВКП(б)? Оказывается, не все так просто. Оказывается, ранее состоял — с 1926 по 1938 г. и был из нее исключен «за связи с врагами народа». Более того, прежде чем стать главным конструктором ОКБ МВД СССР в г. Ленинграде, претен-

¹ Горбунов П. — Хмелевскому К. 29.05.1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 130. Л. 5—8.

дент в течение пяти лет «...отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях»¹. Несмотря на такие анкетные данные, которые привели бы в оторопь любого кадровика, М. Ю. Цирюльников в должности главного конструктора был утверждён.

В Молотовской области мир промышленности, казалось бы, отделённый колючей проволокой от мира лагерей, на деле пересекался с ним многократно, обменивался людьми, нравами, обычаями, порядками, бытовыми неурядицами. И в личных биографиях работников социалистической индустрии или просто горожан, так же как и в жизнеописаниях спецпоселенцев и заключённых прослеживается та же общность судеб, установок, мировосприятия. Социальные роли были разными, тип личности — подобным.

Противоречивое сочетание индустриальной культуры и патриархальных традиций, политической пропаганды и старых обычаев, лагерной жизни и городской свободы, современной промышленности и отсталого сельского хозяйства, пышности отстроенных дворцов на фоне удручающей бедности и убожества бараков и составляло своеобразие местной культурной среды на рубеже 1940—1950-х гг.

Население, эту среду осваивавшее и воспроизводившее, в громадном большинстве своём находилось на грани физического выживания. Министр здравоохранения РСФСР в октябре 1948 г. поставил в известность обком ВКП(б) «...о чрезвычайно высокой детской смертности в Молотовской области». В письме содержалась краткая таблица:

Показатель детской смертности на 100 родившихся

Временные показатели	город		село		всего	
	1947	1948	1947	1948	1947	1948
Первое полугодие	16,6	14,9	14,5	14,4	16,2	14,6
июль	15,9	17,1	19,8	31,9	18,2	26,1
август	20,7	15,0	35,2	31,9	29,2	25,8

Из тысячи новорожденных не доживало до года в 1947 г. в городах 166 детей, в селе 145 детей. В 1948 г. соответственно — 149 и 144. Министр просил немногого: «...заслушать план мероприятий облздравотдела по снижению детской смертности и заболеваемости

¹ Материалы к протоколам заседаний бюро обкома ВКП(б). Справка Цирюльников Михаил Юрьевич 24.06.1947 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 116. Л. 36—36(об).

в области и оказать помощь в его реализации»¹. Рост детской смертности удалось остановить только спустя годы.

Средоточием всех латентных культурных конфликтов и социальных контрастов был областной центр.

Что представлял собой город Молотов хотя бы в глазах тогдашнего начальства явствует из нескольких официальных документов: «Объяснительной записки» и письма секретарю ЦК ВКП(б), датированных 1946 г., и «Справки о состоянии культурно-бытового обслуживания трудящихся г. Молотова», составленной в 1953 г.

Все документы начинаются с того, что констатируют преобразование старой Перми в «... крупный индустриальный центр Западного Урала и Прикамья»². В другой, более ранней редакции новое состояние города характеризовалось похоже: «...крупнейший на Урале индустриально-транспортный и культурный центр всего Прикамья и западного Приуралья»³.

Город стал большим, распространившимся по площади 62 000 гектаров, с населением общей численностью свыше 400 000 человек.

Промышленность в городе развивается. Жилищно-коммунальное хозяйство и культурно-бытовое строительство отстают. «В отличие от других уральских городов (Свердловск, Челябинск) в городе Молотове ничего не строилось по линии культурно-бытовых учреждений, — писал А. А. Кузнецову К. М. Хмелевский. — До 1938 строительство не развертывалось, так как город был районным центром Свердловской области, а с 1941 г. до конца войны все внимание было уделено работе промышленных предприятий»⁴.

В глазах областного начальства в первой половине 30-х гг. Пермь был медвежьим углом. Когда Свердловскому обкому в 1934 году понадобилось направить туда нового секретаря горкома — прежний слишком вольно относился к казенным деньгам — человека строгого, непьющего, ответственного, даже образованного, ему перед отъездом подарили «бьюик», явно в порядке компенсации⁵.

¹ Белецкий — Хмелевскому 27.10.1948 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 130. Л. 18.

² Справка о состоянии культурно-бытового обслуживания трудящихся г. Молотова. 1953. Без даты // ГАПО. Ф. р176. Оп. 6. Д. 132. Л. 20.

³ К проекту постановления Совета Министров Союза ССР. Объяснительная записка. 1946 г. Без даты // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 4.

⁴ Хмелевский К. М. — Кузнецову А. А. 26.06.1946 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 14.

⁵ См.: Протокол допроса Дьячкова Михаила Николаевича 29.01.1937 // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. Т. 1. Л. 84.

Люди в Перми живут в тесноте: «В целом по городу жилая площадь на одного человека не превышает 3,5 кв. метра». Больше половины домов — деревянные бараки промышленных предприятий и частные одноэтажные постройки. «Присоединение к водопроводу составляет 19,2%, к канализации — 17,7%, теплофикации сети — 4,3% и с центральным отоплением — 6,7% к общему фонду города»¹.

Все коммунальные сети построены несколько десятилетий назад, до революции, они не дотягиваются до окраинных районов — Кировского и Орджоникидзевого, где нет ни водопровода, ни канализации. Там же, где они были некогда проложены, находятся в критическом состоянии, постоянно выходят из строя, рвутся в разных местах.

«Городская канализация, построенная в период 1914—1917 гг., совершенно изношена. В настоящее время она работает с превышением проектной мощности в 2,5 раза, благодаря чему получают частые аварии и нередко случается, что нечистоты текут по центральным улицам города»².

Городские мостовые общей протяженностью 594 километра напоминают местами проселочные дороги и сельские тракты. В большинстве своем (323,5 км) они лишены какого бы то ни было покрытия. Асфальт и брусчатка лежат заплатами на отдельных участках общей протяженностью не более 50 километров. Машины, чуть удалившись от центральных улиц, утопают в грязи или в снегу, бьются об ухабы.

Трамвайная сеть развита слабо. На линию в 1953 г. выходит семьдесят вагонов в сутки. Трамваи медленно движутся по ржавым и погнутым рельсам. Люди часами ждут на остановках или идут на работу и с работы пешком³. Когда трамвай, наконец, подходит, его берут штурмом. Те, кому не удастся проникнуть в вагон, едут на подножках, держась за поручни, срываются, получают травмы, даже гибнут. «В большом количестве дорожные происшествия совершались на городском электротранспорте, — докладывал начальник областного УВД секретарю обкома, — за 1953 год из общего количества всех дорожных происшествий на трамвае было совершено — 40, при которых пострадало 42 человека, в т.ч. от нанесенных телесных повреждений умерло 10 человек.

¹ Справка о состоянии культурно-бытового обслуживания трудящихся г. Молотова..., Л. 20.

² Хмелевский К. М. — Кузнецову А. А. 26.06.1946 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 13—14.

³ См.: Справка о состоянии культурно-бытового обслуживания трудящихся г. Молотова..., Л. 21.

Преимущественное большинство этих дорожных происшествий относятся к несчастным случаям, т.к. виновными являлись сами пострадавшие, которые нарушали правила уличного движения при посадке в трамвай и высадке из него»¹.

«Город Молотов до сего времени не имеет троллейбусного сообщения, что при слабом развитии трамвайной сети затрудняет переброску населения отдаленных районов и создает чрезмерную перегрузку трамвайных маршрутов», — отмечалось в «Записке» 1946 года². Тогда руководители города настоятельно просили выделить средства на развитие троллейбусной сети в следующем году. Прошло 7 лет, но троллейбусов в городе так и не появилось. «Автобусное движение, — по оценке составителей Справки, — развито еще слабо. <...> Городское управление имеет 42 автобуса»³.

Назвать такое поселение городом, во всяком случае, городом индустриальным, нельзя. Можно согласиться с мнением А. Чашухина: «Областной центр 1950-х представляет собой внушительную агломерацию рабочих поселков, локализованных прежде всего вокруг тех или иных предприятий. Естественно, что взаимосвязь между ними присутствует, но слабо развитая инфраструктура (дороги, общественный транспорт) еще явно не достаточна для унификации культуры»⁴.

Единство городу придавал центр, образованный учреждениями, символизирующими и осуществляющими власть: государственную, муниципальную, ведомственную. Рядом с ними располагались театры, большие магазины: гастроном и универмаг, несколько ресторанов и кафе, городской сад и сквер возле Оперного театра — место парадных встреч и неспешных прогулок. Здесь же проходили майские и ноябрьские демонстрации. Через один-два квартала теснились вереницы деревянных домов — усадеб, окруженных огородами. По проезжей части мимо лошадок, запряженных в розвальни или в телеги, проезжали, подсакивая на ухабах, полуторки или пятитонки. Дальше начинались окраины, официально называемые поселками. Попытка в тридцатые годы выстроить вокруг новых заводов социа-

¹ Цикляев — Струеву А. И. 6.02.1954 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 160. Л. 135.

² К проекту постановления Совета Министров Союза ССР. Объяснительная записка. 1946 г. Без даты. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 7.

³ Справка о состоянии культурно-бытового обслуживания трудящихся г. Молотова..., Л. 21.

⁴ Чашухин А. В. Школа 1950-х в процессе формирования городской культуры // Городские миры. Пермь, 2006.

листические городки успехом не увенчалась. «Вновь выстроенные рабочие поселки в районе заводов, запроектированные в большинстве случаев как поселки социалистического типа, до сих пор этого наименования не оправдывают, вследствие незаконченности наиболее важных элементов общего благоустройства и отсутствия основных культурно-бытовых учреждений. Эти поселки до сих пор не имеют благоустроенных мостовых, тротуаров и достаточных зеленых насаждений. При жилых домах, как правило, отсутствуют вспомогательные хозяйственные постройки»¹. Форпостом новой городской цивилизации были несколько кварталов Сталинского проспекта: дворец, аллея, сквер за чугунной решеткой. Чуть поодаль начинались бараки, окружавшие плотным кольцом современные заводы. «Город имени В. М. Молотова имеет очень убогий вид», — писал секретарю обкома КПСС Ф. М. Прассу маленький чиновник, пожелавший остаться анонимным².

Образ жизни людей вполне соответствовал характеру поселения. Можно назвать его слободским: те, кто жили в собственных домах, держали скот, кормились с собственного огорода, что-то продавали на местных рынках, иногда обменивались простыми продуктами. Барачные обитатели таких преимуществ не имели, зато чаще и больше пили. Вокруг заводских проходных все было обставлено ларьками, торгующими водкой на вынос и распивочно. Когда один из профсоюзных активистов попытался пресечь это безобразие, его «...ведь не хотели просто слушать, а некоторые руководящие работники просто мне говорили, что я не понимаю политики партии и правительства, что я подрываю этим самым экономику нашей страны»³.

Мимо изможденных, дурно одетых рабочих проезжали в автомобилях большие начальники — румяные, сытые, под хмельком. Доподлинно не известно, замечали ли они прохожих. Знаю точно, своих подчиненных в машину не приглашали. Язвительный Иван Колпаков после рассказа на партийном собрании о том, как ветеранов революции 1905 г. в декабрьскую стужу везли на торжественное собрание в нетопленном автобусе, а мимо них в теплом ЗИМе прокатил пышущий здоровьем секретарь горкома, предложил отечественному автопрому: «... разработать новую конструкцию экономичного двухмест-

¹ К проекту постановления Совета Министров Союза ССР. Объяснительная записка. 1946 г. Без даты // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 8.

² Аноним — Ф. М. Прассу. 27.01.1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 179. Л. 20.

³ Выступление тов. Колпакова на партийном собрании завода им. Молотова. Апрель 1956 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 106.

ного автомобиля для ответственных руководящих товарищей марки ОРТ, для него и для шофера, так как ведь практически эти дороги в эксплуатации машины используются не по назначению, в них всегда ездит только один такой ответственный товарищ»¹.

Встреча с начальственным автомобилем для рассеянного пешехода могла закончиться больницей. Машина, в которой ехал областной прокурор с детьми, сбила человека и покатила дальше. Свидетели возмутились. Сообщили в милицию. Написали в ЦК. Дело дошло до суда. На следствии водитель оправдывался тем, что только исполнял приказ: не останавливаться, «...ехать дальше, а потом возвратиться на место происшествия и разобраться». Вызванный в суд прокурор объяснил свое поведение так: «Старший сын мне сказал, что какой-то пьяный прыгает на машину. Я ответил, что нечего смотреть на пьяных, и мы поехали дальше». Суд и обком прокурору поверили: «Виновность тов. Яковлева в происшедшем случае не установлена»².

Одеты начальники были иначе — в шубы, меховые бурки, выглядели по-другому — рослыми, тучными, здоровыми. Говорили, правда, на том же языке — матерном³. Их жены не стояли в общих очередях; отправляли в них домработниц, детей не посылали после семилетки в ремесленные училища. И жили они не в бараках, а в просторных квартирах, иногда даже благоустроенных — с водой, газовой колонкой, теплым сортиром и телефоном. Местом встреч руководящих работников были либо частные квартиры, либо специально созданные и тщательно охраняемые объекты, вроде несколько раз упоминаемой в современных документах «нулевки» при заводе имени Молотова или «дачи» при заводе имени Кирова.

Видимый контраст жизненных условий порождал у рабочих чувства протеста, прорывавшиеся в ходе всех политических кампаний. Социальная напряженность в г. Молотове находила свое выражение не только в росте бытовой и уличной преступности, но и во множе-

¹ Выступление тов. Колпакова. Апрель 1956 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 108–109.

² Пономарев М. — Шкирятову М. Ф. 20.04.1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 179. Л. 167.

³ В 1955 г. ответственные работники областного аппарата внутренних дел на партийном бюро журили заместителя начальника управления: «Допускать мат заместителю начальника управления — это некультурно. <...> Он иногда даже не замечает, когда говорит матом. <...> Аппарат наш вырос — и руководителю говорить с работником матом нельзя». Протокол заседания партийного бюро партийной организации УМВД по Молотовской области. 19.04.1955 // ГОПАПО. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 154. Л. 46–48.

стве анонимных писем, десятками, если не сотнями отправляемых в партийные и карательные инстанции.

Жизнь города Молотова, или несколько шире, области с тем же названием, отличалась пестротой и рассогласованностью. Советские политические ритуалы (демонстрации, митинги, собрания, политическая учеба) соседствовали здесь с отправлением древних религиозных обрядов. Индустриальные технологии внедрялись посредством традиционалистских обычаев господства — подчинения. Архаичные практики выживания дополнялись техниками рыночного обмена. Новые слова, разученные в школе, в армии, или на заводе, приобретали магическое значение оберегов перед всемогущими силами власти. Вера в высшую справедливость, воплощенную в вожде, оборачивалась недоверием и неприязнью к начальству. Лагерная преисподняя обжигала ноги лояльных и законопослушных граждан. Скучность быта символически компенсировалась пропагандой успехов. Все было зыбко, непрочно, насыщено тревогами и страхами.

РАЗОРЕНИЕ ДОМА ПАРИНЫХ

Молотовские медики в политической кампании 1947 г.

Суд чести над профессорами Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскиным, состоявшийся 5—6 июня 1947 г. в Москве, положил начало политической кампании, имевшей своей целью опорочить и, в конечном счете, разорвать все связи между отечественными и зарубежными научными учреждениями. Ее организаторы намеревались проучить академическую и вузовскую интеллигенцию, не утратившую былого представления о корпоративной солидарности и профессиональной этике¹.

Ретроспективный взгляд на эту кампанию позволяет обнаружить в ней одно из звеньев в длинной цепи мобилизационных акций, при помощи которых сталинское руководство стремилось заново интегрировать общество, восстановить в полной мере социалистические институты, поколебленные войной. По замечанию лысьвенского партийца Карпова, за время войны «разболтались, забыли бдительность, забыли убийство С. М. Кирова. Сейчас надо крепко поработать, чтобы навести порядок в партийном доме»².

Власть намеревалась покончить с остатками социальной и культурной автономии людей науки в советском унифицированном обществе при помощи нового идеологического инструмента. Речь шла о советском патриотизме, означавшем на языке официальной пропа-

¹ О деле Н. Г. Ключевой—Г. И. Роскина см.: Есаков В., Левина Е. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. — М.: Институт российской истории РАН, 2001. В этом фундаментальном исследовании содержится детальный анализ политической кампании: ее генезиса, содержания, меняющихся форм и последствий.

² Информация. Лысьва. 26 августа // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Информация обкома партии в ЦК ВКП(б) и райкомов, горкомов партии об изучении и проработке коммунистами области закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу Ключевой и Роскина. 22.05.1947—18.11.1947. — С. 72/об/

ганды «... беспощадную борьбу ... против раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной и чуждого советскому народу буржуазного космополитизма»¹.

Внедрение советского патриотизма в такой редакции в сознание всех без исключения слоев населения Советского Союза являлось стратегической задачей первой идеологической пятилетки. Такой статус присвоил новой политике один из ее вдохновителей и организаторов А. А. Жданов².

Политические кампании сталинской эпохи представляли собой зрелищные акции, выстроенные по законам театра и выдержанные в духе классицизма с его назидательностью, патетикой, сюжетной последовательностью, языковым каноном и строгим распределением ролей. О влиянии классицизма на социалистический реализм в литературе некогда писал А. Синявский: «Начиная с 30-х гг. окончательно берет верх пристрастие к высокому слогу, и в моду входит напыщенная простота стиля, которая свойственна классицизму. <...> Многие слова стали писаться с большой буквы, аллегорические фигуры, олицетворявшие абстракции, сошли в литературу, и мы заговорили с медлительной важностью и величественной жестикуляцией»³. От спектаклей XVIII столетия политический театр сталинской эпохи отличало отсутствие дистанции между сценой и зрительным залом. Профессиональная игра на публику дополнялась самодеятельными выступлениями политических профанов. Основное действо, разыгранное на столичных подмостках, воспроизводилось затем на митингах и собраниях, пленумах и заседаниях, конференциях и активах. В зависимости от замысла организаторов варьировались формы публичности, количество участников и их состав. Вопрос состоял в том, какие группы населения предполагалось «встряхнуть», иначе говоря, вырвать из структур повседневности, поставить перед необходимостью обновить модели поведения, разорвать или ослабить институциональные связи, ввергнуть в состояние социального хаоса. Одни политические темы полагалось обсуждать в закрытых собраниях. Другие — в обстановке полной гласности. Функционировал многоступенчатый механизм вовлечения населения в политическую кампанию. Предусматривалось до-

¹ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 161.

² См.: Там же, С. 163.

³ Синявский А. (Абрам Терц) Путешествие на Черную речку. — М.: Издательство «Изографус», 2002. С. 132.

зирование информации в зависимости от социального и политического статуса участников. Рядовые участники должны были действовать в соответствии с заданным каноном, озвучивать написанные роли. На практике, однако, политические статисты далеко не всегда действовали в соответствии с режиссерским замыслом; они вносили в кампанию личные, партикулярные моменты: на свой лад перелицовывали сюжет, придумывали реплики, не обращали внимания на полутона, пропускали сюжетные повороты, огрубляли фабулу, вносили изменения в список действующих лиц. Не стала исключением из этого правила и кампания 1947 г.

В закрытом письме ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина» все персонажи политической кампании были расставлены в надлежащем порядке. Каждый из них символизировал разные проявления осуждаемого зла. Главные персонажи — упомянутые в заголовке ученые — это сомнительные граждане СССР, лишённые патриотического чувства. «Их обвиняли в том, что движимые тщеславием, честолюбием и преклонением перед Западом, они поторопились сообщить о своем открытии на весь мир»¹. Только что снятый с должности министр здравоохранения СССР Г. А. Митерев — дельца, неспособный защитить государственные интересы². Акаде-

¹ Калиникова В. Д., Бродский В. Я. Дело «КР» // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб: Наука, 1994. С. 116.

² Георгий Андреевич Митерев (1900–1977), медик, врач — эпидемиолог, д.м.н. (1944). В 1939–1947 гг. нарком (министр) здравоохранения СССР. В последующие годы — директор Центрального государственного НИИ им. Ф. Ф. Эрисмана. Председатель Советского общества Красного Креста и Красного полумесяца. Заведующий кафедрой гигиены Московского фармацевтического института. Автор мемуаров «В дни войны и мира». М.: Медицина, 1975. Его заместитель по наркомату М. Д. Ковригина спустя сорок лет вспомнила о нем добрым словом: «С глубоким уважением я относилась к Народному комиссару здравоохранения Советской страны Митереву Георгию Андреевичу. И сегодня с самыми добрыми чувствами вспоминаю совместную с ним работу. Г. А. Митерев, выходец из бедной крестьянской семьи, был прост в обращении с людьми и доброжелателен. При случае умел хорошо, от души посмеяться. В работе был строг, требователен, но справедлив. Я не помню случая, когда бы Георгий Андреевич “сорвался” и унизил человека. Своим заместителям он давал полную свободу, что называется “рук не связывал”, но по принципиальным вопросам спрашивать не забывал. И еще хотелось сказать, что он был хозяином своего слова. Это качество для руководителя важнейшее. У Наркома Митерева слова с делами не расходились». Ковригина М. Д. Ответы члену комитета ВЛКСМ Министерства здравоохранения СССР, товарищу А. В. Плешанову // http://www.a-z.ru/women_cd2/15/i8_1477.htm... Другой его заместитель Парин оценивал своего шефа иначе.

мик — секретарь недавно созданной Академии медицинских наук В. В. Парин — американский шпион¹.

Предназначенная В. В. Парину роль была сугубо служебной. Он должен был олицетворять моральное падение, от которого партия и советская общественность спасали несознательных и амбициозных ученых, которых еще раз призывали к бдительности, напоминали: врагом может оказаться каждый: и член правительства, и академик, и врач. Такова была дань традиции, обязывающей за каждым неправильным поступком видеть вражескую руку. Но повторимся, главными фигурантами кампании были совсем иные персонажи: интеллигенты, забывшие о своем патриотическом долге, однако, не совер-

¹ Василий Васильевич Парин (1903—1971), медик, физиолог, член двух академий — медицинской с 1944 г. и АН СССР с 1966 г., впоследствии ставший одним из основателей космической медицины в стране. В 1947 г. занимал видное место в отечественной медицинской иерархии: директор 1-го Московского медицинского института, заместитель наркома здравоохранения СССР, уполномоченный по борьбе с эпидемиями в годы войны, организатор медицинской академии, ее академик-секретарь. Компетентный ученый, деятельный эффективный администратор, убежденный сторонник реформирования системы подготовки врачей В. В. Парин становился фигурой первой величины в советском медицинском мире. См.: А. И. Григорьев, Н. А. Григорьян. От глубин микромира до космических высот (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Парина) // Вестник РАН. 2003. №3. С. 244—249. Министр Митерев, выглядевший на его фоне заурядным чиновником от медицины, в январе-феврале 1947 г. сделал все, чтобы «утопить» своего соперника. Обстоятельства дела вкратце были таковы. Медицинское начальство, заручившись согласием высокопоставленных партийных и правительственных чиновников, приняло решение передать рукопись книги Клюевой и Роскина «Биотерапия злокачественных опухолей» в обмен на оборудование для исследовательских лабораторий. В. В. Парин, командированный в США, после долгих согласований, распоряжение выполнил. На следующий день высшие инстанции взяли свое согласие назад. Во время партийного расследования министр здравоохранения заявил, что он такого поручения не давал. Незадолго до ареста В. В. Парин рассказал своему брату «какую гнусную роль играл Митерев, который отказался от своих указаний, вследствие чего вся тяжесть ответственности легла на плечи ...В. Парина». Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14.01.1947—12.09.1947//ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 102. См. также Есаков В., Левина Е. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма..., С. 85—106. Осужденный за шпионаж В. В. Парин отбывал наказание во Владимирской каторжной тюрьме. Среди сокамерников он был известен под именем «академик». См.: Куприянов Г. Из тюремного дневника// Воля. Журнал узников тоталитарных систем. 1997 № 6—7. С. 306—336. В. В. Парин был освобожден из заключения 29 октября 1953 г. Реабилитирован 13 апреля 1955 г.

шившие уголовных преступлений. Общественная критика давала им шанс на исправление. Люди на сцене символизировали пороки интеллигентной публики в зале. Разоблачение и моральное осуждение признанных специалистов (никто не ставил под сомнение научные заслуги создателей круцина¹), увенчанное странным и непонятым наказанием — общественным выговором, должны были послужить уроком для других ученых-естественников².

С закрытым письмом ЦК ВКП(б) полагалось ознакомить партийный актив и коммунистов, работающих и обучающихся в вузах.

Молотовский областной комитет, получивший его 23 июля, спустя две недели сообщил в ЦК о состоявшихся в районах пленумах и активах. За единственным исключением, речь о котором пойдет впереди, партийные активисты равнодушно отнеслись к новой кампании. По первому впечатлению, она их не слишком касалась: научное открытие, московская профессура, американское посольство — все это было очень далеко от текущих дел: сенокоса, подготовки к посевной. Чтение письма и сопутствующих ему документов занимало около трех часов³. Районным работникам, собранным по этому поводу в душных пропыленных и прокуренных помещениях, явно не хотелось в них долго задерживаться⁴. В отчетах, направленных с мест в обком, перечислены вопросы: «Клюева и Раскин(!) — члены партии или беспартийные? Как могло случиться, что Клеуеву недавно избрали депутатом в Верховный Совет РСФСР? Почему мало дали наказание? Почему суд чести проходил открыто, а письмо ЦК по это-

¹ Противораковый антибиотик. — Прим. ред.

² Читаем в записной книжке А. А. Жданова: «Не единичное дело. Пережитки среди отдельных слоев интеллигенции еще сохранились. После того, что произошло, после той роли, которую сыграл для человечества и цивилизации СССР, пресмыкательство порочно». См. Есаков В., Левина Е. Дело КР..., С. 140. «Цель вмешательства Сталина, замечал по этому поводу зарубежный наблюдатель, — лишить академические круги чувства спокойной уверенности и относительной свободы от контроля со стороны партии». Шапиро Л. КПСС. Л., 1990. С. 737.

³ См.: Бирюков — обком ВКП(б). Без даты//ГОПАПО.Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 15.

⁴ Со временем высшая инстанция учтет эти обстоятельства и мобилизует мастеров художественного слова для участия в кампании. Драматурги изготовят соответствующие пьесы: «Закон чести»/А. Штейн/, «Великая сила»/Б. Ромашев/, «Чужая тень»/К. Симонов/. Московские и областные театры включат их в свой репертуар. По пьесе Штейна будет поставлен фильм. Оркестрированные и аранжированные таким способом политические идеи станут более доступными рядовым гражданам.

му поводу закрытое? С чьего ведома и зачем понадобилось бывшему министру здравоохранения заключать с американцами договор о передаче открытия за лабораторное оборудование? Разве у нас нет своего оборудования?», там же приведены ответы, часто невразумительные. Районные секретари ничего не знали о партийности прощтрафившихся ученых и уж тем более не могли сказать, что такое суд чести, или на какой срок осужден В. В. Парин¹. В отчетах попадается ремарка: «Вопрос оставлен без ответа». В кратких выступлениях многочисленных ораторы призывали к бдительности, напоминали о вражеском окружении («Домработница у директора завода — тоже немка»), бранили трофейную лебедку, по случаю доносили: «о случае восхваления пожилым бухгалтером — бывшим земским служащим — пенсионного дела царской России. Я, говорит, теперь бы не работал, а жил бы на пенсию, которой мне хватило бы»².

С вузами вышла неувязка. Московские чиновники, либо не посмотрели в календарь, либо имели смутное представление о режиме работы учебных заведений. Более того, как выяснилось, профессора и доценты свой отпуск проводили вне города. Разъехались и студенты. Парторгам удавалось собрать по 15 — 30 человек: не собрание и не актив. Докладчики зачитали письмо ЦК, переписали поступившие вопросы и составили соответствующие справки. Секретарь обкома по пропаганде 5 августа отправил первую информацию в ЦК ВКП(б). В послании самокритично указывалось, что «...с письмом ознакомлена лишь незначительная часть коммунистов вузовских парторганизаций». В связи с этим Молотовский обком просил разрешения вновь зачитать письмо ЦК на закрытых партийных собраниях в начале сентября. Секретарей вузовских парторганизаций специально предупредили о необходимости стопроцентной явки коммунистов³.

¹ Известно, что В. В. Парин был арестован не позднее 19 февраля 1947 г., но и не ранее вечера 17 февраля. См.: Есаков В., Левина Е. Дело КР...С. 133. По версии Г. В. Костырченко, В. В. Парин в апреле 1948 г. ОСО МГБ СССР был осужден на 25-летний срок тюремного заключения. См.: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. М.: Международные отношения, 2001. С. 297. По версии Е. С. Левиной, В. В. Парин был осужден на десять лет лишения свободы. См.: Левина Е. «Холодная война в советской науке: проблема нравственного выбора» // <http://www.russcience.euro.ru>.

² См.: Информация обкома партии в ЦК ВКП(б) и райкомов, горкомов партии об изучении и проработке коммунистами области закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу Клюевой и Раскина. 22.05.1947—18.11.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. — Л. 42—43, 72/об/, 77—78.

³ См.: Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14.01.1947—12.09.1947//ГОПАО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

«Особую остроту обсуждению этого вопроса научными работниками гор. Молотова, — указывалось в “Информации”, — придает то обстоятельство, что Парин учился в Молотовском государственном университете, окончил его в 1925 г. Здесь же в медицинском институте он был аспирантом, а затем ассистентом и доцентом кафедры нормальной физиологии до 1931 г. Одновременно он руководил кафедрой нормальной физиологии в педагогическом институте. В настоящее время в Молотовском медицинском институте работает в качестве заведующего кафедрой восстановительной хирургии родной брат Парина, член партии. Работал профессором и главным хирургом госпиталей области его отец, умерший весной текущего года»¹.

Здесь автор письма несколько смягчил ситуацию. В сложной системе иерархических связей, характерных для сложившегося порядка управления, по отношению к Молотовскому медицинскому институту В. В. Парин исполнял роль патрона. Имя Парина служило руководством вуза паролем, открывавшим ему двери в высокие медицинские /и не только медицинские/ инстанции. В краткой официальной исторической справке, посвященной юбилею института, в перечне из трех имен его «бывших воспитанников — ныне крупных деятелей в области здравоохранения и медицинской науки» имя профессора В. В. Парина упоминается со всеми титулами: и академика-секретаря АМН, и даже бывшего зам. наркома здравоохранения СССР². Символическими функциями дело, однако, не ограничивалось. В. В. Парин покровительствовал научным исследованиям в Молотовском институте, размещал заказы, обеспечивал квалифицированную оценку выполненных работ, по мере возможности оказывал помощь в обеспечении нужным оборудованием, заботился о награждении отличившихся ученых. Занимая во время войны должность уполномоченного Наркомздрава СССР по борьбе с эпидемиями, Парин не только инициировал работы проф. А. В. Пшеничнова и доц. Б. И. Райхера по разработке простого и доступного способа получения сыпнотифозной вакцины, но и добился его внедрения в массовое производство. Широкое применение вакцины позволило предотвратить эпидемию тифа в действующей армии и в тылу. Создатели вакцины, также не без деятельного участия В. В. Парина, получили Сталинские премии³.

¹ Лященко — Пегову 5.08.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 21.

² Материалы о 30-летнем юбилее Молотовского медицинского института. (1916—1946 г.) 24.03.1944—11.01.47//ГАПО. Ф. р.1117. Оп. 1. Д. 17. С. 12.

³ См.: Очерк деятельности Молотовского медицинского института в период Великой Отечественной войны (1941—1945 г.), составленный ректором

Впрочем, надо сказать, что связь была двусторонней. Мединститут также оказывал встречные услуги своему покровителю. В нем обучались в аспирантуре дети министерских чиновников и московской профессуры, в том числе дочь г. И. Роскина¹.

Патерналистские практики, реализуемые В. В. Париним по отношению к молотовскому мединституту, вряд ли основывались на сентиментальном чувстве бывшего выпускника к покинутой *alma mater*. Определяющее значение, вероятней всего, имели деловые и семейные связи. Заместитель наркома лично знал многих сотрудников института, с некоторыми из них работал в Свердловске, о других мог выслушать нелицеприятное мнение собственного отца — профессора Василия Николаевича Парина. В семейном клане именно он — *старик Парин* — до последних дней жизни исполнял ведущую партию. В преданиях сохранился рассказ, как отец настоял на том, чтобы оба его сына защитили докторскую диссертацию в один и тот же день в одном и том же совете. Подчиняясь прихоти главы семейства, В. В. Парин, бывший к тому времени директором Свердловского медицинского института, отложил на время собственную защиту².

В. Н. Парин (1877–1947) был хирургом старой школы. Вот его история, восстановленная по личному делу, хранящемуся в архиве Пермской государственной медицинской академии³.

Выходец из самых низов, он только к 30 годам окончил курс медицинского факультета Казанского университета. Учился блестяще. За студенческую работу, тогда называемую сочинением, совет университета наградил его золотой медалью. При выпуске Парин-старший получил звание «лекарь с отличием». Был оставлен ординатором факультетской хирургической клиники. Летом работал врачом в земской больнице у себя на родине в Малмыжском уезде Вятской губернии. На первые заработки выстроил дом. Через пять лет после завершения университетского курса по защите диссертации удостоен звания «доктор медицины» (в 1935 г. ВАК заново присвоит ему докторскую степень) и оставлен при университете на два года для подго-

мединститута, доцентом Сумбаевым П. П. 1945.//ГАПО. Ф. р1117. Д. 35. Л. 12; Заявления и жалобы трудящихся. 9.07.1952–31.12.1952//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 200–201.

¹ См.: Прасс — Маленкову 27.02.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 154. Л. 27.

² См.: Косицкий Г. И., Марковская Г. И. В. В. Парин. М.: Медицина, 1986. С. 30.

³ Архив ПГМА.: Д. 292. ТТ. 1–2. Материалы дела любезно предоставлены Г. Ф. Станковской.

товки к профессорскому званию. Далее последовала годичная командировка в германские клиники, первые печатные труды в немецких медицинских журналах, служба приват-доцентом в Казанском университете. В начале Великой войны Парин добровольно отдал себя в распоряжение российского общества Красного Креста. В госпиталях VIII армии Юго-Западного фронта он выполнял работу хирурга, совмещая ее с разнообразными все более крупными административными обязанностями. Из документов, сохраненных в советских архивах, не ясно, встречался ли В. Н. Парин по служебным обязанностям с А. А. Брусиловым, Л. Г. Корниловым, А. И. Деникиным, попеременно командовавшими этой армией.

В годы гражданской войны доктор Парин живет в Одессе, исполняя должности в том же обществе Красного Креста. При Советах он заведует госпитальной хирургической клиникой. При белых преподает военно-полевую хирургию. Никаким репрессиям не подвергается, если, конечно, не считать таковыми перемещения по службе; в отличие от своего литературного двойника — доктора Живаго, в боях не участвует, в боевых формированиях не состоит. В 1920 г. Парин возвращается в Казанский университет профессором по кафедре факультетской хирургической клиники. В 1921 г. переезжает в Пермь. Спустя год становится деканом медицинского факультета, редактирует «Пермский медицинский журнал», исполняет многочисленные общественные обязанности (но только сугубо корпоративные, вроде учредителя хирургического студенческого кружка или члена правления Общества хирургов СССР) и, самое главное, учит медиков и делает операции. Время от времени В. Н. Парин идет на уступки духу времени: состоит слушателем на курсах по марксистско-ленинскому воспитанию для профессорско-преподавательского состава, соглашается быть депутатом Кагановического райсовета. Для истовых партийцев В. Н. Парин — фигура подозрительная, чужак, представитель реакционной профессуры¹. Для местной номенклатуры — незаменимый специалист, очень ценный работник. И хирург отменный, и немецкий язык знает: можно отправить в Германию — закупить оборудование — профессору в долг поверят, а потом год тянуть с оплатой, обычная волокита. В личное дело

¹ См.: Справка о политических настроениях пермской профессуры, составленная Соколовым для Пермского окружкома ВКП(б) 1930 г. (г. Пермь)//ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. С. 16–22. В борьбе с реакционной профессурой поучаствовал и его сын В. В. Парин. См.: Обухов Л. «Дело» профессоров Ключевой и Роскина и научная интеллигенция Перми//Астафьевские чтения. Вып. 2. Пермь, 2004. С. 96.

В. Н. Парина аккуратно вполетено несколько писем 1929, отосланных из медицинского бюро д-ра Адельгейма «Микроскопические и хирургические инструменты, бактериологические медикаменты, принадлежности, химикалии» на адрес Пермского университета. Первое (от 15 января 1929 г.) начинается так: «В октябре прошлого года к нам обратился не известный нам, назвавшийся профессором Париним, и заказал различные хирургические инструменты для хирургической клиники Пермского Университета. Мы выполнили заказ и вручили ему заказанные инструменты на сумму Руб.400 [так в тексте — О.Л.], отнесшись с полным доверием к его речительству, что деньги будут переведены не позже, чем через две недели по адресу: Киев, Нестеровская 25, Е. Адельгейм (перевод денег непосредственно в Берлин слишком затруднен, а в Киев мы ежемесячно посылаем по вышеуказанному адресу пособие, а потому просили направить деньги прямо туда). С тех пор мы не имеем никаких сведений о профессоре Парине. На наши многочисленные письма мы не получаем ответа, а потому, естественно, крайне обеспокоены судьбой вышеуказанной суммы». Последнее (от 2 сентября 1929 г.) по форме напоминает расписку: «28-го августа с.г. мы отправили Вам письмо, которое в настоящее время просим считать недействительным, т.к. сегодня мы получили остальные деньги, причитающиеся от проф. Парина»¹. Университетское начальство добрым именем своего подчиненного не дорожило, но и в вину конфликт с немцами не поставило.

В 1932 г. торжественно и по-советски отмечается 25-летие научно-врачебной, общественной и педагогической деятельности профессора Парина. Горсовет передает ему в бесплатное пожизненное пользование занимаемую им квартиру — деревянный дом по улице Ленина; медицинский институт выделяет персональную ставку; пермский горздрав — микроскоп фирмы Лейтца; пермская секция научных работников — почетную грамоту за научную работу. После двухлетней командировки в Ижевск В. Н. Парин вновь возвращается в Пермь депутатом Верховного Совета автономной республики. Заведует кафедрой факультетской хирургии, руководит клиникой.

В эти годы делает блестящую карьеру в Свердловске его сын Василий. Он становится директором медицинского института. Чудесным образом В. В. Парин не только переживает две свирепые чистки уральской партийной номенклатуры, но и укрепляет свое влияние.

¹ См.: Парин В. Н. Личное дело. Т.1. // Архив ПГМА.: Д. 292. Л. 169—171. Материалы дела любезно предоставлены Г. Ф. Станковской.

Его недоброжелатели спустя 15 лет вспомнят, что он не только «... имел большое влияние на Свердловский обком ВКП(б) и НКВД», но и этим влиянием пользовался, спасая от ареста «разоблаченных рабочими» медиков¹.

В годы войны его отец служит по совместительству главным хирургом всех эвакогоспиталей, расположенных на территории Молотовской области. В профессиональной среде обладает прочной и заслуженной репутацией. Для начальства он — хороший администратор, знаменитый ученый и, что немаловажно, отец большого номенклатурного работника. Его избирают в горсовет, представляют к наградам. Местный художник пишет пафосный портрет врача — орденосца: «косая сажень, твердый взгляд», на лацкане пиджака тщательно выписанный орденский знак, несколько увеличенный в масштабе. Для публики старик Парин — научное светило, хирург-виртуоз, врач-кудесник, старый русский интеллигент. Таким он и запомнился одному из своих пациентов послевоенных лет — молоденькому лейтенанту, которому спас правую руку: «Невысокого роста, плотный, живой по темпераменту человек», не похожий на других докторов хотя бы тем, что называл своего юного собеседника не иначе как «голубчик», приглашал в гости в семейный дом и даже поощрял посещение оперного театра².

В. Н. Парин, производивший впечатление мягкого, обходительного, деликатного человека, обладал и иными личностными свойствами. В межклановых битвах, сотрясающих советские учреждения, он был стойким, закаленным бойцом. Фактически вся институтская профессура была так или иначе вовлечена в его старинную тяжбу с профессором М. В. Шацем за кафедру и клинику госпитальной хирургии. Как о чем-то само собой разумеющемся бросит реплику на собрании преподаватель истории партии: «Всем известно, что у нас давно ведут борьбу дом Парина и дом Шаца. Два дома — враги»³.

¹ «Патриоты» — Президиум АМН, Молотовский обком ВКП(б). 29.05.1954//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 200.

² См. Окулов В. А. Слово о достойных людях. Ноябрь 1990 года. Л. 2—6. /Из коллекции Г. Ф. Станковской. Смерть В. Н. Парина, наступившая 9 февраля 1947 г., вновь высветила отношение к нему со стороны городской общечеловечности. «Многие тысячи молотовчан прошли в эти дни мимо гроба». Похороны В. Н. Парина//Звезда, 1947 г., 14.02. Траурная процессия растянулась во всю ширину улицы К. Маркса на несколько кварталов. См. Окулов В. Слово..., Л. 5—6.

³ Протокол партийного собрания. /Без №/12—13 сентября 1947 г.//ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. 14.01.1947—12.09.1947. — Л. 96.

Борьба шла с переменным успехом. Моисей Вольфович Шац был партийцем с 1923 года, учился медицине в Берне, там Ленина несколько раз видел и даже слышал. Может быть, по этой причине в первой половине тридцатых годов ему доверяют лечение номенклатурных работников. Он одновременно руководит хирургической клиникой. В феврале 1937 г. в самом начале новой кампании по развертыванию критики и самокритики с разоблачением антипартийных поступков хирурга Шаца выступил его коллега — профессор кафедры социальной гигиены Ершов. Обвинения были тяжкими: на траурном митинге о Ленине говорил плохо, будто тот в 1915 г. «...намечался вождем мирового пролетариата», в медицинском обществе выступал неправильно, «недооценив значение родовспоможения», к молодым специалистам относился пренебрежительно. К Ершову присоединился парторг 1-ой клинической больницы Алфимов: тов. Шац отказывается «... от несения низовой партийной работы». Все закончилось выговором, который хирург попытался снять, обратившись в Ленинский РК ВКП(б): про Ленина говорил совсем другое: «Уже тогда видно было, что в лице т. Ленина мы видим вождя мирового пролетариата». В споре о том, кому передавать новый корпус мединститута — родильному дому или нет, в моих суждениях не было «ничего антисоветского». Сам Ершов является «рупором» старой профессуры, «всегда ее поддерживающий и смазывающий ее выступления». Я же все время с этими реакционерами — профессорами Париным и Гузиковым борюсь. «Публично им возразить до сих пор нечего было против данной мной критики. Но за них говорит их представитель т. Ершов, за людей, которые ненавидят критику и притом критику правильную и объективную. <...> Мне приходится следить за состоянием более 100 больных, жизнь которых вверена мне, <...> а со временем моего прихода в клинику смертность снижена с 8,8 и 10,1 % до 5,5% в течение трех лет моей работы» и по этой причине «всякого рода необоснованным обвинениям прошу положить конец, ударить по ним как вымышленным и искусственно созданным»¹. Тогда еще были в силе высокопоставленные пациенты Шаца, на которых он неоднократно кивает в своем письме, — секретарь горкома Голышев, директор завода им. Сталина Побережский, секретарь Ленинского райкома Золотарев.

После того как все Шаца патроны превратились во врагов народа, позиции «врача партактива» слабнут. Его «прорабатывают» на партийных собраниях, на него пишут доносы: «Премудров, Голышев,

¹ Шац — в Ленинский РК ВКП(б). 11.03.1937//ГОПАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 111. Л. 19–23.

Розенгольц, Дьячков, отчасти и Кабаков и тому подобная пакость являются не случайными покровителями Шаца, умело прячущего свои связи с бывшими друзьями...»¹ Ареста доктор избежал, но схватку за институт проиграл. В ней, в конце концов, одержал победу дом Парина, явно не без участия старшего сына. Во всяком случае, помощь пришла из Москвы. На Совете по кадрам — было и такое учреждение в системе советского здравоохранения — выступил ответственный работник ЦК ВКП(б) Шаталин (отец знаменитого академика) и привел в качестве отрицательного примера кандидата медицинских наук профессора Шаца «... который 10 лет сидит на кафедре, ничего не делает. Пора с этим делом кончать. Надо комплектовать кафедры профессорами, докторами наук. ... Объявлять конкурс на такие кафедры»². После этого участь Шаца в Молотовском мединституте была решена. Затем пришла очередь его сторонников и учеников. На партийном собрании в сентябре 1947 г. В. Н. Бирюков, кажется, преподаватель истории ВКП(б), рассказывал товарищам: «И вот такой случай: студентка Радушевская [так в тексте — О.Л.], отличница учебы, закончила медицинский институт и была направлена в ординатуру, в клинику проф. Шац, проработала у нас два года. Во время Отечественной войны пошла с первых же дней на фронт — работать на передовой линии, накопила богатый материал. После войны демобилизовалась и пришла в институт. По закону она имеет право вернуться туда, откуда ушла. А на кафедре произошла смена руководства. Вместо Шац работает Парин В. Н. Ей отвечают: “Мы учеников Шаца к себе на кафедру не берем”. Она обращается к Б. В. Парину, который заведует другой кафедрой. Тот ей говорит: “Пожалуйста, я вас с удовольствием возьму”. А когда она пришла на другой день, он ей говорит: “Я Вас не могу взять”. Очевидно, сын посоветовался с отцом и, так как она ученица Шаца, решил ее не брать. Она пошла к директору института, а он говорит: “С Париными спорить не приходится”. Радущинская говорит директору, что она на войне накопила материал и теперь может закончить диссертацию, но меня не принимают на кафедру. А т. Сумбаев советует ехать на участок. Разве так правильно относиться к растущим молодым научным работникам? Правда, потом она устроилась у т. Фенелонова и работает там»³.

¹ Аноним — г. Пермь НКВД. 2.09.1937//ГОПАПО. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 105–106.

² Протокол партийного собрания./Без №/12–13 сентября 1947 г... Л. 115.

³ Там же, Л. 96.

В дом Парина входил и младший сын — Борис Васильевич Парин. Талантливый врач, виртуоз в области восстановительной хирургии, в годы войны сделавший 2000 пластических операций, в неполные тридцать лет — доцент кафедры оперативной хирургии, в 34 года — профессор, он был замкнутым, сосредоточенным, педантичным, сухим человеком, с развитым чувством собственного достоинства¹.

Б. В. Парин хорошо усвоил новые правила игры: занимался общественной работой, окончил одним из первых в г. Молотове университет марксизма-ленинизма, вступил в партию, первым, не скупясь, подписывался на государственный заем. Не забывал он и при каждом удобном случае напомнить «...о ярких, незабываемых впечатлениях от встречи с нашим лучшим и другом и учителем, гениальным вождем трудящихся — Иосифом Виссарионовичем Сталиным»². Словом, делал карьеру. Декан, заместитель директора мединститута, директор стоматологического института, снова заместитель директора медицинского института, а параллельно с этим заведующий кафедрой, руководитель клиники, депутат горсовета, делегат партийных конференций, орденосец. С номенклатурным братом-погодком отношения у него не сложились. Тот был человеком совершенно иного склада: обаятельным, ярким, общительным³. Кроме того, Василий Васильевич Парин был способен принимать неординарные решения, не ждать приказа, а действовать самостоятельно. В октябре 1941 г. он, тогда еще директор медицинского института, не получив распоряжения об эвакуации, самовольно покинул Москву вместе со свои-

¹ Интервью с А. В. Париним. Май 2003 г. // Личный архив автора. Когда после нескольких лет преследований и освобождений от должности новое руководство Молотовского института вновь позовет проф. Б. В. Парина на работу, то от него последует телеграфный ответ следующего содержания: «Согласен занять должности заместителя директора и заведующего кафедрой при условии отмены соответствующего необоснованного пункта приказа бывшего министра Белецкого. Проф. Парин» // Коллекция Г. Ф. Станковской.

² Личное дело Б. В. Парина // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 19. Д. 3537. Л. 1. Он был делегатом от Пермского мединститута на 1-ом Всесоюзном совещании работников высшей школы в 1939 г., где и мог видеть Сталина.

³ См.: Баевский Р. М., Галеева Н. Ю. Академик Василий Васильевич Парин и его роль в развитии физиологии кровообращения (к 100-летию со дня рождения) Государственный Научный Центр РФ — Институт медико-биологических проблем РАН // http://www.medass.ru/news/con_2003/p4_24.doc

ми ближайшими сотрудниками¹. Был задержан комендатурой. Даже попал в обзор «О происшествиях по городу Москве и мерах борьбы с правонарушителями за время с 20.10. по 13.12.1941 г.»². Тогда для него это никаких последствий не имело.

Младший же брат был человеком дисциплинированным, к поступкам такого рода органически неспособным. Даже во время московских командировок Б. В. Парин останавливался в общежитии, а не в роскошных министерских апартаментах «Дома на Набережной». Вот характерный штрих. Приехавший в октябре 1946 г. в Москву на XXV съезд хирургов, Б. В. Парин «...проживал не в квартире брата, а в доме для приезжих ученых АН на ул. Горького (быв. гостиница «Якорь»), где занимал очень неудобный номер с разбитым стеклом, где температура была 9 градусов. Я был с женой — ассистентом нашего института, которая имела командировку по выполняемой ею научной работе; мы жили в этом номере, потому что наши семейные взаимоотношения не соответствовали обычным между семьями двух братьев»³.

Совсем на него не походил еще один насельник дома Париных профессор Алексей Васильевич Пшеничнов — *bon vivant* в белом халате — с устойчивой репутацией дон Жуана, остроумец, любитель студентов, орденосец и лауреат, брезгливо сторонящийся всякой политики. «Пшеничнов на вопрос — почему он не вступает в члены партии — ответил, что сейчас он — профессор Пшеничнов, а если вступит в партию, то будет товарищ Пшеничнов»⁴. В дом Парина были вхожи и иные научные работники. На вершине своего могущества Дом был велик и многолюден.

Собственно говоря, «Дом Париных» — это иное наименование клана, особой социальной организации, при известных условиях складывающейся внутри официальных публичных институтов. Как известно, клану свойственно переплетение разнородных — родст-

¹ Некому было отдавать приказы. «Шестнадцатого октября здание Совнаркома опустело, двери кабинетов настежь распахнуты, валяются бумаги, шуршат под ногами, и повсюду звонят телефоны. Косыгин бегом из кабинета в кабинет, брал трубку, алекал. Никто не отзывался». Гранин Д. Запретная глава // Запретная глава. — Пермь: Кн. Изд-во, 1989. С. 455.

² См.: Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Досье на маршала. Из истории закрытых судебных процессов. — М.: Андреевский флаг, 1996. С. 138—139.

³ Протокол партийного собрания. /Б №/12—13 сентября 1947 г. // ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

⁴ Информация «О закрытом партийном собрании парторганизации института эпидемиологии и микробиологии 31 августа 1947» // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 85.

венных, профессиональных, дружественных — связей, выстроенных в иерархическом порядке, высокая степень закрытости, использование семейных практик для контроля над деятельностью публичного института, мобилизация дополнительных ресурсов, прежде всего, чувства доверия для решения институциональных задач. Особенно названного клана является двойственность его опорных конструкций: авторитет В. Н. Парина дополнялся административным и политическим влиянием Б. В. Парина.

Дом Париных до поры до времени контролировал ситуацию в Молотовском медицинском институте. Директор института Петр Петрович Сумбаев, в недалеком прошлом доцент без степени кафедры военно-оборонной работы, по волевым своим свойствам человек несильный и внушаемый — «теленек», по словам одного из недоброжелателей,¹ — исполнял сугубо служебную роль. «У нас все проходит по-домашнему», — признает он впоследствии на партийном собрании².

Главенство Дома Париных, как уже отмечалось выше, проявлялось в кадровой политике, отчасти в последовательности распределения скудных средств (помещений, оборудования, материалов для опытов), в значительно большей степени — в престижных преимуществах, особенно в представлении к государственным наградам: орденам, званиям и пр. Последнее вызывало наибольшее недовольство в отдаленной от Дома медицинской среде. Реакция обиженной профессуры была настолько сильной, что для ее описания директор института не нашел иных слов, кроме «злоба», «клевета», «подсиживани»: «Я помню, когда было проведено награждение научных работников молотовского медицинского института, возникла зависть, нехорошая зависть, усмешки — посмотрите, кого наградили, а меня или товарища не наградили. Были такие случаи»³. Складывается впечатление, что Дом Париных требовал от медицинской публики прежде всего символического признания: благодарностей от студентов, соответствующих публикаций в прессе, хвалебных слов в свой адрес на торжественных собраниях, публичных награждений и защиту от критики. О прямых экономических выгодах речь, как явствует из сохранившихся документов, не шла.

¹ Тов. Прассу. 13.02.1950. Анонимное письмо// ГОПАПО Ф. 105. Оп. 16. Д. 219. Л. 3.

² Протоколы и планы работ партбюро и партсобраний мединститута. 14.01.1947—12.09.1947// ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 114.

³ Там же. Л. 115.

Взамен институт, в особенности, профессура, получил немалые преимущества. Речь идет, во-первых, о неписанной охранной грамоте, оберегавшей сотрудников учебного заведения от арестов по политическим мотивам во время войны; во-вторых, об упорядочении всей системы отношений в разнородном по своей социальной генеалогии сообществе, вынужденном взаимодействовать в скудной, изменчивой, дезорганизованной среде по невнятным правилам. Выпускники императорских университетов и советских вузов, убежденные партийцы и люди религиозных убеждений, бывшие «сидельцы» и «сексоты» вездесущих органов, высококвалифицированные медики и малообразованные обществоведы (некоторые из них так и не смогли предъявить диплом о высшем образовании) — все вместе составляли профессорско-преподавательский состав провинциального медицинского вуза. Выстроить их поведение по единому образцу не могли наскоро сконструированные властью социальные институты: партийные, административные, научные и учебные организации. Требования, ими предъявляемыми, не только расходились с интересами вовлеченных в их деятельность людей, но и во много раз превосходили их социальные и индивидуальные возможности.

Клановость одомашнивала нормы, придавала им человеческое измерение и выстраивала в соответствии с ними ориентиры социального действия. Дом Париных — и это надо отметить особо — культивировал, естественно, в ослабленном и отредактированном виде традиции старого университетского сообщества: манеры поведения (вспомним «голубчика»), ясные представления о гамбургском счете, по которому полагается оценивать научные достижения (практическую применимость, публикации в международных и авторитетных зарубежных изданиях, индекс цитирования¹), некоторую дистанцированность от советской действительности, возможность в собственном кругу называть вещи своими именами или слегка иронизировать над пропагандой, зарабатывать деньги своим трудом, в том числе, и частной практикой и даже организовывать семейную жизнь не по-советски². «Возьмем

¹ «С этой самой трибуны выступал Борис Васильевич. Парин, он говорил о том, что его работы в Америке уже известны. Об этом же говорил и тов. Соколов Б. М. У нас имеются такие люди, которые известны далеко за пределами Советского Союза. Они и в Америке известны. Это говорилось с целью самовосхваления», — возмущался доцент Щеголев. Там же. Л. 82.

² «Однажды профессор Леонтьев при обходе больных учил студентов, как нужно пальпировать селезенку. При этом он говорил: «Раньше было трудно пальпировать селезенку, пациенты были тучные, мощный слой жира мешал разыскать селезенку, а теперь это делается просто и легко». Протоколы

такое преклонение за границей, преклонение из ряда вон выходящее: некоторые профессора доходили до того, что не отдавали в нашу советскую школу детей. Не отдавали в советскую школу детей, потому что там разлагающая среда. <...> Профессор нанимает дома учителей, не отдавая ребенка в советскую школу, чтобы он там не разложился. Вместо того, чтобы помочь поднять советскую школу до нужного нам уровня, делали попытку учить детей вне ее. Так ведь было дело. /Голос с места — О ком вы говорите?/... Это имело место среди некоторой профессуры»¹. Доцент Щеголев, именно его выступление на партийном собрании здесь процитировано, ввернул «преклонение перед за границей» для красного словца, вернее, для того, чтобы придать своему обвинению политический характер, но имен все-таки не назвал: пусть партийные органы сами разбираются. Он, мол, не доносчик.

Для местных властей доминирование Дома Парина в молотовском медицинском мире было вполне приемлемым. Клановость — явление, хоть официально и не одобряемое, даже порочное, тем не менее, широко распространенное и потому не замечаемое. К. М. Хмелевский — тогдашний руководитель обкома — профессоров уважал, наряду с директорами заводов рассылал им приветственные телеграммы, представлял к наградам, приглашал на торжественные мероприятия. Тот факт, что медицинский институт находился под патронатом деятельного и влиятельного академика-секретаря («Парин завладел Ак. Наук. На откупе у Парина» — Из записной книжки А. А. Жданова²), только приносил дополнительные дивиденды области. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что внутренние институтские конфликты — после изгнания Шаца — редко выходили наружу, как правило, они гасились тут же на месте.

И потому падение дома Париных, вызванное арестом большого шефа и смертью патриарха, стало для руководства области неожиданным и неприятным событием. Разрушившее механизм управления медицинского сообщества, оно таило в себе угрозу стабильности всего социального порядка. Именно поэтому руководители области стремились, во-первых, взять под личный контроль разоблачительную кампанию в медицинском институте, не дать ей разрастись до всеобщего погрома связанных с домом Парина медицинских и административных кадров, сберечь то, что можно сберечь; во-вторых,

общих собраний парторганизации ВКП(б) Молотовского государственного медицинского института за 1949 г. // ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

¹ Протоколы...//ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

² Есаков В. Д. Левина Е. Дело КР... С. 123.

продемонстрировать центру свою ревнительность и принципиальность по части борьбы с буржуазной идеологией, доказав одновременно отсутствие каких бы то ни было вражеских гнезд на территории вверенной им области¹.

Здесь представляется уместным нарушить логику изложения, чтобы осветить один интересный сюжет, касающийся механизма распространения информации в закрытом обществе. Протоколы партийных собраний позволяют установить цепочки, по которым совершенно секретные сведения становились достоянием посторонних, но крайне заинтересованных в них лиц. На эту тему советские граждане предпочитали не высказываться, но в ситуации культурного шока, испытанного, как минимум, некоторыми партийцами, эти люди отступили от принятых правил и рассказали больше, чем полагалось. Известие о падении В. В. Парина, содержащееся в письме ЦК, вовсе не было неожиданностью для многих представителей местного медицинского мира.

Одним из источников информации являлись высокопоставленные чиновники московских ведомств, сохранившие родственные и деловые связи в городе. Министр здравоохранения РСФСР Г. П. Белецкий, приехавший в г. Молотов, по всей видимости, в первых числах февраля, что-то сказал студентам, после чего по городу поползли слухи о том, что у В. В. Парина крупные неприятности. Заметим, что в эти дни академик-секретарь, только что вернувшийся из США, беседует с А. А. Ждановым и К. Е. Ворошиловым, пишет первые объяснительные записки. А спустя неделю-другую после его ареста сотрудник облздрава, только что вернувшийся из Москвы, уже сообщил об этом факте руководству мединститута².

Второй источник — частная информация, передаваемая по родственным каналам. Дадим слово Б. В. Парину: «Вначале отец жены моего бывшего брата профессор Марко получил открытку, которая создавала неопределенное впечатление о каком-то крупном тяжелом событии в семье. А через день, когда профессор Марко мне позво-

¹ Может быть поэтому, текст выступления К. М. Хмелевского на партийном собрании в медицинском институте оказался в папке с материалами, отобранными в обкоме для доклада ЦК о деятельности областной организации. См.: Отчет о работе обкома ВКП(б) Центральному Комитету партии о деятельности областной парторганизации и материалы к отчету. Доклад «Руководство областной парторганизации хозяйственной деятельностью промышленности, транспорта культурного строительства». 1949.//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 15. Д. 126.

² См: Протоколы//ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 100—100(а), 103.

нил, пришла и мне открытка от жены моего бывшего брата, в которой было написано: Вася заболел, лежит в больнице. Положение не ясно. С этой открыткой я пришел в наш институт к директору тов. Сумбаеву и секретарю нашей парторганизации тов. Баранову, изложил свои подозрения по этому поводу, поскольку слухи к этому моменту были довольно настойчивые»¹.

В его словах примечательно все: и наименование В. В. Парина — «бывший брат»², и текст открытки, немедленно декодированный адресатом, заметим, медиком, и последовавшее обращение в партийные инстанции.

Третий источник — разговоры со знакомыми сотрудника МГБ, некогда учившегося в мединституте³.

А вот четвертый источник значительно интереснее. Речь идет о наблюдениях со стороны знатоков *физики власти* над публичным поведением официальных лиц. Прощание с В. Н. Париним было организовано властями торжественно и пафосно, по-государственному. Цитирую «Звезду»: «Венки от обкома ВКП(б) и облисполкома, горкома ВКП(б) и горисполкома, коллективов молотовских вузов, молотовских больниц. <...> Встали у гроба депутаты Верховного Совета РСФСР — секретари обкома ВКП(б) тов. Хмелевский и тов. Антонов и председатель горисполкома т. Михайлин». Говорили прочувственные речи и коллеги по мединституту и гости, специально прибывшие из Свердловска. «Доцент тов. Панов зачитывает телеграммы от Министерства здравоохранения СССР, Министерства высшего образования СССР, Министерства медицинской промышленности СССР, От Совета Министров Удмуртской автономной ССР, от академика Сперанского»⁴.

На похоронах отца В. В. Парин постоянно соприкасался с К. М. Хмелевским и другими руководителями области. Те выражали соболезнование родным и близким покойного. Что-то в контактах больших людей насторожило внимательных зрителей: может быть, пространственная дистанция, может быть, стремительность и механистичность рукопожатий или отказ К. М. Хмелевского (вместо него говорил председатель горисполкома Михайлин) выступить на траурном митинге вместе с В. В. Париним, может быть, какие-то иные

¹ См.: Протоколы // ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Л. 103.

² Этого отречения ему семья В. В. Парина не простит. Отношения между братьями после реабилитации В. В. Парина так и не восстановятся в полном объеме. Интервью с А. В. Париним. Май 2003 г. // архив автора.

³ См.: ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 18.

⁴ Похороны В. Н. Парина // Звезда 14.02.1947.

приметы. В отчете газеты «Звезда» о похоронах В. Н. Парина выступление его сына на траурном митинге вовсе не упоминалось¹. Но после похорон слухи о грядущей опале академика-секретаря усилились

По всей вероятности, Белецкий не только со студентами поделился своими предположениями о незавидной участи академика Парина². Вряд ли К. М. Хмелевский мог получить информацию непосредственно из ждановской канцелярии, тем более, что судьба В. В. Парина была решена позже, после заседания политбюро ЦК ВКП(б) с участием Сталина — 17 февраля 1947 г., хотя и такого поворота событий исключить нельзя. Могли доброхоты первого секретаря посоветовать ему быть осторожней³.

Известие об аресте В. В. Парина вызвало смешанные чувства: недоумение, сожаление, страх у одних, живейший интерес у других, а вот что будет с братом, не посадят ли его, или, на худой конец, не выселят ли из города?⁴. Выселять профессора В. В. Парина не стали. Но уже в апреле 1947 г. директор мединститута сместил его с должности своего заместителя под предлогом, что такой должности вообще нет в штатном расписании. Третьи же обнаруживали нескрываемую радость от внезапного падения своего врага и, стремясь воспользоваться подвернувшимся счастливым случаем, немедленно приступили к сведению счетов с поверженными соперниками, которых теперь можно было обвинить в политической нелояльности. Благо был и повод подходящий, и условия благоприятные: собрания по обсуждению письма ЦК. Для диффамации в ход шло все: и слова, некогда мимоходом сказанные: у немцев де была хорошая организация медицинской службы,

¹ Похороны В. Н. Парина // Звезда 14.02.1947.

² В реплике на партийном собрании в мединституте К. М. Хмелевский обмолвился о каком-то своем разговоре с Белецким. Из контекста следовало, что собеседники встречались не так давно. Возможно, что и в начале февраля 1947 г. См.: ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 116.

³ Осторожность в духе времени проявили и местные власти. На просьбу директора мединститута Сумбаева, адресованную председателю Молотовского горисполкома, снабдить вдову покойного В. Н. Парина дополнительным лимитным питанием, последовал отказ. См.: Личное дело В. Н. Парина // Архив ПГМА. Д. 292. Т. 2. Л. 330–330(об)–331. (Из коллекции Г. Ф. Станковской)

⁴ «Вчера меня встретил ассистент Алфимов и спрашивает, правда ли, что Парину Борису — брату Парина Василия — запрещено жить в университетских городах и что его выселяют из г. Молотова. Я сказал, что ничего не знаю. Спрашиваю, откуда он узнал; он говорит, что у нас многие об этом говорят», докладывал в обком зам. парторга Мединститута Бирюков. Бирюков — обком ВКП(б). Без даты // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 17.

и критические замечания в адрес отечественной медицинской техники, и даже нюансы мимики. «Наблюдаются казусы, например, на теоретическом собеседовании при обсуждении вопроса о построении коммунизма в нашей стране заведующий кафедрой тов. Мейсахович улыбался, а затем оделся и ушел с собеседования. Такое поведение заслуживает подумать, над чем работает этот человек»¹.

Здесь необходимо сделать оговорку: в нападках со стороны лечащих врачей и лаборантов против медицинской профессуры нельзя видеть лишь ревностное исполнение партийного долга или дисциплинированное следование руководящим указаниям. Конечно, все это имело место, но в жесткой и зачастую несправедливой критике ясно слышится социальный протест разнорабочих от науки, тяготящихся своим униженным и полуголодным состоянием и не желающих мириться с привилегиями профессорской верхушки. Социальные мотивы такого рода являются неременным спутником всех политических кампаний сталинской эпохи; именно они обеспечивали репрессивным акциям массовую поддержку. Правда, выгоды от кампаний получали или хотя бы пытались получить совсем другие люди.

Роль главного обличителя Дома Париных выбрала для себя директор института эпидемиологии и микробиологии А. М. Глебова. На совещании в Сталинском райкоме партии она заявила, что вся семья Париных не внушает политического доверия, в особенности же брат американского шпиона Б. В. Парин. Обком должен разобраться в его работе. И, чтобы помочь партийным товарищам, Глебова тут же передала заранее подготовленную докладную записку².

Анна Михайловна Глебова была человеком незаурядным, с явной предпринимательской жилкой. Возглавившая институт после ареста его прежнего директора Г. П. Розенгольца, она железной рукой привила им в течение последующего десятилетия³. Завела подсобное хо-

¹ Протокол № 9 Закрытого совещания членов и кандидатов ВКП(б) парторганизации Молотовского Стоматологического института, состоявшегося 2 августа 1947 года // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 15.

² ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 28; Есаков В. Д., Левина Е. С. Дело КР ..., С. 268.

³ Нельзя сказать, что именно А. М. Глебова посадила профессора Розенгольца. Тот был обречен в силу родственных отношений с одним из подсудимых на показательном процессе в марте 1938 г. Наркомвнешторгом СССР А. П. Розенгольцем. Однако, показания против него она дала. На заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР Г. П. Розенголец заявил: «В отношении Глебовой я могу сказать только то, что она сводит со мной личные счеты». ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10045. Т. 2. Л. 228. В июле 1947 г. профессор Б. В. Парин оказался в аналогичной ситуации.

зяйство, которым «...распоряжалась как своим личным», устроила на работу консультантом мужа — профессора мединститута М. А. Козу (патологоанатома!), затем сына; на средства института выстроила себе гараж для купленной по случаю легковой автомашины; подкармливала с институтского огорода местных партийных начальников, оставлявших без внимания и милицейские рапорты, и прокурорские представления, а также многочисленные жалобы трудящихся, называвших своего шефа попросту «Салтычихой»¹.

Спустя три года новый начальник Управления МВД Козлов рассказывал на пленуме обкома: «В 1949 г. органами МВД по письмам рабочих были вскрыты факты крупнейших злоупотреблений в Молотовском бактериологическом институте со стороны директора этого института Глебовой. Следствием было установлено, что Глебова разбазарила свыше 500 литров спирта на сумму 65 тыс. рублей. За 10 литров спирта в 12 стройтресте купили полвагона цемента, из которого построили Глебовой во дворе ее квартиры гараж для купленного ей лично «Москвича». Подсобным хозяйством института Глебова распоряжалась, как своим личным. Без санкции министерства организовала в нем дом отдыха для сотрудников института. Стоимость путевки установила 30 рублей в месяц, или 1 рубль с человека в день. Своего мужа устроила консультантом института, которому незаконно выплатила до 10 тыс. государственных средств.

Когда мной был поставлен вопрос о привлечении Глебовой к ответственности, ко мне вместе с Глебовой приезжает секретарь Сталинского райкома т. Гаряев в качестве адвоката. Нельзя ли, мол, что-нибудь сделать полегче. Вы очень серьезно завернули. Вызывают и допрашивают секретаря п/о института, тогда как она сама вместе с Глебовой раздавала спирт. Городской комитет партии, идя на поводу у Глебовой, это дело смазал. Принципиального решения с точки зрения охраны государственной собственности, не принял. ...Точно так же либерально подошло бюро обкома, ограничившись выговором Глебовой. На бюро обкома я выступал и требовал исключения Глебовой из партии и привлечения к уголовной ответственности, но тов. Лошкарев встал в позу защитника, заявляя: «Мы это дело разбирали, Глебовой объявили выговор, она прочувствовала, надо посмотреть» — и так это дело смазал (в зале — смех)².

¹ Тов. Прассу Анонимное письмо. 13.02.1950 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 219. Л. 3.

² Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 137—138.

Молотовский бакинститут был учреждением, подведомственным Минздраву РСФСР. И свои отношения директор выстраивала не с В. В. Париным, представлявшим союзные органы, но с Г. Н. Белецким — еще одним выходцем из Перми, возглавлявшим республиканское министерство. В деле налаживания полезных связей А. М. Глебова проявила себя настоящей мастерицей. В выстроенной ею объемной социальной сети, сложной по конфигурации, участвовало множество людей: ее подчиненные и непосредственные начальники; партийные чиновники и хозяйственные руководители; московские шефы и сотрудники органов. Вся эта сеть опиралась на прочный экономический фундамент. Продовольственные посылки, спирт, льготные путевки в дом отдыха, созданный самочинно при подсобном хозяйстве¹. В обмен династия Глебовой — Коза получала соответствующие услуги, также вполне материального характера, не усматривая в таком обмене ничего дурного².

В конфликте Парина — Шаца А. М. Глебова всегда поддерживала последнего. Особой неприязнью эта женщина дарила А. В. Пшеничнова, аттестуя того не иначе, как «вшивым лауреатом»³.

Летом 1947 г. ей показалось, что настал момент полной и окончательной расправы с конкурентами. Запиской в обком Глебова не ограничилась. На партийном собрании в институте эпидемиологии и микробиологии она выступила с большой и обстоятельной речью, адресованной в первую очередь все тому же обкому. Прослушавший выступление директора обкомовский работник тут же сообщил о его содержании по начальству: «Вся семья Париных — фашистская семья». В подтверждении этой мысли она говорит, что старик Парин был членом черносотенного союза Михаила Архангела. Его старший сын, так далеко поднявшийся по служебному положению, оказался подлецом — шпионом. Младший — Парин Борис Васильевич, работающий в настоящее время профессором Молотовского медицинского института, напечатал в фашистской Германии в журнале (называется журнал, но я не запомнил его названия) статью, в которой говорится,

¹ См.: Куляпин — Хмелевскому 15.03.949//ГОПАПО. Ф. 105 Оп. 15. Д. 131. Л. 56–62.

² Выступая на партийном собрании, посвященном закрытому письму ЦК профессор Коза искренне недоумевал, как можно кому-то что-то отдавать бесплатно: «Роскин и Клюева американцам дают совершенно даром способы борьбы с раком. Не говоря уже о политическом значении, это просто глупость в общечеловеческой здоровой среде». ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 64

³ Тов. Прассу Анонимное письмо. 13.02.1950.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 219. Л. 3.

что биология подтверждает научность расовой теории фашизма, что людей по расам разделяют различные группы крови. Тов. Глебова выражает сомнение в естественной смерти старика Парина. Она высказала предположение, что он отравился, узнав о провале своего сына. Продолжая, она говорит, что Парины, опираясь на высокое положение старшего сына, чинили произвол и командовали в Молотовском Мединституте. По их настоянию совершенно неправильно ученый совет мединститута отстранил от руководства клиникой профессора Шац, который 13 лет руководил этой клиникой. Профессор Шац — превосходный хирург, член партии с 1924 г., во время войны не отходил от операционного стола, работал до полного изнеможения, спас много жизней бойцов. И вот такого человека, только по формальным данным, что он не защитил докторскую диссертацию, отстранили от руководства клиникой. Диссертацию же он пишет и скоро закончит. Клинику передали старику Парину, который и до нее имел свою клинику.

Опираясь на авторитет старшего брата и при его помощи, Борис Парин очень быстро и легко стал доктором медицинских наук. Есть основания думать, что в своей диссертации он использовал труд ассистента своего отца — врача Шипова.

По заявлению т. Глебовой, Парины создали нездоровую атмосферу в Мединституте. Она продолжается и сейчас, т. к. Борис Парин является там заместителем директора по научной части. Обком партии — говорит т. Глебова — хорошо относится к ученым, но к некоторым из них излишне доверчив. Ведь вот профессора Пшеничнов и Райхер получили сталинских лауреатов по представлению Парина, который работал в академии наук. А сейчас препарат, изобретенный Пшеничновым и Райхером, с производства снят.

Тов. Глебова заключает свое выступление мыслью о том, что в медицинском институте, «где царствовала династия Париных», следует обстановку оздоровить и особенно — восстановить профессора Шац в правах руководителя клиники.

После того как участники собрания разошлись, т. Глебова обратилась ко мне с вопросом: не следует ли ей обо всем, о чем она тут говорила, написать в ЦК. Я спросил ее: почему же в ЦК? Она ответила, что здесь ведь все об этом знают, но ничего не предпринимают. Я посоветовал ей написать в обком партии и сказал, что в обкоме партии ни одного серьезного заявления без рассмотрения не оставляют. Тов. Глебова сказала, что напишет свое заявление в обком ВКП(б)¹.

¹ Мадонов — Лященко 1.09.1947.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 84–86.

Все выступление директора было выдержано в духе незабываемого 1937 года: донос, обращенный в прошлое, зловещие подозрения, прямые указания на связь с контрреволюцией и фашистскими центрами, домыслы и передержки¹. В нем содержалась явная угроза и в адрес местных властей, проглядевших существование шпионского гнезда в двух кварталах от здания обкома партии. Незадолго до Глебовой один из сотрудников стоматологического института уже выразил сомнение в кадровой политике молотовских партийных властей: «Американский шпион Парин в прошлом был воспитанником Молотовского университета, выдвинулся на наших глазах. Плохо то, что мы забыли, что выдвигать надо из рабочих и крестьян. Вероятно, если бы вместо Парина был выдвинут рабочий или крестьянин, то одним шпионом было бы меньше. При продвижении наших молодых кадров мы не учитываем, выходцами из какой социальной среды являются эти люди. Нередко даем хорошие характеристики лицам по происхождению чуждым, в частности, не так давно выдали хорошую характеристику Симановской для защиты диссертации». Заведующий отделом пропаганды обкома Мадонов, присутствовавший на собрании, немедленно откликнулся: «Выступление т. Баранова по вопросу о выдвижении научных работников следует отметить как неправильную ориентацию. К людям следует подходить не с точки зрения их социального происхождения, а с точки зрения их политических и деловых качеств»².

От Глебовой, угрожавшей, напомним, письмом в ЦК, так легко нельзя было отделаться. И потому партийные власти избрали другой путь. Они, во-первых, переадресовали ее заявление в Минздрав РСФСР, попросив помочь обкому и «...выслать сюда компетентную комиссию», которая и должна была разобраться, создана ли в институте нездоровая обстановка, и в какой степени вся семья Париных

¹ В. Н. Парин вряд ли мог иметь какое бы то ни было отношение к Союзу Михаила Архангела. Во всяком случае, в многочисленных анкетах и характеристиках не удалось найти никаких упоминаний об этом. Да и его позиция в гражданской войне никак не свидетельствовала о его принадлежности к крайне правым. Чем-то он был сродни М. М. Бахтину, не скрывавшему, что в старой России он «аполитичен был совершенно. Аполитичен, но не сочувствовал, конечно, крайним». Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. — М.: Согласие, 2002. С. 78. Напомним также, что Б. В. Парин был уволен еще весной с должности заместителя директора института, о чем А. М. Глебова должна была знать.

² Протокол № 9 Закрытого совещания членов и кандидатов ВКП(б) парторганизации Молотовского Стоматологического института, состоявшегося 2 августа 1947 года // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 13(об)—14.

не заслуживает политического доверия. «Вместе с обкомом ВКП(б) она расследует конкретные факты работы профессоров-хирургов В. Н. и Б. В. Париных»¹. Молотовское начальство рассчитало верно. Ведомственные интересы Минздрава были залогом того, что ревизоры ничего серьезного не обнаружат. Об унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекала, они могли прочесть не только у Гоголя, но и у Сталина. Попадать в ее положение было и неприятно, и небезопасно.

Компетентная комиссия спустя некоторое время известила власти, что в хирургической работе Б. В. Парина никакого криминала нет: «В ранних работах профессора Б. В. Парина, выполненных им еще в студенческие годы и первый год после окончания вуза на кафедре микробиологии Пермского университета, в результате аполитичности и некритического отношения тогда автора, были допущены ошибки идеологического порядка. В своей последующей 20-ти летней врачебно-научной деятельности в области хирургии Б. В. Парин, как отмечает комиссия, ни в одной из своих 75 хирургических работ не приводил идеи расизма, антидарвинизма, антимичуриновского направления, виталистических, схоластических, метафизических взглядов»².

На партийное собрание в медицинский институт пришли члены бюро обкома, возглавляемые К. М. Хмелевским. В президиуме собрания, продолжавшегося два дня, сидели три человека: секретари обкома и директор института.

Собрание готовилось тщательно: подбирали выступающих, представляли их в надлежащем порядке, предостерегали от опрометчивых слов. М. А. Коза публично жаловался: «Я записался четвертым, передо мной должен был выступать Парин, а директор Сумбаев предоставил мне слово третьим»³. Вопрос о том, кому, когда и за кем выступать, считался одним из важнейших в технологии партийной работы. Образцовым мастером в предварительной организации публичных собраний являлся Я. М. Свердлов. «Властность его как председателя состояла в том, что он всегда знал, к чему, к какому практическому решению нужно привести собрание: понимал, кто, почему и как будет говорить; знал хорошо закулисную сторону дела, — а всякое большое и сложное дело имеет свои кулисы, — умел своевременно

¹ Лященко — Пегову. 26.08.1947 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 79—80.

² Протокол № 1 заседаний Ученого Совета. 5.01.1949 г. // ГАПО Ф. р1117. Оп. 1. Д. 157. Л. 6.

³ Протоколы... // ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.

выдвинуть тех ораторов, которые были нужны; умел вовремя поставить на голосование предложение; знал, чего можно добиться, и умел добиваться, чего хотел»¹. Вряд ли сотрудники К. М. Хмелевского читали этот забытый и запрещенный некролог, но действовали по описанной схеме.

Как полагалось, в начале собрания — с 5 до 8 вечера — зачитывалось письмо ЦК ВКП(б). Сразу же после этого на трибуну поднимались подготовленные ораторы, выразившие полную поддержку позиции партийного руководства, повторившие основные риторические обороты, содержащиеся в директивном тексте, осудившие — в очень осторожных выражениях — неназванных людей, сочувствовавших В. В. Парину: «Те разговоры, которые были здесь, что он пал жертвой, должны быть прекращены». Один из ораторов подверг критике и Б. В. Парина: «Он беззастенчиво рекламирует свои работы в форме, не приемлемой для ученого». И только после этого слово было предоставлено М. А. Козе, на высокой ноте разоблачавшему кумиров вчерашнего дня: «Существовал культ Париных в институте. Возьмите Париных — отец, сын и второй сын, который оказался шпионом. По мере возвышения Париных у нас создавался своеобразный культ Париных; о них говорили по радио, в газете, и сами они себя рекламировали. В нашем медицинском институте дирекция весьма сочувственно относилась ко всему этому. <...> Надо сказать, Парины разделялись с теми, кто осмеливался справедливо их критиковать. Возьмите случаи с Шац, с Налимовой, с Шиповым. Об этом все знают. Мне кажется, что на этот культ Париных, я бы сказал, паринизм в нашем институте, должны были обратить внимание дирекция, партийные и советские организации. Ведь это ведет к весьма тяжелым общественным последствиям, которые отражаются на воспитании молодежи, на молодых врачах. Нам нужно быть очень бдительными и, наконец, в отношении дел, нам нужно ликвидировать все отрицательные моменты, которые связаны с паринизмом».

Следующим оратором был Б. В. Парин, который в ясных и сильных выражениях отмежевался от брата: «На нашу фамилию, фамилию, которую я ношу, брошено темное позорное пятно преступными деяниями моего брата. Я считаю своим долгом здесь на партийном собрании заявить, что у меня больше нет брата, т. к. я не могу считать своим братом человека, который, встав на путь низкопоклонства

и раболепства перед американцами, оказался предателем советского народа». После него выступили еще двое ораторов. Затем ввиду позднего времени председательствующий собрание прервал, назначив его продолжение на следующий день.

Профессор Б. В. Соколов говорил о необходимости повышения бдительности. Профессор П. А. Гузиков, присутствовавший в Москве на суде чести, рассказывал о своих впечатлениях от процесса, несколько отредактировав их в соответствии с требованиями момента. Далее он говорил о причинах, «которые способствуют человеку скатиться, предать родину», но не назвал ни одного имени, несмотря на призывы секретаря обкома и реплики из зала: «тов. Ершов — боитесь назвать фамилию? Тов. Гузиков — Вы этой болезнью, тов. Ершов, не страдаете? Тов. Лященко — Вы обиделись? Тов. Гузиков — Нет, я не обиделся». Опять же не называя имен, профессор Гузиков вступил в полемику с М. А. Козой: «Здесь люди выступали и говорили о засилии профессора Парина, что он все захватил в свои руки, что П. П. Сумбаев все это поощряет. Это мы сейчас говорим, а почему в течение ряда лет мы об этом молчали, не говорили. Почему мы мало критиковали действия Парина и других?». И только после них слово предоставили доценту Щеголеву, назвавшему выступление Б. В. Парина неискренним и обвинившим его — вкупе с профессором Б. М. Соколовым — в низкопоклонстве перед Западом. Далее он сообщил о том, что дети профессуры пользуются в институте неоправданными привилегиями: «Правительство запрещает работать при непосредственном подчинении мужу и жене и близким родственникам. У нас же формирование кафедр часто такое: где папаша — там и сын. Поехал ли хоть один сын научного работника, или сын профессора поработать на периферию в наше здравоохранение? Нет, не поехал! Все они остаются тут. Что это? Исключительный букет каких-то талантов? Нет, так в действительности не бывает». После него, чтобы сгладить впечатление от речи Щеголева, на трибуну пригласили несколько профессоров и историка партии, а затем снова предоставили слово Б. В. Парину. Ему пришлось в подробностях рассказать о последних разговорах с братом, сознаться в том, что он сначала не верил в его виновность, вновь — в еще более резких выражениях — от него отмежеваться; под градом враждебных реплик защитить свое право заботиться о племянниках («Я считаю, что ничего особенного нет, что я помогаю несовершеннолетним детям»), напомнить о сталинской максиме: «Сын за отца не отвечает», отклонить все упреки в низкопоклонстве перед Западом и высказать свое недоумение запоздалой и необъективной критикой в свой адрес: «Я не хочу сказать, что была

¹ Троцкий Л. Памяти Свердлова // Луначарский и др. Силуэты: политические портреты. М., 1990. С. 334.

дана какая-то установка партийному собранию, но просто создалась легкая возможность к любой критике в мой адрес. Когда нужно было оратору привести какой-нибудь пример, многие указывали только профессора Парина В. В. И все недостатки, частью не заслуженные, относились ко мне. А я сейчас переживаю крайне тяжелое моральное состояние. Сейчас здесь я принимаю критические замечания с благодарностью, но жалею, что они сделаны так поздно. Почему я не слышал их раньше? За это заседание, за эти два вечера, я в 10 раз больше получил замечаний, нежели за все прошедшие 10 лет работы в Молотове»¹. Затем сразу же был объявлен перерыв, после которого говорили только директор института и секретарь обкома. Лейтмотивом выступления Сумбаева являлся тезис, что он всегда был человеком независимым, к дому Париных отнюдь не принадлежал, в конфликте Парина — Шаца сохранял позицию над схваткой и всегда подмечал недостатки в работе Б. В. Парина.

Значительно большего внимания заслуживает речь К. М. Хмелевского. На собрании он вел себя активно, по-сталински: перебивал ораторов репликами и вопросами («Вы до конца расскажите, как Вы виляли. Сколько Вас запрашивал обком партии по этому вопросу?»), вносил поправки, требовал уточнений, ужесточал формулировки. По тону реплик было ясно, что секретарь обкома всецело с теми, кто хочет до основания разрушить дом Париных, свести счеты с родственниками, а также с вольными и невольными «пособниками разоблаченного американского шпиона». И свое заключительное выступление на собрании К. М. Хмелевский также начал с желчных бутад² в адрес медицинской профессуры, зараженной духом низкопоклонства и буржуазного гуманизма: «Даже такой заслуженный профессор, каким является М. П. Чистяков, человек, который всю жизнь отдал служению русской и советской науки, не свободен от этой болезни. В частной беседе профессор Чистяков говорит, что медицина должна стоять выше человеческих и политических дрязг. Для врачей нет врагов. <...> В науке не может быть изоляционизма». Подверг критике профессора А. В. Пшеничнова, который «...договорился до того, что стал преклоняться перед капиталистическими лабораториями, которые, якобы, являются или стоят выше наших лабораторий»*. Однако, чем дальше, тем сильнее в его речи зазвучал

¹ Протоколы...//ГОПАПО. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 2. С. 58. Л. 58—108.

² Бутада (фр. *boutade*) — фраза, сказанная в раздражении, выходка. — Прим. ред.

* Перестраиваться на ходу приходилось и партийным работникам. Год назад о технической отсталости научных лабораторий спокойно по-делово-

совсем иной обертон. Секретарь обкома мимоходом напомнил, что Сталинской премией А. В. Пшеничнов обязан не лицам, но Советскому правительству. Призвав к бдительности собравшихся коммунистов, Хмелевский без обиняков заявил, что «коллектив медицинского института <...> не несет ответственности за этого изменника [В. В. Парина — О. Л.]». Он взял под защиту честное имя В. Н. Парина: «Я не согласен с тем, что можно старика Парина причислить к врагам нашего советского государства. Старик Парин, профессор заслуженно пользовался уважением медицинского института и нашей общественности. Нельзя же на самом деле отрицать тот факт, что он создал целую школу замечательных хирургов, которые сейчас работают в различных городах Советского Союза. Было бы неправильно отрицать его большую научную и практическую работу в Молотовской области». Сурово раскритиковав Б. В. Парина за спесь, злопамятство, бледное выступление и иные грехи, секретарь обкома заявил: «Было бы неправильным на этом основании считать Б. В. Парина каким-то соучастником своего брата. У нас нет оснований предъявлять такое обвинение»¹.

В общем, К. М. Хмелевский сделал все возможное, чтобы дело Ключевой — Роскина не переросло в дело молотовского медицинского института, к чему вольно или невольно стремились рьяные разоблачители из круга А. М. Глебовой — М. А. Козы. Но разрушение дома Париных нельзя было предотвратить. Задача областного партийного руководства заключалась в том, чтобы под его обломками не погибла медицинская профессура, в том числе — входившая в клан или находившаяся в зоне его притяжения. Уровень конфликтности в медицинской среде был настолько велик, что ослабление державших ее неформальных скреп, грозило разрывом корпоративной социальной ткани: борьбой на уничтожение между мельчайшими группиров-

му говорилось на партийных пленумах: «Наши лаборатории, наши кабинеты должны быть вооружены современной аппаратурой — и нет, чтобы сделали аппаратуру и на 5 лет замолчали, у нас потребность все время в новых инструментах, в новых приборах. Создание министерства для нашей потребности разрешит эту задачу, но это будет не раньше, чем через год, а народ просит сейчас. Ник. Ив., я думаю, что наши заводы могут помочь университету, чтобы вооружить нас необходимыми приборами, не дожидаясь заказа приборостроения», — просил помощи у обкома ректор университета. Стенограмма 20-го объединенного пленума обкома и пермского горкома ВКП(б). 18 апреля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 7. Л. 42.

¹ Выступление К. М. Хмелевского. 13.09.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 15. Д. 126. Л. 148—153.

ками и отдельными лицами, сопровождающейся взаимными доносами, склоками, потерей необходимых области специалистов¹.

Нельзя сбрасывать со счетов и житейские соображения. Для сохранения собственного здоровья хороший хирург был полезнее самого выдающегося патологоанатома. Однако для Б. В. Парина настали трудные времена. И кафедру, и клинику за ним до поры до времени сохранили, но на собраниях продолжали критиковать. Бюро обкома ВКП(б) в своем решении от 27 июля 1948 г. предписало изъять из обращения только что изданную им брошюру «Очерк научной деятельности кафедры общей хирургии Молотовского медицинского института за годы Великой Отечественной войны» под предлогом якобы содержащейся в ней саморекламы². Через два года Б. В. Парину объявили строгий выговор по институту: «за неудовлетворительную постановку организационной работы в клинике», «зажим критики и самокритики», «культивирование подхалимства, группировок и склок»³. В общем, новый начальник мединститута всячески старался выжить члена запятнанной фамилии из г. Молотова, в чем в конце концов и преуспел. Правда, это случилось уже при новом секретаре обкома в январе 1950 г. Приказом министра здравоохранения РСФСР Б. В. Парин «...был освобожден от заведования хирургической клиники Молотовского медицинского института как не обеспечивший работу коллектива»⁴. Тогда же покинул город и К. М. Хмелевский.

А в 1947 г. Москву ушел тщательно подготовленный отчет о проведенных мероприятиях. Павел Никифорович Лященко — секретарь по идеологии Молотовского обкома — был опытным аппаратным бойцом, два года подряд заведующим отделом пропаганды и агита-

¹ Такая ситуация была характерна и для гуманитарной академической среды. В те годы «среди философов МГУ шла непрерывная идейная борьба доносов и амбиций не на жизнь. <...> И кремлевскому дракону, еще не издохшему, приходилось урезонивать и мирить своих граждан-философов через аппарат ЦК». Махлин В. Тоже разговор//Вопросы литературы. Май-июнь 2004. С. 16.

² Протоколы 19-20 заседаний бюро обкома ВКП(б) 27 июля 1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 59. Л. 13.

³ См.: Дополнение к характеристике на члена ВКП(б) Парина Б. В. 11.10.1951//Архив ПГМА. Д. 292. Т. 2. Л. 154. (Из коллекции Г. Ф. Станковской).

⁴ Характеристика на бывшего завед. кафедрой факультетской хирургии Молотовского медицинского института доктора медицинских наук, профессора Парина Бориса Васильевича//Архив ПГМА. Д. 292. Т. 2. Л. 155. (Из коллекции Г. Ф. Станковской)

ции ЦК ВКП(б)¹. Он знал, что и как следует докладывать: собрание в мединституте провели. Секретари обкома участвовали. Партийцы гневно осудили: «Выражая общее мнение партсобрания по этому вопросу, профессор Сангайло А. К. сказал: "Глубокое чувство возмущения вызывают антигосударственный поступок Ключевой и Роскина, возмущение и презрение вызывает гнусное поведение шпиона Парина, продавшего свою Родину американцам". Факты низкопоклонства перед Западом выявили и разоблачили. Б. В. Парину не полностью поверили. Партийную организацию укрепили: «обком ВКП(б) рекомендовал секретарем парторганизации заместителя заведующего оргинструкторским отделом Обкома ВКП(б) тов. Милосердова. Партийное собрание избрало его секретарем своей парторганизации»². Дело закрыли. Кампанию закончили. Через два года по другому поводу призвали к порядку Глебову А. М. 24 декабря 1949 г. ее уволили с должности директора института. «Настоящим прошу Вашей защиты от чудовищных нападений на меня вновь назначенного директора Бакинститута тов. Кобыльского А. Г.», — писала А. М. Глебова новому секретарю обкома Ф. М. Прассу. Новый директор, только что приступивший к работе, на партийном собрании «...просто называл меня гражданкой Глебовой и призывал партийное собрание уничтожить в институте династию Глебовой и Коза, чтобы и духу их не было на Институтской земле — и много, много других оскорблений было брошено мне тов. Кобыльским. <...> Все его действия являются несправедливой расправой со мной, поэтому я ему сказала, что сдавать дела сейчас не буду, а пойду в обком партии, и пошла к Вам, тов. Прасс, просить защиты»³. Тщетно. На заявление А. М. Глебовой наложена резолюция:

«В дело. По существу заявления т. Глебовой 20/II-50 г. мною доложено лично тов. Прасс о невозможности ее дальнейшего оставления на работе в институте, т.к. она скомпрометировала себя, создала в институте нетерпимую обстановку семейственности, подхалимажа, угодничества и зажима критики, а с прибытием нового директора т. Кобыльского всячески пыталась тормозить в его работе.

Все это подтвердилось на партийном собрании парторганизации Института 10/II-50 г. при обсуждении итогов VI пленума обкома

¹ См.: Стенограмма 22-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 23—24 декабря 1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 14. 181 Л. 6.

² Лященко — Пегову. 23.09.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 95—98.

³ Глебова А. И. — Прассу Ф. М. 18.02.1950 г./ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 219. Л. 5—9.

ВКП(б). В своем постановлении партсобрание высказало единодушное мнение о том, что пребывание т. Глебовой в Институте на любой работе дальше невозможно. Тов. Прасс в итоге беседы по этому вопросу дал согласие новому директору Института т. Кобыльскому об отчислении т. Глебовой из института. Об этом сообщено т. Глебовой при беседе в адм.отделе обкома ВКП(б) 22/II-50 г. и одновременно дано разъяснение о том, как ей нужно поступить по вопросу о снятии партийного взыскания и устройства на работу по специальности»¹.

Недоброжелатели А.В. Пшеничнова в медицинском мире долго помнили о том, что в ходе кампании его имя неоднократно упоминалось в связи с семьей Париных. Мелкие люди в белых халатах, скрывшиеся под именем «патриотов» сочиняли на него доносы и в 1952 году: он де делал карьеру «... при активном содействии американского шпиона Парина»².

В политической кампании, инициированной делом Н. Г. Ключевой — Г. И. Роскина, выявились специфические черты социальной организации советских научных учреждений в позднюю сталинскую эпоху. В них доминировали клановые формы профессиональной жизни. Происходила непрерывная борьба за ресурсы и символическое признание между отдельными подразделениями и лицами; сложилась специфическая культура участия в публичной жизни, предполагающая использование властных ресурсов для отстаивания частных и местных интересов. Особенностью клановой системы являлось тесное переплетение разнородных институциональных образований: публичных и частных, основанных на взаимном родстве, земляческих связях и общности биографий. Клановые отношения имели сугубо иерархический характер, повторяя в своих узловых моментах строение государственных и партийных институтов, в симбиозе с которыми они существовали. В отношениях между кланами также преобладали отношения господства и подчинения.

Политические кампании, время от времени инициируемые и организуемые верховной властью, усиливали социальную напряженность во внутриклановых и межклановых отношениях. Прямое и, как правило, внезапное обращение к партийным и (или) беспартийным массам со стороны Кремля, а именно в этом и состояла характерная особенность сталинских политических кампаний, нарушало сложившийся порядок управления на местах. Будучи по своим функциям

¹ Резолюция Работкина. 24.02.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 219. Л. 4.

² «Патриоты» — Президиум АМН СССР, Молотовский обком ВКП(б) //ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 200.

прежде всего исполнителем решений верховной власти, ее передаточным механизмом, региональная номенклатура была вынуждена, однако, искать компромисс между требованиями партийного и государственного центра и текущими хозяйственными задачами, брать на себя функции амортизатора, ослабляющего по возможности разрушительные последствия политических кампаний.

В ситуации открытого противоборства, нарушающего естественный ход событий, местные партийные органы выступали в роли посредника между конфликтующими сторонами. Сохранить контроль над ситуацией, не повторить эксцессов 1937 г. — таковой была стратегическая цель, которой следовали местные партийные руководители вопреки спонтанным проявлениям социального протеста снизу, давлению сверху и воздействию клановых группировок изнутри.

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ ДЕНЬГИ

Денежная реформа 14 декабря 1947 г. в г. Молотове

Стоит задать себе вопрос, какое знание может найти историк, погруженный в изучение быта номенклатурных работников сталинской эпохи. Что дают для науки перечни окружающих их вещей, сведения о рутинных поступках, реконструкция норм домашнего и служебного общежития? На память приходит суждение о том, что люди в «сталинках» не придавали особенного значения этой стороне жизни. И выглядели, и были аскетами, бескорыстно отдававшимися службе, проводящими дни и ночи в скудно обставленных, плохо отапливаемых, прокуренных кабинетах. Из всех радостей жизни им, мол, было доступно только обильное питание, сопровождаемое неумеренным потреблением алкоголя за плотно закрытыми дверьми, втайне от сослуживцев, соседей и просто бдительных прохожих.

Не является ли этот интерес досужим любопытством историка, жаждущего заглянуть за кулисы бюрократического мира, подсмотреть изнанку вещей, вторгнуться в частную жизнь публичных деятелей прежней эпохи? Не поручусь за авторов бестселлеров, сочиняющих толстые тома про *кремлевских жен, детей и любовниц*. Вполне возможно, что их пером движут именно эти мотивы, дополненные коммерческими соображениями. Замечу только, что книги эти к исторической литературе не принадлежат, хотя бы потому, что их авторы или не знакомы с методами исторического исследования, или не считают нужным их применять.

Для историка (а стало быть, и для истории) изучение повседневных структур социальной жизни в их индивидуальном или корпоративном воплощении представляется делом иного рода: необходимым и неотложным. Нельзя понять поведение социальных групп или отдельных их представителей, абстрагируясь от действительных условий их существования, от малых социальных практик, от низовых проявлений их социальной природы. Участники исторических событий могут проводить границу между своими публичными и частными поступками, могут верить также, что такая граница существует и

убеждать себя и других в том, что домашняя жизнь — это нечто неважное, внимания не заслуживающее. Для историков эти верования являются лишь малым фрагментом общей картины, менее значимым, нежели реальные социальные практики.

Дело не только в том, что знание повседневности помогает «...разрушать официальный обман, гипнотизировавший ряд поколений». По мнению М.Н. Покровского, высказанному в начале прошлого века, такая процедура была бы бесполезной «с точки зрения материалистического понимания истории»¹. Таковой она остается и сегодня, вне зависимости от того, каких методологических принципов придерживается исследователь. Иначе так и будем считать, наперекор фактам, что сталинские чиновники были образцом бескорыстия.

Более важной задачей представляется реконструкция социальной среды, в которой формировалась сталинская номенклатура. Ее привычки, поведенческие стереотипы, материальные интересы, окружающие предметы, способы и формы потребления — все то, что обнимается понятием повседневность, что на самом деле являлось подлинной лабораторией номенклатурной политической активности, в том числе и лабораторией политической мысли. И если историки не знают о том, как функционировала эта лаборатория, их представления о советском прошлом остаются приблизительными, неполными, даже искаженными.

Повседневный быт провинциальной сталинской номенклатуры до сего времени, однако, известен мало. Только в воспоминаниях «кремлевских детей» можно встретить некоторые детали домашней жизни. «Пока я не женился, я жил в доме отца, — рассказывал журналисту Степан Микоян. — Еда там была бесплатной. По-моему, до 1948 года за питание семья не платила вообще. Получали все, что заказывали. Продукты привозили не только домой, но и на дачу, где жили мы, наши родственники, и всегда бывало много друзей. Дачей, едой, прислугой мы пользовались бесплатно»². Другие члены семьи Микояна высказываются более обстоятельно. Одна из его невесток пишет об особом кремлевском комфорте, который «проявлялся в аккуратной уборке, в чистом белье, для всего было свое место — газетный столик, столик для телефонов, шкафчик для обуви и прочего. Книги в так называемых «шведских» шкафах, хорошо пригнанные белые двери комнат, в ванных комнатах мыло всегда свежее, но наше советское,

¹ Покровский М.Н. Избранные произведения. Книга 2. М., 1965. С. 37 (примечание).

² Жирнов Е. «Дачей, едой, прислугой мы пользовались бесплатно» // Коммерсант-власть. 2002. № 47. С. 75.

без душистого аромата. В кухне вытяжка в форточке. Ничего не радовало глаз особой красотой или подчеркнутым уютом. Только порядок. Строго, чисто. Каждый день одинаково. В 50-х годах в кремлевской квартире еще топили дровами печи, и утром рано приносили девушки мелко напиленные аккуратные полена дров и разжигали в коридоре большие белые кафельные печи с медными дверцами и задвижками. Этого тепла хватало на сутки. Печи так и остались, когда установили паровое отопление»¹. Что-то вспоминала Светлана Аллилуева, о чем-то проговаривался Н. С. Хрущев. Живые зарисовки быта на Большой Никитской оставил Серго Берия².

Сыновья обкомовских секретарей, как правило, мемуаров о своих родителях не пишут и о домашнем быте их, стало быть, ничего не сообщают. Книжка В. Гусарова «Мой отец убил Михоэлса» не в счет. Это чистой воды беллетристика, написанная человеком, стремящимся вытеснить из сознания детские переживания, провести разделительную черту между собственным миром и миром родителей. Образ отца — секретаря Молотовского обкома в годы войны, — выстроенный по лекалам, выработанным обличительной литературой, лишен каких бы то ни было человеческих черт. Это схематичное, одномерное изображение бюрократа по готовым образцам, заимствованным из советских фельетонов. Бытовые детали автору не интересны³.

Когда молчат сыновья, вместо них говорят казенные бумаги. В феврале 1948 г. инспектор ЦК ВКП(б) Н. И. Гусаров сдавал в Москве дачу и квартиру перед отъездом в Минск, куда был отобран для работы первым секретарем ЦК КПБ. Были составлены многочисленные описи и списки имущества и инвентаря на квартире и на даче. Все делилось по категориям: имущество во временном пользовании, мебель и малоценный инвентарь, «отпускаемый за наличный расчет с рассрочкой на 8 месяцев», «список инвентаря, исключенного за амортизационное начисление», «список имущества на квартире тов. Гусарова Н. И.» и «список инвентаря, находящегося на даче тов. Гусарова Н. И.». Вот дачная опись:

«Буфет — 1 по цене 2140 рублей; буфет дубовый с зеркалом — 1 по цене 1896 руб. 95 коп.; полубуфет с отделкой черной — 1 — 1582 руб. 80 коп., столы простые — 2 — 70 руб.; кровати с нике-

лированными спинками (1/2 спальные) — 3 — 1053 руб.; кровати никелированные — 2 — 1400 руб.; кровать деревянная двуспальная — 1 — 847 руб., в общем, всего 68 предметов, среди которых сейф, пианино, бильярд с чехлом и принадлежностями, портреты: Ленин — Сталин, письменный прибор мраморный с фигурами, штотры крепмюре, картина художественная (в скобках помечено — нет), ковры и чемодан кожаный».

В квартире помещались три простых стола, шесть круглых полированных столов, один письменный — двухтумбовый и даже один стол раздвижной, пять кроватей, восемь книжных шкафов, двадцать мягких кресел, двое салонных стоячих часов и прочее, прочее, прочее, среди которого нашлось место и пылесосу «Омега»¹.

Это все только вещи. Сведения об образе жизни можно найти в справках, инструкциях, циркулярах, объяснительных записках, протоколах, отчетах, рапортах и докладах, во внутриведомственной переписке. И в них, однако, интересующих нас сведений о повседневной стороне жизни номенклатурных работников явно недостаточно. Дело здесь не только в режиме секретности, ограждающем советскую бюрократию от контроля со стороны подведомственного ей населения. Немаловажное значение имеют и особенности культурного стиля, сложившегося к началу пятидесятых годов. Стиль этот, по верному замечанию А. Д. Синявского, тяготел к классицизму: «Многие слова стали писаться с большой буквы, аллегорические фигуры, олицетворенные абстракции сошли в литературу, и мы заговорили с медлительной важностью и величественной жестикуляцией»². Синявский ведет речь о художественной прозе, создававшей образцы «правильного» мироощущения и мировосприятия, распространявшиеся (директивно или спонтанно) на все отрасли публичной риторики. Новый стиль не допускал открытого обсуждения низменных житейских тем, личных переживаний и бытовых неурядиц, что было бы не только политически неверно, но попросту неприлично. Пристойным стал взгляд на мир с птичьего полета, взгляд, от которого ускользали непрезентабельные детали повседневности. Да, и сама повседневность тоже. И потому бытовые сюжеты возникают в партийных документах, даже оснащенных

¹ Микоян Н. С. Любовью и печалью (Воспоминания). М., 1998. С. 111.

² Аллилуева С. Двадцать писем к другу. — М., 1991. Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

³ См.: Гусаров В. Н. Мой отец убил Михоэлса. М., 1994.

¹ См. Опись инвентаря, находящегося на даче тов. Гусарова Г. И. // ГОПАПО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 60–62; Опись инвентаря, находящегося на квартире тов. Гусарова Г. И. // ГОПАПО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 57–59.

² Синявский А. (Абрам Терц) Что такое социалистический реализм // Путешествие на Черную Речку. М., 2002. С. 132.

различными грифами секретности, крайне редко, только в случае индивидуальных и групповых отступлений от писанных и неписанных норм, в неожиданных эксцессах. Рассмотренная под таким углом история быта номенклатуры превращается в скандальную историю. Для исследователя крайне важно обнаружить за множеством уголовных преступлений, злоупотреблений по службе, бытовых конфликтов устойчивые социальные основания: принятые модели поведения и мыслительные стереотипы, жизненные ориентации и представления. Внутренние механизмы социального действия выходят на свет, как правило, в неожиданных ситуациях, в исключительных обстоятельствах.

К таковым обстоятельствам, без всякого сомнения, относится денежная реформа 14 декабря 1947 г.

Вкратце напомним фабулу событий¹. На зимнее воскресенье высшая власть запланировала ударную финансовую операцию, предусматривающую одновременный обмен денежных знаков, отмену карточной системы и повышение государственных цен на основные товары и услуги. В ее организации просматривается знакомый сталинский почерк: секретность, внезапность, безоглядность.

Официальное решение «Об отмене карточной системы и денежной реформе» было принято политбюро ЦК ВКП(б) только накануне, в субботу 13 декабря, хотя все подготовительные меры соответствующие инстанции совершили заранее: фабрики Гознака напечатали новые банкноты; в Москве провели соответствующий инструктаж руководителей финансовых органов, в местные отделения МГБ разослали запечатанные секретные пакеты, подлежащие выдаче адресатам по особому сигналу.

Реформа имела ярко выраженный фискальный характер. Она предусматривала не только всеобъемлющую проверку денежного состояния всех советских граждан, но и конфискацию у них «излишков» денежных средств. Излишки, по мнению организаторов реформы (в комиссию от политбюро входили Жданов, Вознесенский, Поскребышев), — это деньги, оставшиеся у советских граждан за день-два до аванса: все равно, хранимые ли дома, или на сберегатель-

¹ В основе дальнейшего изложения лежат материалы, опубликованные Е. Жирновым в еженедельнике «Коммерсант-власть» и документы, обнаруженные Э. Ю. Завадской и Т. В. Царевской в журнале «Отечественная история». См.: Жирнов Е. «Полностью скуплены меха, пианино, часы, мотоциклы...» // Коммерсант-власть. 2002. № 48. С. 72–77. Завадская Э., Царевская Т. Денежная реформа 1947 года: реакция населения. // «Отечественная история». 1995. № 6. С. 134–140.

ных вкладах свыше 3000 рублей, или в облигациях государственных займов¹. Первые полагалось обменивать на новые банкноты в соотношении 10:1. Вторые уже делились по разрядам: до 10 000 рублей и выше. Для нижнего разряда устанавливалась норма обмена 3:2, для высшего — 2:1. Облигации сберегательного займа переоценивались в пропорции 5:1. Было сделано, однако, одно исключение, касающееся сберегательных вкладов до 3000 рублей. Их полагалось пересчитывать на новые деньги без изъятия. Один к одному. Фискальные, конфискационные черты реформы, таким образом, получали пропагандистское прикрытие, хотя и не слишком надежное. В официальных партийных документах, во всяком случае, говорилось о необходимости «некоторых жертв» со стороны населения «при проведении денежной реформы»².

Готовились и правоохранительные органы. Прокурор СССР в телеграмме, помеченной грифом: «высшая правительственная», требовал от своих подчиненных: «...Связи проведением денежной реформы отменой карточек действия виновных сокрытия остатков товаров также неправильном выведении их балансе квалифицируйте соответствующим статьям указа 4 июня об уголовной ответственности хищение государственного и общественного имущества Горшенин»³. Спустя две недели его заместитель Сафонов подпишет новую телеграфную «совершенно секретную» и «весьма срочную» директиву. На местах ее получают уже после Нового года. В ней предписывалось, кроме иных мер: «виновных в обмане государства, расхищении государственных денежных средств привлекать к уголовной ответственности по указу от 4 июня 1947 г., принимая меры

¹ Напомним, что в государственных предприятиях и учреждениях зарплата выдавалась в конце сороковых годов дважды в месяц: 2-3 числа — окончательная, 16 — аванс. Случались и задержки. В г. Молотове в начале декабря 1947 всю задолженность за прошлые месяцы погасили одной выдачей. Рабочие по этому поводу интересовались у партийных пропагандистов: «Чем объясняется выдача заработной платы по всем предприятиям за старые месяцы?». Информация «О задаваемых вопросах трудящимися Кагановичского района г. Молотов за период с 4 ноября по 4 декабря 1947 г. // ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 18.

² См.: Постановление бюро Молотовского горкома ВКП(б) от 14 января 1948 г. // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Материалы о работе прокуратуры г. Молотова по проверке выполнения постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 14.12.1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». 10.07.1947–20.01.1948 г. Л. 49.

³ 2119. Высшая. Правительственная. Молотов. Горпрокурору. 18.12.1947 // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2 Д. 166. Л. 1.

к возмещению причиненному государству ущерба»¹. Иначе говоря, граждан, уличенных в «противозаконных» попытках сохранить свои сбережения, полагалось предавать суду как расхитителей государственной собственности. Напомним, что таковых надлежало лишать свободы на срок до 10 лет.

Для того чтобы свести на нет риски, сигнал о денежной реформе поступил в воскресенье, когда и магазины, торгующие промышленными товарами, и сберкассы были закрыты. На следующий день были запрещены все финансовые операции. В областные центры днем 14 декабря отправили следующую телеграмму:

«Схема 231. Вручить министерствам финансов республик крайним областным продлена финотделам республиканским крайним областным конторам районным отделениям госбанка связи вызовом 15 декабря налоговых агентов райфо для наличности и отчета этот день т. е. пятнадцатого декабря не производится прием налоговых страховых платежей, взносов займу, других платежей населения. Так же связи переучетом не производится прием квартплаты, погашение ссуд ломбардом, продаже абонентов организациям городского транспорта, сезонных билетов железного и водного транспорта, театрами, других зрелищных мероприятий.

Ознакомьте спецбанк и сберкассы.

Нр 969 Зверев. Обеспечьте немедленное — 100 вручение телеграммы адресатам. Министр связи Сергейчук»²

Реформу ждали. О ней было заранее публично объявлено в директивах VI пятилетнего плана. Первоначально речь шла о 1946 годе. Продовольственная катастрофа отодвинула сроки. На декабрьском пленуме Молотовского обкома ВКП(б) об этом говорили вполне открыто: «Потребовалось перенесение отмены карточной системы на 1947 год»³. Год заканчивался, карточная система сохранялась, причем в ужесточенном виде. В сельской местности продовольственные карточки отняли у совхозных рабочих и служащих, их жен и детей. В городах и рабочих поселках — у неработающих матерей с детьми старше 4 лет. На упомянутом пленуме произошел по этому поводу характерный обмен репликами между секретарем Соликамского горкома ВКП(б) Подгородовым и секретарем обкома Антоновым: «Под-

городов — до сколько (так в тексте документа — О.Л.) лет матери, имеющие детей, могут получать карточки. Мы выдаем до 4 лет, а другие города выдают до 8 лет — и по положению, кажется, до 8 лет. Тов. Антонов — по положению полагается до 8 лет, а лимит, который нам дают — мы не укладываемся и до 4 лет. Подгородов — Значит, это надо делать одинаково по всей области»¹.

Для рабочих промышленных предприятий тогда же были аннулированы все виды дополнительного питания. «Трудящиеся снабжаются только по основным карточкам, и было бы полбеда, если бы торгующие организации своевременно отоваривали установленные нормы по карточкам, но беда заключается в том, что выделяемые централизованные фонды для города по ряду продуктов завозятся несвоевременно, что вызывает перебои в торговле. <...> Положение со снабжением трудящихся основных заводов у нас очень напряженное», — говорил на том же пленуме секретарь Молотовского горкома Клепиков².

Хозяйственные руководители также включились в борьбу за экономию. Директор завода № 10 им. Дзержинского Далингер едва ли не вдвое сократил выдачу самых больших — килограммовых — хлебных карточек: с 1200 до 700. По мнению партийного руководства, это было правильным решением. Начальство Усольяга поступило проще: уволило вольнонаемных работников с малыми детьми, чтобы карточки на них не расходовать. «Антонов — они не имеют право этого делать. Подгородов: — Однако такие факты есть. Усольяг — это такая организация, которая местную власть не всегда признает»³. Наряду с сокращением продовольственных карточек были повышены цены на пайковые продукты. У рабочих, получающих маленькую зарплату, появилась новая забота: где взять деньги, чтобы оплатить паек: «Когда увеличат зарплату, так как таковой не хватает выкупить продукты питания?»⁴

Есть надо было сегодня. «Хлебной добавки» к зарплате не хватало, к тому же и выдавать ее стали с некоторым опозданием. На местных рынках появилась новая операция: хлеб — деньги — хлеб, переворачивающая знаменитую формулу Смита — Маркса. «Мало-

¹ 2119. Высшая. Правительственная. Молотов. Горпрокурору. 18.12.1947// ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2 Д. 166. Л. 26.

² Там же Л. 5–5(об).

³ Стенограмма 22-го пленума обкома ВКП(б). 23–25 декабря 1946 г. Т. 2.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 16. Л. 56.

¹ Стенограмма 22-го пленума обкома ВКП(б). 23–25 декабря 1946 г. Т. 2.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 16. Л. 91.

² Там же, Л. 71.

³ Там же Л. 71, 91.

⁴ Информация «О настроении масс Орджоникидзевого района г. Молотова» 18.07.1947//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 13.

оплачиваемая работница мельницы тов. Поспеева говорит, что для того, чтобы выкупить мне на два дня 500 гр. хлеба, я 200 гр. должна этого хлеба продать на рынке и на вырученные 5—6 рублей выкупить свою норму, но эта же самая т. Поспеева высказывает, что как-нибудь до свежего урожая доживем, а там уже будет лучше», — сообщил по начальству партийный агитатор¹. Некоторые продавали хлеб, другие — карточки. Обеспеченные граждане карточки скупали.

Милиции была поставлена новая невыполнимая задача: покончить с нелегальным оборотом продовольственных карточек. Для этой цели «...были организованы специальные оперативные группы для систематической проверки и задержания на рынках городов области лиц, продающих и покупающих карточки». Начальник ОБХСС Молотовского областного управления докладывал в обком: «Этими оперативными группами за период с 1 по 20 октября с/г была проведена следующая работа: Задержано на рынках за куплю — продажу карточек — 469 чел; из них предупреждено — 379 чел.; привлечено — 90 чел.; арестовано — 65 чел.». Кроме обычных граждан, карточками приторговывали и должностные лица из учреждений, занятых их учетом и распределением: «Наиболее пораженные преступностью являются объекты: а) Контрольно-учетные и карточные бюро; б) типографии; в) торги и ОРСы промышленных предприятий; г) общественное питание». У скупщиков карточек милиция производила обыски, находя иной раз небольшие продовольственные склады. У врача Камского речного пароходства было «...изъято — муки — 44 кг; сахара — 8 кг и консервов разных — 19 банок»². Начальники роптали. Прокурор области писал протесты в ЦК:

«В 1947 г. ОУМ (Областное управление милиции — О. Л.) и целый ряд этих органов на местах стали прибегать к массовым обыскам у граждан, в т.ч. и у ответственных номенклатурных работников Обкома ВКП(б), не имея на них в производстве возбужденных дел, и при том к таким обыскам, целью которых преследовалось что-нибудь да вообще обнаружить (вещи, продукты), а затем уже в зависимости от результатов обыска и начать следствие. Такие обыски обычно проводятся в ночное время и, тем самым, работники милиции создают

¹ Информация «О настроениях трудящихся Орджоникидзевского района г. Молотов и заданных вопросах на лекциях и докладах» 17.06.1947//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 12

² Справка «О проведенной работе органами милиции Молотовской области по борьбе с злоупотреблениями в карточной системе» 23.10.47//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 149. Л. 243—249.

чувство страха не только у обыскиваемых, но и среди окружающего населения, иначе говоря, в то время работники милиции стали как бы охотиться за людьми»¹.

ЦК отмалчивался, обыски продолжались, торговля карточками не прекращалась.

Весь 1947 год рабочие настойчиво допытываются у партийных агитаторов: «Когда будут отоварены карточки за ноябрь, декабрь месяцы 1946 г. рабочим завода им. Молотова, т.к. карточки за указанные месяцы по заводу не отоварены? Почему нет мыла и спичек по промтоварным карточкам, а в коммерческих магазинах, как-то в Особторге, есть? Почему нет коммерческого хлеба в 1947 г.? Когда будет отменена карточная система?»². Иногда спрашивали прямо: «Будут ли отменены хлебные и продуктовые карточки в 1947 г.»³.

Рабочие не только задавали вопросы, но и высказывались, иной раз вполне категорически: «Слесарь цеха № 25 Леонов [завода № 19 имени Сталина] по окончании беседы о решениях февральского пленума ЦК ВКП(б) по вопросу подъема сельского хозяйства сказал: «Только пижут много, а толку от этого мало, лучше бы карточки скорей отменили»⁴.

Впрочем, были и сомневающиеся: карточки отменят, вообще хлеба не будет. Все спекулянты скупают. «Некоторая часть рабочих завода [завод № 172 имени Молотова] и предприятий местной промышленности считают, что отменять карточки на хлеб и другие продукты пока что необходимо воздержаться, а только увеличить норму на детей — 500 гр., иждивенцев — 500 гр., служащих — 500 гр. и на рабочих 900 гр. до 1200 гр. одновременно организовать в достаточном количестве торговлю коммерческими продуктами питания, что даст возможность сохранения государственных запасов и предупредить утечку хлеба в сельскую местность»⁵.

¹ Докладная записка Д. Куляпина в ЦК ВКП(б) 7.02.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Т. 1. Л. 108—109.

² Информация «О настроениях трудящихся Молотовского района и о задаваемых вопросах» 24.02.1947//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 2.

³ Информация «О характерных вопросах, задаваемых на собраниях, лекциях, беседах по Ленинскому району г. Молотова»//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 10.

⁴ Задаваемые вопросы и отдельные высказывания при проведении докладов «О текущем моменте», «Решения февральского пленума ЦК ВКП(б)»//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 8.

⁵ Информация «О характерных вопросах, задаваемых трудящимися [Молотовского] района». 19.06.1947//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 11.

Большинство же горожан с нетерпением ждали, когда, наконец, отменят карточную систему.

Молотовская номенклатура также тяготилась карточными ограничениями, литерными обедами, лимитами, сухими пайками, нормами отпуска промышленных товаров, роптала на изменения в системе денежного довольствия.

Секретарь обкома К. М. Хмелевский в ноябре 1947 г. упрекал правительственные органы в невнимании к нуждам руководящих работников Молотовской области и просил изменить порядок снабжения:

«За последние годы партийно-советский актив, работники науки, литературы и искусства Молотовской области не имели возможности получать качественных шерстяных тканей и обуви по той причине, что Министерства текстильной и легкой промышленности завозят текстильные товары и обувь в узком ассортименте и низкого качества.

В 1947 г. на базу текстильсбыта почти не поступало коверкотов, метро, люкс, высококачественных драпов, набивных шелков и модельной обуви». В письме, напоминающем по стилю коммерческую заявку, секретарь от имени обкома просил заместителя председателя Совета Министров СССР «... дать указание Министрам текстильной и легкой промышленности отгрузить в счет плана четвертого квартала: коверкота — 500 метров; бостона — 1000 метров, метро — 500 метров, люкс — 500 метров; драпа — 1000 метров, мужской модельной обуви — 1000 пар; дамской модельной обуви — 1500 пар; трикотажных изделий на 2000 рублей»¹. Здесь важны объемы заказа. Хмелевский не скрывал того, что он намеревается приодеть номенклатурных работников, испытывавших дополнительные немалые трудности в связи с неожиданной отменой льгот и привилегий, обретенных ими в военные годы.

В июне 1947 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 448-11с «О расходах на социально-бытовое обслуживание руководящих партийных и советских работников областей, краев, автономных республик, городов и национальных округов». В нем речь шла об упорядочении, а в действительности о сокращении лимитов на пользование услугами сапожных и пошивочных мастерских для руководящих лиц.

«Это постановление Совета Министров РСФСР содержит в себе серьезный недостаток, так как оно правильно решает вопрос

¹ Хмелевский — Косыгину 19.11.1947 г. // ГОПАПО Ф. 105. Оп. 13. Д. 169. Л. 90.

об улучшении социально-бытового обслуживания советских работников, но в то же время сильно ухудшает материальное положение значительной группы руководящих работников партийного аппарата, — писал секретарю ЦК А.А. Жданову К.М. Хмелевский. — Постановление несправедливо обходит ту часть работников партийного аппарата, которая до сих пор охватывалась социально-бытовым обслуживанием». Далее, как полагалось в документах такого рода, он приводил конкретные примеры. «В итоге получается, что Уполномоченный Совета по делам религиозных культов, один состоящий в штате этого аппарата в облисполкоме, получает лимит в 400 рублей, а заместитель заведующего оргинструкторским отделом обкома ВКП(б) тов. Меккель, например, человек с высшим образованием, имеющий большой опыт партийной и инженерной работы и контролирующий работу ряда отделов облисполкома, оказалась совершенно лишена какого бы то ни было социально-бытового обслуживания». В конце письма, и так мало напоминающего по стилю тривиальную жалобу, Хмелевский перешел на язык требований: «Молотовский обком ВКП(б) считает постановление Совета Министров РСФСР до конца не доработанным и просит Ваших указаний Председателю Совета Министров тов. Родионову о разрешении Молотовскому облисполкому и горисполкому внести в число подлежащий социально-бытовому обслуживанию 9 заместителей заведующих отделами и помощника 1-го секретаря Молотовского обкома ВКП(б), 5 заместителей секретаря и 4 заведующих отделами Молотовского горкома партии, а также 6 секретарей райкомов ВКП(б) гор. Молотова и 1-го Секретаря ГК ВЛКСМ»¹. В письме отчетливо слышен ропот рассерженных и разобиженных партийных аппаратчиков, отодвинутых от кормушки.

Заметим, что даже сокращенные лимиты партийных чиновников были выше, чем только что предоставленные льготы и привилегии для академической и профессорской части интеллигенции. Никто из них не получил никаких лимитов на социально-культурное обслуживание².

Пока секретарь обкома тщетно пытался здравыми аргументами переубедить московские власти, его подопечные не теряли времени даром. За годы войны они научились обходить все и всяческие огра-

¹ Хмелевский — Жданову. 22.07.1947 г. // ГАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 5-7.

² См.: Приказ по наркомату просвещения РСФСР № 293 от 19 марта 1946 г. // ГАПО. Фр. 420. Оп. 1. Д. 260. С. 9-14.

ничения, установив взаимовыгодные отношения с хозяйственными руководителями. Те, кто занимал высокие посты, брали себе все, в чем нуждались. Зам. председателя облисполкома Гительман «...сверх установленного ему продовольственного лимита взял в январе 1947 г. в хозяйстве областной комплексной опытной станции мяса 7 кг.; в 1946 г. в швейной мастерской обллегпрома при лимите в 2000 рублей сшил для себя и своей семьи 22 вещи на сумму 4353 рубля»¹. Хотя платил, естественно, не по коммерческим ценам. Секретарь горкома Попов «...постоянно на всем протяжении работы, от меня [завхоза горкома] получал папиросы и за них не рассчитывался»². Начальники поменьше обкладывали данью колхозы. «Едет инструктор, секретарь райкома в колхоз и обязательно что-нибудь возьмет. Берет и скрывает от другого, а потом весь район об этом говорит. Как это было в П-Сергинском районе», — рассказывал на пленуме обкома все тот же К. М. Хмелевский:

«Колхозы, которые рассчитались с государством, могут что-нибудь продать и в райком, и в райисполком. Но это нужно делать организованно, через соответствующие торговые организации, потребсоюз и выдать открыто. Деньги платить за это. Мы имеем много таких случаев, когда районные работники, беря таким путем продукты, даже не рассчитываются за них. Надо против этого повести решительную борьбу. Таких людей, которые и в дальнейшем будут такими делами заниматься, надо снимать с постов и исключать из партии. Потому что они позорят партию. Беспартийные по этим людям начинают оценивать всю партию»³.

Партийные работники, наверное, кивали головами и продолжали привычные практики.

Рабочие сердились на другое: «Почему руководители предприятий и района живут во много раз лучше, чем мы?»⁴. Ответа на этот вопрос они не получали.

Не следует думать, однако, что московские власти пытались уменьшить экономическое неравенство между номенклатурой и рядовыми гражданами, многократно усилившееся во время войны.

¹ Цепенников — Шкирятову 17.04.47//ГОПАПО. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

² Рубцов — Зайцеву 12.12.1946//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159. Л. 190.

³ Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 15 июля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9. Л. 127—128.

⁴ Информация «О настроении масс Орджоникидзевского района г. Молотова 18.07.1947»./ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 13

Умная и наблюдательная современница событий записывает тогда же в свой дневник: «Новая иерархия вовсе еще не совершившийся факт, а еще процесс, в достаточной мере противоречивый и осязаемый. В закреплении новой позиции существенны два момента военного времени. Они резко протолкнули давно намечавшиеся изменения. Первое — это военная иерархия, которая сразу все проявила. То, что вне ее было подхалимством, в ее пределах стало чиновничеством. Содержание получило форму, красивую, правильную, молодевавшую, совместимую с честью и доблестью. Иерархия проецировалась в гражданский быт, где выглядит, конечно, иначе. Второй определяющий момент — это иерархия снабжения. Ею все сказано *en toutes lettres**. Откровенно, напрямик. Она ежеминутно осязаема в быту, ее нельзя забыть. Наконец, она гораздо иерархичнее имущественного неравенства, и по психологической своей сущности — ближе к неравенству сословному, кастовому и именно для него создает предпосылки»¹.

Власти не ставили перед собой задачи свести разошедшиеся на опасное расстояние друг от друга полюса экономических статусов разных групп населения, а тем более, разрушить кастовую организацию общества². Они просто разверстывали государево тягло по всем категориям подданных, наводили в хозяйстве порядок. «Тов. Сталин прямо сказал, что материальная зависимость, поборы, подачки — это самое позорное и самое нетерпимое явление в партии. Сейчас руководство ЦК объявило этому самую беспощадную борьбу. Сейчас вопросам самостоятельности партийных органов, их независимости и авторитету придается исключительное значение. Каждый присутствующий здесь должен понять и довести до сознания всех первичных парторганизаций, что нельзя связывать себе руки, отдаваться в зависимость хозяйственникам, ибо это лишает возможности партработников затем спрашивать с хозяйственников, по-большевистски их

* Буквально с фр.: прописью; целиком, без сокращений. — Прим. ред.

¹ Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Новое собрание. М.: Захаров, 1999. С. 282.

² В январе 1946 г. И. В. Курчатов был на совещании в Кремле. Вернувшись оттуда, занес в дневник сталинские высказывания: «По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. ... И хотя он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда может обеспечить, чтобы (проп.) человек жило на славу, свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина». Цит. по: Соколов Б. Берия. Судьба всемогущего наркома. М.: Вече, 2003. С. 211.

поправлять», — объяснял новую партийную линию К. М. Хмелевский¹.

Никто секретарю не возразил. Люди в этой комнате сидели дисциплинированные, тертые, не одну компанию пережившие. Знали, когда аплодировать, когда поддерживать, когда молчать.

Как они действительно относились к запретам на поборы, видно из чудом сохранившегося письма партийного работника секретарю обкома. Обычно бумаги такого рода — блокнотный листок, наспех записанный дрянным пером, в дела не подшивались. Сотрудник обкома получил премию от большого хозяйственного руководителя — золотые часы. Товарищи по партии сочли, что подарок не по чину и доложили секретарю обкома. Тот распорядился часы вернуть. Раздосадованный аппаратчик приказание выполнил, но обиделся и написал шефу:

«Николай Иванович!

Ваше поручение выполнено. По Вашей просьбе высылаю Вам справку комбината «Молотовуголь» о сдаче часов.

Только, Н. И., я забыл вам сказать, что одна из причин, толкнувшая меня на этот неправильный путь, это получение золотых часов тов. Швецовым [председатель облисполкома] — тоже как премия (по разрешению замнаркома тов. Горшкова). Поэтому я, очевидно, впав в ошибку, посчитал возможным взять часы по приказу т. Кротенко [директор треста «Молотовуголь»] как младший товарищ т. Швецова.

Вообще, Николай Иванович, я, видно, неудачник. Живу я скромно. Стараюсь всегда подражать вам как скромному ленинцу-большевику. Спасибо за учебу. Но, право, Николай Иванович, за 6 лет в обкоме ВКП(б) получилось, что меня во многом забывали, и вышло «Кому пироги, да пышки, а мне все синяки, да шишки».

С приветом»²

Рабочие, у которых отняли дополнительные хлебные пайки, сталкивались с другими трудностями, нежели их начальство. Они просто голодали. Руководители Чусовского металлургического завода в июне 1947 г. просили о помощи обком партии: «В настоящее время завод никаких видов дополнительного питания не имеет. Рабочие завода, одиночки, многосемейные и рабочие на трудоемких работах, и особенно инвалиды войны и труда и семьи погибших, не имея ника-

ких видов дополнительного питания, получаемые ими нормированные продукты по карточкам расходуют в первые десять дней месяца, а остальное время находятся в весьма тяжелом продовольственном состоянии. В связи с созданным тяжелым продовольственным положением падает производительность труда, увеличивается заболеваемость, и все это вместе взятое не может не отразиться на выполнении плана завода»¹.

Из Соликамска писали в Москву: «Рабочие не обеспечиваются промышленными товарами. Многие рабочие совершенно раздеты и разуты. <...> Из-за отсутствия мыла белье не стирается. Рабочие, не имея смены белья, спят в верхней грязной одежде»².

Местное начальство просит от властей — все равно, областных или центральных — товаров по коммерческим ценам, иначе говоря, расширения зоны свободной торговли. Зимой 1947 г. Хмелевский отправляет телеграмму Косыгину: «В связи с отменой хлеба холодным завтракам, второму горячему питанию, хлеба, крупы (так в тексте — О. Л.) Молотовский облкомпарт просит Вас улучшения питания шахтеров, грузчиков угля особенно сейчас в период сильных холодов обязать министерство мясомолочной промышленности немедленно открыть в городах Кизеле, Губахе, Половинке, поселках Коспаша и Гремячем пирожковые цеха для продажи горячих пирожков по коммерческим ценам, а также выделить для этой цели фонды сырья»³.

Москва, как правило, отвечала отказом: фондов нет. Мобилизуйте местные резервы. На поиск хлеба была двинута милиция. Начальник областного управления Н. Скрипник рапортовал о достигнутых успехах:

«В результате проверки на складах Заготзерно обнаружено в стадии порчи 780 тонн зерна, которое принятыми мерами через партийно — хозяйственные местные органы было полностью восстановлено. <...> В целях борьбы с т. н. "мелкими" хищениями хлебопродуктов и др. продовольственных товаров, начальникам 8 горотделов МВД и Начальнику милиции гор. Молотова было предложено провести единовременную гласную проверку рабочих и служащих, идущих со

¹ Попов А. Забалуев — Антонову//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 169. Л. 59.

² Кузнецов — Горемыкину. Февраль 1947 г.//ГОПАПО. Ф. 1845. Оп. 7. Д. 242. Л. 38.

³ Хмелевский — Косыгину. 26.01.1947 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 169. С. 1.

¹ Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 15 июля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9. Л. 127.

² Клепиков — Гусарову. 10.02.1945//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154. Л. 12—12(об).

смены после окончания работы с мельзаводов, пекарен, складов, баз Заготзерно и крупных магазинов.

В результате организованной и проведенной 14 12 –46 г. операции за мелкие хищения из указанных объектов было задержано 107 человек. У задержанных было обнаружено и изъято:

Муки	96 кгр
Зерна	43 кгр
Хлеба	126 кгр
Сухарей	36 кгр
Мешкотары	16 штук
Масла сливочного	2 кгр
Др. продуктов	10 кгр

Основными методами мелких хищений являются:

1. Вынос муки, зерна и др. продуктов в ведрах и бидонах под прикрытием картофельными и другими очистками. Или наливом сверху пищи, кваса и других жидких продуктов, в специально сшитых мешочках, которые подвязываются к животу, на спину, в рукава одежды и брюки.

2. Буханки печеного хлеба разрезаются пополам, а потом вкладываются в голенища сапог, в рукава одежды, брюки, или подвязываются к животу, спине, а потом выносятся. <...>

Из числа задержанных 48 человек на второй же день в порядке ст. 364 были осуждены по ст. 162 п. «е» УК к 1 году тюремного заключения каждый.

По опыту этой проведенной операции всем начальникам ГО и РО МВД предложено проводить такие операции не менее 2 раз в месяц. <...> В декабре за хищение, разбазаривание и порчу хлебопродуктов органами МВД и милиции области возбуждено 255 уголовных дел. По ним привлечен 461 человек. Из них арестовано 198 человек. В числе привлеченных:

Председателей колхозов	11 чел.
Директоров заготпунктов и элеваторов	2 чел.
Материально-ответственных лиц	132 чел.
Работников охраны	36 чел.
Рабочих, служащих и колхозников	280 чел.

Привлеченными по уголовным делам расхищено:
Хлебопродуктов -52803 кг
Разбазарено: 17850 кг.

Из этого количества найдено и изъято хлебопродуктов 63088 кг.

Выявлено оперативным путем скрытого от учета и подготовленного для хищения и разбазаривания зернопродуктов по колхозам и Заготзерно — 116216 кг»¹.

Не успокоившись на этом, милиционеры пошли по квартирам торговых работников, если находили в там излишки продовольствия, то изымали. Хозяев, невзирая на партийность и должность, вызывали на ночные допросы. Возбуждались дела, которые через некоторое время закрывались. Прокурор области докладывал в Москву: «В 1947 г. органы милиции Молотовской области возбудили неосновательно 640 уголовных дел, которые прекращены производством. Если же принять во внимание, что по каждому делу было допрошено только по 5 человек, то подверглись напрасному вызову на допросы более 3000 граждан. Необходимо при этом отметить, что в областном управлении милиции допросы, как правило, происходят в ночное время, куда люди вызываются еще днем и находятся в ожидании по несколько (так в тексте — О. Л.) часов, тем самым люди в больших размерах теряют рабочее время»².

Упомянутые в записке люди — в большинстве своем номенклатурные работники нижнего и среднего звена, которых областной комитет и сотрудничавшая с ним прокуратура в обиду не давала. Рабочих можно было зимой раздевать на улице, обыскивать, отбирать полбуханки хлеба, передавать дело в суд и выносить обвинительные приговоры. Начальники получали правовую защиту. Так рождалась иллюзия, что и центральная власть их не обидит: денег, во всяком случае, не отберет.

Неожиданностью для номенклатурных работников стала конфискация денежных средств. И вот здесь возникает первый вопрос: отчего так случилось. Указание на государственную тайну ничего не объясняет. Информацию о денежной реформе властям утаить не удалось. Работники Гознака видели новые ассигнации с годом выпуска — 1947-м. В соответствующих отделах готовили проекты новых цен. Все это неоднократно согласовывалось, переделывалось, перепроверялось. О грядущих конфискациях московские чиновники

¹ Скрипник — Швецову. Докладная записка «О результатах выполнения постановления СМ Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 25.10.1946 г. № 1362 "Об обеспечении сохранности государственного хлеба" органами МВД по Молотовской области». 17.01.1947 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 149. Л. 1–4.

² Куляпин — в ЦК ВКП(б). «Докладная записка "О незаконных действиях органов милиции Молотовской области"». 7.02.1948 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 110.

ки сообщали своим близким, те — дальним. Шла цепная реакция. Уже задним числом в начале 1948 г. МВД СССР сообщило в ЦК, что утечка информации произошла в Ленинграде¹. Паника, однако, началась в Москве, бывшей, помимо всего прочего, средоточием коммерческих магазинов и ресторанов². За три недели до реформы население брало штурмом торговые учреждения, скупая в них все до последнего гвоздя.

В городе Молотове происходили подобные сцены. Правда, местные обыватели выглядят в этой ситуации более осведомленными и рационально мыслящими. Они несут деньги в сберкассы, заводят новые вклады, разукрупняют старые. Агитаторам за две недели до отмены карточной системы задают вопросы: «Предполагается ли денежная реформа?»³.

На оперативном совещании в городской прокуратуре 16 декабря 1947 г. его участники высказывают предположение о том, «что, вероятно, финработники разгласили государственную тайну, и поэтому отдельные лица вкладывали свои деньги в последние дни перед реформой на несколько книжек, мелкими вкладами до 3000 рублей». Тут же упоминают о взятках, которые «последние дни перед реформой брали с клиентов в сберегательных кассах за внеочередные услуги»⁴. Слова о взятках, по всей видимости, — повторение в официальной обстановке городских слухов. Последующие расследования этого обвинения не подтверждают.

Спустя некоторое время был обнаружен и один из источников информации. Начальник Александровского райотдела МВД «...вскрыл

¹ См.: Жирнов Е. «Во вражеской группе подготовлялся перенос столицы в Ленинград» // Коммерсант-власть. 2000. № 38. С. 55.

² В последние дни в городе Москве распространились слухи, что в ближайшие дни будет произведен обмен существующих денег на новые денежные знаки из расчета 10—12 копеек за рубль и что одновременно будут повышены цены на промышленные товары, отпускаемые по плановым ценам. — информировало МВД СССР ЦК ВКП(б) 30 ноября 1947 г. В связи с этим в Москве имел место массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промышленными товарами». Скупали меха и шубы, живописные полотна и золотые кольца, охотничьи ружья и мотоциклы. См. Жирнов Е. «Полностью скуплены меха, пианино, часы, мотоциклы...» // Коммерсант-власть. № 48. С. 74—75.

³ Информация «О задаваемых вопросах трудящимися Кагановического района г. Молотов за период с 4 ноября по 4 декабря 1947 г.» // ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 335. Л. 18—18(об).

⁴ Протокол № 18 Оперативного совещания, состоявшегося при прокуроре г. Молотова. 16.12.1947 г. // Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 19.

пакет с инструкциями один раньше установленного срока и 14.12.1947 г. вручил их руководителям финансовых и других органов района ... в не опечатанном виде». Удовлетворив свое любопытство, он тут же приступил к практическим мерам: 13 декабря его супруга оформила вклад на имя мужа в сумме 2035 руб., посоветовав своей приятельнице «...сдать свои сбережения пока не поздно в сберкассу, так как ей доподлинно известно со слов мужа, что вклады до 3000 тысяч рублей будут переоцениваться рубль за рубль». Стоит ли удивляться, что в районную сберкассу в субботу «был большой наплыв вкладчиков» — 47 человек¹.

И, тем не менее, множество лиц, имеющих на руках значительные денежные суммы, оказались застигнутыми врасплох. Можно только догадываться, почему ответственные сотрудники того же МГБ или финансовых органов, директора заводов и партийные секретари прошли мимо упорных слухов о грядущей реформе. Пребывали ли они в состоянии «идеологического фантазма», при котором люди «...прекрасно осознают действительное положение дел, но продолжают действовать так, как если бы они не отдавали себе в этом отчета?»² Эти люди за годы войны привыкли к собственной значимости. Они поверили, что возврата к практикам 1937 г. больше не будет и были настолько уверены в завтрашнем дне, что не могли допустить мысли о том, что государство поведет себя по отношению к ним столь безжалостно и неблагодарно: не предупредит заранее о грядущих изменениях, не предоставит им особых возможностей.

Те же из них, кто по роду службы и опыту был лучше информирован, по всей вероятности, растерялись в разногласии противоречивых слухов и сведений, поступающих из различных московских инстанций по поводу будущей реформы. Справка, составленная начальником особой инспекции МГБ в феврале 1948 г., глухо упоминает о том, что «...еще до выхода в свет данного закона некоторые работники УМГБ Молотовской области оказались не на высоте своего положения, видя, что на горизонте вырисовывается "неясность" исхода с денежной реформой, начали шарахаться в крайности. Появилась растерянность, оказались в плену обывательщины»³. Вероятно, в сходную ситуацию попали и руководители городских финансовых органов. Во всяком случае, люди, наиболее защищенные по своему служебному

¹ Заключение зам. военного прокурора войск МВД Уральского округа полковника юстиции Панмана 3.07.1948. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 39.

² Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 40.

³ Справка начальника особой инспекции МГБ СССР полковника Балябина от 19.03.1948 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 23.

и общественному положению, встретили сообщение по радио об обмене денег совершенно неподготовленными. И в последующие дни они совершали множество хаотических, иррациональных поступков в надежде сохранить и свои сбережения, и свою идентичность.

Но сначала несколько слов о других — не номенклатурных — лицах, пытавшихся в эти декабрьские дни спасти и приумножить свои сбережения. Речь идет о работниках торговли и снабжения, прочих гражданах, состоящих при распределении продуктов и промтоварах. Это был их час. Обмен денег и рост государственных цен открывали широчайшие возможности для быстрого обогащения и последовавшего за ним разоблачения. Некоторые попадались сразу, другие через месяц, третьи ушли от наказания. Уже в январе 1948 г. прокурор города Симонов докладывал начальству об окончании девяти дел такого характера. Заведующая магазином № 55 ликеро-водочного завода «... 15 декабря 47 г. сдала 31 тысячу рублей старого образца собственных денег инкассатору Госбанка под видом выручки и скрыла от учета 328 литров водки». 15 лет лишения свободы. «Зав. базой ОРСа телефонного завода <...> 15 декабря внес личных денег старого образца под предлогом выручки за продажу водки 12 тысяч 100 рублей, а водку от учета скрыл». 12 лет лишения свободы. «Приговор суда опубликован в областной газете «Звезда»¹.

Нельзя сказать, чтобы эти драконовские меры были эффективными. Спустя некоторое время в партийные органы, в редакции газет, в милицию посыпались заявления от рассерженных горожан. Одно из них переправил секретарю обкома П. Ф. Пигалеву редактор «Звезды» Б. Назаровский: «Старший мастер завода № 19 имени Сталина Вечинкин пишет: «У проходной завода совершенно нет порядка. Здесь свили гнездо спекулянты и продают разного рода снесь. В то же время палатка ОРСа завода бывает закрытой. В буфетах и рабочих столовых, находящихся в заводе, почему-то не продают папирос. Рабочие вынуждены покупать папиросы у спекулянтов»². Наиболее оборотистые граждане устремились в Москву, где уже по новым ценам и на новые деньги скупали товары первой необходимости для перепродажи. В докладной записке городского прокурора на имя прокурора генерального скрупулезно перечисляются трикотажные изделия, головные платки, отрезки материи, дамские юбки, а также

галоши и тетради, конфискованные у спекулянтов¹. В основном все-таки торгуют водкой, вином и папиросами, полученным для реализации от торговых работников. И то, и другое куплено за старые деньги и потому иной раз продается по ценам ниже государственных².

Врачи, имеющие частную практику (легальную или полулегальную), хорошо зарабатывающие артисты театра оперы и балета поступали иначе. Профоргтеатра опера и балета оптом скупил профсоюзные марки, дабы позднее продать их за новые дензнаки. Дантист — заведующий зубопротезным отделением вместе с начальником медсанчасти закрытой поликлиники завода им. Молотова «...15 декабря сдали в госбанк на свой расчетный счет под видом выручки свои личные деньги — 11 000 рублей с тем, чтобы получить эту сумму обратно деньгами нового образца»³. Так же поступали и иные лица. Сейчас уже не установить, как медики намеревались вернуть свои деньги из государственной казны, но из прокурорской переписки явствует, что такая возможность наличествовала. Заметим, что руководство Молотовского управления Госбанка телеграфного распоряжения о запрете приема денежных средств, за исключением выручки хлебных магазинов, не выполнило. «В силу такой бесконтрольности отдельные организации (Госбанка — О. Л.) принимали денежные средства от населения по всем видам платежей вперед — в погашение займа, ссуд, квартплаты и т.п., а отдельные должностные лица собственные деньги перечисляли на расчетный счет учреждений, чтобы сохранить их в новой, 100-процентной стоимости»⁴. Обратим внимание и на то, что деньги принимались только от «избранных», иначе не объяснить появление краткосрочного черного рынка, на котором происходил обмен старыми дензнаками по особым ценам⁵.

Большинство людей, не имевших свободных средств, столкнулись с другими трудностями. Отмены карточной системы ждали. На

¹ См.: Симонов — Горшенину. Докладная записка. 31.12.1947 г. // ГАПО Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 33–34.

² Там же, С. 34.

³ Симонов — Хмелевскому 13.01.1948 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. С. 50.

⁴ Симонов — Хмелевскому /без даты/. Черновик Докладной записки // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 46.

⁵ Ряд руководящих работников хозяйственных организаций имели ссуды на индивидуальное строительство. Пользуясь проведением реформы, эти люди занялись скупкой денег и скупленными деньгами погашали ссуды». Из выступления прокурора С. И. Симонова на оперативном совещании 16.12.1947 г. // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 19.

¹ Симонов — Горшенину. 16.01.1948 // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 42.

² Назаровский — Пигалеву. 22.12.1947 // ГОПАПО Ф. 105. Оп. 13. Д. 169. Л. 97.

нее надеялись. Ее готовили. Специалисты Госплана разрабатывали схемы снабжения населения продуктами и товарами первой необходимости. Нормы продажи товаров «в одни руки» регулировались специальным постановлением: хлеб печеный — 2 кг; крупа, макаронны — 1 кг, мясо и мясопродукты — 1 кг; колбасные изделия и копчености — 500 г; сметана — 500 г; молоко — 1 л; сахар — 500 г; хлопчатобумажные ткани — 6 м; нитки на катушках — 1 шт.; чулки-носки — 2 пары; обувь кожаная, текстильная, резиновая — по одной паре каждой, мыло хозяйственное — 1 кусок; мыло туалетное — 1 кусок; спички — 2 коробки; керосин — 2 л¹.

Заранее накапливали продовольственные запасы. Готовили вагонный парк. Ремонтировали помещения под новые торговые точки. Когда же прозвучал сигнал, выяснилось, что дело организовано из рук вон плохо.

Контролер Министерства государственного контроля СССР 24 декабря 1947 г. сообщал секретарю Молотовского обкома: «Постановление Совета министров Союза ССР № 3129-1020 от 2 сентября ... в части расширения торговой сети в связи с переходом на бескарточную торговлю продовольственными и промышленными товарами облисполкомом полностью не выполнены. <...> Сельских магазинов следовало открыть 20, фактически открыто 6; хлебных магазинов необходимо было открыть 35, открыто — 24». И в старых, и в новых магазинах, оказывается, нечем было торговать. Склады и базы были забиты продовольствием, которое почему-то не отгружалось по торговым точкам. «При потребности в главнейших промышленных городах области на один месяц 10 438 тонн муки на хлебозаводах, мельницах и на складах Заготзерно имеется 15 462 тонны, что обеспечивается полуторамесячным запасом муки. Из выделенного фонда по 15 промышленным городам области на 15 дней — 4204 тонны крупы, в наличии ее имеется на местах 1936 тонн, что составляет 48,4% к потребности. Причем, по отдельным промышленным городам области крупы совершенно нет, либо она имеется в крайне ограниченных размерах. По городу Молотову из 2537 тонн полученного фонда имеется 213 тонн, что составляет обеспеченность всего лишь — 8%».

В первые дни после реформы многие магазины не работали. Работники торговли не успели произвести инвентаризацию и переоценку товаров. Хлебозаводы не справились с увеличением производства и гнали брак. В магазин № 9 Молотовского облторга «от хлебозавода

¹ См.: Завадская Э., Царевская Т. Денежная реформа 1947 года: реакция населения. // Отечественная история. 1995. № 6. С. 134–135.

№ 2 поступило 4572 кг, из которого 749 кг оказалось сплошного брака; хлеб не промешан, сырой, с пережженными верхними и нижними корками»¹.

Трудящиеся роптали. Заместитель редактора газеты «Звезда» составил для секретаря обкома обзор писем с мест: «По тракту между Кудымкаром и Белоевым ежедневно можно видеть толпы белоевцев, идущих за хлебом в Кудымкар. В самом Белоево положение очень плохое. С утра население устремляется в районный центр, где с полудня стоит в очередях, чтобы взглянуть на магазины. Утро. Открываются магазины. Вся очередь устремляется в двери. Происходит крик, давка, летят разбитые стекла. Немного погодя, продавец десятков буханок хлеба и килограмма 4 сахара, продавец объявляет, что лимит весь вышел, и разочарованная публика расходится, нелестно отзываясь о порядках»².

Нужно заметить, что к торговле без карточек номенклатурные работники приспособились быстро. В этом же обзоре Гуревич, ссылаясь на письма трудящихся, сообщает: «Карточки в Белоево отменили, но ввели списки. Причем, введено два списка. В первый включены секретарь райкома другие ответственные работники, а во второй — прочие. В особых ларьках люди первого списка получают всего вволю, а для свободной торговли выбрасывается то, что уже никто не берет». В другом селе «заведующий головным магазином ежедневно в ночное время развозит товар по квартирам ответственным работникам. Жаловаться об этом нарушении торговли в районе некому, так как районное начальство значится в списках»³.

Особыми услугами торговли номенклатурные работники пользоваться умели. В чрезвычайных ситуациях им нужно было установить связи с работниками учреждений финансовых на основе общего интереса: сохранения и приумножения личных денежных запасов. Социальные сети выстраивались с двух концов: от высокопоставленных чиновников партийного, советского, хозяйственного и карательного аппаратов к служащим финансовых учреждений — и в обратном направлении. Причем в эти цепочки вовлекались на основе доверительных отношений третьи лица, являющиеся посредниками между договаривающимися сторонами, или замещающие, а в некоторых случаях

¹ Ильин — Хмелевскому. 29.12.1947 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 169. Л. 111–119.

² Гуревич — Пигалеву 30.12.1947 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 169. Л. 108.

³ Там же, Л. 106–109.

прикрывающие во время противозаконных операций высокопоставленных чиновников разных серьезных ведомств.

Основные события развернулись в сберегательных кассах. Номенклатурные работники и служащие финансовых учреждений увидели в трехтысячных вкладах реальную возможность спасти денежные накопления от конфискации. Нужно было только, заручившись согласием руководства сберкасс, внести на счета деньги задним числом. И такое согласие было получено. Начальник Молотовского управления сберкасс Панышина даже проявила собственную инициативу, оповестив многочисленных чиновных знакомых о такой возможности. Позднее ее сделали козлом отпущения, обвинили в том, что именно она сбила с истинного пути заслуженных и солидных мужчин, заставила их совершать антигосударственные действия. Секретарь обкома Кузьма Хмелевский на заседании бюро найдет соответствующую формулировку: «Панышина — заведующая госсберкассой не только сама сделала крупное преступление, но провоцировала целый ряд руководящих работников, ей это было выгодно»¹.

Партийный секретарь, естественно, лицемерил. Стремясь выгородить собственных подчиненных, он представил их несмышленими и наивными подростками, поддавшимися на уговоры матерой обманщицы. Может быть, хотел так нейтрализовать воздействие устрашающей прокурорской политической риторики, явно позаимствованной из языка партийных дискуссий двадцатых годов. В «Справке», составленной в городской прокуратуре для обкома ВКП(б) в феврале 1948 г., в адрес нарушителей звучали грозные ноты: «Выражая настроения наиболее отсталых слоев населения, в сознании которых еще сильны пережитки капитализма, эти лица показали свою политическую неустойчивость, своими действиями подрывали денежную реформу и тем самым наносили ущерб государству»².

В деталях, однако, К. Хмелевский был прав. Действительно, у Панышиной, кроме сугубо статусных, были материальные основания принимать задним числом вклады от важных лиц и взять в со-

¹ Протокол 2 от 9.04.1948 г. заседания бюро обкома ВКП(б)//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 36. Протоколы NN 1–2 заседаний бюро обкома ВКП(б). 6 апреля 1948 г. — 9 апреля 1948 г. — С. 118.

² Справка о фактах грубого нарушения постановления Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» учреждениями, предприятиями, организациями и должностными лицами» 17.02.1948//ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 102.

участники высокопоставленных сотрудников МГБ — чтобы обезопасить себя в случае расследования. Она и свои деньги принялась спасать после объявления о реформе. «Панышина по Центральной сберегательной кассе оформила на свое имя и на имя сына вклад на сумму 8000 рублей. Она же оформила четыре вклада на себя и своего сына в сумме 20 000 рублей по сберкассе № 081 завода «Красный Октябрь»¹.

На позднейших допросах в городской прокуратуре работники центральной сберкассы рассказали, что делалось в операционном зале Центральной сберегательной кассы № 22 г. Молотова поздним вечером 14 декабря. Прочитируем показания главного бухгалтера Дмитрия Федоровича Быкова, молодого человека 25 лет с восьмиклассным образованием:

«14.12.1947 г. по заранее данному распоряжению Панышиной ... приблизительно в 6 часов вечера, я прибыл на совещание, которое было намечено, но повестка дня должна была быть объявлена на совещании. Приблизительно около 8 часов вечера мы были приглашены на совещание, где прорабатывались инструкции министерства финансов. <...> Совещание закончилось приблизительно в 10–30 вечера. После совещания я спустился в операционную часть, где прием вкладов уже заканчивался. Так как после нашего совещания я должен был провести оперативное совещание с работниками сберкассы, то я обратился к <...> Панышиной, чтобы заканчивать операционный день или не заканчивать, ввиду того, что операции за день были большие, и сразу же после работы я проводил инструктаж по переоценке вкладов. Панышина ответила, чтобы мы не заключались и оставили один операционный дневник не законченным. Кроме того, Панышина предупредила меня, чтобы я оставил один билет на предъявителя для директора одного завода. <...> Когда я проводил инструктаж, то зав. опер. частью Кропачева А. П. находилась в операционной части и выполняла прием вкладов, как я позднее узнал, по распоряжению Панышиной.

15 декабря 47 г. <...> мне ответили, что Кропачева находится в фондовом отделе и принимает вклады. <...> Кропачева мне заявила, что ее завалили деньгами, в большинстве случаев — работники Горуправления по распоряжению Панышиной. <...>

¹ Докладная записка о фактах нарушения постановления Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» учреждениями, предприятиями, организациями и должностными лицами»/без даты//ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 44.

Я лично, видя, что все начальство вкладывает, внес 2180 рублей на предьявительский вклад, о чем поставил в известность Кучину»¹.

Среди упоминаемого начальства был и «человек с ружьем». «В отношении приема денег от сотрудника — не знаю, или МГБ, или МВД, погоню не видел, — дополняет свои показания Быков. — Был одет в штатское пальто с пистолетом. То же самое, с согласия заведующей. Сотрудник назвал себя следователем; фамилии я не знаю; и вклад был оформлен на предьявительское лицо»².

Всего в сберегательной кассе № 22 было принято таким образом 83 вкладов на сумму 203 000 рублей³.

В сберкассе № 6983 Сталинского района все началось на день позднее — в понедельник 15 декабря. «После приезда Панышиной с группой актеров театра оперы и балета (6 чел.) и с работником МГБ Владимировым, которым по указанию Панышиной были оформлены вклады задним числом, сотрудники этой райсберкассы стали оформлять вклады в большом количестве себе и своим родным и знакомым»⁴. В итоге приняли 81 вклад на сумму 187 тысяч рублей⁵. Замечу, что актерское прикрытие было не случайным. В номенклатурной среде г. Молотова были хорошо осведомлены о пристрастии хозяина — так называли между собой Кузьму Михайловича Хмелевского — к людям театра: он обеспечивал их квартирами вне всякой очереди, заботился о присвоении почетных званий, приветственные телеграммы посылал⁶.

Владимиров или его шеф, разработавший всю операцию, надеялись на то, что по поводу актеров никто шум поднимать не будет. И все уладится.

В других районах действовали прямолинейней. Обойденные вниманием Панышиной партийные секретари проявляли собственную инициативу. Одни из них, как секретарь Кагановического райкома Хрущев, отдавали письменные распоряжения на официальных блан-

¹ Протокол допроса свидетеля Быкова 8.01.1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 52–52/об/

² Там же. Л. 53.

³ Симонов — Хмелевскому. Докладная записка.//ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 46.

⁴ Протокол допроса свидетеля Быкова 8.01.1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 49.

⁵ Симонов — Хмелевскому. Докладная записка.//ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 46.

⁶ См.: Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950–14.01.1950.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. — Л. 10, 63–64, 143.

ках, иные просто приносили деньги. Все оформляли задним числом: «Нигде ведь не указано о том, что мы принимали вклады 15-го декабря. Потому не может быть разговора о пятнадцатом числе», — инст-руктировала своих подчиненных Панышина¹.

В сельской местности было проще. Там не церемонились. В далеком Юго-Осокинском районе работники сберкассы принимали вклады прямо «...на улице и на другие вымышленные фамилии»².

В марте следующего года министр финансов РСФСР Софронов перешлет в Молотовский обком далеко не полный список должностных лиц, оформивших вклады задним числом. В нем — директор завода им. Калинина (в списке ошибочно указан завод им. Сталина) и заведующий хозяйственно-финансовым сектором облисполкома, заместитель начальника областного управления связи, секретари райкомов, комсорг ЦК ВЛКСМ на заводе им. Молотова и начальник областного управления МГБ СССР³.

Дело генерала Зачепы, а именно он был тогда начальником областного управления государственной безопасности, стало самым громким событием денежной реформы в Молотовской области и даже вошло в местный фольклор. Спустя десятилетия о нем напоминает В. Астафьев. В повести «Так хочется жить» возникает зловещая фигура генерала — «наполовину татарина, наполовину хохла. Через несколько лет этот деятель будет избран депутатом Верховного Совета как железный чекист и истинный коммунист, а еще через года три во время денежной реформы нагреет он родное государство на несколько миллионов и, будучи помещен в закамскую психушку, быстренько кончит там свои дни, потому что орал на всю округу, мол,

¹ Протокол допроса свидетеля Кучиной Ф. Д. 9.01.1948 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 57.

² Козлов — Хмелевскому 13.02.1948 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 68/об/.

³ Софронов — Пысину: Список вкладчиков — должностных лиц, внесших вклады 14.12.1947 г. в сберегательные кассы гор. Молотова. 1.03.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 13. На неполноту списка указывают многочисленные партийные документы и прокурорские акты. В нем пропущены представители сельской номенклатуры и руководители финансовых учреждений города и области. Так, в информации, отправленной в ЦК ВКП(б) в феврале 1948 г. упоминаются руководящие работники г.г. Кизела и Березники. См. Информацию «О фактах нарушения постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) О денежной реформе руководящими работниками-коммунистами Молотовской области 18.02.1948»//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 179. Информацию обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б). 9.01.1948–22.12.1948. Л. 42.

есть воры и повыше него, и он всех выведет на чистую воду, исчезнет безвучно и бесследно с испоганенной и ограбленной земли»¹. В действительности все было проще и прозаичней. Иван Иванович Зачепа, прослуживший в карательном ведомстве на десять лет больше своего тогдашнего министра В. С. Абакумова, пережил того едва ли не на четверть века. Он скончался в г. Киеве в 1976 году.

После увольнения с должности И. И. Зачепа побыл некоторое время безработным; через три года вернул себе партбилет, уехал на Украину, где мирно трудился на комбинате «Украинуглестрой» — сначала начальником отдела кадров, а затем начальником охраны. Понижение по службе, по всей видимости, вызвано было недостатком образования. Человеком был Иван Иванович не слишком грамотным. Учился в приходской школе и только в 1947 г. экстерном окончил среднюю школу при Молотовском пединституте. Писал генерал с грамматическими ошибками, запятых не признавал вовсе. В 1955 г. Иван Иванович вышел на пенсию².

Ему повезло много больше, чем соседу по области и товарищу по должности. Начальником управления МГБ по Свердловской области был тогда генерал-лейтенант Тимофей Михайлович Борщев, человек заслуженный, одно время бывший заместителем наркома внутренних дел Азербайджана, затем наркомом того же ведомства в Туркмении, а в 1941 г. переброшенный в Свердловск. «Тимофей Михайлович раньше времени (утром 14 декабря 1947 г.) вскрыл пакет с секретной инструкцией о проведении денежной реформы в стране. Узнав таким образом о предстоящей реформе и поняв, что по ее результатам он потеряет значительную сумму, Борщев спешно дал ряд распоряжений своим сотрудникам. Работники секретариата УМГБ, получив от Борщева деньги, обязаны были незамедлительно внести их на сберегательные книжки своего начальника. <...> В то же время родственники начальника УМГБ области сумели разложить крупные суммы денег, лежащие на сберкнижках, на более мелкие вклады, чем также спасли свои сбережения от надвигающейся денежной реформы»³. Спасли ненадолго. Было расследование, признание, а затем отстранение от должности по ходатайству

¹ Астафьев В. Так хочется жить. Обертон. Веселый солдат. Повести. — Иркутск, 1999. С. 151.

² См.: Петров Н. В. Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. С. 203; Автобиография члена ВКП(б) Зачепа Иван Ивановича. 12.02.1944//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 1137. Л. 6—9; Зачепа Иван Иванович. Б.Д. //ЦГАВОВиУ. Ф. 288. Оп. 7. Д. 569. Л. 1—2.

³ Тумшис М. ВЧК. Война кланов. М.: Яуза — Эксмо, 2004. С. 298.

Свердловского обкома. Уволенный со службы генерал вернулся в Азербайджан. Дальше информация из справочника: «Работал заместителем председателя Бакинского горисполкома, помощником секретаря ЦК ВКП(б) Азербайджана и заместителем заведующего отделом административных органов ЦК АКП(б). В апреле — июле 1953 г. начальник управления охраны МВД Азербайджанской железной дороги, снят с поста (С. 132) и уволен из органов МВД после ареста Берии. Лишен звания генерал-лейтенанта 23 ноября 1954 г. Постановлением Совета Министров СССР "как дискредитировавший себя за время работы в органах [имелись в виду вовсе не злоупотребления по службе в 1947 году, но азартное исполнение приказов НКВД СССР и ЦК КПА в 1937—1938 гг. — О. Л.] и недостойный в связи с этим высокого звания генерала". Арестован в январе 1955 г. и в апреле 1956 г. выездной сессией ВКВС СССР приговорен к расстрелу. Расстрелян 16 мая 1956 года»¹.

Генерал-майор Зачепа колебался дольше, не зная, как спасти свои деньги. 15 декабря он, наконец, решился. При помощи все той же вездущей Паньшиной изъясил из сберкассы старыми банкнотами семейные вклады на сумму 34 000 рублей, добавил к ним карманные деньги и разместил 50 000 рублей мелкими вкладами на несколько имен в сберкассе Сталинского района. Все эти операции он проделывал чужими руками. Деньги снимал со счетов и заново на другие счета зачислял начальник его секретариата Владимиров². Примеру генерала последовали подчиненные. Секретарь парторганизации УМГБ «...сдал в коммунальный банк 31 058 рублей, будто бы собранных с жильцов дома работников УМГБ на топливо», с тем, чтобы позднее вернуть их без изъятия новыми банкнотами. «На самом деле эти деньги с жильцов не собирались»³.

Молотов — город маленький. Слухи о генеральских деньгах дошли до секретаря обкома Кузьмы Михайловича Хмелевского, который немедленно вызвал члена бюро обкома Зачепу для разговора.

Генерал был в городе человеком новым. В должности начальника областного управления состоял с декабря 1943 г. До войны 20 лет служил на Украине: руководил районными отделами НКВД, экономическим отделом в областном управлении, год прослужил начальником особого отдела кавалерийской дивизии. Пережил Балицко-

¹ Абрамов В. Евреи в КГБ. М.: Яуза — Эксмо, 2005, С. 132—133.

² См.: Справка Начальника особой инспекции МГБ Союза ССР полковника Балябина. 2.02.1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 22—23.

³ Справка Начальника особой инспекции МГБ Союза ССР полковника Балябина. 2.02.1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 21.

го*. Во времена Леплевского** и Успенского*** в разгар большого террора начальствовал горотделом НКВД г. Ворошиловске в Донбассе. По всей видимости, не слишком усердствовал, во всяком случае, никаких наград за службу не получил, зато выжил, уцелел и дождался карьерного взлета в 1939 г. Для Западной Украины потребовались проверенные кадры.

В своей автобиографии Иван Иванович с гордостью напишет: «Во время событий в Польше меня с оперативной группой Наркомата направили в передовых частях РККА в освобожденные районы Западных областей Украины, где проводили специальную работу по линии НКВД в Волынском воеводстве: Луцк, Ровно и др.»¹. По итогам работы Зачепу назначают начальником областного управления НКВД-НКГБ в г. Дрогобыче и награждают медалью «За отвагу»². При подходе немцев он успевает вовремя эвакуироваться «...в полном составе управления». Во время отступления с частями Юго-Западного фронта Зачепу назначают заместителем командира 8-го стрелкового

* Балицкий В.А. (1892–1937), один из руководителей органов государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 1-го ранга (26.1.1935). Один из главных организаторов массового террора на Украине, унесшего жизни десятков тысяч людей. Расстрелян. — Прим. ред.

** Леплевский И.М. (1896–1938), один из руководителей органов государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 2-го ранга. Один из ближайших сотрудников Н.И. Ежова в организации массовых репрессий, руководил чистками в РККА на первом этапе «большого террора». Расстрелян — Прим. ред.

*** Успенский А.И. (1902–1940), один из руководителей органов государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 3-го ранга (25.1.1938). Принимал самое активное участие в организации массовых репрессий, фальсификации дел и т.д. Расстрелян. — Прим. ред.

¹ «Оперативно-чекистские группы НКВД УССР и СССР были созданы для участия в походе по освобождению от поляков западных областей Украины. Чекисты должны были, двигаясь за наступающими частями РККА, производить аресты и задержания офицеров польской армии, полицейских, жандармов, секретных агентов полиции и жандармерии, представителей крупной буржуазии, активных членов и руководителей антисоветских националистических партий (как украинских, так и польских). Одновременно сотрудники оперативно-чекистских групп занимали важнейшие правительственные здания, производили сбор и захват оружия, изымали архивные документы и материалы спецслужб бывшей панской Польши, удерживали в тюрьмах уголовных заключенных». — В кн.: Тумшис М. ВЧК. Война кланов. М.: Яуза — Эксмо, 2004. С. 222.

² Справка о награждении правительственными наградами. 6.04.1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 1134. Л. 12.

корпуса по охране войскового тыла. О своей временной работе он с гордостью пишет в автобиографии: «С группой работников НКВД, мне приданной, наводил порядок вплоть до применения оружия к злостным дезертирам и бежавшим с передовой»¹. На фронте, однако, Зачепа не задержался, получив должность начальника УНКВД по Сталинской области*. После ухода Красной армии из Донбасса Иван Иванович получает свой первый орден и отправляется в глубокий тыл — в город Молотов. Если верить официальной характеристике, здесь «...он зарекомендовал себя опытным руководителем, умеющим правильно организовать агентурно-оперативную и следственную работу аппарата управления и периферийных органов МГБ». Зачепа «...принимает участие в раскрытии и расследовании наиболее сложных групповых уголовных дел». Его представляют к ордену «за помощь, оказанную областным управлением МГБ руководителям предприятий по выпуску боеприпасов в период Отечественной войны»². Здесь Зачепа становится генералом, орденосцем, членом узкого партийного руководства. Депутатом Верховного совета Зачепу не выбирали. В «Характеристике», подписанной К. М. Хмелевским, перечисляются достоинства Ивана Ивановича: «Принципиальность и настойчивость в работе, начатое дело доводит до конца, скромный и требовательный, чуткий и отзывчивый к нуждам работников аппарата. Он пользуется большим авторитетом среди работников МГБ и в партийной организации»³.

Тем не менее, Кузьма Михайлович сразу поверил в то, что генерал смошенничал. На заседании бюро обкома Хмелевский сумбурно и сбивчиво рассказал о своей первой реакции:

«Должен сказать, что, когда городская прокуратура, в частности, городской прокурор т. Симанов дал сигнал о нарушении денежной реформы со стороны т. Зачепа, и материал, который поступил в обком еще до тов. Соколова, тогда уже было достаточно ясно для того, чтобы утверждать, что было бы типичным злоупотреблением, которые имели места, т. Соколова еще не было, и дело не начиналось проверяться. Я вызвал т. Зачепа и поставил вопрос, что поступил такой-то

¹ Автобиография члена ВКП(б) Зачепа Иван Ивановича//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 1134. Л. 7–7(об).

* С 9.11.1961 — Донецкая область УССР. — Прим. ред.

² Характеристика на начальника управления министерства госбезопасности по Молотовской области т. Зачепа И.И. 9.04.1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 1134. Л. 11.

³ Характеристика канатов. Зачепа Ивана Ивановича. 28.11.1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 1134. Л. 17.

материал, что делали. Я ожидал, что т. Зачепа — член бюро обкома партии, если допустил такую ошибку, глупость, прямо все расскажет, тогда куда было бы проще решать»¹.

Стало быть, и раньше Хмелевский допускал такую возможность. Или в прежнем поведении Зачепа секретарь заметил соответствующие черты характера, или, как Н. С. Хрущев, подозревал в сотрудниках НКВД неумную страсть к личному обогащению², или недоверчиво относился украинским чекистам (о подвигах В. Я. Лавоцкого — начальника Пермского горотдела в 1937—1938 гг. «неизлечимого алкоголика и опустившегося человека», бывшего безжалостным и безоглядным террористом он мог быть осведомлен³), или просто, будучи человеком многоопытным и умным, Хмелевский не слишком верил в бескорыстие ответственных работников. Тому были весомые причины.

Он уже знал, что и некоторые районные партийные секретари вели себя в декабре 1947 г. совершенно по-генеральски.

В справке, отправленной в ЦК, обком ВКП(б) сообщал:

«Первый секретарь Кизеловского Горкома ВКП(б) т. Шиян внес в сберкассу 15 декабря — 1100 рублей, второй секретарь этого горкома тов. Пушкарев внес 800 рублей. <...> Бюро обкома ВКП(б) своим постановлением от 3 февраля 1948 г. объявило т.т. Шиян и Пушкареву выговор с занесением в учетные карточки и сняло их с постов секретарей горкома. Работники финансовых органов и сберкассы гор. Кизела, допустившие указанные нарушения, привлекаются к уголовной ответственности. <...> Бюро обкома ВКП(б) своим постановлением от 3 февраля 1948 г. объявило т.т. Шиян и Пушкареву выговор с занесением в учетные карточки и сняло их с постов секретарей горкома. Работники финансовых органов и сберкассы гор. Кизела, допустившие указанные нарушения, привлекаются к уголовной ответственности. <...>

¹ Протокол 2 от 9.04.1948 г. заседания бюро обкома ВКП(б)//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 36. Протоколы №№ 1–2 заседаний бюро обкома ВКП(б). 6 апреля 1948 г. — 9 апреля 1948 г. — Л. 120.

² И. А. Серов — Наркомвнудел УССР в 1939 г. жаловался по начальству, что во время польского похода Н. С. Хрущев оскорблял его, обвинив в барахольстве: «Вот Вы, сотрудники НКВД, нахватали себе машин и разъезжаете, показывая дурной пример другим». Из докладной записки И. А. Серова Л. П. Берия. 27.09.1937//Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Т. 1. М.: Московские новости, 1999. С. 765.

³ См.: Протокол партийного собрания 3-го отдела УГБ УНКВД [Одесской области] / 20—21.07/1937/ГА СБУ. Одесса. Д. 25468. ФП. Т. 2. Л. 29.

В гор. Молотове допустили нарушение постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. 20 руководящих работников-коммунистов. Первый секретарь Кагановического райкома ВКП(б) гор. Молотова тов. Комаров 15 декабря 1947 г. внес в сберкассу 988 рублей, второй секретарь этого райкома тов. Пьянков — 426 рублей, зав. Отделом агитации и пропаганды тов. Саулина — 2900 рублей. Т.т. Комарову и Пьянкову объявлен выговор и тов. Саулиной — выговор с занесением в учетную карточку. Секретарь по кадрам Молотовского РК ВКП(б) тов. Шилов внес в сберкассу после опубликования постановления правительства 1700 рублей, и зав. оргинструкторским отделом этого же райкома тов. Берсенев — 1200 рублей. Оба они сняты с занимаемых постов. <...> Вопрос о работе и привлечении к партийной ответственности остальных коммунистов в настоящее время рассматривается в райкомах, горкоме и обкоме ВКП(б)»¹.

Хищнические наклонности партийных работников проявлялись и ранее. В июле того же 1947 г. бюро обкома исключило из партии и отдало под суд секретаря Ленинского райкома города Молотова. Эта женщина в течение четырех лет беззастенчиво пользовалась народными деньгами. Так назывались взносы, собранные у граждан на подарки бойцам Красной армии и вспомоществование семьям погибших фронтовиков. Их почему-то хранили не на особых счетах в сберкассе, но в сейфах партийных комитетов. Секретарь Ленинского райкома — женщина молодая и безмужняя оттуда брала на свои нужды, не брезгуя время от времени и деньгами из партийной кассы. Делилась с бухгалтером и с заведующим военным отделом. В конце концов, бухгалтеру стало неловко, и она пришла с повинной. Секретарь райкома ни в чем признаваться не хотела. После расследования выяснилось, что компания украла свыше 300 000 рублей. По тем временам сумма немалая². Если деньги были по какой-то причине недоступны, не брезговали и вещами. Из того же самого подарочного фонда для солдат и офицеров подшефной 62 стрелковой дивизии секретарь Молотовского горкома ВКП(б) пару золотых часов при-

¹ Пигалев — Боркову. 18.02.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 179. Л. 41—49.

² См.: Цепенников — Шкирятову. «О результатах проверки заявления б. бухгалтера Ленинского РК ВКП(б) гор. Молотова Мельниковой А. И» 5.04.47./ГОПАПО. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 12. Л. 40; Постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) От 1.07.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 59. Л. 37.

своил себе секретарь горкома ВКП(б) Попов, тот самый, который за папиросы не платил¹.

О том, что моральный уровень сотрудников МГБ не выше, чем у партийных работников, Хмелевский был хорошо осведомлен. Ему сообщали, что в органах слишком много пьют, от чего случаются всевозможные эксцессы. Один оперативный сотрудник «...на почве систематического пьянства, покончил жизнь самоубийством».² Другой, напившись до бесчувствия, вообразил себя фронтовым снайпером: «1 мая 1947 г. ст. оперуполномоченный «СМЕРШ» Березниковского ГО МВД Дробинин в пьяном виде с чердака из мелкокалиберной винтовки обстрелял агитмашину, в кузове этой машины убил пионерку Котельникову 13 лет, ученицу 5 класса, были ранены член ВКП(б) Коган и 7-летний мальчик. Дробинин Военным трибуналом осужден к 25 годам л/свободы».³ О таких мелочах как неуплата членских взносов, политическая неграмотность и пр. можно тут даже не упоминать.

В общем, К. М. Хмелевский никаких иллюзий по адресу заслуженного генерала и славных органов не питал и потребовал от И. И. Зачепы полного и чистосердечного признания.

Генерал все отрицал. Когда же за дело принялись центральные органы: прокуратура Союза, комиссия партийного контроля и особая инспекция МГБ, он принял решение пожертвовать своими подчиненными, видимо, уже имел соответствующий опыт.

В докладе следователя по особо важным делам прокуратуры СССР дальнейшие события изложены следующим образом: «Зачепа решил уклониться от ответственности за совершенное преступление, для чего вызвал к себе в кабинет своих заместителей т.т. Петрова и Шейхмана, а затем того же начальника секретариата Владимирову и порекомендовал им в целях сохранения престижа Управления МГБ и лично его, Зачепы, как начальника и генерала, и склонил их показать на следствии, что разложенные на вымышленные фамилии деньги были собственностью не Зачепы, а их, т. е. Петрова, Шейхмана и Владимирову, и что Зачепа к совершенному подлогу, якобы, не имеет никакого отношения. Вину за все свершившееся было рекомендовано взять на себя Владимирову. Разработанная, та-

¹ См.: Лошкарев — Хмелевскому 12.05.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 169. Л. 42.

² Здрогов — Хмелевскому 15.03.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 170. Л. 9.

³ Доклад о работе военного трибунала войск МВД 8.07.1948//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 37.

ким образом, версия о невинности Зачепы, была всеми участниками стовора изложена следователю прокуратуры и затем повторена ими при разборе их дела в комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)»¹. В конце концов, подчиненные генерала сдали. В апреле на бюро обкома дело начальника УМГБ Зачепы и его сообщников стояло пятым пунктом. Хмелевский произнес гневную речь, тогда же протокольно записанную:

«У тов. Зачепы не нашлось мужества по-партийному рассказать и быстро исправить, тогда была возможность быстро поправить. <...> Он поступил антипартийно, путем обмана, который, по существу, ничем не отличался от тех методов, которые были в свое время, когда орудовали антипартийные элементы, враги партии. Но тогда проходила борьба с генеральной линией партии, была враждебная группировка. Здесь, по существу, была создана беспринципная группировка, была направлена на то, чтобы обмануть партийные органы, ввести в заблуждение. <...> Главную руководящую роль сыграл т. Зачепа, организовал всю эту группировку и дирижировал ею до самого конца. Трудно даже подготовить слова для того, чтобы оценить всю гнусность этого поступка, тем более, от него никак нельзя было ожидать. <...>

Морально переживали члены бюро о тяжести преступления перед партией, безусловно, нельзя оставлять в партии, подлежит исключению, тяжело отнимать партийный билет у человека, который 28 лет пребывал в партии, работая в органах, очень трудно, тем более, работа в прошлом, по оценке самого министерства, была безупречной. Но за поступок, который совершен, следует не только исключить из партии, но даже привлечь к судебной ответственности. Мы же судим людей за малейшие проступки»

Его заместителя, пытавшегося что-то объяснить, Хмелевский вообще не пощадил: «Но самая публичная женщина себя честнее ведет, чем Вы, т. Петров, на бюро обкома партии. Странно, очень странно, что так приходится вести себя офицеру. За это его надо будет исключить из партии».

Из партии, однако, исключили только Владимирову. Бюро обкома ВКП(б) постановило:

«Считать, что за совершенный антигосударственный подлог в момент проведения денежной реформы и организацию стовора с целью

¹ Протокол 2 от 9.04.1948 г. заседания бюро обкома ВКП(б)//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 36. Л. 116. Курсивом выделены слова, зачеркнутые в протоколе.

обмана партии, т. Зачепа И. И., член ВКП(б) с 1920 г. ..., безусловно заслуживает исключения из партии. Но, учитывая его *чистосердечное* раскаяние *в ошибке*, а также безупречную до этого времени 28-ми летнюю службу в органах государственной безопасности и *большие заслуги перед Родиной в деле охраны государства*, бюро обкома находит возможным ограничиться строгим выговором с предупреждением, (нрзб) ему КПК при ЦК ВКП(б) от 16.02.1948 г.

Одновременно просить ЦК ВКП(б) снять Зачепу с работы Начальника областного Управления МГБ как недостойного работать в этой должности.

За участие вговоре с целью обмана партии за *беспринципное угодничество начальнику, за попытку обмана партии в интересах непартийной защиты одного лица*, — Петрову М. П., члену ВКП(б) с 1926 г. <...> и Шейхману С. Х., члену ВКП(б) с 1929 г. — объявить строгий выговор с предупреждением, с занесением в личное дело.

Просить ЦК ВКП(б) снять Петрова и Шейхмана с работы заместителей начальника областного Управления МГБ как недостойных занимать эти должности»¹. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно. В мае 1948 г. ЦК ВКП(б) ужесточил наказание И. И. Зачепе и из партии его исключил².

Владимиров, у которого было высшее педагогическое образование, устроился на работу в университет преподавателем физкультуры. Потом вернул себе партбилет, читал курс истории советской литературы, стал проректором по вечернему и заочному отделению, избирался секретарем парткома. Стройный, сухощавый мужчина с правильными чертами лицами, всегда одетый в строгий, вытуженный серый костюм, он производил впечатление на филологических барышень — и не на них одних. В записках маленького университетского служащего я прочел панегирик проректору Владимирову:

«Это был исключительной души человек: трудолюбивый, честный, воспитанный, культурный, внимательный, тактичный и чуткий товарищ. Таких начальников на моем жизненном пути встречалось очень немного. <...> С ним всегда можно было найти общий язык даже тогда, когда наши мнения расходились»³.

Была у Сергея Викторовича Владимирова одна странность. Читая лекцию, он постоянно перемещался по аудитории, заходил за спину

¹ Там же. Л. 117—118. Курсивом выделены слова, зачеркнутые в протоколе.

² См.: Петров Н. В. Скоркин К. В. Указ. Соч., С. 203.

³ Кривошей С. Ф. Записки бывшего ... коммуниста. Пермь: Б.И., 2004. С. 99, 106.

студента, останавливался и внимательно разглядывал, что у того написано в конспекте. Обнаружив грамматическую ошибку или неточность, делал во всеулышание замечание.

Тайну запоздавших вкладов не удалось сохранить. Суматоха вокруг закрытых сберкасс не осталась незамеченной ни случайными прохожими, ни милицейскими осведомителями, ни сотрудниками прокуратуры. Яркий свет в воскресенье в ночном окне в помещении на улице Ленина. Весь понедельник чередой идущие с черного или с парадного хода посетители. Шепот в коридорах и начальственных кабинетах. Все это вместе взятое породило волну слухов, захлестнувших город.

И если управление МГБ вместе с финансовыми органами было на время выведено из игры, то милиция и прокуратура сразу же взялись за дело. Их начальники не участвовали в махинациях. Они получили строгие и недвусмысленные инструкции по выявлению и наказанию нарушителей. Городской прокурор докладывал секретарю обкома: «Массовому оформлению вкладов с нарушением закона способствовала бесконтрольность финансовых органов и госбанка. Вместо пресечения преступных проявлений в сберкассах..., отдельные руководители финансовых органов сами стали на этот путь и создавали тем самым условия для совершения преступлений. К таким относятся: Зав. райфо города Швецов, который 15 декабря с/г незаконно оформил вклад на свое имя на сумму 1000 рублей. Зав. райфо Ленинского района Шабуров, который вместе с женой — Шабуровой оформили 10 вкладов на сумму 30000 рублей. Зав. райфо Молотовского района Букирева оформила вклад на 114 рублей. Управляющий отделением госбанка Молотовского района Саламатин оформил себе задним числом вклад на сумму 260 рублей. Управляющий отделением госбанка сталинского района при приеме денег от сберкассы установил, что райсберкасса сдает большую сумму денег по незаконно принятым вкладам, однако должных мер не принял»¹.

Рвение блюстителей закона в коричневых кителях и синих гимнастерках вызывалось и дополнительным обстоятельством — затянувшимся конфликтом между прокуратурой и областным управлением милиции. Прокурор области Д. Куляпин в течение ряда лет добивался эффективного всеобъемлющего контроля над деятельностью местной милиции. В свою очередь, руководители областного управления милиции делали все, чтобы сохранить свою автономию.

¹ Симонов — Хмелевскому. Докладная записка.//ГАПО Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 45.

Обмен язвительными представлениями сопровождался жалобами в областные и московские партийные инстанции. Прокуратура разоблачала незаконные методы следствия и вела учет милицейским нарушениям законности. Милиция, в свою очередь, собирала, а иной раз и фабриковала компрометирующий материал на прокуроров. Межведомственный конфликт перерос в личный. Борьба велась с переменным успехом. В январе 1948 г. милиция докладывает о районном прокуроре, положившем деньги в сберкассу после объявления реформы. Прокуратура — о помощнике начальника городского райотдела милиции, сделавшем то же самое.

Городские учреждения, возглавляемые соответственно начальником управления милиции Шестаковым и прокурором Симоновым, в декабре 1947 г. вступают в негласное соревнование по разоблачению преступников. Те же ведут себя предельно беззаботно. Положив деньги на вклады, они через несколько дней спешат получить их на руки¹.

23 декабря 1947 г. городская прокуратура производит проверку всех сберегательных касс города с целью выявления возможных нарушений правил проведения денежной реформы и находит таковые первоначально в сберкассе № 22. Прокуратура использовала простую, но эффективную технику расследования. Все начиналось с сигнала о приеме вкладов. Далее следовали допросы отдельных сотрудников сберкасс, в ходе которых выяснялось, кому первому из вкладчиков был оформлен вклад. После чего устанавливали номер его лицевого счета. По последующим номерам находили лиц, «от которых вклад был принят вопреки постановлению правительства <...> в запретные дни». На принятые незаконно вклады накладывался арест. «По всем указанным фактам возбуждены уголовные дела, и ведется следствие», — рапортует городской прокурор генеральному прокурору в докладной записке, помеченной 31 декабря уходящего года². Милиция производит аресты, изымает документы и ведет допросы.

Первые результаты расследования подводит бюро горкома ВКП(б) 14 января 1948 г. По докладу прокурора принимается соответствующее постановление, в котором упоминаются «факты грубого нарушения <...> и преступных проявлений со стороны отдельных должностных лиц, особенно работников сберегательных

¹ Симонов — Хмелевскому. Докладная записка. Б.Д. // ГАПО Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 45.

² Симонов — Горшенину. Докладная записка 31.12.1947 // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 32—46.

касс и финансовых органов. Отдельные должностные лица, стараясь сохранить полноценность собственных денег старого образца, производили незаконное оформление вкладов, погашение ссуд, уплату авансом квартплаты и других видов платежей, то есть различными мошенническими действиями обходили закон и вставали на путь прямого обмана государства». После грозного вступления последовали наказания: выговор начальнику горфинотдела, строгий выговор районному секретарю и отстранение от должности начальника городского управления сберегательных касс вместе с заведующим Ленинским райфинотделом. Предложение прокурора об исключении их из партии не было поддержано: «О партийности Паньшиной — решить вопрос на основании следствия»¹.

В январе городской прокурор сообщает секретарю Молотовского обкома «...о вскрытых преступных проявлениях как в системе сберегательных касс, так и в отдельных учреждениях и организациях города». В соответствующем контексте упоминается фамилия Паньшиной, которая «...первая показала пример незаконного оформления вкладов себе и другим лицам по Центральной сберегательной кассе, по сберкассам Кагановического и Сталинского районов». Далее сообщается о произведенных арестах «по делу сберегательных касс»². Среди арестованных — одна вкладчица, названная спекулянткой. Она дала взятку, чтобы у нее приняли деньги. Что касается высокопоставленных лиц, то здесь Симонов более осторожен. Нарушителей так много, что «...привлекать к уголовной ответст-

¹ Постановление бюро Молотовского городского комитета ВКП(б) от 14.01.1948 г. // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 49—50.

² По делу сберегательных касс арестовано: Паньшина — начальник горуправления сберкасс. Шабурова — главный бухгалтер горуправления сберкасс. Быков — главный бухгалтер центральной сберкасс. Третьякова — старший контролер центральной сберкасс. Кропачева — зав. операциональной частью центральной сберкасс. Кашина — контролер центральной сберкасс. Красильников — юристконсульт центральной сберкасс. Костарева, давшая взятку кассиру. Киселев — зав. райсберкасс Молотовского района.

Матвеева — главный бухгалтер сберкасс Молотовского района. Кочетова — контролер сберкасс Молотовского района. Бызова — зав. райсберкассой Кагановического района. Вотинова — кассир райсберкасс Кагановического района. Зырянова — зав. низовой сберкассой Кагановического района. Ваттель — зав. райсберкассой Сталинского района. Ляпин — главный бухгалтер райсберкасс Сталинского района. Кроме перечисленных лиц, привлечению к уголовной ответственности подлежат зав. райфо Ленинского района Шабуров и ряд других должностных лиц». Симонов — Хмелевскому. Докладная записка. // ГАПО Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 46.

венности всех вкладчиков нецелесообразно»¹. Достаточно наказать их рублем, сделав переоценку вкладов один к десяти, и партийным взысканием. Впрочем, и на этом прокурор не настаивает. «По последнему вопросу желательно знать Ваше мнение», — обращается он к генеральному прокурору².

В итоге к 1 апреля 1948 г. городская прокуратура возбудила 32 уголовных дела «по фактам нарушения и подрыва денежной реформы». К судебной ответственности привлекли 100 человек: 40 работников торговых учреждений, 44 работника сберегательных касс, 2 работников финансовых учреждений и госбанка, 14 — прочих. Среди осужденных — товароведы, буфетчицы, зав. складами и базами, продавцы, бухгалтеры, контролеры и кассиры сберкасс — и ни одного номенклатурного работника. Следствие по делу Паньшиной не было завершено в срок, «в связи с болезнью обвиняемой»³.

Никто из высокопоставленных вкладчиков не был привлечен к уголовной ответственности. Осторожная покровительственная позиция областных властей предвосхищала новую сталинскую политику. Секретарь обкома мыслил по-хозяйски: не терять же ценные кадры из-за таких пустяков. Партийные инстанции скупались на взыскания. Во всех справках и отчетах из городских номенклатурщиков упоминается едва ли не один Хрущев, примерно наказанный за письмо на официальном бланке.

В конце концов, пошла на уступки и центральная власть. Новый генеральный прокурор Г. Сафонов разъяснил своим подчиненным, что «состав преступления в действиях лиц, внесших 14 декабря 1947 года денежные вклады, отсутствует». Далее он указал на то, что действия «отдельных работников советских и партийных органов, выразившиеся в оказании давления на работников финансовых органов, должны рассматриваться в партийном порядке».

«Поскольку такие вклады 15 декабря 1947 года, хотя и незаконно, но все же принимались, в действиях граждан, внесивших в этот

¹ В списке начальники цехов и отделов, сотрудники горисполкома, новый еще не утвержденный в должности начальник городских сберкасс, слушатель областной партийной школы, начальники ОРС, врачи, артисты, работники партийного аппарата, военные и гражданские лица. См. Справка. 17.02.1948 и Протокол изъятия лицевых счетов на денежные вклады 12.01.1948 // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 102–114.

² См.: Симонов — Горшенину. Докладная записка. Январь 1948. // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 41.

³ Справка. Апрель 1948 г. // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 141–144.

день на общем основании вклады, отсутствует состав уголовного преступления»¹.

Так были под покровом тайны амнистированы номенклатурные лица, использовавшие свое служебное положение для обмана государства.

В 1949 г. прокурор Симонов был снят с работы.

Номенклатура, хотя и с известными потерями, вновь отстояла свои благоприобретенные права на особое положение в обществе. Был заключен новый негласный компромисс между верховной властью и номенклатурными работниками. За верную службу им предоставили смягченную систему наказаний: штраф вместо лишения свободы; выговор вместо приговора.

Долго потом по номенклатурным кругам ходила байка о том, что в лагере под г. Чусовом отбывает наказание личный секретарь самого Берия, попавшийся на денежных махинациях во время реформы.

¹ Приказ Генерального прокурора СССР. №1/252сс. 11.11.1948. // ГАПО. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 166. Л. 151–152.

ВРАГИ

Звездный час Михаила Тихоновича Данилкина пробил утром 13 января 1950 года.

На пленуме молотовского областного комитета партии снимали с работы первого секретаря Кузьму Михайловича Хмелевского, вернее, в соответствии с буквой устава оформляли уже принятое на секретариате ЦК тремя неделями прежде решение: освободить от обязанностей первого секретаря Молотовского обкома ВКП(б) «...в связи с тем, что он не обеспечил развертывания критики и самокритики в парторганизации и допустил серьезные ошибки в воспитании кадров»¹.

О состоявшемся решении в г. Молотове узнали сразу. В пермской номенклатурной традиции 60-х гг. сохранился рассказ, мною неоднократно слышанный, о том, как снимали секретаря обкома Хмелевского. Сопровождаемый двумя комиссарами охраны — офицерами МГБ, он приехал с отчетом в ЦК ВКП(б) на Старую площадь. Пока секретарь делал доклад, охранники терпеливо ожидали в приемной. Через полчаса к ним вышел Маленков, осведомился, кто такие. Услышав рапорт, рявкнул: «Делать Вам здесь нечего. Немедленно убирайтесь, откуда приехали!». Те, естественно, подчинились, сообщив по начальству. Вот так все узнали, что Хмелевский больше не хозяин в области. Нужно было, однако, соблюсти партийный ритуал. Созвали пленум, предоставили слово ответственному работнику ЦК.

Инспектор ЦК ВКП(б) Смирнов долго разоблачал перед собравшимися политические ошибки их бывшего патрона, в конце концов, заговорил о главном — о неправильном отношении к критике и самокритике:

¹ См.: Хмелевский Кузьма Михайлович // Они были первыми. Сборник статей о первых руководителях Пермской области. 1938—1994 гг. (под редакцией В. Светлакова) Пермь, 2000. С. 15—16. Сам сборник был издан пробным тиражом в количестве, едва превышающем десять экземпляров, и в библиотеки по этой причине не попал.

«Корреспондент областной газеты “Звезда” в гор. Березники, член ВКП(б) тов. Данилкин считался одним из лучших корреспондентов газеты, но после того, как он стал писать критические корреспонденции в областную газету, писать письма в обком и ЦК ВКП(б) о недостатках партийных, советских и хозяйственных организаций и лично тов. Хмелевского, отношение к нему обкома и редактора областной газеты резко изменилось. В октябре 1948 г. по согласию тов. Хмелевского Данилкин под предлогом выдвижения был направлен в армию для использования на газетной работе, хотя в этом не было никакой надобности. После поданного им заявления в ЦК ВКП(б) о том, что мобилизацией в армию хотят от него избавиться, обком отозвал тов. Данилкина из армии, но гонение на него продолжалось»¹.

К. М. Хмелевский правила знал, соглашался со всем, в том числе и с тем, что обижал тов. Данилкина:

«В своем докладе тов. Смирнов совершенно верно приводил пример, как поступили с корреспондентом “Звезды” тов. Данилкиным. Тов. Данилкин правильно критиковал недостатки Березниковского горкома и некоторых работников обкома. Вместо того, чтобы его поддержать, я не реагировал на его освобождение»².

Хмелевского на пленуме тоже никто, разумеется, не поддержал. Выступавшие гневно обличали его недостатки, благодарили ЦК и каялись, что раньше не поправили своего зарвавшегося руководителя. Высокое партийное собрание единогласно постановило К. М. Хмелевского от должности освободить.

По всей вероятности, М. Т. Данилкин узнал о своем триумфе не сразу. На пленум, решавший организационные вопросы, посторонних не звали. Да и вообще в большие собрания Михаила Тихоновича старались не пускать из-за одежды и буйного нрава. Корреспондент появлялся на людях в каких-то обносках, выделяясь даже из послевоенной бедно и скудно одетой толпы своим «неопрятным видом»³.

Тема одежды для жителей послевоенного Молотова долгое время оставалась болезненной. В область по лимитам поступало ограниченное количество материалов — сукна, ситца, штапеля, причем очень дурного качества. Хмелевский в 1945 г. докладывал в Москву, что у него «...нет ни одного приличного костюма»,

¹ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950.// ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 3—4.

² Там же, Л. 17.

³ См.: Данилкин М. Т. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 108.

поскольку в спецателье для него их шили «из дрянного материала», вот и приходится ему ходить в чем-то «некачественном и потрепанном»¹. В свободной продаже отрезы на платья фактически не появлялись. В ателье одежду шили по разрешительным талонам, называемым почему-то бирками. На предприятиях бирки распределяло начальство, по преимуществу, в собственном кругу. Тот же Хмелевский возмущался: «Мне один секретарь парторганизации говорит, что он получил всего 21 бирку, а, мол, начальник цеха — 34. Что же тогда получили рабочие? Очевидно, 90% всех бирок осталось у руководящих работников, они до рабочих не дошли»². Главный портной — начальник «Обллегпрома» стал очень влиятельным человеком, управлявшим подведомственными ему предприятиями — теми же ателье — на сугубо рыночных принципах. Когда же в 1946 г. по указанию Москвы областное управление милиции возбудило дело против него, руководство обкома сделало все, чтобы ограничиться только партийным взысканием: слишком широки и разветвлены были связи т. Зальцберга. Прокурор Куляпин не был далек от истины, когда писал, что все дело Облегпрома милицейские чины начали, для того, чтобы скомпрометировать областное руководство: «Фигура Зальцберга была не так важна, как важно было, чтобы он заговорил о руководящих работниках, чтобы посеять в массах всякие кривотолки, разговоры и подорвать тем самым авторитет руководящих работников»³.

До 1946 г. дополнительно распределялась и ношенная одежда, собранная американскими гражданами — тогдашний second hand. Распределяли его точно так же, как и бирки. В фондах Молотовского горкома ВКП(б) сохранился документ, помеченный 1946 г., повествующий о том, как в строительную организацию «...для семей погибших воинов, инвалидов отечественной войны, семей военнослужащих и нуждающихся многосемейных рабочих прибыли американские подарки в количестве 1058 вещей, бывших в употреблении». Начальство тут же расхватало себе все, что было пригодно для носки и выглядело более-менее прилично: «Из общего количества поступивших пальто мужских 3 шт., для руководящего состава выдано 3, из 9 дамских пальто выдано 3; из 47 свитеров

¹ Хмелевский — Харитонову 3.02.1945//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154. Л. 26.

² Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т.1. 15 июля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9. Л. 128.

³ Куляпин — Хмелевскому. 21.01.1948 г.//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 64.

выдано 14. <...> Для семей военнослужащих выдавались плохие вещи, так, например, семья погибшего на фронте т. Мамаева получила худые платья, инвалид отечественной войны, работающий сторожем, получил трусы, рейтузы, кофту, почти не пригодные к носке, хотя сам он нуждается в брюках, выдачу которых можно было организовать»¹.

В начале 50-х в г. Молотове по одежде можно было без особого труда определить общественное положение человека. Хорошо одет — начальник, или торгаш. Плохо — рабочий, или учитель. Михаил Данилкин, дававший иногда волю своим уравнильным чувствам, осуждал «здоровых и красивых женщин», одетых «в шелк, кружева и прочее», поскольку сомневался, «...пробовала ли она, эта прелестная особа, доить корову своими руками, вязать кружева, и знает ли она, как трудно выращивать коконы шелка-сырца, ткать нарядные ковры?»².

Данилкин пил часто и много. Напившись становился буйным: «когда он пьян, то бывает очень беспокойным»³. В официальной «Справке о работе в редакции газеты “Звезда” члена ВКП(б) тов. Данилкина М. Т.» упоминается инцидент на совещании редакторов газет в Молотовском горкоме партии, когда пьяного и буйного собкора по Березникам товарищи по профессии силой выводили из зала⁴. Чтобы освободиться от алкогольной зависимости или хотя бы ослабить на время ее влияние, Михаил Тихонович после запоев, как Фадеев, ложился на реабилитацию в больницу. В спецбольницу для номенклатурных работников. Через 10 дней после пленума Данилкин был снова госпитализирован с диагнозом алкогольная интоксикация, так что, скорее всего, 13 января он не был полностью дееспособным. О высокой поддержке, однако же, ему рассказали. В своих новых письмах по инстанциям журналист иной раз на высказывания Смирнова ссылаясь.

¹ Секретарю Молотовского горкома ВКП(б) тов. Попову. Справка «О фактах неправильного распределения американских подарков в управлении военно-строительных работ №34» 10.07.1946//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159. Л. 195—197.

² Данилкин М. Т. Трактат о человеческом величии//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 178.

³ Данилкин М. Т.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 92.

⁴ См: Справка о работе в редакции газеты «Звезда» члена ВКП(б) тов. Данилкина М. Т.//ГОПАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. Л. 28.

Перипетии борьбы между березниковскими нотаблями и собственным корреспондентом областной партийной газеты в 1948–1949 гг. можно найти в политической биографии Данилкина¹. Опуская подробности, восстановим в самых общих чертах смысл происшедшего. Демобилизованный армейский политработник после десятилетнего отсутствия вернулся в Березники. Обнаружив в родном городе множество искривлений партийной линии, ринулся в схватку с отдельными хозяйственными руководителями, допускающими серьезные ошибки, и обнаружил перед собой стену. Данилкин увидел, что местные представители партийной номенклатуры явно игнорировали принципы сталинской кадровой политики, иначе говоря, не хотели, или не умели быть только винтиками большого общесоциалистического дела, или какими-то иными деталями, вращающими шестеренки великой государственной машины. Они обросли полезными знакомствами, установили между собой доверительные отношения, по мере сил заботились о собственном благополучии. Местное начальство образовало сплоченную группу, спаянную общими интересами, скрепленную тесными, выстраиваемыми годами связями и снабженную защитными механизмами. Более того, в номенклатурной среде сложилась собственная иерархия — не по должностям, но по экономическому влиянию. Организатор продуктового снабжения «...в период войны приобрел такой вес, какого в ту пору не имел местный горком партии»².

Про директора совхоза «Усолье» начальник городского отдела МГБ майор Беланов писал, что тот способен прекращать уголовные дела, «...благодаря большому влиянию, действующему снабжением продуктами за счет совхоза»³.

И когда Михаил Тихонович напал на беспартийного начальника отдела рабочего снабжения азотно-тукового завода Матвея Зайвелевича Дугадко, он встретил упорное сопротивление со стороны всего городского начальства. Данилкина предупреждали знающие люди: «С Дугадко ничего, никто и никогда не делает. Он сила. У него повсюду имеются рука и твердая поддержка»⁴.

¹ См.: Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина. Исторический очерк. — Пермь: ЗУУНЦ, 1998.

² Данилкин М. Чего не достает в личном деле А. Т. Семченко//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 20.

³ Справка компрометирующих материалов на Ночевку Г. С.//ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 232. Л. 19.

⁴ Данилкин М. — Хмелевскому К. М. 5.09.1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 177.

В марте 1948 г. на собеседовании в обкоме Данилкин (в тексте стенограммы он назван Даниловым) тиетно требовал дополнительных полномочий: «Нас считают собкорами, а я и.о. собкор, так как не утвержден. Я исполняю обязанности. Прошу разъяснить мне, чтобы не было сомнений. Почему в Курском обкоме утверждают на бюро собкоров? Было бы желательно, чтобы нас вызывали на бюро обкома, когда выслушивают наши районы, чтобы быть в курсе дела»¹. Вместо этого в Березниках журналисту ограничили доступ к информации: партийные работники просто отказывались с ним разговаривать. Михаил Тихонович не сдавался. В письмах в прокуратуру, в обком, а затем и в ЦК он требовал отдать под суд Дугадко и примерно наказать его покровителей в Березниках, Молотове и Москве. В своих обличениях Михаил Тихонович не грешил против истины.

«Фигура жулика Дугадко в Березниках не случайна, — докладывал секретарю обкома заведующий собкорской сетью редакции газеты «Звезда» Г. И. Гросланд. — И как раз именно в том, что такие процветающие жулики здесь не единичны, беда партийного руководства Березников. Не вызывает никакого сомнения покровительство, оказываемое Дугадко со стороны директора азотно-тукового завода г. Семченко. Совершенно ясно, что прокурор Булошников проявил nepзoвoлитeльнyю медлительность в расследовании дела Дугадко и даже не взял с него подписки о невыезде из города. У Дугадко в Березниках были предшественники, и есть последователи, которые не прочь пожить на широкую ногу за счет государства. И странно, что, нанеся огромный материальный ущерб, они целехонькими и невредимыми выбираются из Березников. <...> А если бы горком ВКП(б) действительно проанализировал все служебные преступления, совершенные хозяйственными руководителями, то он неизбежно пришел бы к выводу, что партийные организации слабо контролируют хозяйственную деятельность предприятий и безответственно относятся к подбору кадров, допуская, что во главе завода вместо руководящей группы ответственных работников находятся «приятели», «земляки», близкие — семейка, которая старается не замечать недостатков друг друга, замазывает их, выгораживает друг друга и т.п. Понятно, что на такой почве ничего, кроме обывательщины и недобросовестного, наплевательского отношения к интересам государства произрасти не может. Березниковский же горком ВКП(б), как мне кажется, не ви-

¹ Стенограмма собеседования секретаря обкома ВКП(б) тов. Хмелевского с собственными корреспондентами газеты «Звезда». 11 марта 1948 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 181. Л. 80.

дит политического существа всех тех грязных дел, с которыми ему порой приходится разбираться»¹.

Нападая то на одного, то на другого местного начальника, М. Т. Данилкин искренне верил, что может рассчитывать на помощь со стороны молотовского обкома партии. Но ему пришлось очень скоро разочароваться.

Кузьма Михайлович Хмелевский не хуже газетного корреспондента знал, какие люди стоят во главе предприятий и областных учреждений. Только относился он к ним иначе, по-хозяйски.

Спецкор и секретарь обкома по своей социальной генеалогии были похожи друг на друга, почти не различимы. И тот, и другой — выходцы из самых низов. В графе социальное происхождение писали одно и то же: «Из рабочих». У Данилкина отец был рабочим-отходником, знавшим шорное и плотницкое дело². У Хмелевского отец — грузчик, мать — прачка³.

Михаил Тихонович родился в 1914 г. в деревне Каменец Спас-Деменского уезда Калужской губернии⁴. Так, во всяком случае, он писал и говорил после войны. До войны Данилкин указывал другие анкетные данные: «Родился в 1912 году, в гор. Гродно западной Белоруссии, сейчас это место находится в Польше»⁵.

Кузьма Михайлович, год рождения 1907, — уроженец города Нежина. В графе «национальность» писали: русские. Оба рано остались без родителей: отец Михаила Данилкина умер в 1921 г., отец Кузьмы Хмелевского — убит «...в 1914 году на империалистической войне». На Урал приехали взрослыми людьми: один — в г. Карабаш, другой — в г. Березники. В анкетах писали, что получили среднее образование. Хмелевский имел на это больше прав: окончил школу-семилетку в Ереване и три года за-

¹ Гросланд Г. И. — Пигалеву П. Ф. 3 августа 1948 г.//ГОПАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. Л. 22–24.

² Данилкин М. Т. Протокол допроса от 17.01.1953.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т.1. Л. 23

³ Хмелевский К. М. Личный листок по учету кадров//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 3614. Л. 4.

⁴ См.: Данилкин М.Т. Акт 28.02.1953//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 176.

⁵ Отчетно-выборная конференция Кунгурской районной партийной организации ВКП(б). Заседание 13 октября 1937 года//ГОПАПО. Ф. 970. Оп. 3. Д. 152. Л. 128.

очно учился в коммунистическом вузе. Данилкин, получив в срок начальное образование в родной деревне, беспризорничал, после длительного перерыва продолжил учение в школе крестьянской молодежи. Потом его по разрядке посылали на курсы — ради-стов, политработников, журналистов. В 1952 г. Данилкин официально признает: «Систематического образования мне получить не удалось»¹.

В анкетах оба лукавили, выпрямляя себе происхождение: ни шорник, ни грузчик, конечно же, не принадлежали к фабрично-заводскому пролетариату, и добавляя образование. Кроме того, Хмелевский — фамилия украинская, или польская, но никак не русская².

В личном деле К. М. Хмелевского сохранилась фотография 1941 года: высокий лоб, тонкие черты лица, ястребиный нос, брезгливо опущенные уголки губ — если бы не сталинский френч, получился бы типичный портрет польского проминента той поры.

Оба начинали трудовой путь на прямом производстве черно-рабочими. Были освобожденными комсомольскими работниками. Потом перешли на партийную работу. Хмелевский — на организационную; Данилкин, в конце концов, на пропагандистскую. В 1936 г. первый работал секретарем парткома Среднеуральской ГРЭС; второй учился на курсах армейских политработников в Свердловске.

Школу 1937 г. они проходили по-разному. Михаил Данилкин продолжал учиться, проходил стажировалсяку в армейской газете, участвовал в собраниях, баллотировался на небольшие партийные должности. Обвиненный в сомнительных связях с прежним партийным патроном, оправдывался: «Вопрос: Значит, два раза работали с Шахгильдяном? Ответ: Один раз. Некоторые думают, что второй раз работал с Шахгильдяном в райкоме партии в Березниках, а я был в райкоме комсомола. Непосредственно с ним не

¹ Данилкин М.Т. Автобиография//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 871. Л. 6.

² На одном из генеалогических форумов читаю: «Chmielewski — is a Polish name». <http://genforum.genealogy.com/chmielewski/messages/86.html>. Среди польских Хмелевских самым известным является Бенедикт — каноник и литератор, который написал и издал во Львове в 1745–1746 и 1753–1756 гг. энциклопедию: “Nowe Ateny”; в ней каждому отделу предпослано изложение его содержания в стихах. http://mirimen.com/co_beo/Chmelevskij-Benedikt-363D.html.

работал»¹. Особой активности в разоблачении врагов народа большевик Данилкин не проявлял, некоторое время проходил с выговором «за примиренческое отношение к пропаганде троцкизма».

Заступился за своего товарища. Все закончилось относительно благополучно, если не считать прерванной карьеры. «В 1938 году ЦК ВКП(б) Плотникова в партии восстановили без всякого взыскания, так как он был исключен необоснованно. После этого в апреле 1939 и с меня было снято взыскание, как необоснованно наложенное»². Тут с датами снова путаница. Если верить техническому секретарю, протоколировавшему ход выборов в ревизионную комиссию Кунгурского райкома в октябре 1937 г., то к тому времени партийное взыскание с Данилкина было уже снято³.

К. М. Хмелевский по вполне уважительной причине не участвовал в многочасовых собраниях, на которых активисты первого призыва исступленно разоблачали друг друга, требовали казней поверженных вождей областного масштаба, униженно клялись в преданности партии, доносили и предавали, кликушествовали и ликовали, втапывали в грязь свое и чужое прошлое. В это время К. М. Хмелевский был разоблаченным врагом народа и находился «в апартаментах Дмитриева», так называли следственную тюрьму НКВД свердловские партийные работники. Арестован он был в сентябре 1936 года — во время подготовки к январскому процессу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Искали вредителей из числа хозяйственников и партийных работников, — пока еще невысокого ранга. В Перми взяли директора химического завода и второго секретаря горкома. В Свердловске, среди прочих, секретаря парткома Среднеуральской ГРЭС — Хмелевского. Скорее всего, фамилия подвела и, что несомненно, дур-

¹ Отчетно-выборная конференция Кунгурской районной партийной организации ВКП(б). Заседание 13 октября 1937 года..., Л. 128(об). Упомянутый в диалоге Шахгильдян — это Ваган Пирумич Шагильдян — партийный организатор строительства Березниковского химического комбината, секретарь райкома в Березниках в 1930—1934 гг., затем начальник политотдела Свердловской железной дороги. Арестован 11.08.1937. Осужден к ВМН. См.: Список номенклатурных работников, подвергшихся репрессиям в Пермской области (1928—1958)// Политические репрессии в Прикамье. 1918—1980-ые гг. Сборник документов и материалов. Пермь, 2004. С. 504.

² Протокол допроса Данилкина М.Т. от 11.02.1953.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 55.

³ См.: Отчетно-выборная конференция Кунгурской районной партийной организации ВКП(б). Заседание 13 октября 1937 года//ГОПАПО. Ф. 970. Оп. 3. Д. 152. Л. 128—128(об).

ные отношения с местным начальством, точнее, со Свердловским обкомом. В позднейшей характеристике, составленной явно с его слов, об этом эпизоде было сказано так: «Товарищ Хмелевский еще не разоблаченными в то время врагами народа был дискредитирован, исключен из ВКП(б) и арестован»¹.

Следственного дела я не видел и не могу знать, в чем обвиняли опального секретаря парткома, вернее всего, по двум общепотребительным пунктам 58-й статьи: 8-му — вредительство и 11-му — участие в контрреволюционной организации. Но это только предположение. Конечно, Хмелевскому повезло. Почти все арестанты первой волны после непродолжительного следствия были расстреляны. Хмелевский выжил. Тут можно только гадать, что его спасло: нерасторопность следователя, или слепая удача. Известно только, что дело К. М. Хмелевского было отправлено в Особое Совещание при НКВД СССР, вынесшее не признавшемуся подследственному 5-летний приговор. Там настала очередь больших партийных чинов. И следователям НКВД, фабриковавшим громадный заговор, было уже не до упрямого арестанта, который позднее напомнил о себе многочисленными письмами и обращениями, в конце концов, возымевшими действие. Хмелевский был отправлен в Москву и уже там, в июле 1938 года освобожден. В убийственной лотерее он вынул счастливый билет. О своем аресте Хмелевский не забывал и во всех анкетах аккуратно указывал: сентябрь 1936 по июль 1938 гг. находился под следствием НКВД в Свердловске и в Москве. Так что секретарь обкома хорошо знал не только внешнюю сторону партийной работы: заседания, решения, проверки, но и ее изнанку: доносы, следственные изоляторы, переполненные камеры, расстрельные приговоры. Вышел Хмелевский из тюрьмы не сломленным, перед сотрудниками МГБ не робел, в их особые достоинства вовсе не верил.

Через год после освобождения К. М. Хмелевский был возвращен на партийную работу в новую область, тогда еще Пермскую — сначала в должности парторга ЦК на строительстве Закамской ТЭЦ, затем — секретаря Краснокамского горкома. Карьерный взлет его приходится на сороковые годы: слушатель высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б) — секретарь обкома по черной металлургии — второй секретарь горкома — второй секретарь об-

¹ Характеристика Хмелевского К. М.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 3614. С. 8.

кома и, наконец, с апреля 1946 года — первый секретарь обкома¹. Место действия — Молотовская область, возглавлявшаяся до апреля 1946 года Николаем Ивановичем Гусаровым.

Оба — и Гусаров, и Хмелевский — свердловчане, правда, находившиеся на разных ступенях властной пирамиды. Гусаров — секретарь обкома; Хмелевский — заместитель начальника строительства одной из гидростанций. И когда Гусарову предложили возглавить оргбюро по созданию новой области, он — по старинному номенклатурному обычаю — привез с собой целую артель помощников, в том числе и Хмелевского. Под покровительством сильного патрона Кузьма Михайлович совершил свое восхождение по карьерной лестнице. Когда Гусарова перевели на работу в Москву, готовя к более высокой должности, он оставил на хозяйстве своего человека — Хмелевского. Очень скоро, в феврале 1947 г. Николай Иванович становится секретарем ЦК КП Белоруссии². В тот же год Кузьму Михайловича награждают орденом Ленина, по всей видимости, в качестве подарка к сорокалетию³. В 1950 году оба лишаются своих высоких должностей и становятся маленькими чиновниками в аппарате ЦК: Хмелевский — инструктором; Гусаров — заведующим сектором⁴. В общем, складывается впечатление, что в лице Хмелевского мы видим типичного «человека свиты», до поры до времени удачливого клиента большого патрона.

Если это и правда, то далеко не вся. К. М. Хмелевский по рисунку поведения меньше всего напоминал человека зависимого, послушного. Дело не в том, что областью он руководил жестко и авторитарно. Подчиненные его боялись. «Мне непонятно, как большевики могут так пасовать перед авторитетом т. Хмелевского. Почему такое мандраже получается?», — задавался риторическим вопросом партийный чиновник из Краснокамска. Публика невесело посмеялась⁵. Это как раз было делом обыкновенным.

¹ Справка на Хмелевского К. М. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 3614. Л. 30.

² Постановление Политбюро о кадровых изменениях в руководстве Белоруссии. 27.02.1947 // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 — 1953. М.: РОССПЭН, 2002. С.48.

³ Справка на Хмелевского К. М. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 3614. Л. 32.

⁴ См.: Гусаров Н. И. — Сулову М. А. Март 1976 // ГОПАПО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 74.

⁵ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 58.

«Мещанин не в пример легче гнет спину, чем, например, рабочий или аристократ, — некогда заметил один умный литератор. — За то и желание при случае унижить другого обуревают счастливого мещанина сильнее, чем рабочего или аристократа»¹.

К. М. Хмелевский вел себя иначе: подчиненным не хамил, с людьми, лично его обслуживающими, был прост, внимателен и вежлив. Есть хорошо сохранившаяся парадная фотокарточка 1947 г., сделанная в местном ателье: секретарь обкома и его дети — семейный групповой портрет. Рядом с дочками — молодой человек в неловко повязанном галстуке: Андрей Иванович Маркин, — сотрудник охраны.

Перед сильными мира сего К. М. Хмелевский шапку не ломал, у союзных министров требовал, а не просил. С А. А. Ждановым разговаривал на равных: «Молотовский обком ВКП(б) считает постановление Совета Министров РСФСР до конца не доработанным и просит Ваших указаний Председателю Совета Министров...»². И, самое главное, своих сотрудников секретарь обкома защищал умело и самоотверженно.

В 1947 г., когда майор запаса Данилкин вернулся в Березники, он уже отстоял от секретаря обкома на громадную и непреодолимую социальную дистанцию. В не меньшей степени различалось их видение действительности. Хотя оба они учились в одной и той же сталинской политической школе, но явно в разных классах и по особым программам. Данилкин и Хмелевский — антиподы не только по общественному положению: спивающийся с кругу журналист имеет мало общего с властным руководителем, умеющим подчинять своему влиянию множество незаурядных людей. Литератор с уязвленным самолюбием, бредящий уравнительными идеалами, противостоит здесь реалисту, выросшему в социальную почву, человеку, любящему жизнь во всех ее проявлениях. Парадокс эпохи заключается в том, что почва под ногами секретаря обкома оказалась трясинной, поплыла. Идеалист, во всяком случае, так казалось Данилкину, одержал победу, на самом деле — временную и сомнительную.

К. М. Хмелевский, в отличие от партийного агитатора М. Т. Данилкина, был человеком дела. Он твердо знал, что не существует ни

¹ Ходасевич В. Некрополь. М., 1991. С.25.

² Хмелевский — Жданову. 22.07.1947 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 7.

плакатных героев, ни законченных злодеев. Для того чтобы выполнить поставленные властью задачи, следует использовать тех людей, которые есть в наличии, со всеми их слабостями и недостатками. Судить о человеке нужно по тому, как он справляется с возложенными на него обязанностями.

«Если предприятие, та или иная организация выполняют план, справляются с производственными заданиями, то и руководители хороши, им прощаются все грехи — вот с такой меркой подходили к оценке работы руководителей, ставя партийность и принципиальность работника на второй план», — уличал первого секретаря один из его подчиненных и, кажется, был не далек от истины¹.

Отметая жалобы на секретаря райкома, уличенного в сугубом моральном разложении, Хмелевский как-то объяснил свое управленческое кредо: «Ты так построй работу, ну, если пьет, пусть пьет, если женщину обнял, пусть обнимает, лишь бы план выполнял»².

В годы войны Кузьма Михайлович твердо усвоил простое правило: фронт нуждается в угле, в боеприпасах, в пушках, а не в кристально честных тыловиках. Конечно, хорошо, если директор завода ведет себя, как положено: выполняет все уставные требования, считается с партийной организацией, проявляет скромность в быту и пр. Но даже если он нарушает партийные заповеди, то это еще не повод для того, чтобы снять его с работы, отобрать партбилет или отдать под суд. Такого человека следует воспитывать: вызвать на бюро, сказать ему много строгих слов, записать (в протокол, а не в учетную карточку) взыскание, а затем отпустить с миром. Пусть работает дальше, если это у него получается. К человеческим слабостям хозяйственников и партийных работников он был снисходителен: прощал им алкогольные эксцессы, грубость и даже волокитство. В партийной среде г. Молотова об этом вполголоса говорили. Особняк в Закамске, которым во время войны пользовались для отдыха руководящие работники («там всегда имелись пиво, водка, закуски — и все это за государственный счет»), называли «дачей Хмелевского»³.

Хмелевский, по всей видимости, был убежден, что призывами и угрозами дело не поправить, во всяком случае, ими одними. Нужно что-то еще: материальное поощрение, доверительные отношения. Областные инстанции идут навстречу пожеланиям номенклатурных

¹ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950// ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 98.

² Там же. Л. 158.

³ Там же, С. 165—166.

работников: выдают деньги на строительство, не препятствуют обзаведению домашним хозяйством, дорогими предметами домашней утвари. «Председателю (Нытвенского — О. Л.) райисполкома облисполком разрешил построить дом для личного пользования, выделили ему 10 000 рублей, да еще дал 3000 рублей безвозвратной ссуды, это выходит 13 000 рублей»¹. После партийных активов и сессий советов их участники садятся за накрытые столы. Их кормят и поят за казенный счет, на самом деле — за колхозный. Простые продукты, много водки. В Юго-Осокинском районе, — докладывал секретарю обкома областной прокурор, — «в январе месяце 1948 г. для депутатов и гостей первой сессии райсовета в столовой сельпо была организована пирушка за счет средств кооперации. До сих пор в столовую за вино и обеды не уплачено около 2000 рублей. Некоторые депутаты сессии тогда сильно были пьяные, и это стало гласностью населения»².

На такую практику К. М. Хмелевский смотрел сквозь пальцы, более того, иной раз и одобрял, а в некоторых случаях организовывал и сам участвовал. В годы войны по его инициативе в г. Кизеле проходили ежемесячные слеты стахановцев, на которых участников после официальной части и концерта поили и кормили бутербродами, «так как ужином накормить такое большое количество людей было трудно».

Начальство с артистами отдыхало отдельно. Те, кого не допустили к столу, бранились сквозь зубы, распуская слухи о том, что было и чего не было. В ЦК партии ушла жалоба. Организатор «отдыха» ответил: «В заявлении указано, что под моим покровительством в кизеловском бассейне разбазариваются большие средства на слеты, вплоть до раздачи подарков артистам, и что сами слеты стахановцев превращаются в сплошную пьянку». Все было не так, оправдывался К. М. Хмелевский. Людей собрали не на банкет, а на товарищеский ужин, который «...длился не более полутора часов, после чего все разъехались по местам. Никакого пьянства, гульбы, чем обычно сопровождаются банкеты, здесь не было ничего». Чтобы усилить свою позицию, Кузьма Михайлович прибегнул к демагогическому приему: «На слет съезжались лучшие люди бассейна — и заявлять так, что слеты превращались в сплошную пьянку — является злобной клеветой на стахановцев. Слеты превращались не пьянку, как заявляет

¹ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950// ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 98. С. 68.

² Прокуратура Молотовской области. Доклад «О состоянии социальной законности в Юго-Осокинском районе Молотовской области». 17.11.1948 г.// ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 151.

т. Мальца, а в мощную политическую демонстрацию преданности партии, тов. Сталину»¹.

Кроме официальных постановлений и директив обком партии по праздничным датам рассылал поздравительные телеграммы за подписью первого секретаря. Наряду с директорами заводов их адресатами были районное начальство, университетская профессура, артисты, герои войны и стахановцы. Кроме добрых слов по случаю праздника, обязательно вставлялись и напоминания о взятых социалистических обязательствах. К слову, и пожелания касались не только здоровья, но и вполне конкретных производственных дел. Мне не удалось в архиве обнаружить следы ответных посланий: или не сохранились, или этикетом не предусматривались. Так или иначе, но К. М. Хмелевский пытался выстраивать с подчиненными отношения более доверительные, чем это допускалось существующей традицией.

Телеграфное поздравление — это был только жест, хотя и очень выразительный. Во всяком случае, другие секретари так не поступали. ЦК такие вольности тоже не одобрял.

Более важным было, однако, иное.

Хмелевский принял область в очень тяжелое время, в мае уже были заметны признаки надвигающейся продовольственной катастрофы: засуха истребляла урожай, свертывались поставки по ленд-лизу, рассчитывать приходилось на собственные силы: Хмелевский разъяснял своим подчиненным: «Секретари ЦК партии мне прямо сказали, что надо совесть иметь, за семенами больше не обращаться, давать не будем, а у нас привыкли — каждый год давай семена». По райкомам была разослана сталинская телеграмма, предписывающая привлекать просителей «к строгой ответственности»².

Надо было искать выход из положения, используя возможности промышленных предприятий. Те тоже переживают далеко не лучшие времена. Военные заказы сократились, а с ними и оборотные средства. Заводы имени Сталина и имени Калинина соскальзывают в долговую яму. Им не платят. Они не платят. «Главуглеснаб и Министерство электростанций прекращают отпуск угля и электроэнергии»³.

Интересы промышленных гигантов К. М. Хмелевский неуступчиво и последовательно защищал перед Москвой. Для переписки с цен-

¹ Хмелевский — Харитонову 3.02.1945//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154. Л. 28.

² Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т.2. 16 июля — 17 июля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 11. Л. 22.

³ Хмелевский — Хруничеву. 1948. б.д.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 11. Л. 88.

тральными ведомствами по хозяйственным вопросам он усвоил своеобразный тон: не просить, не жаловаться, но предлагать и требовать. Официальное письмо заместителю председателя Совета Министров СССР, министру финансов А. Н. Косыгину начинается так:

«Крупнейшие заводы нашей области — № 19, № 33, № 172, № 10 и № 577 находятся в крайне тяжелом финансовом положении, исключающем возможность нормальной деятельности этих заводов. Наряду с причинами финансовых затруднений, зависящими от качества работы этих заводов, имеется ряд причин, в известной мере, не зависящих от них, но влияющих и создающих эти затруднения. Министерства и главки указанных выше заводов не принимают реальных мер по финансовому оздоровлению заводов, что терпимым быть не может». Заканчивается оно серией предложений, изложенных директивным стилем: «В целях создания нормальных условий работы указанных выше заводов просим Вас оказать личное содействие в деле их финансового оздоровления и, в частности, в проведении следующих мероприятий: 1. Поставить вопрос в Правительстве о проведении в марте с. г. (1948 г. — О. Л.) межотраслевого зачета взаимной задолженности, что даст значительный эффект в деле снижения неплатежей. 2. Изыскать источники для восстановления собственных оборотных средств указанным выше заводам до размеров установленных нормативов на 1948 год <...> 4. Ускорить утверждение Министерствами промфинпланов на 1948 г. для вышепоименованных заводов, в частности, себестоимости выпускаемой продукции. 5. Воздействовать на Главки и Министерства в направлении усиления ими контроля и оказания практической помощи этим заводам в деле реализации ими излишних товарно-материальных ценностей, дебиторской задолженности и обеспеченности нарядами сбыта готовой продукции»¹.

Для директоров крупнейших заводов (в письме к Косыгину упоминаются Солдатов, Быховский, Далингер, Вигура и другие гранды оборонной промышленности) К. М. Хмелевский стал полномочным представителем в Совете Министров: ходатаем по делам, защитником и уполномоченным одновременно. В своих отношениях с московским начальством секретарь обкома был дерзок, напорист и целеустремлен, даже в поздравительные телеграммы вставлял напоминания. 1 мая 1948 г. министр авиационной промышленности СССР М. В. Хруничев получил такой привет из г. Молотова: «Поздравляю

¹ Хмелевский — Косыгину. 1948.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 14, 17—18.

Вас, Михаил Васильевич, первомайским праздником и наступающей третьей годовщиной нашей победы над фашистской Германией. Прошу принять мои пожелания Вам хорошего здоровья и успехов в работе. Надеюсь, что Вы сдержите свое обещание»¹. Речь идет о финансовой помощи от министерства для подведомственных ему предприятий.

Требовательный тон, взятый К. М. Хмелевским в отношении союзных министров, не следует целиком и полностью относить на его личный счет. Во всех этих отношениях, телеграммах, записках, пусть и подготовленных иными людьми, проступает стиль хозяина области — человека, отвыкшего от того, что какие-то хозяйственники, пусть и в генеральских погонах, могут сказать ему «нет». Его товарищи по должности ведут себя похожим образом. Секретарь МК Попов пытается командовать министрами. В постановлении Политбюро по этому поводу содержится выразительный пассаж:

«Возмнив, что ему все позволено, т. Попов требует от министров, чтобы они беспрекословно подчинялись указаниям Московского Комитета, и по вопросам, связанным с союзными предприятиями, расположенными в Москве и Московской области, министерства без согласования МК не обращались в правительство. Не согласным с этими антигосударственными требованиями министрам т. Попов угрожает тем, что Московский Комитет будто бы имеет свою резиденцию, куда он «может пригласить министров» и дать им нагоняй»².

У Хмелевского таких возможностей не было, а вот стремление воздействовать на управленческие решения в пользу вверенной ему области, конечно же, присутствовало в полной мере. Хмелевский вошел в строй больших партийных руководителей в годы войны, когда от секретарей тыловых обкомов Сталин требовал главным образом бесперебойного снабжения фронта всем необходимым. Обком партии вольно или невольно, становился главной конторой большого территориального производственного треста. Первый секретарь на деле исполнял роль управляющего этим трестом с очень широкими полномочиями. И спрашивала с него центральная власть за производство угля, своевременную отгрузку боеприпасов, выпуск авиационных моторов и артиллерийских орудий. Хмелев-

¹ См.: Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 10.

² Постановление Политбюро об освобождении Г. М. Попова от обязанностей секретаря МК и МГК и секретаря ЦК ВКП(б). 12 декабря 1949 г. // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М.: РОССПЭН. 2002. С. 323.

ский с такими задачами справлялся. Он умело координировал работу военных предприятий, относящихся к разным ведомствам, мог, как тогда говорили, «расширять» узкие места, под его патронажем был выведен из прорыва уже упомянутый Кизеловский бассейн и т. д. К. М. Хмелевский на собственном опыте убедился, что централизованное руководство является скорее помехой, чем подспорьем в решении производственных проблем.

Кажется, этот высокопоставленный партийный руководитель не слишком верил в преимущества плановой экономики. Иначе не объяснить его особую благосклонность к предприимчивым хозяйственникам, способным организовать снабжение городов и предприятий коммерческими методами, за счет теневого товарооборота, сплошь состоящим из незаконных, или не совсем законных сделок. Этими кадрами он занимался сам. Во внимание принимал отнюдь не анкетные данные, но умение работать, то есть решать задачи, не оглядываясь на партийный устав или статьи уголовного кодекса. В охоте за необходимыми ресурсами допускались разнообразные приемы: от самых сложных предпринимательских до простейших. Чиновников, ведающих в столице распределением, подкупали деньгами, ширпотребом, салом, спиртом.

Алкоголь был второй валютой. Руководители Краснокамского сульфитно-спиртового завода пользовались им для премирования передовиков производства из числа «вольнонаемных рабочих», но также и для упрочения деловых отношений с московскими и местными учреждениями, даже для оказания шефской помощи школе. «В июне 1947 г. по записке Мешалкина (директора завода — О. Л.) отпущено Краснокамской средней школе на вечер выпускников 20 литров спирта»¹.

Спиртом расплачивался с поставщиками и М. З. Дугадко². Так же поступали и многие другие хозяйственники. Во всех проверочных актах, которые мне привелось увидеть, повторяется в разных формулировках одно и то же: «выдача спирта производилась без всяких оправдательных документов». Просто брали и раздавали или оставляли себе.

В Москву везли не только спирт, но и ткани, продукты. Ими одаривали чиновников центральных ведомств. Управляющая

¹ Справка по делу о массовом расхищении этилового спирта на Краснокамском сульфитно-спиртовом заводе // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 149. Л. 171.

² См.: Справка по делу Дугадко М. З. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 30.

Молотовской базой «Союзглавлегсбыт», собираясь в командировку в столицу, «...в феврале месяце 1946 г. взяла со склада базы под видом образцов 2 шерстяных мужских костюма, 1 пару брюк и 1 дамское платье. И впоследствии этот товар списала на розничный магазин по бестоварному счету с выдачей в последний ордеров, денег и промтоварных единиц. В июне того же года взяла из лимитного отдела розничного магазина: кальсоны мужские — 20 пар, сорочки мужские — 20 штук, сорочки дамские — 30 штук, кофточек шелковых — 2 штуки, шерсти — 7 метров, полотна шелкового 3 м — и неизвестно куда девала»¹.

Работники Главка кальсоны брали, дамскими сорочками также не брезговали. В обмен отпускали положенные по фондам для области сырье и готовые продукты, возможно, что-то и сверх лимитов, но обязательно вовремя и пристойного качества. Местные хозяйственники, приобретшие за небольшую мзду плановые ресурсы, действовали в области точно так же. Они их выдавали только в обмен на материальное вознаграждение. В письме к Хмелевскому в феврале 1948 г. областной прокурор напоминал о том, что еще 1945 г. его подчиненные установили «...в порядке общенадзорной работы, что в сбытовых организациях г. Молотова почти ничего нельзя получить по фондам без взаимных услуг». Была составлена по этому поводу «большая по содержанию докладная записка на имя Секретаря Обкома тов. Гусарова» и все осталось по-прежнему².

Складывается впечатление, что К. М. Хмелевский догадывался, а может быть, и знал, что советское хозяйственное право столь же мало пригодно для эффективной экономической деятельности, как и Конституция СССР для политических практик. Существовала, однако, и разница. О конституционных правах граждан вспоминали только в день выборов. Нарушителям хозяйственного законодательства тюрьма грозила постоянно. И секретарь Молотовского обкома делает все возможное, чтобы защитить полезных дельцов от уголовного преследования. Ездит к Генеральному прокурору, добивается прекращения дел, сдерживает рвение местных блюстителей закона.

О состоянии сельского хозяйства в области Хмелевский знал из первых рук. Время от времени ездил по деревням. В июне 1948 г. лично руководил кампанией «по выселению в отдаленные районы лиц,

¹ Выписка из протокола № 38 32 заседания бюро Ленинского районного комитета ВКП(б) от 26 августа 1947 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 149. С. Л179.

² Куляпин — Хмелевскому. 7.02.1948 г.//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 97.

злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве». В колхозе «Колос» Верещагинского района присутствовал на общем собрании, молча выслушал речи, а затем уехал в райком, где «дал политическую оценку бюро районного комитета, секретарю райкома и потребовал исправления допущенных ошибок в последующей практической работе»¹. По всей видимости, понимал, что ничего они исправить не смогут. «Нельзя надеяться, что все колхозники настолько сознательны, что сами, без всякой агитации повезут хлеб государству, — говорил он на пленуме. — Здесь нужна кропотливая, настойчивая и наступательная политическая работа с людьми, и партийным работникам на этой работе придется работать с большим напряжением»².

Урожайность зерновых в области держалась на уровне шести центнеров с гектара. На трудодни выдавалось в 1948 г. меньше килограмма хлеба³. В такой ситуации Хмелевский делал ставку на развитие подсобных хозяйств, освобожденных от всех обязательных государственных поставок и наделенных правом сбывать излишки на колхозных рынках. По данным областного статуправления посевные площади этих хозяйств «увеличились почти в 7 раз, в том числе под картофелем в 13 раз и под овощами в 19 раз»⁴.

Когда в августе 1946 г. постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19.IX. 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» эта форма хозяйствования была фактически поставлена вне закона, К. М. Хмелевский попытался обойти запрет. В письме, адресованном А. А. Жданову, он спрашивал: «Ряд многоземельных колхозов желают передать излишки земли подсобным хозяйствам и организациям, т. к. они не в состоянии ее использовать. Можно ли это допустить, и как такую передачу оформить?»⁵.

¹ Информация о колхозном собрании, проведенном 12 июня с.г. по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. 14.06.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 179. Л. 151.

² Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 15 июля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9. Л. 126.

³ См. Руководство областной парторганизации хозяйственной деятельностью промышленности, транспорта культурного строительства Доклад//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 15. Д. 126. Л. 51.

⁴ Тиунов В. Тридцать лет строительства социалистического хозяйства на Западном Урале//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 175. Л. 33.

⁵ Хмелевский — Жданову 15.10.1946.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 134. Л. 42.

Он не возражал и против самоснабжения руководящих работников. Пусть заводят домашнее хозяйство: держат коров, разводят свиней, питаются с собственного огорода, даже торгуют на рынке. Только не сами, конечно, а родственники. Тем, кто особо увлекался, грозил пальцем:

«Что это за нужда у председателя горисполкома, чтобы он решил воспользоваться таким случаем, чтобы взять в колхозе корову? Раз корова, значит, нужно иметь сено. Когда же он будет работать, если ему нужно косить сено? Или опять в каком-нибудь колхозе тащить сено для своей коровы? (Куляпин: Бесплатно брали)»¹.

Неправильно, конечно, но что делать?

Работников надо кормить, это Кузьма Михайлович знал хорошо. На пленуме говорил: «... рабочую силу надо принимать по-человечески, а то были случаи, что их не кормили, и люди оттуда уходили»².

Писал Л. П. Берии, просил у него «...в целях сохранения военнопленных как рабочей силы в виде исключения разрешить увеличить нормы питания военнопленных лагеря № 207, занятых на прочих подземных и поверхностных работах»³. Тщетно. Министр внутренних дел Круглов, согласившись с тем, что «нормы питания для военнопленных, работающих на тяжелых физических работах, действительно недостаточны», в просьбе отказал: «Выделить продовольствие для дополнительного питания содержащихся в лагере МВД военнопленных без решения Правительства МВД СССР не может»⁴.

Хмелевский был рачительным хозяином с практической сметкой, способным подгонять под меняющиеся условия сложившиеся правила, подбирать людей, сообразуясь прежде всего с их деловыми возможностями, а не анкетными данными, побуждать к труду, подкрепляя экономические поощрительные стимулы патерналистским по своей природе покровительством. Областью он руководил жестко и авторитарно. Подчиненные его боялись. Тем не менее, к репрессивным мерам первый секретарь прибегал неохотно. В апреле 1948 г. на

¹ Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 15 июля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154. Л. 127.

² Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т. 2. 16 июля — 17 июля 1946 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 11. Л. 3—4.

³ Хмелевский — Берия. 4.10.47//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 179. Л. 255.

⁴ Круглов — Хмелевскому. 23.10.47//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 179. Л. 254

заседании бюро обкома К. М. Хмелевский выступил против уголовного преследования рабочих, опоздавших к заводскому гудку, или просто пропустивших смену:

«Надо было проанализировать, посмотреть, что это за 25 тысяч привлеченных и осужденных за прогулы за 1947 год, 1946 год, 1945 год, если все сложить, то какая же цифра получится. Конечно, (есть — О. Л.) и правильно осужденные, но я согласен с т. Рябовым, что значительная часть осуждена несправедливо. Ну что, человек запоздал на 20 минут на работу, не мог переправиться через реку. Это же объективная причина, от него не зависящая. Вы же сами знаете, какие лишения испытывают рабочие, которые живут за Камой или ездят на поездах, они мучаются, а его отдают под суд. По существу, это является провокационными действиями, которые вызывают раздражение у рабочих. И не только у тех, которых осудили, но и у тех, которые рядом стоят. Людей оправдали свыше 3000, это значит целый завод. Это же наша ошибка, неправильно судили»¹.

Что касается общего баланса социальной политики, проводимой К. М. Хмелевским в Молотовской области, то здесь следует учесть одно очень важное обстоятельство, а именно: громадный дефицит потребительских ресурсов, которыми располагали местные власти. При таком условии рост благосостояния номенклатурных работников происходил на фоне нищенского существования подавляющего большинства населения. Партийный работник Наумова вряд ли сгущала краски, когда выстраивала оппозицию «самоотверженные работники завода имени Кирова» — «разложившееся начальство»: «Люди, не считаясь ни с чем, в годы войны при всех трудностях выполняли военную программу, люди, работающие на 98 заводе, работали, не покладая рук, умирали с голоду, а Павчина в это время выносили пьяного из квартиры-дачи»².

После войны жизненные условия изменились незначительно. Прокурор Д. Куляпин писал о случаях людоедства на севере. Обком, в свою очередь, констатировал, что жилищно-бытовые условия рабочих-спецпереселенцев в Чусовском районе «совершенно нетерпимы»: «Рабочие своих подсобных хозяйств не имеют, отоваривание продуктовых карточек производится нерегулярно. Приобрести продукты питания на стороне, ввиду малого заработка (средний зарабо-

¹ Протоколы бюро обкома партии от 9 апреля 1948 г.//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 36. Л. 43—44.

² Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 156.

ток в месяц составляет 150—200 рублей), рабочие возможности не имеют. Вследствие плохих жилищных условий, неудовлетворительного общественного питания и торговли значительная часть рабочих-спецпереселенцев раздеты, не имеют обуви, постельных принадлежностей и сильно истощены»¹.

Крепкий быт партийных и хозяйственных руководителей на таком фоне выглядел вызывающе. Самое мягкое, что можно сказать о начальниках, поправляющих свое экономическое положение, так это то, что они поступали социально бестактно. Председатель Молотовского горисполкома в 1945 г. покупает пианино за 14 тысяч рублей. «Естественно, видимо, у кого-то возник такой вопрос, что, собственно, для партийного работника война в известной мере прибыльной оказалась. Когда страна в крови обливается, до предела напряжены все средства и энергия советского народа, а тут сбережения оказались», — вспоминал тогдашние толки инструктор обкома. Работники с мест говорили «о буре возмущения со стороны трудящихся», наблюдавших жилищное строительство советского деятеля районного масштаба². Надо сказать, что живущие в нужде рабочие и служащие были склонны подозревать в уголовных преступлениях каждого хозяйственника. С ними были солидарны и работники правоохранительных органов. В официальном письме областного прокурора, объезжавшего с ревизией северные районы области, содержится прямое указание на этот счет. «Состоя в должности коммерческого директора (Красновишерского бумажно-целлюлозного комбината — О. Л.), Абатуров — его Д. Куляпин предлагает освободить от должности ввиду прошлых политических грехов (был в 1928 г. судим за контрреволюцию) — живет далеко не по средствам, хотя прямых фактов присвоения и растраты и т. п. нет, но, тем не менее, его образ жизни наводит на мысль местное население о том, что он живет не по средствам»³.

Хмелевский, заботившийся, кроме всего прочего, о снятии социального напряжения, одной рукой открывал клапан, другой — сильнее вдавливал его. Тем более, что начальство быстро воспользовалось благоприятной ситуацией. Многие ответственные работники пустились во все тяжкие: бражничали, развратничали, самоуправничали. «Существуют такие разговоры, если раньше было два заместителя

¹ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 149. Л. 251.

² Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 68, 88.

³ Куляпин — Пигалеву. 6.12.1948. // ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 531. Л. 91.

председателя облисполкома, которые по малу не пили, то там теперь три заместителя, которые по малу не пьют»¹.

На том же пленуме недобрым словом вспоминали секретаря райкома, который «...сожительствовал с десятками женщин, на пленум приходил пьяным, по 4-5 дней не являлся на работу, пьянствовал и сидел на бывшей даче, которая была, если можно так выразиться, пристанищем его моральных разложений»².

Из многочисленных документов, помеченных 1945—1949 гг. (более ранние я просто не смотрел), следует, что использование казенной собственности или должности в личных, сугубо корыстных интересах было явлением в Молотовской области широко распространенным. В 1947 г. центральная контрольная партийная комиссия занималась делом заведующего финхозсектором обкома Г. А. Шемина. Тот в 1945 г. «силами бригады строительства дома обкома» выстроил себе небольшой домик в 42,8 квадратных метра жилой площади, никому ничего не заплатив. Оказалось, что он также «...брал из столовой обкома партии без талонов и норм: мясо, масло, яйца, булки, водку, торты, конфеты. Только по неполным данным <...> Шемин за 1944—1946 гг. взял продуктов на 41 400 рублей. <...> Пошел сверх полученного лимита 71 предмет одежды и обуви на 21111 рублей». Далее в «Справке», составленной контролером КПК Федоровым, перечислялись и другие проступки: «Взял без уплаты денег радиоприемник, две кровати, ковер, дорожку 6 метров и другое на 3357 рублей и без оформления документов увез к себе на квартиру буфет, 2 стола и 6 стульев. <...> Выписал на склад столовой обкома более 260 литров спирта. Часть спирта Шемин взял себе, другую часть выдал работникам обкома партии. В 1946 г. по распоряжению Шемина бухгалтерия обкома партии оплатила счет облисполкому за пианино на 12485 рублей. Это пианино Шемин без оформления документов взял в личное пользование»³.

Шемин примерно наказали строгим выговором и увольнением с работы за злоупотребление служебным положением. В своих хищнических устремлениях заведующий финхозсектором не был одинок.

Городская молва указывала на женщину, директорствующую в тресте зеленого и лесного хозяйства: «Стажевская незаконно получа-

¹ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 181.

² Там же, Л. 156.

³ Цепенников — Шкирятову. 19 04 47 «О результатах проверки анонимного заявления о злоупотреблениях зав. финхозсектором МО ВКП(б) Шемина» // ГОПАПО. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 12. Л. 61—64.

ет сено, кроме того, она эксплуатирует своих подчиненных. Сено ей косят и возят лесники, а за коровой ходит лесник т. Манина, а раньше ходила т. Чуклинова. Ежедневно ей за 6 км носят молоко. Ежегодно она дает указания по дачам лесникам, чтобы для нее садили овощи, и она их привозит к себе домой тоннами. Народ в городе и окрестностях ее стал звать графиней — и это, пожалуй, верно. Она за годы войны нажилась очень сильно, завела три дохи — и вот в январе месяце 1945 г. купила каракулеву доху. Что ни день, то новый костюм. Занимается только собой», — писали анонимные авторы в газету «Правда»¹.

Письма подобного содержания шли и в обком ВКП(б): «Кто не знает, что Стажевская до передачи ей подсобного хозяйства исполкома имела на себе одно-два платья. Теперь же у нее сотни. Откуда это все куплено? А корова, а свиньи? Откуда у нее на хозяйстве шесть тонн овощей. Она хочет на всех плевать, потому что т. т. Попов, Хмелевский, Ахлюстин не дадут ее в обиду. Почему она бьет на авторитет наших лучших честных работников. Мы верим, что это не так. Медом всех не купишь, хотя его и много Стажевская раздает втихую. Неужели нужна только Москва, чтобы этому положить конец?»².

Такой же репутацией пользовалась и А. М. Глебова — директор института вакцин и сывороток. В конце концов, областная прокуратура возбудила дело по факту служебных злоупотреблений. В обком партии ушла соответствующая докладная записка. Все подтвердилось: и взятки контролерам, и денежные выплаты родственникам, и использование казенных материалов «...для строительства автогаража для личной легковой автомашины»³.

Конечно же, и по должности, и по воспитанию, и, наверное, по субъективным представлениям Хмелевский был проводником сталинской политики. Во многих случаях он следовал курсом, проложенным в военные годы его предшественником Гусаровым. Вот только политические акценты все время смещал в сторону большей практичности, хозяйственной целесообразности, руководствуясь зачастую здравым смыслом, собственным опытом, а не идеологическими формулами. Конечно, он читал доклады и выступал по радио, только

¹ Отдел писем «Правды» — Обком ВКП(б). 13.03.45.//ГАПО. Ф р1366. Оп. 2. Д. 40. Л. 44.

² Тов. Гусарову Н. И. и тов. Ахлюстину И. П. (без даты)//ГАПО. Ф р1366. Оп. 2. Д. 40. Л. 45.

³ Куляпин — Хмелевскому. 15.03.1949.//ГОПАПО. Ф. 105 Оп. 15. Д. 131. Л. 59—62.

делал это очень неохотно, без души. Поручал готовить материалы инструкторам, а потом озвучивал написанный за ночь текст.

«Мне было поручено подготовить тов. Хмелевскому выступление по радио, расчет — 12-15 минут, — жаловался на пленуме лектор отдела пропаганды. — Я написал текст этого выступления и послал первому секретарю. Тов. Хмелевский по готовой шпаргалке выступил, а разве секретарь обкома партии не мог самостоятельно подготовить политическое выступление по радио. Я рассматриваю этот факт с двух сторон: сказать, что тов. Хмелевский не мог самостоятельно подготовить, это маловероятно; вероятным является прямое игнорирование политической работы. Для того чтобы подготовиться к политическому выступлению, надо прочитать сочинения Ленина-Сталина, обратиться к решениям партии и т.д. Легче всего поручить лектору, чтобы подготовил выступление — и получается: одно говорим — другое делаем. Такое же положение и с политическими докладами по текущему моменту. Я приведу ряд фактов. Тов. Хмелевский однажды выехал в Краснокамск. Ночью звонок — пошлите доклад по текущему моменту. Мы быстро состряпали доклад (в зале — смех), направили тов. Хмелевскому. Я не знаю, какие результаты, но, вообще-то говоря, товарищи, которые слушали доклад тов. Хмелевского в Краснокамске по этой шпаргалке, отзывались плохо. Мне кажется, такая позиция первого секретаря обкома партии — выступать по готовой шпаргалке — не к лицу и порочна»¹.

В общем, К. М. Хмелевский был по преимуществу хозяйственником и, стало быть, по меркам 1949 г., вот-вот мог сбиться с партийного курса, оступиться и захромать на правую ногу, как Г. М. Попов, которому «...товарищ Сталин лично сказал, что у меня хозяйственный уклон в работе. Он мне сказал: “У Вас хозяйственный уклон”. В чем тут дело? Дело, конечно, товарищи, заключается, как товарищ Сталин выразился, в том, что нужно понимать душу партийной работы. Вот этого понимания души партийной работы не было в достаточной мере. Товарищ Сталин разъясняет, что это значит — понять душу партийной работы. Это значит — поднять активность партийных масс. Развернуть внутривнутрипартийную демократию, самокритику, критику недостатков. Вот что значит понять душу партийной работы»².

¹ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 86—87.

² Выступление Г. М. Попова на объединенном пленуме Московского областного и городского комитетов ВКП(б). 13.12.1949.//ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953. М.: РОССПЭН, 2004. С. 215.

Хмелевский, конечно, все эти слова знал, при случае повторял, даже написал (подписал?) брошюрку соответствующую о том, каким должен быть партийный руководитель. Но вот становиться главным кадровиком или того хуже — постоянным председателем товарищеского суда в большой коммунальной номенклатурной квартире или записным оратором на митингах и собраниях явно не хотел, да, наверное, и не умел.

А вот М. Т. Данилкин — пора, наконец, вспомнить и о нем, — напротив, с молодых ногтей любил выступать с докладами и лекциями¹.

Хмелевскому все труднее удавалось соблюдать баланс между государственными и общепартийными интересами, с одной стороны, и растущими аппетитами местной номенклатуры, с другой. Центральная власть закручивала гайки. В то же время старые кадры, за годы войны уверовавшие в свою незаменимость, никак не хотели привыкать к новым порядкам. Местная милиция, возглавляемая честолюбивым полковником Скрипником, начала охоту на хозяйственных руководителей. Сотрудники отдела борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) практикуют ночные обыски без ордеров прокуратуры, они ищут запасы продовольствия, лишние карточки, дорогие вещи. Найдя, изымают, а затем вызывают граждан, в том числе, и работников партийных аппаратов, на ночные допросы. Возбуждают уголовные дела. В «Отчете о работе с руководящими кадрами управления МВД по Молотовской области за 1947 год» есть сводная информация об их работе за 2 года: 860 арестов в 1946 году; 2846 арестов в 1947².

Прокуратура протестует, но без большого успеха. На помощь прокуратуре приходит К. М. Хмелевский. Секретарь обкома хлопочет о партийной реабилитации проштрафившегося хозяйственника, только что спасенного не без его помощи от тюрьмы. На январском пленуме обкома 1950 года об этом эпизоде вспомнил маленький аппаратный чиновник. Сводя счеты с поверженным начальником он говорил:

«Должен сказать следующее, по-моему, тов. Хмелевский двурушничал. Это можно подтвердить следующим фактом. Обком ВКП(б) исключил из партии бывшего начальника Облегпрома Зальцберг. Это было в 1947 г. За развал работы и другие злоупотребления. Что делает тов. Хмелевский? Хмелевский в ноябре-декабре 1947 г. находился в доме отдыха под Москвой. Он вызвал в Москву члена партколле-

¹ См: Протокол допроса Лоскутова М.Н. 13.03.1953//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 109.

² Отчет о работе с руководящими кадрами управления МВД по Молотовской области за 1947 год//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 31.

гии тов. Зайцева и поручил ему выяснить настроения в КПК при ЦК ВКП(б), нельзя ли восстановить Зальцберга в партии. Тов. Зайцев выяснил, но почва оказалась шаткой, тогда тов. Хмелевский позиции сдал, поскольку в КПК настроения другие»¹.

В конце концов, милицию секретарь обкома победил. Скрипник был с работы снят. Бюро обкома 4 ноября 1947 г. приняло соответствующее постановление. Через десять месяцев по районным партийным организациям было разослано специальное письмо:

«Областной комитет партии располагает данными, которые говорят о том, что в последнее время в ряде подразделений МВД и особенно в органах милиции ухудшилось состояние государственной и партийной дисциплины, имеют место факты аморального поведения отдельных работников, злоупотреблений служебным положением и нарушений революционной законности. Некоторые работники милиции грубо нарушают и извращают советские законы: производят незаконные обыски и аресты, избивают арестованных, изымают и присваивают себе вещественные доказательства, деньги и другие ценности, нарушают сроки ведения следствия. Отдельные работники органов МВД и милиции совершают кражи, взяточничество и расхищение социалистической собственности. Это имело место в аппарате областного управления милиции, в Верхнемуллинском районе, Краснокамске, Березниках, в 1-ом отделении милиции г. Молотова. Некоторые начальники подразделений МВД сами допускали подобные преступления и показывали дурной пример подчиненным (Иглин — Большесосновский район, Мехоношин — Гайнский район и др.)». Обком потребовал «принять меры к укреплению органов МВД проверенными и политически подготовленными кадрами»².

Хмелевский был вынужден защищать хозяйственников не только из деловых соображений. Аресты руководителей снабженческих и торговых организаций бросали тень на всю Молотовскую область. Неугомонные следователи МВД покушались на работников партийного аппарата, они собирали, а иной раз и фабриковали материалы против хозяев области.

По стилю руководства, по выбранным управленческим приоритетам, наконец, просто по складу характера Кузьма Михайлович Хмелевский менее всего подходил на роль чистильщика хозяйственных и партийных кадров, уготованную ему партийным журна-

¹ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 87.

² Секретарям горкомов и райкомов партии. 19.08.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 61—63.

листом. Тем более что в фельетоне, направленном против М. З. Дугадко — одного из лучших организаторов снабжения в области, да, наверное, во всей химической отрасли (его знал и за него заступался министр химической промышленности М. Г. Первухин) — было много патетики и мало фактов. Мих. Тихонов — под таким прозрачным псевдонимом выступил в газете «Звезда» М. Т. Данилкин — обвинил начальника ОРСа Азотно-тукового завода в том, что тот, прибывший в эвакуацию худым и дурно одетым, «...раздобыл телом <...> и снискал себе славу одного из самых обеспеченных жителей города». И супруга его тоже располнела, обзавелась золотыми украшениями и оделась «в шелк, меха, фетр». Дугадко за большие тысячи отремонтировал себе квартиру, а в ванную комнату «...установил не просто колонку, а колонку из нержавеющей стали». Откуда такие деньги? Ясно — украл. Не мог не украсть. Нехитрая житейская мудрость: от трудов праведных не наживешь палат каменных. И в прошлом году Дугадко получил слишком много премиальных — 45 тысяч рублей. «При этом законными основаниями подкреплены только семнадцать. А остальные двадцать восемь?». Автор фельетона дает слово и неназванному оппоненту: «ОРС завода и в годы войны, и после работал и работает хорошо. Что же еще надо? Дугадко — толковый, предприимчивый работник. Правда, не без недостатков». После чего все эти аргументы уничтожаются одним, зато идейным соображением: «...процветание Дугадко <...> слишком не в ладах не только с основами коммунистической нравственности, но и с основами советской законности»¹.

Журналист метил не только в М. З. Дугадко, но и в директора завода А. Т. Семченко, члена областного комитета партии (избран единогласно в феврале 1948 г.²), любимца Хмелевского. О последнем обстоятельстве Данилкин мог и не знать, как, к слову, и о том, что подвергает критике и осмеянию основной принцип кадровой политики первого секретаря.

Возникает вопрос, как вообще могла появиться такая статья в газете, редактируемой человеком, входившим в ближний круг хозяина области, членом бюро обкома Борисом Никандровичем Назаровским, бывшим и советником, и сотрудником Хмелевского. Кузьма Михайлович его ценил, за службу отблагодарил орденом по случаю юбилея

¹ Тихонов М. Дугадко процветает // Звезда. 4.04. 1948.

² Справка о результатах тайного голосования. Февраль — март 1948 г. по Молотовской области // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 179. Л. 106. Против Хмелевского, как это явствует из той же «Справки», голосовали 12 человек.

Кизеловского угольного бассейна¹. Через короткое время представил к очередному ордену, на этот раз по случаю юбилея Камского речного пароходства². В партийной среде у Б. Н. Назаровского сложилась прочная репутация «человека Хмелевского».

«Тов. Назаровский и тов. Хмелевский — большие друзья и товарищи. Мне, как работнику и как члену обкома, это было видно, да и многим другим работникам обкома», — напомнила партийным активистам бдительный инструктор обкома³. Не только в газете, но и в партийных собраниях ответственный редактор следил за тем, чтобы критика областного руководства не выходила за границы дозволенного. «Я тогда выступил, сделал упрек в адрес горсовета и лично тов. Михайлина, — докладывал в том же 1950 г. директор треста «Молотовлес» Бушманов. — Нехорошие дела были. Надо было его ударить, поправить, и, что вы думаете, не успел сойти с трибуны, как член бюро тов. Назаровский прочитал мне такую проповедь. Он сказал: Ваше выступление является обобщающим, как бы не было клеветы на нашу областную организацию. Я, — заявляю, — Боже упаси, и думать не думал об этом. И вот сейчас диву даюсь, вроде как перестроился тов. Назаровский, обеими руками критикует (в зале смех) в оригинальном стиле, а именно, обязательно все большие работники должны пройти через критику»⁴.

Недосмотр можно исключить. «Все корреспонденции, вплоть до информационных заметок, Борис Никандрович внимательно просматривал перед тем, как переправить в типографию. Делал он это обычно вечерами. К утру на его столе оставались материалы, которые необходимо доработать. К каждому приколоты бумажка, что нужно еще сделать, уточнить, поправить, или вообще написать заново, если проблема того заслуживает», — вспоминает о редакторском стиле Назаровского один из его сотрудников⁵.

Скорее всего, Борис Никандрович — человек очень умный и ловкий (иначе сыну видного деятеля партии народной свободы, проще говоря, кадета, не сделать бы карьеру в советской журнали-

¹ См.: Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 88.

² См.: Зенков В. Г. Несколько штрихов к портрету Б. Н. Назаровского // Назаровский. — Пермь: Пушкин, 2004. С. 48–49.

³ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 140.

⁴ Стенограмма 6-го пленума обкома ВКП(б). 13.01.1950—14.01.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 31.

⁵ Зенков В. Г. Указ. соч. С. 51.

стике) — начал играть свою собственную игру. К. М. Хмелевский мог считать свои позиции неколебимыми. Его ценят в ЦК. К со- рокалетию награждают орденом Ленина. А вот Б. Н. Назаровский, кажется, замечает то, что проходит мимо внимания его патрона: изменение политической конъюнктуры, новое усиление режима. Военные методы выходят из моды. Москва требует дисциплины и карает хозяйственников за проступки, на которые не обращала вни- мания в 1941—1945 гг. Милицейская активность не может быть слу- чайной. В такой ситуации представляется целесообразным занять более критичную позицию по отношению к своему покровителю, дистанцироваться от старой политики. Если верить воспоминаниям людей, его знавших, Назаровский обывателей и мещан не любил, особенно тех, кто пользовался своим служебным положением.

Из документов, мною виденных, не ясно, прочел ли Хмелевский фельетон Мих. Тихонова сразу, или узнал о нем позже из вторых рук. Во всяком случае, в течение первых месяцев ничего не произошло. Областная прокуратура неспешно готовила следственные действия. Городской прокурор вовсе не находил оснований для возбуждения уголовного дела. Директор азотно-тукового завода А. Т. Семченко небезуспешно хлопотал о прекращении нападков на своего подчинен- ного. Областной комитет партии не вмешивался. В конфликте «Да- нилкин — Дугадко» Кузьма Михайлович, конечно же, был на сторо- не второго. Матвей Зайвелевич может обеспечить фондами завод и раздобыть продукты для его работников. Какая польза от Михаила Даниловича?

Или Данилкину подсказали (у Хмелевского были недоброжела- тели из числа обиженных сотрудников аппарата), или он догадался сам, но уже в июне 1948 г. журналист пришел к выводу, что на перво- го секретаря надежды нет. Он заодно с Семченко и даже с Дугадко. Надо писать в ЦК. 18 июня 1948 г. он отправляет большое письмо в Москву. К нему добавляет какие-то приложения. В пермских архи- вах это письмо не сохранилось. О его содержании можно судить по косвенным источникам: ссылкам, комментариям, цитатам из него, рассеянным в разных документах. Фабула письма выглядит таковой. В ОРСе Азотно-тукового завода орудует шайка жуликов, возглавляе- мая Дугадко. Директор завода эту шайку покрывает, более того, он ее злоупотреблениям способствует. Березниковский горком партии борьбу с хозяйственными преступлениями не ведет, на критические выступления печати не реагирует. Областное управление внутрен- них дел также не разоблачает расхитителей, поскольку его руководи- тели кормятся из преступных рук. Обком не замечает, что крупным

промышленным городом заправляют близорукие обыватели, мелко- буржуазные перерожденцы, расхитители и рвачи. И в самом аппарате обкома тоже есть нечестные люди.

Из ЦК письмо, видимо, со стандартной резолюцией «проверить факты, разобраться и доложить о принятых мерах» вернулось в молот- овский обком. Реакцию Хмелевского нетрудно угадать. Год назад по такому же письму был уволен его ближайший сотрудник — второй секретарь обкома Семен Афанасьевич Антонов.

Семен Афанасьевич Антонов — выпускник 1935 года Сверд- ловского горного института, дипломированный инженер, работав- ший по специальности на предприятиях Соликамска и Березни- ков. В 1942 г. был приглашен в Молотовский обком партии. Тогда принято было говорить — выдвинут. На новом месте службы С. А. Антонов проявил себя как нельзя лучше, иначе не объяснить его успешную карьеру и завоеванное им профессиональное при- звание. После ухода в аппарат ЦК Н. И. Гусарова в апреле 1946 г. его избирают на должность второго секретаря обкома. Представля- ет Антонова Кузьма Хмелевский:

«Тов. Антонов, 1910 г. рождения, член партии с 1932 г., образова- ние имеет высшее техническое, окончил горный институт в Сверд- ловске по специальности — горный инженер. В обкоме партии работает с 1942 г. Работал секретарем обкома партии по топливной промышленности, в настоящее время секретарем по кадрам.

Тов. Антонов является человеком, который очень глубоко раз- бирается в вопросах, умеет найти правильное решение, достаточно политически развит и где он работал, всегда успешно выполнял са- мые сложные вопросы. В частности, особенно много он поработал и проявил себя как хороший организатор в Кизеловском угольном бассейне. По своим деловым и личным качествам он, безусловно, справится с этой задачей — второго секретаря»¹.

Антонов справился. Когда его снимали с работы, никто из чле- нов бюро не сказал о нем ни одного худого слова. Напротив, секре- тарь по кадровым вопросам Лайкин напомнил собравшимся, что Семен Афанасьевич «...работал преданно, во всех отношениях хо- роший человек»².

¹ Стенограмма 20-го объединенного пленума обкома и пермского горко- ма ВКП(б). 18 апреля 1946 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 7. Л. 72—73.

² Постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 3 июля 1947 г. §4. О тов. Антонове С. А. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 59. Л. 65.

По должности и за заслуги второй секретарь Молотовского обкома был выдвинут и избран депутатом Верховного Совета РСФСР в феврале 1947 г. Не знаю, какую избирательную кампанию он вел: встречался ли с гражданами, объезжая округ, или все обошлось краткими официальными церемониями. В любом случае избиратели могли познакомиться с его биографией на официальном плакате. Учительница М. А. Суханова из г. Канаш Чувашской АССР по портрету узнала в кандидате от блока коммунистов и беспартийных сына местного фабриканта, о чем незамедлительно информировала ЦК ВКП(б). Назначили проверку, которая выяснила, что бдительная работница просвещения не ошиблась.

«Все опрошенные утверждают, что отец Антонова С. А. — Антонов Афанасий Антонович появился в г. Канаш в 1913–1914 г. из деревни Енеш-Косы Цивильского уезда. Сначала он поселился в доме своего родного брата Филиппа, затем, очень скоро купил дом у лесопромышленника Игнатьева и переселился в него (сейчас в этом доме, к которому сделан пристрой, размещен финансово-экономический техникум). Уже до прибытия в Канаш Антонов А. А. занимался скупкой и продажей мочальных изделий, а в Канаше развил эту деятельность до внушительных размеров, — сообщалось в официальной справке, составленной по итогам расследования. — По архивным данным Налогового отдела НКФ УФС Цивильского уезда Автономной Чувашской ССР, в 1926 г. оборот торгового предприятия А. А. Антонова составлял 100 000 рублей в год»¹. Его сын — будущий второй секретарь обкома — в том же году ушел из дома сразу же после окончания семилетки. Через год полностью порвал с семьей, перебрался в другую область, устроился рабочим на Лысьвенский металлургический завод. В анкетах указывал совсем другое происхождение. К слову, и его отец не стал дожидаться раскулачивания, дело свернул, из города уехал, устроился на работу в леспромхоз — заведующим красным уголком. Был он человеком грамотным, считал отменно. Спустя двадцать лет о нем говорили, что «вся бухгалтерия Антонова А. А. была у него в кармане»².

Семен Афанасьевич так объяснял свой поступок:

¹ Справка о результатах проверки заявления учительницы Сухановой М. А. о неточности некоторых данных в опубликованной биографии Антонова С. А. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 115. Л. 72.

² Там же, Л. 74.

«Я уехал, зная, что сыном кулака мне нельзя будет учиться. Когда я поступил на железную дорогу, меня уволили через 5 дней».

С того времени партиец Антонов скрывал свое происхождение. «Я виноват, что при вступлении в партию не указал о фактах торговли отца в 1923–1927 гг. Я не знаю, как это объяснить, я искренне говорю: не набрался силы воли сказать об этом факте»¹.

Второй секретарь обкома входил в номенклатуру ЦК. Решение принимали на самом высшем уровне. Хмелевский ездил в Москву, видимо, пытаясь спасти перспективного работника и оправдаться самому. «Я имел беседу с секретарями ЦК партии т. т. Кузнецовым, Ждановым, — рассказывал он членам бюро обкома. — Молотовская партийная организация считалась и считается одной из виднейших организаций нашей страны. Я вместе с тов. Гусаровым выдвигал тов. Антонова. Мы в течение нескольких лет радовались, когда видели: человек растет. Оказалось у него не хватило мужества, честности сказать хотя бы при выдвижении кандидатом в депутаты, чтобы это дело могли исправить. Но что же сделаешь теперь? Я должен больше сказать. Если т. Антонов раньше сказал — при вступлении в партию, или когда брали в обком, как говорит т. Кузнецов, мы бы подумали, стоит ли его с партийной работы освобождать. Когда же в последний момент выборов, сейчас его оставлять на руководящей партийной работе невозможно»².

И хотя за преднамеренное сокрытие своего социального происхождения полагалось обманщика исключить из партии, для Антонова было сделано исключение. Постановление бюро гласило: «За то, что тов. Антонов С. А. оказался нечестным перед партией, скрыл при вступлении в ВКП(б), в дальнейшем при выдвижении его в обком ВКП(б) свое социальное происхождение — из семьи крупных торговцев — считать невозможным оставлять его на работе второго секретаря обкома ВКП(б). Освободить тов. Антонова от обязанностей второго секретаря обкома ВКП(б), объявить строгий выговор т. Антонову с занесением в учетные документы за сокрытие своего социального происхождения. Просить ЦК ВКП(б) утвердить данное постановление»³.

¹ Постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 3 июля 1947 г. §4. О тов. Антонове С. А./ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 59. Л. 62–63.

² Постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 3 июля 1947 г. §4. О тов. Антонове С. А./ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 59. Л. 66–67.

³ Там же, Л. 61.

В лице скромной учительницы М. А. Сухановой секретарь обкома встретился, кажется, впервые со зловещим персонажем сталинского политического мира — с маленьким человеком.

Такое скромное наименование не должно вводить в заблуждение. Маленький человек — это вовсе не рабочий или колхозник, или мелкий служащий, как это может на первый взгляд показаться. Нет, это гражданин, который, не занимая высоких постов, рискует, но разоблачает больших начальников, совершающих крупные преступления. Именно в таком значении Сталин употребил словосочетание «маленький человек» в заключительной речи на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г.:

«Второй пример — пример с Николаенко. О ней много говорили, и тут нечего размазывать. Она оказалась права — маленький человек Николаенко, женщина. Писала, писала во все инстанции, никто внимания на нее не обращал, а когда обратил, то ей же наклеили за это. Потом письмо поступает в ЦК. Мы проверили. Но что она пережила, и какие ей пришлось закоулки пройти для того, чтобы добраться до правды! Вам это известно. Но ведь факт — маленький человек, не член ЦК, не член Политбюро, не нарком и даже не секретарь ячейки, а простой человек — а ведь она оказалась права. А сколько таких людей у нас, голоса которых глушатся, заглушаются? За что ее били? За то, что она не сдается так, мешает, беспокоит. Нет, она не хочет успокоиться, она тыкается в одно место, в другое, в третье, — хорошо, что у нее инициативы хватило, ее все по рукам били, и когда, наконец, она добралась до дела, оказалось, что она права, она вам помогла разоблачить целый ряд людей. Вот что значит прислушиваться к голове низов, к голосу масс»¹.

Маленький человек — это человек, стучащий громко и самоотверженно. Даже если он и не во всем прав: что-то додумывает, о чем-то сочиняет, сообщает непроверенные слухи, тем не менее, к нему следует прислушиваться и оберегать от притеснений местных, или ведомственных начальников.

«10% правды — это уже правда, это уже требует от нас решительных действий, и мы поплатимся, если не будем так действовать», — наставлял Сталин своего украинского полпреда².

¹ Сталин И. Заключительное слово на пленуме Центрального комитета ВКП(б) 5 марта 1937 года (стенографический вариант)//Соч. т. 14. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-9.html>

² Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть (Воспоминания) В четырех книгах. Книга 1. Москва, Информационно-издательская компания «Московские Но-

Чтобы стать маленьким человеком, нужно проявить себя: подвергнуться риску, разоблачить служебные преступления или враждебную деятельность большого человека, снискать признание и получить на какое-то время охранную грамоту от московских властей — в виде упоминания в речи, произнесенной с высокой трибуны, или в газетной публикации. Главная привилегия маленького человека — это право обращаться лично к первым руководителям. Та же Николаенко регулярно приходила к Хрущеву, и тот ее послушно принимал. На партийную карьеру эти люди рассчитывать, однако, не могли. Их общественный статус оставался зыбким. Главное заключалось в том, что инверсией этого политического персонажа была отталкивающая фигура матерого клеветника, стремящегося истребить партийные кадры. И границы между ними были открытыми. Партийные чиновники этих барабанщиков ненавидели. Н. С. Хрущев рисует образ Николаенко сплошь черными красками: она и опасная сумасшедшая, и сексуально озабоченная, и патологически лживая женщина. Поскольку трогать ее нельзя, следует избавляться от нее другим способом: переместить в другую область. Никита Сергеевич не без гордости рассказывает, как ему удалось от нее избавиться: «Она договорилась в Москве с начальником Комитета по культуре (как помню, у него была украинская фамилия) и уехала. Мы вздохнули с облегчением, и я сказал Сталину, что вот наконец-то она уехала. Он пошутил: “Ну, что, выжили?”. Говорю: “Выжили”. А через какое-то время ее послали, кажется, в Ташкент. Оттуда она стала осаждать меня телеграммами и письмами, чтобы вернули ее на Украину. Но тут я сказал: “Нет! Забирать ее на Украину мы не будем, пускай лучше там устраивается”. Я сказал об этом Сталину, и Сталин согласился и даже шутил по этому поводу»¹.

Местным начальникам было не до шуток. В сталинской картине мира, отличающейся двоичностью смысловых кодов, маленький человек исполнял важную функцию, но всегда в паре с человеком большим, то есть с ответственным работником, наделенным особым доверием. Маленький человек есть его антитеза. Только в такой связке приобретает смысл указание на его незначительную величину. Средой обитания маленького человека является государственная машина. Именно в ней общественная иерархия представляется оправданной, необходимой и функциональной. Гене-

вости», 1999. С. 122.

¹ Там же, Л. 124.

ралы командуют офицерами. Те отдают приказы унтер-офицерам. Последние ведут в бой массы. Так вот, маленький человек — это рядовой или сержант, который замечает в поведении командира подозрительные черты и, вопреки субординации, обращается к верховному главнокомандующему. Он вдвойне рискует, поскольку нарушает государственную дисциплину и навлекает на себя гнев непосредственного начальника, особенно, если тот встал на враждебный путь и не стесняется в средствах. Самоотверженность маленького человека вознаграждается тем, что он ценой собственного благополучия вскрывает злоупотребления и преступления больших людей, тем самым, помогая вождю, а с ним и всему народу пресечь вражьи происки, выкорчевать заговорщические гнезда.

В социальной организации маленькому человеку отводилась роль челнока, в своем неустанном движении соединяющем вершину пирамиды с ее основанием прямыми и непосредственными связями, дополняющими и поправляющими бюрократические, структурно выстроенные механизмы контроля и подчинения. В символическом пространстве сталинского мифа маленький человек олицетворял живую связь между вождем и рядовым советским гражданином. Более того, само наличие такого социального персонажа ставило великого человека над государственной машиной, выводило последнего из системы расписанных координат, регламентирующих повседневную жизнь советских людей, иначе говоря, делало его вождем, не зависимым от бюрократии. И в этом смысле маленький человек, советский аналог неутомимого разгребателя грязи, являлся необходимым элементом сталинской системы господства и управления.

Он предостерегает об опасности, исходящей от большого человека, нарушившего клятву, свернувшего с праведного пути. Он простец, далекий от книжной мудрости; он не все понимает, иной раз не находит нужных слов, преувеличивает, выпрямляет, додумывает. Именно в этих чертах проступает его искренность, незамутненность веры и самоотверженность. Маленький человек полностью растворяет собственное «Я» в большом «Мы». Он выстраивает жесткую оппозицию между личным интересом и общественным долгом.

Итак, маленький человек — это вовсе не синоним человека простого. Простота в сталинском мифе являлась универсальной чертой человека советского, на какой бы ступеньке социальной лестнице тот ни находился. Великий человек прост бесконечно. Не просто враг — двурушник, что-то скрывающий от людей. Не

просто перепуганный интеллигентик, культивирующий для себя старую отжившую мораль, не просто мещанин, живущий двойной жизнью. Все эти люди, конечно же, не являются частью советского народа. Они его антиподы, которых и разоблачает маленький человек.

Надо сказать, что Хмелевский к маленьким людям относился дурно. В лучшем случае считал людьми ненормальными, в худшем — политически вредными и очень опасными. Маленьких людей, по его мнению, нужно было искоренять. Местные органы госбезопасности не без успеха охотятся на анонимщиков, сигнализирующих о реальных и мнимых прегрешениях хозяина области. Когда автора устанавливают, с него берут объяснения:

«По отношению первого секретаря обкома ВКП(б) тов. Хмелевского и председателя облисполкома тов. Швецова, что они пьянствуют совместно и неудовлетворительного руководства областью, я просто не обдумал, грубо выразился, признаю ошибку»¹.

После чего запрашивают по месту работы производственную характеристику и вместе с актом экспертизы отправляют по начальству. Данилкин — не аноним. Он отвечает за свои слова. Справиться с ним труднее. Хмелевский ведет себя сдержанно. У него есть соответствующий опыт. В 1945 г. корреспондент «Известий» написала на него большой донос, избоблюющий обвинениями в личной нескромности, хозяйственном обрастании, неправильной кадровой политике и пр., но тогда умелыми маневрами удар удалось отвести. Березниковские руководители — люди небитые и самоуверенные, напротив, нисколько не стесняются в выражениях. А. Т. Семченко на заседании бюро назвал журналиста «фашиствующим молодчиком»², Подлинные чувства к доносчикам Хмелевский сумел прямо выразить в деле А. Н. Руденко.

В сентябре 1947 г. решением Министерства просвещения РСФСР в молотовский пединститут на кафедру русской литературы была переведена из Ульяновска Анна Николаевна Руденко. Если верить документам, написанным ее недоброжелателями, эта уже немолодая женщина была сведущим преподавателем, знаю-

¹ Балчугов — УМГБ 27.02.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 152. Л. 24—25.

² Протокол допроса Данилкина М.Т. 15.03.1953.//Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 83.

щим толк в языкознании. Во всяком случае, она на дух не приняла печатавшиеся тогда благоглупости в духе покойного академика Марра, отрицающие принадлежность коми-пермяков к угрофинской языковой группе. Работай она на кафедре в иную, более вегетарианскую эпоху, заслужила бы репутацию вздорной истеричной дамы: дело знает, но совершенно невыносима в профессиональном общении — без устали проверяет нагрузку, подозревает заведующего в тайных кознях и профессиональной некомпетентности, чуть что жалуется по начальству и бегаёт на консультацию к юристам, любую критику воспринимает как личное оскорбление и постоянно борется за справедливость. В сталинское время Анна Николаевна без устали разоблачала врагов народа: в Новгороде, в Саранске, в Ульяновске. Делала она это яростно, самозабвенно и всегда театрально. Дважды в знак протеста сдавала партбилет. Перед авторитетами не робела. В заявлении, отправленном в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), осыпала упреками члена политбюро ЦК А. А. Андреева и, в конце концов, его прокляла. С ней тоже не церемонились. Трижды исключали из партии, но позднее восстанавливали.

Попав в новый пединститут, А. Н. Руденко поначалу сводила счёты с прежними начальниками. «С первых же дней своего пребывания в Молотове Руденко стала заявлять, что она вынуждена была уехать из Ульяновска, т. к. её, якобы, затравили враги народа, стоящие, как она говорит, во главе педагогического института и Ульяновского обкома партии. Об Ульяновском обкоме ВКП(б) Руденко всегда говорит с ярой ненавистью, а первого секретаря обкома ВКП(б) т. Терентьева и секретаря по пропаганде шельмует как врагов народа»¹. Затем огляделась вокруг и обвинила заведующую кафедрой в «пропаганде троцкистских взглядов». Та рекомендовала студентам читать статьи из «Литературной энциклопедии», бывшей, по мнению бдительного словесника, «цитаделью и катехизисом троцкизма». Тут же, с головой окунувшись в факультетский конфликт, обвинила противную сторону «...в пропаганде фашистских взглядов». Секретарь обкома по идеологии попытался её урезонить, но в ответ услышал обвинение «в защите врагов народа».

6 апреля 1948 г. (через два дня после публикации фельетона М. Данилкина) бюро обкома партии объявило Руденко строгий вы-

¹ Хмелевский — Шкирятову. 29.04.1948 г./ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 130. Л. 1.

говор с предупреждением, с занесением в учетную карточку. Зная, с кем имеют дело, заранее тщательно подготовились, запросили в областном управлении МГБ соответствующую справку. Там потрудились на славу, подобрали компрометирующий материал.

Спустя три недели К. М. Хмелевский направил письмо Шкирятову — председателю комиссии партийного контроля. Лейтмотив письма: А. Н. Руденко — политически сомнительный человек, не заслуживающий никакого доверия. «Ознакомление с личным делом Руденко показало, что вот уже на протяжении свыше 10 лет, где бы Руденко ни работала, она необоснованно обвиняла большой круг коммунистов во вражеской линии, антипартийных делах, в троцкизме, пособничестве троцкистам и прочим врагам народа». Более того, она сама троцкист, антисоветчик и антисемит.

Хмелевский обильно цитирует «Справку», составленную сотрудниками МГБ:

«В период Отечественной войны Руденко являлась участницей контрреволюционной троцкистской группы и среди окружающих её лиц проводила антисоветскую агитацию, дискредитировала мероприятия, проводимые ВКП(б) и советским правительством, высказывала антисоветские настроения. <...> В 1942 г. Руденко неоднократно высказывала антисемитские настроения в отношении нации евреев. Она говорила, что много ценных документов и памятников русской культуры и других ценностей вывезти не смогли, оставили немцам, а вот евреев — эту шваль и другую негодную сволочь вывезли. Я ненавижу их и не могу с ними даже говорить, они даже Сталина взяли в свои руки».

В заключительной части письма Хмелевский прочел нотацию своему адресату:

«Мне непонятно, тов. Шкирятов, почему Комиссия Партийного Контроля поступает так мягко в отношении махровой клеветницы и склочницы, какой является не внушающая политического доверия Руденко. До каких пор Руденко безнаказанно будет клеветать на партийные органы и партийных работников, обливать их грязью, высказывать о них везде и всюду свои гнусные, антипартийные суждения? Неужели все это можно оправдать тем, что Руденко вот уже на протяжении 10 лет бомбардирует своими заявлениями Комиссию Партийного Контроля и угрожает покончить самоубийством? Если я не прав, — прошу разъяснить мне».

Впрочем, завершает он письмо «если Вы откажетесь призвать ее к порядку, мы сами ее из партии прогоним»¹.

¹ Хмелевский — Шкирятову. 29.04.1948 г./ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 130. Л. 1—4.

Ответа я в делах не нашел, но Анну Николаевну Руденко исключить не разрешили. В феврале 1949 г. ее перевели на работу в университет на кафедру русской литературы. Там она быстро осознала, что попала в окружение безродных космополитов и троцкистов, объявила им войну, «...была высокомерна и груба в обращении с товарищами, нередко оскорбляла их по случаю и без случая». Потом написала письмо в обком, в котором обвинила тех же товарищей «...в тяжких политических преступлениях». И уже новый секретарь обкома Ф. М. Прасс в 1952 г. сообщает тому же Шкирятову, что «...все эти и ряд других фактов сделали дальнейшее использование тов. Руденко А. Н. на педагогической работе в госуниверситете невозможным» и почтительно просит «перевести ее по линии Министерства высшего образования в другой город»¹. Не переводят. И только год спустя 29 сентября 1953 г. — в новую историческую эпоху — Молотовский обком исключил Руденку из партии «...за антипартийное поведение и систематическую клевету на партийных и советских работников»².

Хмелевский, повторюсь, не был человеком злым или мстительным. Вот только к А. Н. Руденко секретарь обкома не проявил ни малейшего снисхождения. Он явно хотел уничтожить эту женщину. По всей вероятности, всем своим социальным инстинктом, поротой партийной задницей К. М. Хмелевский ощущал страшную угрозу, от нее исходящую. Маленький человек, иначе говоря, настойчивый и бесстрашный доносчик, мог разом погубить дело, карьеру и саму жизнь кому бы то ни было. Областной руководитель не чувствовал себя в безопасности, поскольку постоянно в своей практической деятельности нарушал все и всяческие уставы, директивы и узаконения. Он был кругом виноват: перед партией, поскольку не соблюдал аскетические большевистские заповеди, выработанные в эпоху подполья и эмиграции; перед государством, поскольку обходил или разрешал обходить многочисленные и противоречащие друг другу запреты и ограничения в хозяйственной деятельности. До поры до времени власть закрывала глаза на все эти многочисленные нарушения. Маленький человек настойчиво пытался их открыть. И если конъюнктура складывалась для секретаря обкома неблагоприятно, не было никаких возможностей избежать наказания. Тот же Иван Николаевич Терентьев, о котором сигнализировала в ЦК ВКП(б)

¹ Прасс — Шкирятову. 22.11.1952. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 213–214.

² Характеристика на Руденку Анну Николаевну // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 123. Л. 74.

Руденко, был сперва снят с должности постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 февраля 1949 г. «О фактах разложения некоторых руководящих работников Ульяновской областной парторганизации», а затем и арестован 21 июля 1949 года по обвинению в том, что он «...лично на протяжении ряда лет расхищал социалистическую собственность и позволял другим воровать государственное добро. При его содействии в Ульяновской области расхищено большое количество спирта, чем нанесен государству ущерб, составляющий в денежном выражении свыше 70 миллионов рублей. В период карточной системы допускал разбазаривание фондовых товаров, предназначенных к выдаче рабочим и служащим. Распространял среди коммунистов вражескую “теорию” о невозможности подъема сельского хозяйства Ульяновской области без обновления всего существующего тракторного парка. В быту вел себя недостойно, пьянствовал и развратничал». За что и был внесен в расстрельный список, утвержденный Сталиным 23 марта 1950 г¹. Ивану Терентьеву повезло. Его имя списка было вычеркнуто. Четыре года он провел в заключении, в 1953 г. был освобожден по амнистии².

Дистанция между кабинетом первого секретаря и закрытым помещением, в котором партследователь, или сотрудник МГБ будет настойчиво допытываться, не зовут ли Кузьму Михайловича, на самом деле, Казимежем, не является ли он отпрыском помещика и родственником пилсудчика, была в 1948 г. совсем незначительной.

Уязвимость и непрочность положения вынуждала партийного руководителя вести войну на истребление против маленьких человечков, сегодня обвиняющих в фашизме и троцкизме редактора «Звезды» и секретаря по идеологии, как это сделала Руденко, а завтра готовых покуситься и на их руководителя и патрона. Даже в том случае, если первый секретарь не попал под удар, или мог сманеврировать, прицельные атаки доносчиков разрушали выстроенную сеть управленческих отношений, тем самым, приводя в негодность всю систему. Отраженный Старой площадью сигнал служил своего рода катализатором, обостряющим и выявляющим внутренние конфликты в номенклатурной среде. Прежние договоренности, согласования и компромиссы, опирающиеся на авторитет хозяина области, теряли свою беспорность. То, что вчера было ясным, определенным, безальтерна-

¹ Сталинские списки — Список 23.03.1950. (АП РФ Ф. 3 Оп. 57 Д. 100 лл. 2–54) // CD «Сталинские списки». Memorial. 2003

² См.: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М.: РОССРЭН, 2004. С. 458; Тумшис М. ВЧК. Война кланов. М.: Яуза — Эксмо, 2004. С. 303–304.

тивным, сегодня становилось проблемным и сомнительным. Начиналось размежевание в кругу партийных и хозяйственных грандов.

В г. Молотове первым человеком, пожелавшим отойти на безопасное расстояние от первого секретаря, был Б. Н. Назаровский. В мае он награждает М. Т. Данилкина денежной премией «...за энергичное и инициативное выполнение заданий»¹. Он не только одобряет его действия, но и продолжает кампанию, начатую березниковским корреспондентом весной 1948 г.

«Звезда» в начале июля (о письме в ЦК уже в обкоме известно) опубликовала редакционную статью «Медлительный прокурор и бойкий Дугадко». В ней Матвей Зайвелевич был изображен разоблаченным уголовным преступником. «Он совершенно незаконно получил 22 тысячи рублей премий. Он, вкуче с другими работниками, занимался спекуляцией спиртом, расхищал картофель, сено и скот с подсобного хозяйства. В ОРСе составлялись подложные документы, по которым уплывали в грязные руки тысячи рублей государственных денег». В статье вновь, но уже в более жестком тоне, возникала тема покровителей и пособников. «Дугадко достаточно ловок, он добился списания 600 000 рублей убытков на ОРС за 1947 г. не только без какого-либо взыскания, но даже со снятием выговора, который был объявлен ему ранее». «Звезда» указала имена и должности лиц, благодаря которым Дугадко мог совершать свои преступления: «Не делает эта история чести и людям, которым был непосредственно подчинен Дугадко, и которые заняли в его деле позицию благожелательного нейтралитета. Мы имеем в виду, прежде всего, директора Березниковского азотно-тукового завода тов. Семченко и заместителя начальника ГлавУРСа Министерства химической промышленности тов. Турчинова». В этом обвинении наиболее зловеще звучали слова «прежде всего». Стало быть, были и другие сторонники благожелательного нейтралитета, о которых газета сообщит позже. Автор статьи указал, где их искать, назвав березниковский горком ВКП(б), «...которому давно следовало бы разобраться не только в делах самого Дугадко, но и в делах тех, кто ему покровительствует». Главной мишенью газеты были органы прокуратуры. Городскому прокурору Булошникову выговаривалось за неспешность в проведении следственных действий, но не только: «Он-то знал, что имеет дело с достаточно опытным преступником и мог бы действовать оперативнее».

¹ Гуревич — Хмелевскому. Без даты. Справка о работе в редакции газеты «Звезда» члена ВКП(б) тов. Данилкина М. Т. // ГОПАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. Л. 25.

Подобный упрек адресовался и областному прокурору — Д. Куляпину: «Такая медлительность на руку преступникам»¹.

Редакционной статьей Б. Н. Назаровский (если даже и не он ее писал, то самым тщательным образом редактировал) давал понять, что возглавляемая им газета занимает новую, наступательную позицию — беспощадной большевистской критики должностных лиц, отступающих от принципов советской морали или им попустительствующих. С боевым собкором Данилкиным в первой шеренге она выступает в поход против местной номенклатуры. Редакция ходатайствует за него перед Политуправлением Уральского военного округа, намеревавшегося не без подсказки обкома вернуть майора запаса в ряды вооруженных сил. Летом его вызывают на сборы.

С этого момента Михаил Тихонович становится по-настоящему опасным человеком. Он не только провоцировал раскол в местном руководстве, но и вынуждал приносить в жертву ценные проверенные кадры. М. З. Дугадко уже был уволен. В конце концов, прокуратура возбудила против него уголовное дело, добилась ареста, отдала под суд. В январе 1949 г. ему был вынесен приговор: лишение свободы сроком на десять лет по статье 109 УК РСФСР. Вместе с Дугадко были осуждены директор Усольского совхоза Опурин и несколько финансовых работников². Замечу, что Дугадко был на самом деле хорошим хозяйственником: ловким и предприимчивым. В беде его не оставили. Сразу же после ареста — еще до завершения следствия и вынесения приговора — он был помещен в лагерное отделение № 5 УИТЛК УМВД Молотовской области, где работал в должности бухгалтера цеха промышленного производства. После суда был назначен комендантом зоны лагерного пункта № 1; затем переведен заведующим производством в цехе пищеблока центрального участка лагеря. В мае 1950 г. по представлению областных инстанций особое совещание при МВД СССР постановило: «Неотбытый срок наказания Дугадко заменить отработкой по вольному найму на предприятиях золотой промышленности», что и было исполнено³.

За месяц до этого события Верховный суд СССР приговор отменил и меру наказания снизил до 5 лет лишения свободы, поскольку «Дугадко злоупотреблений служебным положением в части получения премий не допускал. <...> Исключено обвинение Дугадко в вы-

¹ Медлительный прокурор и бойкий Дугадко // Звезда. 9.07.1948.

² Из зала суда // Березниковский рабочий. 18.01.1949.

³ Справка по делу Дугадко М. З. 20.7.1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 30–31.

даче работникам завода картофеля по заниженной цене, так как не установлено в этом корыстной цели»¹.

Арест Дугадко означал, что под угрозой находилось все березниковское руководство. Следующим на очереди стояло руководство областное. К слову сказать, в сознании М. Т. Данилкина такая связка сформировалась. В своих поздних письмах он выводит формулу зла: Дугадко — Семченко — Хмелевский. Именно эти имена олицетворяют для него «тех, кто глумился и продолжает еще глумиться над святыми для любого большевика принципами марксизма-ленинизма»². В сентябре 1948 г. Данилкин впервые бросает вызов первому секретарю. Он обращается к Хмелевскому с личным письмом:

«Вам, конечно, известно, что мною было написано письмо в ЦК ВКП(б), датированное 18 июня 1948 года. Текст этого письма и все приложения к нему имеются в обкоме партии. Причиной, послужившей тому, что я написал это письмо, было мое выступление в газете “Звезда” от 4 апреля 1948 года с фельетоном “Дугадко процветает”. Вполне возможно, что я поступил неправильно, написав письмо не в обком, а сразу в ЦК. Я вполне понимал и понимаю, что это сильно затрагивает самолюбие некоторых областных руководителей и ставит в неловкое положение автора письма.

Вам нетрудно согласиться со мной в том, что и опубликованный в “Звезде” фельетон, и мои последующие выступления в городской газете, и само письмо в ЦК не преследовали и не могли преследовать личных, шкурных целей. Наоборот, для спокойной личной жизни делать это было явно нецелесообразно: меня никто не обижал, жил я вполне нормально, за мной была прочная репутация одного из лучших соборов “Звезды”. Меня, уже немолодого коммуниста и выдавшего виды советского гражданина, взволновал и заинтересовал общеполитического порядка вопрос:

Как это могло получиться, что на тридцать первом году Октябрьской революции, в крупнейшем рабочем центре не только области, но и страны, мог занять столь большое общественное положение, мог безнаказанно долгое время творить крупные уголовные преступления явный паразит, каким является Дугадко?».

Далее Данилкин многословно жаловался на необъективность и предвзятость областной комиссии, приехавшей в Березники «...рас-

¹ Козлов — Голубевой. 2.04.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 39 (об).

² Данилкин М. Т. — Прассу Ф. М. 27.04.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 26.

следовать мое письмо в ЦК ВКП(б)»: не с теми разговаривали, не о том спрашивали, не тем интересовались, слишком быстро уехали. Хуже того, «комиссия всем своим авторитетом навалилась на автора письма, чтобы всячески очернить его и свести на нет содержание письма». Перечислив подробнейшим образом упреки в свой адрес, он в последнем абзаце письма читает нотацию всемогущему секретарю:

«Тов. Хмелевский! Для меня и для Вас вполне ясно, что силой авторитета обкома не ахти как трудно опорочить не только одного, а нескольких Данилкиных. Ясно и другое: при желании с ним нетрудно расправиться самым беспобахным образом. Но кому и зачем это нужно? Вольно или невольно, а получилось, что слова более опытных и предусмотрительных березниковцев о неуязвимости Дугадко подтвердились. Снисходительность к этому прохвосту после многократных выступлений в областной газете, попытки комиссии обкома партии показать (без всяких оснований) собора “Звезды” в самом мрачном виде ничего, кроме политического вреда дать не могут. Теперь тем паче никому не запретишь думать и говорить: “Дугадко неуязвим. Каждого желающего поднять на него, или ему подобного, руку, ничего, кроме неприятности постичь не может”.

Прошу Вас, товарищ Хмелевский, сделать из сказанного необходимые партийные выводы.

С коммунистическим приветом!

Член ВКП(б) М. Данилкин»¹.

Самое замечательное в письме — это его тон. Данилкин обращается к Хмелевскому через голову многочисленных чиновников. Письмо написано свободным человеком, приглашающим своего корреспондента к диалогу на равных. В письме нет даже следа субординации. Аргументация сугубо рациональная, рассчитанная на интеллигентного человека. Михаил Тихонович только тогда сбивается с тона, когда излишне пространно и обиженно повествует о своих злоключениях, или жалуется на комиссию. Язык письма также любопытен, поскольку очень напоминает стиль сталинских текстов, в чем-то даже его имитирует. Фраза про «немолодого коммуниста» представляет собой кальку сталинских слов, сказанных им в радиовыступлении по случаю победы над Японией². Упоминание самого себя в третьем лице также позаимствовано из сталин-

¹ Данилкин — Хмелевскому. 5.09.1948//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 176—180.

² См.: Сталин И. О Великой отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1946. С. 206.

ских речей, как и угрожающее требование «сделать из сказанного необходимые выводы»¹.

Письмо Хмелевскому интересно еще и тем, что оно позволяет бросить свет на мировосприятие маленького человека, осмелившегося вызвать на поединок сильного мира сего².

Здесь следует, однако, учесть, во-первых, что по своему жанру текст Данилкина представляет собой вовсе не исповедь, но проповедь, к тому же обращенную к сомнительному лицу — еще не врагу, но уже и не к верному соратнику. Во-вторых, автор письма является профессиональным литератором, иначе говоря, сочинителем, хорошо владеющим пером, способным имитировать чужой стиль, знающим толк в художественных деталях. Так что не нужно искать в этом письме полной искренности, или индивидуального самораскрытия. Что в нем содержится в избытке, так это приличествующей случаю риторики, то есть набора стандартизированных лекал, в соответствии с которыми авторы разоблачительных писем выстраивали систему доказательств, самооправданий, мотивировок. Конечно, по одному письму нельзя восстановить ту лабораторию общественной мысли, в которой производилась особая доверительная форма связи маленького человека с верховной властью, но можно обнаружить ее характерные черты, производные от большой советской идеологии.

Михаил Данилкин полностью растворяет собственное «я» в большом «мы». Он выстраивает жесткую оппозицию между личным интересом и общественным долгом. «Я» — это работник, частное лицо, которое живет хорошо, ни в чем не нуждается, ничего для себя не просит. Обыватель. «Мы» — «немолодые коммунисты и выдавшие виды советские граждане», напротив, восстаем против несправедливостей и ненормальностей в общественной жизни и ставим большие политические вопросы. Для того чтобы слиться с «мы», автору необходимо отрешиться от «всякого шкурного интереса», пожертвовать

¹ В сталинской привычке говорить о себе в третьем лице М. Вайскопф справедливо усматривает «...пропагандистски выигрышную декларацию скромности, сопряженную с отказом от кичливого выпячивания своего “я”». Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: НЛО, 2001. С. 75.

² К слову сказать, Михаил Тихонович свою принадлежность к малым людям осознавал и ею тяготился: «И все же хочется писать о Вас, даже мне, который принадлежит к сословию так называемых “маленьких людей”. Теперь разделение людей на “больших” и “маленьких” стало своего рода сословными званиями: это звучит почти также, как в свое время звучало “барин” и “мужик”». Разговор с И. В. Сталиным//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 1.

личным благополучием. «Мы» — это не все советские люди — и уж тем более не все жители Березников. Данилкин выводит за скобки и жуликов, и их покровителей, и осторожных, предусмотрительных мешан: «опытных березниковцев». «Мы» — это и не журналисты. Оказывается, можно быть «лучшим собкором «Звезды» и закрывать глаза на все и всяческие безобразия. Получается, что «мы» — это старые большевики (автору письма — 34 года) и испытанные временем советские граждане: «выдавшие виды». Первая и вторая часть формулы самоидентификации откровенно тавтологичны. Речь явно идет об одних и тех же людях. Примечательно, что в письме Хмелевскому Михаил Тихонович затушевывает свое фронтовое прошлое. В будущем в письмах к Прассу он будет представляться иначе — «... бывшим военным комиссаром Красной армии». И «мы» станет другим — «большевистские активисты; зоркие сталинские глаза»¹. Выбор самоопределения диктовался ситуацией. В сентябре — октябре 1948 г. Данилкин отчаянно сопротивлялся возвращению в кадры Советской армии, так что лишний раз напоминать о своем офицерском прошлом ему было совершенно ни к чему.

Причинами, побуждающими обратиться с письмом в ЦК, являются исключительно интересы дела, вернее, реальная и зловеющая угроза этим интересам. Само дело предстает чем-то большим, неопределенным и таинственным. Оно подлежит обсуждению только с людьми посвященными — работниками ЦК. Дело — это мистическое целое, исполненное собственного смысла, не разменного на пяточки экономических представлений. Его никак нельзя отождествить с какой-то конкретной задачей: выполнением государственного плана, или улучшением продовольственного снабжения тех же жителей г. Березники. И в то же время оно хрупко и уязвимо. Поломка отдельной детали или, вернее, нагноение какого-то его отростка может привести к его гибели или параличу. В отделе заводууправления одного из предприятий города орудует жулик. На основании этого, согласимся, ничтожного факта автор письма сразу же ставит «общеполитического порядка вопрос», как такое могло случиться на 31 году советской власти. Здесь Данилкин — сознательно или бессознательно — пользуется приемом фольклорного происхождения². Логика автора адекватно представлена в детской песенке Маршака:

¹ Данилкин — Прассу. 8.05.1950.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 9.

² Такой прием, называемый кумулятивным, или цепным, характеризуется выстраиванием причинно-следственной связи между ничтожным событием и его чудовищным результатом в короткой временной проекции. См.: Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 254.

Не было гвоздя/Подкова отпала/Не было подковы/Лошадь захромала/Лошадь захромала/Командир убит/Конница разбита/Армия бежит/Враг вступает в город/Пленных не щадя/Потому что в кузнице/не было гвоздя.

Только Данилкин пропускает промежуточные звенья.

И еще. За всеми нарушениями естественного, то есть заложенного в партийной доктрине хода вещей скрывается чья-то вражеская рука или несколько рук, намеренно вредящих или подталкивающих неустойчивых людей к дурным поступкам. И тот, кто не видит или не хочет видеть этого, совершает в лучшем случае политическую ошибку, в худшем является их вольным или невольным пособником.

Три смысловые единицы, образующие содержание письма М. Т. Данилкина к К. М. Хмелевскому, по своему генезису восходят к сталинской риторике. И дело здесь не в повторении приемов или имитации манеры изложения — это все вторичное. Главное — это повторение сталинской логики, примененной и отточенной в борьбе с оппозицией. Сходство риторических фигур, используемых маленьким человеком, со сталинскими образцами и представляло, как кажется, основную опасность для людей, подвергшихся нападению. В мире, в котором идеологический текст обладал неоспоримым приоритетом по отношению к социальной практике, попасть в соответствующую графу с отрицательной коннотацией, означало для высокопоставленного чиновника лишение всех степеней защиты. Этот человек терял партийный билет, право занимать ответственный пост, пользоваться политическим доверием.

Из письма Данилкина следовало, что автор, во-первых, пытается подвергнуть своего адресата именно этой процедуре, иначе говоря, идентифицировать позицию первого секретаря обкома с политическим уклоном; во-вторых, он реализует свою задачу грамотно и квалифицированно; в-третьих, не собирается останавливаться на полпути.

К. М. Хмелевский на письмо не ответил и стал готовить контрмеры. За Данилкиным стояла Москва, и потому просто уничтожить его — после разоблачений — было невозможно. Следовало соблюсти все приличествующие партийному этикету церемонии: признать ошибки, наказать виновных, принять организационные меры, призвать к порядку пошатнувшегося было редактора и только потом приступить к решению главной задачи — дискредитировать и удалить барабанщика. Правда, поначалу секретарь обкома несколько поторопился, вновь организовав выдвижение партийного журналиста на политработу в армию. Данилкин обратился в ЦК. Оттуда Хмелевскому дали понять, что он не прав, столь откровенно избавляясь от

неудобного товарища. Пришлось давать задний ход. «Редакция [газеты “Звезда” — О. Л.] обратилась в обком ВКП(б) с просьбой ходатайствовать перед Политуправлением Уральского военного округа об оставлении М. Данилкина на прежней работе. Просьба редакции и обкома партии была удовлетворена»¹.

Вопрос «О письме тов. Данилкина» был поставлен под двадцатым номером на обсуждение бюро обкома партии 19 октября 1948 г. Докладчиком утвердили секретаря по идеологии Лященко. И формулировка, и назначение, и порядок рассмотрения по регламенту не были случайными. Очередность рассмотрения указывала на степень значимости. Должность докладчика — на ведомственную принадлежность. Данилкин — журналист. Тема — слабая реакция на фельетон, значит, вопрос газетный. Хмелевский одновременно одернул редактора «Звезды», отказавшись обсуждать редакционную статью «Медлительный прокурор и бойкий Дугадко». На пленуме в январе 1950 г. Б. Н. Назаровский пожалуется: что «только в сентябре месяце (на самом деле, в октябре — О. Л.) бюро обкома партии, наконец, решило этот вопрос, но не прямо по выступлению своего органа — газеты “Звезда”, а по письму т. Данилкина, которое было переслано из ЦК партии»².

Дискуссия, однако, была бурной и продолжительной. Не считая Лященко, говорили еще 9 человек: первый секретарь Березниковского горкома, городской прокурор, областной прокурор, директор азотно-тукового завода, редактор «Звезды». Выступили Данилкин и Хмелевский. Речи не протоколировались.

В постановлении бюро было отмечено, «что в фельетоне тов. Данилкина “Дугадко процветает”, в редакционной статье “Медлительный прокурор и бойкий Дугадко” и в письме тов. Данилкина на имя ЦК ВКП(б) правильно вскрыты крупные злоупотребления в ОРСе Березниковского азотно-тукового завода и обоснованно предъявлено обвинение директору азотно-тукового завода тов. Семченко и прокурору города тов. Булошникову в том, что они не проявили партийного отношения к этому делу, а также к бюро Березниковского горкома ВКП(б) в том, что оно не обсудило своевременно выступления областной газеты по делу Дугадко. Директор азотно-тукового завода тов. Семченко <...> проглядел крупные злоупотребления в ОРСе азот-

¹ Гуревич — Хмелевскому. Без даты. Справка о работе в редакции газеты «Звезда» члена ВКП(б) тов. Данилкина М.Т./ГОПАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. С. 26.

² Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б) 13–14 января 1950 г./ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 45.

но-тукового завода, необоснованно премировал Дугадко и даже, когда преступления Дугадко стали вскрываться, не поставил вопрос о снятии его с работы и привлечении к ответственности. Прокурор гор. Березники тов. Булошников проявил <...> медлительность, не взял подписки о невыезде с Дугадко и быв. главного бухгалтера ОРСа Кацмана, что позволило им скрыться. (Дугадко в настоящее время задержан, Кацман — в розыске.) Бюро Березниковского горкома ВКП(б) (секретарь тов. Шандинцев) не придало должного значения выступлениям областной газеты “Звезда”, не обсудило <...> и не сделало должных выводов. <...> Тот факт, что самоснабженцам и расхитителям удается пробираться на руководящие посты, свидетельствует о нарушении в Березниках большевистского принципа подбора работников по политическим и деловым качествам.

Бюро обкома ВКП(б) вместе с тем отмечает, что в письме тов. Данилкина содержится ничем не обоснованные, голословные обвинения против ряда руководящих работников (т. Рязанова — управляющего 6-м строительно-монтажным трестом, т. Захарова — быв. начальника УМВД по области и др.)

Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Указать бюро Березниковского горкома и его секретарю тов. Шандинцеву на допущенную им ошибку. <...> Предложить бюро горкома созвать в ближайшее время пленум горкома, на котором обсудить вопрос о подборе и воспитании руководящих кадров.

2. Объявить выговор директору азотно-тукового завода тов. Семченко за необоснованное премирование <...> Дугадко и непринятия мер к разоблачению и привлечению к ответственности преступников, орудовавших в ОРСе.

3. Указать прокурору города Березники тов. Булошникову на медлительность.

4. Принять к сведению заявление прокурора области тов. Куляпина и прокурора города Березники тов. Булошникова о том, что Дугадко и соучастники его преступлений арестованы и в ближайшее время предстанут перед судом, и что прокуратурой приняты меры к розыску скрывшегося бывшего главного бухгалтера ОРСа Кацмана¹.

Постановление бюро обкома «О письме тов. Данилкина» является образцом политического мастерства К. М. Хмелевского. По форме это развернутый на трех страницах машинописного текста ответ ЦК. На деле — искусный маневр, выводящий из-под удара партий-

ные кадры. Вся информация, содержащаяся в письме Данилкина, разнесена по двум рубрикам: разоблачение крупных хозяйственных преступлений и голословные обвинения. Первые подтверждены. Последние отвергнуты. Его автор предстает человеком, мягко скажем, не всегда и не полностью правдивым, способным нападать и на честных людей тоже. Тема хозяйственных преступлений строго локализована. В ОРСе одного предприятия имели место серьезные злоупотребления. Спасибо журналисту, а с ним и областной газете, что на них указали. Городская прокуратура проявила медлительность, но, в конечном счете, все исправила. Директор завода не сумел своевременно вывести жуликов на чистую воду. Наказан выговором. Я смотрел личное дело члена обкома ВКП(б) А. Т. Семченко и, конечно же, не нашел никаких следов наложенного на него взыскания. Горкому в Березниках следует обсудить, как надо работать с кадрами. Все. Инцидент исчерпан. Большой политический вопрос сведен к заурядному частному случаю. Дугадко пришлось принести в жертву. В Березниках сменили партийное начальство. Секретарем была избрана З. П. Семенова — по оценке вошедшего во вкус М. Данилкина, «хороший, но не очень грамотный, трусоватый для ее общественного положения человек»¹.

По части грамотности журналист не ошибся. На пленуме горкома о деле Дугадко эта женщина сказала буквально следующее:

«Так, долгое время в ОРСе Азотно-тукового завода в должности начальника работал Дугадко, нутро которого мы своевременно не смогли рассмотреть, наоборот, хвалили его как одного из лучших руководителей торговых организаций города, а фактически оказавшегося огромным жуликом и проходимцем, нанесшим большой ущерб государству. <...> Руководство завода, в частности, директор тов. Семченко <...> защищал Дугадко и сам неоднократно выезжал в Молотов в областную прокуратуру для защиты последнего. <...> “Кипучая” деятельность Дугадко и Кацмана привела к тому, что ОРС в настоящее время не может выправить свое финансовое положение и имеет в этом году свыше 500 000 рублей (нрзб)»².

Впрочем, А. Т. Семченко этот поступок в вину не вменили. Он остался членом горкома партии.

С Данилкиным обошлись жестче. В конце концов, К. М. Хмелевский вернул редактора «Звезды» в общий строй. Как это произошло,

¹ Данилкин М. — Прассу Ф. 19.04.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 14.

² Материал к докладу. 30.11.1948 г. // ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 564. Л. 134—135.

¹ Протокол № 33. Заседание бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 19, 22 октября 1948. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 71. Л. 73—75.

я не знаю. Переговоры между Борисом Никандровичем и Кузьмой Михайловичем проходили за закрытыми дверями и в неофициальной обстановке.

«Была семейственность, — докладывал позднее Б. Н. Назаровский. — Многие вопросы решались в кабинете тов. Хмелевского в отдельных разговорах, а не в зале заседаний бюро обкома, иной раз работа с документами, докладами переносилась на квартиру тов. Хмелевского, куда вызывались работники. Тов. Хмелевский ревниво относился, насколько внимательно прислушиваются к его мнению. Была известная боязнь выступать с критикой, подлаживание к мнению секретаря. Мы в некоторых случаях высказывали несогласие с тов. Хмелевским, но тоже один на один — в кабинете Хмелевского, а не на открытом заседании, не прямо»¹.

По части Данилкина к январю 1949 года все несогласия закончились. Б. Н. Назаровский стал готовить журналиста к увольнению. Повод нашелся быстро. Собственный корреспондент «Звезды» по г. Березники М. Т. Данилкин работал по совместительству и в городской газете. Редакция «Березниковского рабочего» охотно публиковала его статьи, аккуратно выплачивала небольшие гонорары. У товарищей по перу можно было перехватить несколько рублей до получки. Секретарь редакции вспоминала позднее под протокол на допросе в управлении МГБ, что Михаил Тихонович «...лично у меня и у других сотрудников иногда просил занять ему пять рублей на сто грамм водки»². В «Березниковском рабочем» именитого автора не слишком утруждали стилистической правкой. М. Т. Данилкин литературных редакторов не выносил, считал, что они к нему придираются, не замечают в его писаниях главного — правды жизни, оскорбляют ненужными эстетскими требованиями, в общем, «харкают космополитической блевотиной»: в пьесе «Жертва обстоятельств» заклеил их собачьими кличками: Бульман и Жульман³. На совещании молодых писателей жаловался, что его «затирают»⁴. В Березниках ничего подобного не случалось. Его тексты печатали в авторской редакции. Михаил Тихонович не обратил внимания на приказ по редакции газеты «Звезда» от 15 июня 1948 г., которым всем литературным ра-

¹ Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б) 13–14 января 1950 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 43–44.

² Данилкин М. Т./ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 94.

³ Данилкин М. Жертва обстоятельств. 3–5 октября 1952 г.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 183

⁴ См.: Областное совещание молодых писателей//Прикамье. №15. Молотов: Молотовгиз, 1951. С. 248.

ботникам, в том числе и собственным корреспондентам запрещалось «выполнение каких-либо постоянных или эпизодических работ по совместительству без разрешения на то в каждом отдельном случае редактора»¹.

В новогоднем номере «Березниковского рабочего» была опубликована статья М. Т. Данилкина «Здравствуй, 1949!». В ней каждая строчка источает восторг и пафос, высокие чувства, переполнявшие автора:

«Да, мы, как никогда до этого, даем законы науке и искусству. И тот факт, что на нас с дикой злобой смотрят воротилы империалистической Америки и Англии, что нас обливает ушатами зловонной клеветы дряхлое человекоподобие Уинстон Черчилль — свидетельство нашей силы, нашего мирового авторитета. И чем сильнее мечутся, тем радостней для нас — значит, мы делаем все новые и новые шаги вперед, а не топчемся на месте. <...> Мы оставляем позади дни, недели, месяцы, годы плодотворного созидательного труда на благо человечества. Мы уверенно идем вперед, непоколебимо верим в свой еще более прекрасный завтрашний день. Жизнь наша хороша тем, что прекрасное создается повсюду. ... Ведь и в далеких от Москвы Березниках делается то же самое, что и в столице Родины»².

По уровню патетики статья Данилкина превосходила нормативы, предъявляемые к жанру праздничных публикаций. По содержанию, казалось, полностью соответствовала пропагандистским установкам. Автор, однако, увлекся, и тут же был схвачен за руку бдительным редактором газеты «Звезда» Б. Н. Назаровским. Оказывается, собкор «Звезды», характеризуя 1949 год, не указал его «...основной черты, а именно, что этот год будет годом повышения качества работы во всех областях хозяйственного и культурного строительства, партийной и государственной деятельности». Более того, выяснилось, что в статье содержались политически неправильные формулировки. «Автор... писал, что в конце 1947 года “мы освободились от карточной системы”, как будто бы карточная система была чем-то вроде крепостного права, тогда как известно, что карточная система сыграла огромную положительную роль в военное время и в первые годы после войны»³.

¹ Гуревич — Хмелевскому. Без даты. Справка о работе в редакции газеты «Звезда» члена ВКП(б) тов. Данилкина М.Т./ГОПАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. С. 27.

² Данилкин М. Т. Здравствуй, 1949!//«Березниковский рабочий», 1.01.1949.

³ Гуревич — Хмелевскому. Без даты. Справка о работе в редакции газеты «Звезда» члена ВКП(б) тов. Данилкина М.Т./ГОПАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. Л. 27–28.

15 января М. Т. Данилкину за нарушение установленного порядка приказом по редакции был объявлен строгий выговор с предупреждением. Ему сообщили также, что партийная организация больше не будет терпеть его пьянства и даст ход многочисленным сигналам и жалобам, поступавшим со всех сторон. Б. Н. Назаровский рассчитал точно. Данилкин возмутился, обиделся, понял, что его подводят к исключению из партии за бытовое пьянство и моральное разложение, и 19 января подал заявление об освобождении его от работы в редакции газеты «Звезда»:

«Факты заставили меня придти к выводу: я стал непригодным для работы в областной газете. Как газетчик я очень резко пошел книзу — совершенно разучился выступать в таких жанрах, в которых умел выступать прежде /фельетон, очерк, публицистическая статья, даже рассказ/. К тому же я не могу работать в газете, постоянно оглядываясь по сторонам, боясь собственной тени. Не желая дальше подводить ни самого себя, ни свою семью, ни редакцию «Звезды», я вынужден уйти с газетной работы на другую — хозяйственную или же прямо на производство. Если достоин хоть малейшего уважения, то прошу не прерывать уже немаленький стаж непрерывной трудовой деятельности — переведите в распоряжение Березниковского горкома ВКП(б). Еще раз прошу уважить мою просьбу. У меня возникла острая необходимость побыть некоторое время вдали от газетной работы»¹.

Спустя три недели 14 февраля 1949 г. редакционная коллегия просьбу Данилкина удовлетворила. Копию заявления Михаила Тихоновича Б. Н. Назаровский навсегда сохранил в своем личном архиве. Бюро Березниковского горкома, также не спеша, еще через три недели, в день 8 марта под номером двадцать пятым приняло постановление «Об откреплении тов. Данилкина М. Т.» от партийной организации газеты «Березниковский рабочий» к партийной организации ремесленного училища № 22, «в связи с переводом на другую работу»².

В мае того же года он был утвержден в должности заместителя директора по культурно-воспитательной работе того же училища³.

Это было понижением. Из номенклатуры областного значения М. Т. Данилкина переместили в номенклатуру городскую. Закрыли

¹ Данилкин — Назаровскому. 19.01.1949 // ГОПАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. Л. 30.

² Протоколы заседаний бюро Березниковского горкома ВКП(б). 8.03.1949 // ГОПАПО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 292. Л. 182.

³ Протоколы заседаний бюро Березниковского горкома ВКП(б). 24.05.1949 // ГОПАПО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 293. Л. 165.

доступ к служебным материалам, перестали пускать на пленумы горкома. Возможность публиковаться стала весьма и весьма проблематичной. В «Звезде» ему пообещали, что продолжат сотрудничество, будут давать редакционные задания, помогут с публикацией литературных произведений и прочее — в общем, говорили все то, что полагается в подобных случаях. Ничего не выполнили. Только «Березниковский рабочий» публиковал на своих страницах его роман с продолжением. Платил немного. В следственном деле Данилкина находится Справка о гонорарах от Молотовского государственного издательства: за 1948 г. выплачено 5598 рублей; за 1949 г. — 1170 рублей — впятеро меньше¹.

Ремесленные училища в те времена пользовались заслуженно дурной репутацией. Для городского школьника угодить в него было все равно, что попасть в колонию:

«Во всяком случае, нас тогда страшали и тем, и другим с примерно равным воспитательским успехом. «Ремеслуха» — спецодежда, казарменное житье, дисциплина, пайковая кормежка впроголодь. «Чтоб тебя ремесленники съели!» — было тогдашним ходовым присловьем. И точно — забирали туда, начиная с четвертого класса»².

Ремесленное училище № 22 отличалось от подобных ему учебных заведений разве что составом. В нем на полное государственное обеспечение были принудительно помещены мальчишки — подростки, потерявшие родителей. Нравы воспитанников существенно расходились с правилами поведения учащихся советской школы. Они дрались, крали что ни попадя, наводили страх на мирных горожан, пили. В общем, озорничали. В феврале — марте 1948 г. ребята в классных помещениях упражнялись прицельной стрельбой из рогаток по портретам вождей: В. И. Ленина и И. В. Сталина, и по плакатам с изображением героев-молодогвардейцев. Увечные картины разрывались на части³.

Под стать воспитанникам были и мастера. Директор училища вел себя вполне патриархально: откушав водочки в своем кабинете, наводил порядок кулаками. Поучив по-отечески нарушителя, мог потом угостить его папироской. Протрезвев, директор издавал распоряжение: провинившихся учащихся не кормить. Как водится, воровал, но понемножку:

¹ Справка о гонорарах Данилкина М. Т. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 190.

² Тарутин О. Междлудниковье Попытка мемуаров // Нева 1999. № 12. С. 87.

³ См.: Данилкин М. Т. — Семенов З. П. 20.12.1949 // ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 304. С. 39.

«Акулов А. И. брал из кассы ремесленного училища на подотчет деньги и расходовал их на свои нужды (6285 руб.12 коп.). Силами училища и из материалов училища Акулову по его распоряжению изготовлен диван, две рамки полированных, постамент под трюмо, вывоз из училища 2 кубометра дров для своих нужд без оплаты»¹.

В январе 1949 г. бюро горкома обсуждало положение в училище, директора строго предупредили и потребовали в кратчайший срок исправить положение. Новый заместитель директора по культурно-воспитательной работе должен был исполнять это постановление. Подчеркну — не контролировать исполнение, но совместно с директором ликвидировать отмеченные крупные недостатки.

Михаила Данилкина педагогике не обучали. От всего увиденного он поначалу опешил. Не думал, скорее всего, что так бывает. Во всяком случае, А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» изображал совсем иные сцены из жизни. Ребятам новый замполит явно сочувствовал, добывал в библиотеку новые книжки. Случалось, заступался за мальчишек. По словам директора, «...у Данилкина было некоторое стремление завоевать легкий, несерьезный авторитет среди учащихся»².

По всей видимости, до лета никаких крупных столкновений у руководства училища с новым замполитом не было. В июне Михаил Данилкин получает поручение: поработать начальником летнего лагеря РУ № 22 в деревне Усть-Кондас. Здесь он проявил совершенно неожиданную хозяйскую сметку. Для пополнения продовольственного пайка разрешил учащимся организовать переправу через Каму. Ремесленники за деньги и продукты перевозили местных жителей. Покупали табак и водку. Пили вместе с начальником. Когда выпивки не хватило, Данилкин отдал под заклад лагерный баян. Брали водку и снова пили. Дошла очередь и до казенного аптечного спирта. Свой пошатнувшийся авторитет М. Т. Данилкин восстанавливал при помощи палки. Пьяный замполит гонялся за учащимися. Учащиеся разбежались³. Первая же проверка выявила отсутствие порядка и упадок дисциплины. Как только каникулы закончились, партсобрание РУ обсудило персональное дело коммуниста М. Данилкина. Ему объяви-

¹ Справка по делу Акулова А. И. по статье 109 УК РСФСР.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 71.

² Допрос Акулова А. И. 12.03.1953 г.//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 107.

³ Справка по делу Акулова А. И.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 61, 72.

ли выговор и «... просили горком партии снять Данилкина с работы, так как он в дальнейшем быть воспитателем не мог»¹.

В то же время городская прокуратура «по собственной инициативе» начинает проверку соблюдения социалистической законности в ремесленном училище № 22. В Березники прибывает также министерская комиссия. Директор училища пытается спрятать от нее учащихся, их запирают в комнате. Не получилось: «они выбили стекло и попали на прием к зам. министру. Министр принял ряд мер и потребовал ответственности от ответственных лиц. Тогда мастер вызвал одного из этих учеников, признал, что он руководитель и избил его»².

Материалы проверки были представлены в Березниковский горком. Бюро горкома в заседании 4 октября 1949 г. рассмотрело вопрос «О ходе выполнения постановления бюро Березниковского ГК ВКП(б) от 11/1 49 г. по РУ № 22». Решение было суровым и бескомпромиссным:

«Директор училища т. Акулов полностью самоустранился от руководства училищем, пустил дело на самотек, занялся пьянством, злоупотреблял своим служебным положением, полностью потерял авторитет среди учащихся и коллектива сотрудников. Дисциплина учащихся в училище развалилась. <...> Начало учебного года в училище было сорвано. Директор училища тов. Акулов и его заместитель по культурно-воспитательной работе т. Данилкин оказались бессильными в принятии мер к устранению допущенных недостатков в работе по руководству училищем. Состояние политико-воспитательной работы среди учащихся и среди сотрудников находится на низком уровне».

Далее последовали организационные меры к директору и к его заместителю.

А. И. Акулова сняли с работы и исключили из партии. Прокуратура возбудила против Акулова уголовное дело, завершившееся условным осуждением.

«Заместителя директора по культурно-воспитательной части тов. Данилкина, как не справившегося с работой на своем участке и скомпрометировавшего себя, с работы снять. Утвердить постановление партийного собрания партийной организации РУ № 22 о

¹ Допрос Лоскутова М. Н. 13.03. 1953.//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т.1. Л. 110.

² Стенограмма обл.совещания горрайпрокуроров. 23 10. 1950//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 3. Д. 32.Л. 25.

вынесении тов. Данилкину выговора без занесения в личное дело за пьянку в лагере»¹.

Михаил Данилкин усмотрел в этом решении происки врагов, к которым без обиняков причислил и бывшего директора училища. Несколько лет подряд он будет жаловаться в партийные инстанции, требовать ужесточения приговора. Областная прокуратура в 1950 г. проверит жалобу, найдет, что заявитель в основном прав: «Не было инкриминировано Акулову антипедагогического воспитания детей, как-то: систематические пьянки в рабочее время, угощение учеников училища папиросами, издание незаконного приказа о том, что недисциплинированных учеников лишить питания и допускать их к приему пищи только по особому распоряжению Акулова. Не инкриминировано в вину Акулову фактов избияния учеников мастерами, помощником Сивковым и самим Акуловым ... и развал хозяйственной деятельности училища». Констатировав обоснованность жалобы Михаила Тихоновича, помощник областного прокурора по спецделам, однако, на этом не остановился:

«Кроме того, из материалов дела усматривается достаточно оснований для привлечения к уголовной ответственности по статье 109 УК бывшего помощника директора специального ремесленного училища по культурно-воспитательной работе Данилкина по фактам антипедагогического воспитания детей, выраженного в организации коллективных пьянок в лагерный период 1949 года, где Данилкин являлся начальником лагеря РУ № 22, хулиганских выходок пьяного Данилкина»².

Александр Иванович Акулов, напротив, на допросе в МГБ о Михаиле Данилкине высказывался вполне лояльно: по работе помогал, старался, хотя и не всегда получалось, поскольку выпивал часто, «...каких-либо фактов антисоветских проявлений, в том числе антисоветских высказываний, с его стороны в моем присутствии не было»³.

От суда и приговора Данилкина спасла неоднократно обруганная им же медлительность прокурора Булошникова: тот просто не успел вызвать его на допрос «по вопросу систематической пьянки <...> в пионерском лагере, потому что он с 30 октября по 15 декабря

¹ Протокол заседания бюро горкома ВКП (б). 4.10.1949//ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 295. Л. 20–22.

² Найданов — Прассу. 1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 61.

³ Допрос А. И. Акулова 12.03.1953//ГОПАПО. Ф. 641/1. Д. 9925. Т. 1. Л. 108.

на территории города Березников не находился и на работе нигде не числился»¹.

После отстранения от должности, сразу же утвержденного областным управлением трудовых резервов, Данилкин уехал в Москву. Правильней было бы написать: бежал. Там был принят в ЦК. Выслушан. Ободрен. Поддержан. Перед Новым годом совсем в ином настроении вернулся в Березники и написал заявление в горком:

«Прошу дать задание органам государственной безопасности срочно и строжайше расследовать:

Кто и зачем довел советских детей-сирот (воспитанников Спец. РУ № 22) до такого состояния, когда они зимой 1949 г. (февраль-март) стали резать и расстреливать портреты Ленина и Сталина, героев «Молодой Гвардии», что в училище была загнана в подполье комсомольская организация.

Кто и зачем не принял во внимание неоднократные и очень настойчивые требования коммуниста Данилкина о расследовании фактов рукоприкладства к воспитанникам этого училища. <...>

Кому и зачем понадобилось пустить версию среди воспитанников Спец. РУ № 22 о том, что большевик Данилкин арестован.

Кто и зачем так усердно оберегает явного прохвоста, не простого прохвоста, а политического, как бывшего директора Спец. РУ № 22 А. И. Акулова.

Как, какими руками, во имя чего была составлена за подписью министра Трудовых резервов бумага, компрометирующая политически коммуниста Данилкина...»

Секретарь горкома З. П. Семенова просьбу, больше напоминающую распоряжение, выполнила и переправила для проверки бумагу новому начальнику горотдела МГБ Шильникову².

Из заявления следует, что М. Данилкин ощущает себя несправедливо наказанным педагогом, намеренным хлопотать о восстановлении его в прежней должности заместителя директора. Москва решает иначе. В соответствии с распоряжением ЦК Молотовский обком восстанавливает М. Данилкина в должности собкора «Звезды» задним числом с ноября 1949 г.³

¹ Булошников — Прассу. Дополнение к моему объяснению. 18.08.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 77.

² Данилкин М. — Семеновой З. 20.12.1949//ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 304. Л. 38–39.

³ Данилкин М. Т.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 871. Л. 11.

В нашем распоряжении нет документов, мотивирующих это решение ЦК. Заметим, что оно по времени совпадает с подготовкой постановления Политбюро по работе Молотовского обкома. В соответствии с этим постановлением секретаря обкома Хмелевского за допущенные ошибки сняли с работы. Заявления М. Данилкина подоспели вовремя. Из них можно было извлечь нужный обвинительный материал.

В неравном поединке с Кузьмой Михайловичем победил Михаил Тихонович. Газетчик одолел хозяина области. Маленький человек взял верх над большим руководителем. Конечно же, в крупной аппаратной игре Данилкин был только разменной монетой. Хмелевского свалили другие люди. Те, кто не могли простить ему ни ярко выраженного чувства собственного достоинства, ни подчеркнутой самостоятельности, ни личного управленческого почерка и, само-го главного, сталинского одобрения работы Молотовского обкома летом 1948 года. Что «область много сделала, было отмечено лично т. Сталиным; были приняты постановления»¹. Хмелевский становился опасным соперником — и потому был устранен.

Роль Данилкина сводилась к тому, что он обеспечил недоброжелателей Хмелевского нужной им информацией: о засорении партийного и хозяйственного аппарата сомнительными людьми, о нарушении большевистских принципов кадровой политики, наконец, о преследовании за критику. В своих обличениях М. Т. Данилкин, превосходно исполнивший роль большевистского резонера, старомодного партийца, нечаянно попал в ногу со временем, вернее, со случившимся поворотом партийной линии. Прежнюю максимум — «война все спешет» — спешно и принудительно заменяли прямо противоположной, предполагавшей оплату по всем счетам. «Были ли предупреждения? — задавал риторический вопрос секретарь коми-пермяцкого окружкома Волгин и сам же отвечал. — Да, предупреждений было достаточно. Возьмите указания со стороны ЦК ВКП(б), постановление по Ленинградской области, по Ярославской области, по Сталинградской области»². Хмелевский момент поворота пропустил и был наказан.

Данилкин, полностью реабилитированный, вернулся в газету. И сразу же принялся за старое. Роль маленького человека его больше не устраивала, он хотел быть вершителем судеб, по меньшей

¹ См.: Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б) 13–14 января 1950 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 140.

² Там же, Л. 181.

мере, консультантом верховной власти¹. Выбрав в качестве адресата нового секретаря обкома Филиппа Прасса, он начал забрасывать его политическими трактатами и обвинительными записками против его старых обидчиков:

«Хмелевского уже нет, а хмелевщина еще живет себе. Да где живет! На Березниковском азотно-туковом заводе, который имеет первостепеннейшее военно-стратегическое значение. Факт весьма тревожный. <...> [Семченко] не просто подлец, а политически опасный подлец. Не забывайте: он один из самых важных, один из самых опасных для нас выкорышей Хмелевского. /<...> Арестовать таких, как Семченко, Зырянов и Гельбух, ибо они вольно или невольно, для коммуниста это безразлично, работают в пользу какой-то иностранной разведки. Непростительно нам воспринимать явную подлость, как обычные ошибки»².

Никого арестовывать Ф. М. Прасс не собиравшись, но новую комиссию в Березники отправил. Та, ознакомившись с делами, ничего преступного в работе хозяйственных руководителей, разумеется, не обнаружила:

«Письма собкора областной газеты «Звезда» тов. Данилкина о непартийном поведении директора азотно-тукового завода тов. Семченко, управляющего треста Севуралтяжстрой тов. Почтарева, прокурора тов. Булошникова и других руководителей гор. Березники проверены на месте обкомом ВКП(б). При проверке установлено, что обвинения указанных руководителей в антипартийной и антисоветской деятельности являются клеветническими»³.

Слово было произнесено. Потом Михаилу Данилкину приказали учиться в областной партийной школе. Нервы у него сдали, и он стал писать и отправлять по важным адресам — в ЦК, товарищу Сталину (копия в МГБ), в Союз писателей тов. А. А. Фадееву совсем уже крамольные тексты: «...В каждом городе процветает казнокрадство, взяточничество; спивается масса бывших фронтовиков, защитников Отечества, сокрушивших тиранию Гитлера — из них прибывают все новые и новые пополнения в тюрьмы и лагеря...»⁴.

¹ «Я — продукт Советской власти и, если хотите знать, ее гордость. Читайте меня, кем хотите, но я знаю себе цену». Данилкин — Прасс Ф. М. 27.04.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 36.

² Данилкин — Прасс Ф. М. 29.04.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 10–16.

³ Баскаков — бюро обкома ВКП(б) 30.09.1950//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 39.

⁴ Данилкин М. Глазами классиков//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 133.

Сталин не ответил. Прокуратура выписала ордер на арест. До этого партийные товарищи на заседании бюро обкома выскажут Данилкину все, что они о нем думали раньше, с удовольствием обругают троцкистским охвостом, космополитом, нигилистом, беспробудной бездарностью, беспросветным невеждой и лодырем, а потом исключат из партии и отдадут на расправу органам МГБ¹.

Михаил Данилкин все еще надеялся, что его поймут, или хотя бы вспомнят старые заслуги: «Нельзя же, черт побери, на основании нескольких фраз, выхваченных из контекста, доказывать, что автор большой и честно выполненной работы — крамольник, потрясатель основ советского строя»². Не услышали, не захотели понять.

В принятом единогласно постановлении бюро обкома объявило «...произведения Данилкина М. Т., написанные им в 1952 г., по своей идейно направленности антипартийными, глубоко порочными произведениями... Данилкин М. Т. клеветает на советских людей, рисует картину разложения советского общества, материальной необеспеченности и страданий простого народа»³.

Не нужно думать, что это была месть за Хмелевского. В обкоме теперь сидели новые люди, отобранные преемником Кузьмы Михайловича Ф. М. Прассом. В их отношении к неумному и неугомонному барабанщику проявился корпоративный инстинкт самосохранения.

У поздней сталинской номенклатуры не было социального зеркала, вглядываясь в которое она могла бы замечать болезненные изменения в своей общественной физиономии. Замечать и вовремя излечивать или хотя бы наносить макияж. Большевицкая печать, некогда бичевавшая недостатки влиятельных лиц и учреждений, больше таких функций не выполняла. Вместо действительного изображения она предлагала читателям аляповатую картинку в стиле социалистического реализма. На ней партийный работник выглядел героем без страха и упрека: мудрым, самоотверженным, простым и демократичным. Маленький человек, обращавшийся непосредственно к Сталину, заменял собой средства массовой информации. Его письма в Кремль можно сопоставить с осколками разбитого социального зеркала, в которых с чудовищным искажением, неполно и предвзято предьявлялись факты, характеризующие практики государственного

управления по ведомствам и территориям. Для верховной власти эти обращения были необходимым условием социального контроля над деятельностью управленческого аппарата. Более того, они позволяли постоянно возобновлять прямые связи между вождем и простыми людьми поверх установленных барьеров. Можно согласиться с замечанием Д. Быкова, что для Сталина было свойственным «позиционировать себя как верховную инстанцию, не зависимую от законов, соратников и даже от здравого смысла»¹.

И если государственный да и житейский резон подсказывал: нужно закрывать глаза на некоторые номенклатурные проделки (апокриф эпохи — реакция Сталина на донесение о любовных похождениях прославленного маршала: «Что будем делать, товарищи? Завидовать будем»), то положение заступника всех обиженных и угнетенных обязывало время от времени жестоко карать тех, на кого указывал в своем отчаянном письме очередной маленький человек.

Нет нужды подробно объяснять, почему сталинской номенклатуре были противны возобновляемые прямые коммуникации между верховным правителем и человеком из народа. И дело было не в лицах. Угрюмый и прямолинейный Ф. М. Прасс был руководителем совсем иного масштаба, нежели его смелый, амбициозный и талантливый предшественник. Просто маленькие люди покушались на устойчивость бюрократической системы, чем и были опасны.

Когда-то М. Данилкин написал: «Но я почему-то убежден: пока жив Сталин — ничего плохого не случится — сумею доказать свою правоту»².

Касательно себя он ошибся. Его арестовали в январе 1953 года. Михаил Тихонович оказался совершенно прав в другом. С маленьким человеком — неугомонным барабанщиком — новые власти покончили сразу, не дожидаясь XX съезда. Заявления и жалобы, адресованные ЦК, стали отправлять по инстанциям — к тем, на кого жаловались. Обломки кривых зеркал были сметены в мусор.

¹ См.: Протокол допроса М.Т. Данилкина. 11.02.1953//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 55.

² Объяснение М.Т. Данилкина Бюро Молотовского обкома КПСС от 14.12.1952.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 83. Л. 73.

³ Постановление бюро Молотовского обкома КПСС. 16.01.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 220. Д. 871. Л. 17.

¹ Быков Д. Сын сапожника и сын художника//Нева. 2005. № 3. С. 213.

² Данилкин М. Ответ моим обвинителям. Октябрь 1951//ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 28.

УВОЛЬНЕНИЕ КЕРТМАНА

В начале сентября 1953 г. коммунисты Молотовского государственного университета проводили первое в новом учебном году партийное собрание. Секретарь бюро В. В. Кузнецов зачитал «закрытое письмо» ЦК КПСС о преступлениях Л. П. Берии, бывшего долгие годы верным соратником товарища Сталина. После чего приступили к прениям. Осуждали предателя. Призывали друг друга к повышенной бдительности. Все шло согласно ритуалу, пока заведующий мастерскими С. Н. Чусовитин не припомнил старую историю:

«15—20 лет тому назад было дело предателя Ягоды, возмущались в те годы, когда наркомом был Ежов. Эти явления повторялись. Следовательно, здесь какая-то закономерность. Необходимо усилить положение руководящих партийных работников, сделать их независимыми от органов НКВД».

Видимо, он добавил в адрес органов несколько совсем нелицеприятных слов, так как секретарь партбюро в заключительном слове выступлении поправил оратора, заметив, что честные люди встречаются и среди сотрудников госбезопасности. Языки развязались. От общеполитических сюжетов коммунисты перешли к обсуждению внутренних проблем. Доцент Гуревич раскритиковал ректорат и партбюро за неправильную кадровую политику:

«...тов. Раик ушла по собственному желанию, хотя фактически ее выжил профессор Черников. С историко-филологического факультета уволили гг. Кертмана и Черевань. Кертмана уволили с нарушением советских законов (член месткома). <...> Теперь оба ходят без работы. У нас были и проявления антисемитизма, которым не был дан соответствующий отпор.

Михаил Гилерович Гуревич, как это явствует из протокольной записи, недвусмысленно обвинил руководство университета в юдофобии, чьей жертвой и стал доцент Кертман. Секретарь партийного бюро В. В. Кузнецов счел нужным оправдаться:

«У нас были случаи неправильного поведения отдельных коммунистов, которые были истолкованы как проявления антисемитизма. Антисемитской атмосферы в университете нет, такие настроения у нас не здравствуют, как утверждает т. Гуревич. Иногда тов. Гуревич неправильным своим поведением сам дает повод к подобного рода толкам. Товарищи Кертман и Черевань уволены из университета по сокращению штатов и на законных основаниях»¹.

Дело обстояло следующим образом. 17 апреля 1953 г. ректор Молотовского университета В. Ф. Тиунов подписал приказ, в первом параграфе которого значилось:

«Ввиду сокращения контингента студентов на историческом отделении историко-филологического факультета, уменьшения учебных поручений в 1953—1954 учебном году, ликвидации кафедры всеобщей истории — и. о. зав. этой кафедры доцента Кертмана Л. Х. освободить от работы в университете с 1-го июля 1953 года с представлением очередного отпуска за 1953 г. на 48 рабочих дней с 1 июля до 25 августа 1953 г.»².

Приказ был исполнен в срок. В «Отчете о движении специалистов, имеющих законченное высшее образование за III квартал 1953 г. по Молотовскому государственному университету» среди уволенных пятым по списку числится Кертман Лев Хаймович (Ефимович — ред.), и. о. зав. кафедрой всеобщей истории, доцент, освобожденный от занимаемой должности в связи с сокращением учебных поручений с 26 августа 1953 г.³

Вместе с ним был удален из университета по равным основаниям доцент кафедры истории СССР А. С. Черевань, касательно которого в том же документе было добавлено: «Ранее состоял в КПСС. Был в плену в Германии с мая 1942 г. и до окончания войны — 1945 года»⁴. В этом случае ректор университета хотя бы объясняет, за что уволен

¹ Протокол общего собрания партийной организации [Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького]. 10.09.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. //ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. 32—35.

² Приказ по Молотовскому госуниверситету им. А. М. Горького. 17.04.1953//ГАПО. Ф. р1715. Оп. 1. Д. 236. Л. 3.

³ Отчеты о движении специалистов, имеющих законченное высшее образование, за III квартал 1953 г. по Молотовскому госуниверситету им. А. М. Горького//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 438. Л. 24.

⁴ Список научных работников Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького, освобожденных от преподавательской работы в 1953 г.//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 2582. Л. 3.

кандидат исторических наук из вуза, где из 189 преподавателей только 67 имели ученую степень. На историко-филологическом факультете таковых было всего 9¹.

«Отчет о работе Молотовского госуниверситета за 1952–1953 учебный год» — документ объемный. Разделов в нем много. Готовились они в разное время и разными людьми. В одном разделе сообщается об увольнении Л. Х. Кертмана. В другом того же Кертмана упоминают в числе преподавателей, успешно работающих над докторской диссертацией. Указан и срок окончания работы — 1953 год². Увольнять 35-летнего доцента, участника войны, одновременно закрывать кафедру всеобщей истории — для этого нужны были более веские основания, нежели сокращение нагрузки. В уже упоминавшемся «Отчете» содержалась и прямая неправда о прекращении приема на историческое отделение в 1953 г.³ В действительности же к 1 сентября того же года на первый курс зачислили 25 человек, столько же, сколько в 1950 и 1951 гг. Набор не производился только в 1952 г⁴.

Л. Х. Кертман хлопочет о восстановлении в должности и одновременно усиленно ищет работу. Откликается Воронежский госуниверситет. В августе получено разрешение: «В связи с заявлением тов. Кертмана Л. В. (так в тексте — О. Л.) Управление университетов и юридических вузов сообщает, что «...возражений против перехода к. и. н. Кертмана Л. В.(!) из Молотовского университета в Воронежский университет со стороны управления не имеется»⁵.

Спустя короткое время выяснилось, однако, что Министерство культуры СССР (ему осенью 1953 г. подчинили университеты) не считает законным и само увольнение доцента Кертмана. Телеграммой от 29 сентября того же года, подписанной заместителем министра М. Прокофьевым, ректору Молотовского Госуниверситета предлагалось «.. восстановить на работе в университете доцента Кертма-

¹ Сводный отчет о численности и составе научных работников на 1 октября 1953 г.//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 438. Л. 14.

² Отчет о работе Молотовского госуниверситета им. А.М. Горького за 1952–1953 учебный год. Июль 1953//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 115. Л. 9.

³ Отчет о работе Молотовского госуниверситета им. А.М. Горького за 1952...//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 115. Л. 22.

⁴ Отчет о работе кафедр и факультетов Молотовского госуниверситета им. А.М. Горького за 1953–1954 учебный год//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 122. Л. 24.

⁵ Шебанов А. — Латышеву И. 10.07.1953//ГАПО. Ф. р1715. Оп. 1. Д. 236. Л. 5.

на Л. Х. с 26 августа с. г. и поручить ему читавшиеся им в 1952–1953 учебном году курсы»¹.

Последнее распоряжение исполнено не было. Деканат тут же отдал Кертману курс «История южных и западных славян», ранее читавшийся А. Череванем. В «Отчете... за 1953-54 учебный год» новый декан историко-филологического факультета П. Д. Пачгин (преподаватель по ставке доцента с 10 января 1939 года) не упустил случая попенять строптивцу: «Научный работник доц. Кертман Л. Е., которому был передан данный курс, не обеспечил его подготовку к началу учебного года»².

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В истории Пермского университета имя Л. Е. Кертмана окружено почтением. Бывшие ученики очень тепло вспоминают о нем. Профессора Кертмана «... любили, его ценили все, кто с ним контактировал на ниве научного знания. Отличительными чертами [так !] его личности являлось богатство идей, которыми он обладал. <...> Он был превосходным лектором. <...> Отмечая высокие этические качества Л. Е. Кертмана, необходимо отметить его несомненный литературный талант. <...> Неиссякаемый источник эрудиции бил из него мощным фонтаном». Далее в записках бывшего аспиранта Л. Е. Кертмана можно найти и другие не менее яркие эпитеты и сравнения: «блеск литературного дарования, сила и яркость научной мысли»³. Сегодня Лев Кертман становится мифологической фигурой, олицетворяющей великую эпоху становления исторической школы в ПГУ.

Во всех справочных и юбилейных изданиях он упоминается в длинном списке крупнейших ученых, создавших славу университета: «К/ертман/. — Основатель перм. ист. школы по проблемам раб. движения и истории культуры З. XIX-XX вв.»⁴. Воздается должное и университетскому руководству, сумевшему оценить редкие дарования историка, оградить его от нападков, предоставить возможности для плодотворной научной деятельности. На сайте «Культурология», где размещена биографическая справка о Л. Е. Кертмане, утверждается даже, что он в течение долгих лет был проректором пермского

¹ Прокофьев М. — Тиуну В. 29.09.1953//ГАПО. Ф. р1715. Оп. 1. Д. 236. Л. 6.

² Отчет о работе кафедр и факультетов Молотовского госуниверситета им. А.М. Горького за 1953–1954 учебный год//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 122. Л. 27.

³ Семенов В. Л. Размышления о прошлом. Пермь, 2006. С. 199–201.

⁴ Кертман Л. Е.//Уральская энциклопедия /http://www.ural.ru/spec/encyclopedia-927.html

госуниверситета¹. В случае внешних осложнений университетское начальство всегда приходило ему на помощь, во всяком случае, не позволяло расправиться с талантливым историком. «До оргвыводов дело не дошло, — пишет о событиях 1952—1953 гг. П. Ю. Рахшмир. — Атмосфера на Урале была иной по сравнению с Украиной. Здесь не возникло полосы отчуждения. Л. Е. Кертман смог заняться докторской диссертацией, тематика которой в первичном виде определилась еще в Киеве»². Действительность была, однако менее благодостной, чем изображается в мемориальных, или юбилейных сборниках. Оргвыводы были, и увольнение имело место.

Попытаемся выяснить, по каким причинам ректорат университета при явной поддержке, если и не по инициативе партийного бюро, решил избавиться от перспективного доцента, не замеченного ни в склоках, ни в бытовом хулиганстве, ни в чрезмерном увлечении горячительными напитками, ни в нарушении супружеской верности. На первый взгляд, прав М. Г. Гуревич, обнаруживший причины увольнения в заурядном антисемитизме университетских начальников, или, добавим, в их сервильности. Увидели в «деле врачей» начало охоты на евреев и посчитали необходимым присоединиться — либо по доброй воле, либо по казенному интересу, либо из чувства самосохранения.

В «Информации», отправленной в обком КПСС 3 февраля 1953 г., заместитель секретаря партийного бюро студент Е. Лучников сообщает, что преподавателями и сотрудниками университета «.. было обращено внимание на тот факт, что большинство участников группы врачей-вредителей — евреи по национальности». Заканчивалась «Информация» тривиальным доносом. Упомянув, что «... митинги и собрания по сообщению не проводились», — он добавляет для сведения, что «доцент кафедры высшей алгебры и геометрии А. Е. Раик (член КПСС с 1931 г.) имеет брата, проживающего в Нью-Йорке»³. Ее и уволили «по собственному желанию» вместе с Л. Кертманом и А. Череванем.

Можно согласиться с тем, что антисемитская кампания предоставляла удобный случай для тех, кто хотел бы избавиться от Л. Е. Кертмана. В связи с этим любопытны изменения, производимые в официальных университетских документах с его отчеством. Принимают

¹ Кертман Л. Е. // <http://www.countries.ru/library/culturologists/kertman.htm>

² Рахшмир П. Ю. Постоянство и многообразие творчества // Мир личности. Творческий портрет профессора Л. Е. Кертмана. — Пермь, 1991. С. 56.

³ Информация в обком КПСС. 3.02.1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 1.

на работу Льва Ефимовича, а увольняют Льва Хаймовича, в одном случае даже Льва Хадика Хаймовича¹. Впрочем, было бы неверным видеть в этом местную инициативу. В начале 1950-х гг. власти проводят целенаправленную политику диссимиляции населения страны. В паспорта и в партийные документы вписывают этнические имена и отчества, так что и в этом отношении ситуация с Л. Кертманом не является исключительной.

Так 12 марта 1953 г. партийное собрание университета исключает «...за обман партии и неискреннее поведение члена КПСС Цейтловского Якова Хаймовича», который был виновен в том, что сменил свое отчество в партийных документах на «Михайлович». Это решение принято девяноста двумя голосами против двадцати одного, поданного за строгий выговор, и одного — за выговор².

В. В. Кузнецов расхотел с истиной, когда говорил о незначительном распространении антисемитских настроений. Во всяком случае, именно в университете родилась инициатива провести тотальную проверку, «...насколько глубоко сионизм проник в среду евреев в нашей стране»³. Тем не менее, этнических чисток не проводилось. Отдел кадров в 1952 г. отчитывался перед министерством о тринадцати евреях-сотрудниках, в следующем году — о двенадцати⁴. Может быть, потому что вся кампания, начатая в январе, оказалась скоротечной. Из ЦК не поступало четких и недвусмысленных инструкций. В Молотове к соответствующим действиям приступили с опозданием едва ли не на месяц, так что просто времени не хватило. Было, однако, не только это. Конечно, среди университетских преподавателей нашлись энтузиасты, вроде доцента В. П. Шахматова, готовые вершить суд и расправу над «безродными космополитами», но они оставались в явном меньшинстве. Ученый совет университета, хотя

¹ Список научных работников Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького, освобожденных от преподавательской работы в 1953 г. // ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 2582. Л. 35.

² Протокол общего собрания партийной организации [Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького]. 10.09.1953 // ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 40—41.

³ Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-вредителей» и Сообщения ТАСС об аресте группы врачей-вредителей // Лейбович О. Россия 1941—1991. — Пермь, 1993. С. 69—70.

⁴ Отчет о работе Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького за 1952 // ГАПО Ф. р180. Оп. 12. Д. 102. Л. 9; Сводный отчет о численности и составе научных работников на 1 октября 1953 г. // ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 438. Л. 14.

и ставил препоны для приема на работу сотрудникам «определенной национальности», но далеко не в каждом случае. Учитывались и деловая необходимость, и ранговые предпочтения. Как правило, проваливали ассистентов. Тогда же 1 марта 1953 г. ученый совет университета избирает заведующим кафедрой экспериментальной физики М. И. Корнфельда, еврея по анкетным данным¹.

Конечно, «дело врачей» создало благоприятную обстановку для того, чтобы, не считаясь ни с законом, ни с традицией, уволить доцента Л. Е. Кертмана, но не оно было единственной, или даже главной причиной. Подготовка к этому мероприятию началась годом раньше. Само же увольнение можно считать одним из моментов в развитии конфликта между блистательным лектором и другими обществоведами г. Молотова. Здесь необходимо пояснить, что в ранний пермский период вплоть до 1954 г. Л. Е. Кертман почти ничего не публикует².

В списке его научных трудов помещены две газетные статьи, помеченные мартом и июлем 1951 г.³ Сам он объяснял свое молчание разными привходящими причинами: незавершенностью исследований, относительной недоступностью московских библиотек⁴. Кажется, в данном случае Л. Е. Кертман несколько лукавил. Ситуация в гуманитарной науке была таковой, что печатать оригинальные исследования в области новой истории было едва ли возможным. За короткое время сложился новый канон, предписывающий историкам зарубежных стран предварять свою статью, или книгу цитатами из трудов И. В. Сталина, основное внимание уделять экономическим процессам (если речь шла о XIX или XX веках, то в духе ленинской брошюры об империализме), сверять периодизацию по «Краткому курсу истории ВКП(б)», акцентировать внимание на борьбе народных масс против империализма, разоблачать «буржуазных фальсификаторов», не пользоваться «вражескими» источниками и постоянно помнить об определяющем воздействии на изучаемые явления революционных событий в России. Писать полагалось простым, доходчивым газетным языком. За отступление от канона наказывали. И если академику Е. В. Тарле только прямыми обращениями к Ста-

¹ Протокол заседания ученого совета Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького. 1.03.1953//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 2582. Л. 2.

² Первая научная публикация: «Вопросы истории рабочего движения на страницах английских журналов»//Вопросы истории. 1954. №7.

³ Мир личности. Творческий портрет профессора Л. Е. Кертмана..., С. 158.

⁴ Протокол №24 заседания партбюро Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 104. Л. 33.

лину удавалось (с большими потерями) отстаивать свое право на индивидуальный стиль — и то под благовидным предлогом, что необходимо «...поскорее дать отпор бесчисленным фальсификациям войны 1941—1945 гг., выходящим в Америке, Англии, Западной Германии»¹, то для его опального и не именитого ученика такая возможность исключалась полностью.

«В советское время работа в отечественных архивах, во всяком случае, по новейшей истории была закрыта. А получить командировку для работы в британских архивах вообще невозможно»².

По архивным материалам очень трудно восстановить события, предшествующие увольнению. Не сохранились документы, принадлежащие перу Л. Е. Кертмана. По официальным ответам министерства, по справкам, выданным партийными инстанциями, можно в самых общих чертах представить содержание его запросов, последовательность действий. Лев Кертман не состоял в партии и потому не имел возможности отстаивать свои взгляды на протоколируемых собраниях. Он не был и членом Ученого совета Молотовского университета. Его туда изредка приглашали. В оставшихся от того времени документах Л. Е. Кертман, по преимуществу, молчит. Говорят его гонители. Их позиция изложена пространно и разногласно. Тексты, оставшиеся от Ф. Горюхова, Г. Дедова, К. Мочалова, П. Хитрова — вот основные источники, по которым можно составить представление о сути конфликта. Позиция Л. Е. Кертмана представлена в них косноязычно — в полном соответствии с интеллектуальными возможностями критиков, настроенных к тому же весьма по-боевому и твердо знающих про партийность истины. Историческое изображение, опирающееся на источники такого рода, не может быть ни полным, ни точным. Помня об этом, постараемся все-таки ответить на вопрос, почему был уволен Л. Е. Кертман.

Он был принят на работу в Молотовский университет доцентом с окладом 2800 рублей 1 сентября 1949 г. «временно, вплоть до утверждения Министерством Высшего Образования СССР»³. Утверждение последовало не сразу. Только спустя два года, 24 июля 1951 г. приказом по главному управлению университетов МВО СССР доцент Лев Ефимович Кертман был назначен исполняющим обязанно-

¹ Академик Е. В. Тарле и власть. Письма историка И. В. Сталину и Г. М. Маленкову. 1937 — 1950 гг. //Исторический архив. 2001. № 3. С.106.

² Давидсон А. Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий//Новая и новейшая история. 2005. №5//<http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/ALBION.HTM>

³ Приказ по Молотовскому Госуниверситету им. А. М. Горького. 4.10.1949//ГАПО. Ф. р1715. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.

сти заведующего кафедрой всеобщей истории¹. Кафедра состояла из 5 человек. Кроме заведующего на ней работали О. Бадер, В. Малыгин, Ю. Рекка и Л. Бородина.

Л. Е. Кертман — продуктивный и деятельный работник. Он читает основные курсы по собственной кафедре, преподает «Историю политических учений» на юридическом факультете, ведет занятия в городском университете марксизма-ленинизма, на курсах пропагандистов при Молотовском горкоме ВКП(б) и во множестве других мест.

Он пишет докторскую диссертацию на идейно выверенную тему: «Лейбористская партия — орудие империалистической реакции»².

Здесь надо бы вспомнить, что первоначально предмет исследования назывался совсем иначе: «Ранняя идеология лейбористской партии». Если верить М. Лиловой — такая подпись стояла под статьей «Антипатриотическая деятельность космополита Кертмана», ректорат и партком Киевского университета (в нем Кертман работал прежде) нашли это название, а с ним и направленность диссертации «.. вредительскими, враждебными советской исторической науке»³.

Судя по всему, Л. Е. Кертман искренне пытается быть настоящим советским ученым. В его личном фонде сохранились тетради, свидетельствующие об углубленной работе над трудами И. В. Сталина: выписки, конспекты, цитатации. Пройдет много лет, но он не устанет удивлять своих коллег превосходным владением сталинским словарем. Подводя итоги дискуссии на кафедральном семинаре, Лев Ефимович после обстоятельного научного анализа высказанных точек зрения мог довести до сведения собравшихся и политическую оценку их взглядов на языке ушедшей эпохи: «брандлерианство», «гальгеймерщина», «каутскианство» и т.п. Иронизировал или предостерегал.

В отчете партийного бюро историко-филологического факультета за 1950-1952 гг. встречается упоминание о том, «...что среди части студентов сложилось мнение о т. Кертмане как о лучшем лекторе-марксисте»⁴. В г. Молотове, казалось бы, ничто не напоминает о

Киевской катастрофе: увольнении из университета за космополитизм («.. Кертман не только идейно сочувствовал этим антипатриотическим выродкам, но и работал заодно с ними»¹), безуспешных попыток устроиться на работу на Украине «... в связи с отсутствием вакансий в педагогических институтах республики»². Конечно, есть проблемы и на новом месте. Трудно завершить диссертацию, не получая командировок в Москву³. На филологическом отделении старший преподаватель А. Н. Руденко без усталости разоблачает троцкистов и космополитов среди собственных коллег, в том числе и жену Льва Ефимовича — С. Я. Фраднину. Тем не менее, ситуация для работы кажется благоприятной. В ноябре 1951 г. ректор издает приказ о создании комиссии, которой поручит «написать историю возникновения и развития университета». Среди ее членов значится и доцент Л. Е. Кертман⁴. Комиссия не спеша выполнит поручение (в университете, за редким исключением, все делается, не спеша) и спустя 15 лет в 1966 г. опубликует исторический очерк «Пермский государственный университет имени Горького». В 1987 г. появится его новое издание. Руководить авторским коллективом будет Л. Е. Кертман⁵.

Только в феврале 1952 г. выяснилось, насколько недолговечной была обретенная передышка. Вновь повторялась ситуация трехлетней давности. В Киеве за месяц до собрания партийного, комсомольского и профсоюзного актива, потребовавшего увольнения «космополита Кертмана», он получил рекомендацию для вступления в ВКП(б), в которой присутствовали все необходимые формулы: «... показал себя хорошо подготовленным специалистом, читает лекции на высоком идейно-теоретическом уровне, дисциплинирован, политически грамотен, <...> выступает с лекциями и докладами, принимает участие в теоретических конференциях и научных сессиях. Пользуется авторитетом среди преподавателей и студенческого состава исторического факультета и университета»⁶.

¹ Лилова М., Л. 1.

² Справка. 20.06.1949//ГАПО. Ф. р1715. Оп. 1. Д. 234. Л. 13.

³ См.: Протокол № 24 заседания партбюро Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 104. Л. 34.

⁴ Приказ по Молотовскому Госуниверситету им. А. М. Горького. 28.11.1952//ГАПО. Ф. р80. Оп. 12. Д. 296. Л. 485–486.

⁵ Первый на Урале: Пермский государственный университет. 1916–1986. — Пермь: кн.изд-во, 1987.

⁶ Белан. Рекомендация в кандидаты ВКП(б) т. Кертмана Льва Ефимовича 2.03.1949//ГАПО. Ф. р1715. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

В Молотове спустя полгода после назначения на должность заведующего кафедрой в газете «Звезда» появилась статья, подписанная историком партии из педагогического института г. Дедовым, под заголовком «Об ошибочных выводах в лекциях тов. Кертмана».

По жанру статья представляла собой рецензию на стенограмму лекции для слушателей университета марксизма-ленинизма (ВУМЛ) «США — главный оплот мировой реакции и империалистической агрессии». По содержанию — публичный донос. Слово «об», с которого начинался заголовок, не было случайным. В советской политической практике оно указывало на характер публикации. Когда в 1952 году появилась статья «О романе В. Гроссмана...», Твардовский сказал: «Если “о”, то добра не жди»¹.

Г. Дедов, ознакомившийся со стенограммой, нашел в лекциях «...серьезные политические ошибки»: Л. Е. Кертман «... произвольно обошел первый раздел программы “Ленин и Сталин об американском хищническом империализме” и не привел ленинско-сталинскую оценку». Более того, он не назвал размеры прибылей американских монополий, подсчитанных несколько месяцев назад советским журналом «Вопросы экономики», поскольку де не захотел своих слушателей «...утруждать лишними цифрами». Хуже того, доцент Кертман «ни единым словом не упомянул об идеологическом наступлении американской реакции. Поэтому лекция изобиловала общими фразами, повторениями, нечеткими выводами по поводу внешней политики США». Покончив с одной лекцией, рецензент принялся за другую: «Борьба СССР против создания единого антисоветского фронта». В ней, по мнению Г. Дедова, лектор проявил избыточную эрудицию: слишком долго излагал план Дауэса*, но пропустил его сталинскую оценку. «Вопреки историческому положению вещей», высказал крамольное утверждение, что «XIV съезд нашей партии принял курс на индустриализацию страны, потому что появился план Дауэса (?)».

И периодизация в лекции подозрительная: не из «Краткого курса» («двадцатые годы, первая половина двадцатых годов, вторая половина двадцатых годов»), и пристрастия сомнительные («уделял очень много внимания разным биографическим деталям многочисленных министров французского и других западноевропейских правительств

¹ Гаспаров М. Записи и выписки. М., НЛО, 2001, С.269.

* «План Дауэса» — разработанная в 1923–1924 гг. комитетом экспертов Союзной комиссии по репарациям во главе с американским банкиром и политическим деятелем Ч. Дауэсом концепция вывода экономики Германии из кризиса с целью выплаты ею репараций странам-победительницам по условиям Версальского договора. — Прим. ред.

«в ущерб рассказу... о героической самоотверженной борьбе народных масс за мир...»).

Особенно возмутило автора статьи то, что Л. Е. Кертман «... пытался защищать некоторые ошибочные положения своих лекций». Далее следовали политические обвинения: «нет воинствующей большевистской партийности, марксистского анализа исторических фактов и событий, нет подлинного разоблачения враждебной идеологии англо-американских империалистов». Глухо упоминалось и то, что лектор «... подчас <...> сбивается на позиции, давно осужденных советской общественностью космополитизма и низкопоклонства перед загнивающим буржуазным миром». Естественно, такой человек не может знать истории: «Лектор явно не в ладах с датами, путается в элементарных фактах исторической науки. Известно, например, что советскую делегацию на генуэзской конференции возглавлял Г. В. Чичерин, а лектор объявляет главой этой делегации А. В. Луначарского». Ошибки Л. Е. Кертмана не случайны, так как «...некогда ему готовиться к лекциям, ибо он читает их везде и всюду», что, естественно, дурно. Еще хуже, что «тов. Кертман не любит критики и не прислушивается к советам товарищей»¹. Слово «халтурщик» не было произнесено. Все другие ярлыки, вроде «безродного космополита», также опущены. По тогдашним меркам критика была умеренной, однако только по форме. Обвинения, предъявленные Л. Е. Кертману, были серьезными: отступления от марксистско-ленинской методологии, беспартийность, объективизм, политические ошибки, недобросовестность в работе.

Текст статьи Г. Дедова вполне тривиален как по содержанию, так и по форме. Он соответствует жанру критических материалов, призванных обратить внимание советской общественности на серьезные ошибки того или иного работника. После чего общественные организации должны были начать собственное расследование, позволяющее установить дополнительные генеалогические источники ошибок, степень их вредного воздействия на коллектив, детально ознакомиться с политическим лицом человека, подвергнувшегося критике, проверить, насколько он поражен идейным недугом и может ли от него излечиться.

Разоблачительная статья (а именно такой характер имела публикация М. Лижиной «Антипатриотическая деятельность космополита Кертмана») отличалась от статьи критической не только жесткостью

¹ Дедов Г. Об ошибочных выводах в лекциях тов. Кертмана. // Звезда 2.02.1952.

формулировок, но и однозначностью выводов. Жертвы разоблачительных публикаций были обречены на изгнание с работы, исключение из партии или уголовное преследование. Критическая статья была предупреждением. Разоблачительная статья — приговором. Впрочем, дистанция между двумя этими газетными жанрами была очень небольшой, а грань условной. За критической статьей могла последовать статья разоблачительная. Местные инстанции могли выдать неадекватную реакцию, что называлось тогда перестраховаться, и избавиться от неудобного сотрудника.

Здесь интересней другое. Кто заказал критический материал Дедову, то есть снабдил его стенограммой лекций, поручил написать, разместил на страницах главной областной газеты? По версии автора статьи, все шло естественным путем. Кафедра истории СССР в университете марксизма-ленинизма в плановом порядке обсудила стенограмму первой лекции Кертмана и нашла в ней ошибки. И Дедов, по всей вероятности, один из участников обсуждения, решил ознакомить читателей «Звезды» с мнением кафедры. Он пишет правду, хотя и не всю. Лекция «США — главный оплот мировой реакции и империалистической агрессии» была прочитана в октябре или в ноябре 1951 г., за два месяца до появления газетной публикации. Обсуждение текстов лекций на заседаниях кафедры предусматривалось решением бюро горкома «О работе Вечернего Университета марксизма ленинизма». В постановлении, естественно, не указывалось, чьи лекции следует стенографировать, а затем подвергать критическому разбору. Руководство кафедры сделало выбор самостоятельно, указав на Кертмана. Лекция эта была предварительно застенографирована. Интересно было бы узнать, пользовались ли проверяющие технической новинкой — магнитофоном или обошлись услугами стенографистки? После чего заседание кафедры (редкое явление в истории ВУМЛ), действительно, состоялось. «Кафедра признала лекцию неудовлетворительной, политически недостаточно заостренной, план лекции не соответствовал требованиям программы». О чем и была составлена соответствующая справка¹. Секретарь горкома по идеологии Бобров на партийном собрании в университете прямо назвал имена тех, кто обнаружил «политические ошибки в лекциях т. Кертмана»: товарищей Хитрова и Антонова². Оба университетские историки. От критики на заседании кафедры до газетной публикации су-

¹ Справка о выполнении решения бюро Молотовского горкома ВКП(б) «О работе ВУМЛ». 21.11.1951//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 607. Л. 240.

² Протоколы партийного собрания. 14.02.1952//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 103. Л. 13.

ществовала, однако, дистанция громадного размера. Кто решился ее преодолеть, придав деловой ситуации политическое значение? Вряд ли руководство горкома. Преподаватели университета марксизма-ленинизма входили в его номенклатуру. Существовала жесткая связка. Когда доцент Кертман допускал политические ошибки, горком в автоматическом режиме допускал ошибки кадровые, или, более того, терял политическую бдительность. К слову, если бы руководство ВУМЛ усомнилось в политическом содержании лекций Кертмана, то оно имело все возможности без всякого шума, в рабочем порядке удалить Льва Ефимовича из преподавательского состава, просто не давая ему учебных поручений. Ничего этого не произошло. Дедов также не смог сослаться на мнение слушателей, выразивших неудовольствие по поводу лекций Кертмана.

Статья против Л. Е. Кертмана, с большой долей вероятности, появилась по инициативе его коллег по преподавательской работе, готовых пойти на конфликт с городскими партийными властями для того, чтобы уничтожить противного им лектора. Речь шла о подготовленной акции. Ее инициаторы и организаторы находились в университете. Иначе не объяснить быстроты и слаженности их последующих действий.

Как я уже писал, по тогдашним правилам политического поведения публикация критической статьи была сигналом для партийных и административных инстанций. Действовал строгий регламент: проверка фактов, обсуждение в собственном трудовом коллективе, обязательная самокритика с разоблачением источников ошибок и возможные организационные выводы. Для подготовки всех мероприятий требовалось время. В данном случае университетские власти действовали молниеносно. Статья была опубликована в субботу. В среду 6 февраля на заседании ученого совета, обсуждавшем работу юридического факультета, сначала декан И. М. Кислицин, а затем и ректор В. Ф. Тиунов подвергают критике лекции доцента Кертмана. И. М. Кислицин, вступивший на тропу войны против заведующих кафедрами — местных корифеев юриспруденции доцентов И. С. Ноя и В. В. Пугачева, обнаружил вдруг, что близкий им доцент Кертман поверхностно излагает курс «История политических учений». Ректор пошел дальше и прямо заявил: «Тов. Кертман на факультете в своем преподавании допустил ряд ошибок. Необходимо обратить внимание на идеологическую выдержанность преподавания». Кертман был, видимо, настолько растерян, что не возражал. Он тут же выразил готовность либо передать курс профессору В. В. Мокееву (старому и заслуженному историку партии, ставше-

му профессором без всяких защитных процедур — у него не было и кандидатской степени), либо поделить «Историю политических учений» на две части, пообещав в будущем читать лекции «... на надлежащем уровне». Было от чего растеряться. Университетские власти нарушили все процедуры. Декан не посещал лекций Кертмана на юридическом факультете. Не было сигналов от студентов, или замечаний со стороны коллег. Лекции Кертман читал совершенно иные по тематике, нежели в университете марксизма-ленинизма. Объяснение сочинят потом: «Нет двух Кертманов: для вечернего университета и госуниверситета. Методология чтения лекций одна»¹. Университетские власти действуют по аналогии. Если лектор в одном учебном заведении спутал Г. В. Чичерина с А. В. Луначарским, то в другом учебном заведении он обязательно спутает Монтескье с Локком. Если Кертман не уделил достаточного внимания сталинской критике плана Дауэса, то он непременно забудет изложить сталинские взгляды на перспективы развития и укрепления советского государства. Он по-другому не может. В постановление Ученого совета вставили специальный пункт о Л. Е. Кертмане, в общих чертах повторяющий газетную критику:

«В лекциях кандидата исторических наук Кертмана Л. Е. по курсам истории политических учений и экономики и политики зарубежных стран допускается расплывчатое, подчас поверхностное изложение материала, без глубокого марксистского анализа исторических фактов и событий и без должного разоблачения враждебной буржуазной идеологии. Имеет место небрежное обращение с цитатами и датами из сочинений классиков марксизма, допускается путаница в политических вопросах»².

Отметим, что первое обвинение Л. Е. Кертмана в политических ошибках в стенах Молотовского государственного университета прозвучало по поводу ситуации на юридическом факультете. Произнесено оно было не в партийном, но в сугубо научном собрании.

Жесткая позиция ректора требует объяснения. Василий Филиппович Тиунов принял должность 4 сентября 1951 года, покинув для нее пост заместителя председателя Молотовского облисполкома. Он принадлежал к команде уволенного от должности секретаря обкома К. М. Хмелевского и уже по этому основанию стал неприемлемой фигурой для нового хозяина области Ф. М. Прасса. Перевод на работу

¹ Протокол №24 заседания партбюро Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 104. Л. 37.

² Протокол Ученого Совета Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького. 6.02.1952//ГАПО. Фр.180. Оп. 12. Д. 296. Л. 439—440,445.

ректором был для него карьерным поражением; университет — местом ссылки. Вся его прежняя работа протекала вдали от учебных заведений, по преимуществу в советских учреждениях. В. Ф. Тиунов — практик со степенью кандидата экономических наук. Его политическое положение весьма уязвимо. В молодости, до сентября 1918 года он успел побывать членом партии левых социалистов-революционеров. Спустя девятнадцать лет председателя Омского облплана В. Ф. Тиунова арестуют в Омске по обвинению в контрреволюционных преступлениях и выпустят только через двадцать четыре месяца. В своей партийной автобиографии он напишет: «Под судом и следствием не был, но в 1937 г., когда я работал председателем Омского облплана, был в Омске арестован с предъявлением обвинения по статье 58 УК РСФСР (только в общей форме). Но по окончании следствия дело прекращено, и я был полностью реабилитирован. Работники Омского Управления НКВД, которые меня арестовали, были осуждены»¹. Для университета он еще чужой человек, крайне ревниво относящийся к своему предшественнику Александру Ильичу Букиреву, который принял на работу нераскаявшегося космополита. Во всяком случае, через полтора года все на том же сентябрьском партийном собрании один из ораторов — Харитонов — вскользь заметит:

«Не нравится, что у тов. Тиунова проскальзывает мысль: что было до меня — плохо. Что при мне — хорошо. <...> А между тем, старый ректор тов. Букирев не является членом Ученого совета университета»².

На ближайшем партийном собрании 14 февраля 1952 г. обвинения против Л. Е. Кертмана выдвинет секретарь партбюро университета К. Мочалов, который проговорится, по какой причине товарищи не любят заведующего кафедрой всеобщей истории. Того наперебой приглашают читать лекции. Ему платят — что вызывает зависть и раздражение со стороны менее удачливых коллег. Секретарь публично выскажет то, о чем перешептываются в кабинетах и коридорах: «Здесь говорили о тов. Кертман. Он погнался за длинным рублем и по существу начал халтурить. Ведь он на стороне ведет полугодовую нагрузку. Некоторые поручения там он читает по своему желанию. Ясно, что готовиться к занятиям систематически не может». В поста-

¹ Тиунов Василий Филиппович//ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 18. Д. 1825. Л. 1—4.

² Протокол общего собрания партийной организации [Молотовского Госуниверситета]. 10.09.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. //ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. С.33.

новлении имя Кертмана будет упомянуто в числе «...некоторых преподавателей, которые «читают отдельные лекции на низком идейно-теоретическом и методическом уровне»¹.

Тут же решением партийного собрания историко-филологического факультета была создана комиссия по проверке работы кафедры всеобщей истории во главе с П. И. Хитровым — историком СССР, в то время разрабатывающим научную проблему: роль товарища Сталина в хлебозаготовках в Ставропольском крае. Тема, скажу сразу, загадочная. Сталин в Ставрополье не ездил. По всей видимости, П. И. Хитров пытался использовать для своих исторических писаний назначение Сталина руководителем продовольственного дела на Юге России в мае 1918 г. Как известно, Сталин остановился в Царицыне, отослал в центр несколько эшелонов с хлебом и занялся военными делами².

К проверке привлекли крупнейших знатоков истории: П. Д. Пачгина — его скоро назначат деканом историко-филологического факультета, Ф. С. Горового — будущего ректора и Я. Р. Волина, впоследствии занявшего должность заведующего кафедрой истории КПСС³. Комиссия посещала лекции и знакомилась с кафедральной документацией,

Спустя месяц «дело Л. Е. Кертмана» заслушивают на бюро горкома ВКП(б). В протоколах заседания бюро от 5 марта 1952 г. вторым вопросом значится: «О статье в газете “Звезда” от 2 февраля 1952 г. “Об ошибочных выводах в лекциях тов. Кертман”». В дискуссии принимают участие пятеро: беспартийный Кертман, Дедов, Горовой, Мочалов и работник обкома ВКП(б) Мадонов, ведающий вузами. Краткая протокольная запись не позволяет выяснить ход обсуждения. Материалы подготовки вопроса для бюро не сохранились. Бюро горкома признало статью правильной и обратило внимание «...тов. Кертман на ошибочность его выводов в лекциях», на «неправильную практику вольного обращения с цитированными произведениями классиков марксизма-ленинизма и с программой курса Внешней политики СССР, на неудовлетворительную подготовку к лекциям и нарушение требований марксистско-ленинской

¹ Протокол общего собрания партийной организации [Молотовского Государственного университета]. 14.02.1952//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 103. Л. 12, 14.

² См.: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М.: Госполитиздат, 1947. С.72: Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. М.: Прогресс, 1991. С. 179—180.

³ Протокол заседания партийного бюро Молотовского государственного университета им. А. М. Горького 14.02.1952//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 104. Л. 46.

методологии». Примечателен третий пункт постановления: «Считать недопустимым чтение лекций без наличия конспекта и предупредить тов. Кертман, что, если он в ближайшее время не исправит отмеченные недостатки в лекциях, будет поставлен вопрос об отстранении его от преподавательской работы». Ректору университета было предложено «...усилить контроль за идейным содержанием преподавания всеобщей истории»¹.

Постановление интересно тем, что в нем отсутствует указание на самокритику обвиняемого. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что, признав статью верной, бюро горкома не повторило ни обвинений в космополитизме, ни упреков в беспартийности. Более того, Лев Ефимович и далее продолжал работать в университете марксизма-ленинизма. Директор этого учреждения Мухин 20 июня 1953 г. выдает Л. Е. Кертману «Справку», что тот «... к порученной работе относился добросовестно и обеспечивал высокое качество преподавания»². Заметим также, что университетские проверки, предваренные разоблачительными вердиктами ученого совета и партийного собрания, начались на месяц раньше. И пункт «об усилении контроля» выглядит вписанным задним числом для оправдания поспешных действий ректората.

Настоящий суд над Л. Е. Кертманом состоялся через неделю на заседании партийного бюро университета. 12 марта 1952 г. этот орган, состоящий из семи человек, в присутствии ректора и членов комиссии по проверке заслушивал отчет о работе кафедры всеобщей истории. Докладывал Л. Е. Кертман по правилам, принятым в вузовских учреждениях. Кафедра с выполнением учебного плана справляется. Работники не пропускают занятий. Они организовали две выставки — о Парижской Коммуне и франко-прусской войне, посещали студенческие общежития, читали там лекции. Работает археологический кружок. Далее в протокольной записи появляются фрейдовские обмолвки. «Научная работа кафедры поставлена скверно. Тов. Бадер работает систематически. В этом году заканчивает докторскую диссертацию. Я работаю в области истории. Мне необходимо быть в Москве для ознакомления с литературой, которой нет в г. Молотове. Из-за отсутствия литературы я даю пока незавершенную продукцию. Думаю, докторскую диссертацию закончу в этом году. Тов. Малыгин не возбуждается к научной работе.

¹ Протокол заседания бюро Молотовского горкома ВКП(б). 5.03.1952//ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 45. Д. 620. Л. 156—157.

² Справка. 20.06.1953//ГАПО. Ф. р1715. Оп. 1. Д. 236. Л. 4.

К выполнению плана научной работы не приступил. Молодые научные работники т. т. Рекка, Бородина осваивают курсы и готовятся к сдаче кандидатских экзаменов». Далее Л. Е. Кертман подверг себя самокритике: «Я сложные курсы освоил хорошо, но я не осмыслил методику их чтения. А курсы я читаю сложные. Готовлюсь к ним недостаточно систематически. Я не укладываюсь в отведенные часы. Допускаю небрежные, нечеткие формулировки, которые не замечаю. Я стараюсь дать обилие материала, чтобы студенты поняли исторический процесс». В заключение Кертман, сказав несколько добрых слов о своих товарищах по кафедре («Малыгин — хороший специалист и методист. Обладает огромными фактическими знаниями по истории. <...> Молодые преподаватели т. т. Рекка и Бородина много работают над курсами»), вновь признал свои ошибки: «Я виновен, что качество преподавания у нас не всегда высокое. Я недостаточно контролировал преподавателей, мало посещал их занятия, сам не организовывал взаимопосещения с последующим обслуживанием(!). Мы не слушаем преподавателей заранее. Я указания давал не в категорической форме, а высказывал свое мнение». Своим обстоятельным докладом, посвященным главным образом учебно-методической работе кафедры, Л. Е. Кертман пытался задать тон предстоящему обсуждению, перевести его на деловую почву. Никакой политики. Только методика и практика управления. Да, техника исполнения лекций недостаточно хороша. Да, нужно больше уделять времени обучению молодых преподавателей, тогда они будут читать лекции, «более увязанные с современностью». Помогите, товарищи, поделитесь опытом, как это у Вас получается. С благодарностью примем критику и станем исправляться. Наукой активней займемся. О выводах «Комиссии по обследованию работы кафедры всеобщей истории Молотовского государственного университета 1951/1952 учебного года» Кертман знал и с ней не согласился. В пространной справке, подписанной П. И. Хитровым, А. Д. Антоновым и Т. Е. Санниковой, работа кафедры признавалась неудовлетворительной ввиду плохого руководства со стороны заведующего. «Главная вина за такое состояние кафедры должна быть возложена на и. о. зав. кафедрой тов. Кертмана Л. Е.»¹. Лев Ефимович был искусный тактик, но сбить противников с заранее заготовленной позиции не смог. Они сразу же свернули обсуждение на политические темы. Докладчику задали вопросы:

- Как Вы оцениваете статью в газете «Звезда»? (В. Ф. Тиунов)
- Как понимать Ваше отношение к рецензии Дедова? (Ф. С. Горовой)
- Были ли у Вас ошибки методологического характера? Как называется кружок, который Вы ведете со студентами? (Ф. С. Горовой)
- Почему на бюро Горкома и сейчас Вы по-разному расцениваете отношение к рецензии Дедова? Каким образом Вы посвящены в денежные операции археологических экспедиций? Как охраняются археологические памятники, как они учитываются кафедрой? (П. И. Хитров)
- Как вы относитесь к своему выступлению на ученом совете? (З. С. Романова.)

Кертман что-то говорил в ответ, секретарь занес в протокол только оценку: «Ясного отношения к статье в газете не дал. Не высказал ясного своего отношения к решению Горкома».

Потом от имени комиссии выступил П. Д. Пачгин, доложивший «о грубых и глубоких недостатках» в работе кафедры. За ним — П. И. Хитров и А. Д. Антонов. Последний поучал Кертмана, что «экономические факторы нужно было в лекции поставить на первый план. Меньше надо было уделять внимания мемуарам, а больше произведениям классиков марксизма-ленинизма». Небрежно выполненная протокольная запись не дает полного представления о содержании обсуждения. Выступления Л. Е. Кертмана изложены значительно хуже, нежели его критиков. Тем не менее, общий ход дискуссии ясен. Соглашаясь с тем, что в методике чтения лекций есть недостатки и готовиться следует систематически, Л. Е. Кертман наотрез отказался признать методологические и политические ошибки: «В основном правильно, что я недостаточно готовлюсь, что проскакивают неточные формулировки, и сейчас придется эти формулировки готовить заранее дома. Вольно обращаюсь с программой в отношении времени». А вот комиссия критиковала лекции предвзято и некомпетентно. За нее немедленно заступились университетские гранды.

Тиунов В. Ф.: «Мне не нравится ваше выступление, тов. Кертман. С одной стороны Вы признаете ошибки, с другой — нет. Нет четкости в Ваших выступлениях. Отсутствует искреннее признание своих ошибок. Вы крутитесь. Курс читается самый острый, политический — и сказать, что он немарксистский — нельзя, иначе мы Вас не допустили бы до чтения его. Знаний у Вас много, но Вы переоцениваете свои силы. Необходимо цитаты классиков марксизма-ленинизма записывать. К лекциям вы не всегда подготовлены, а потому

¹ Протокол № 24 заседания партбюро Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 104. Л. 52.

идейно-теоретический уровень их иногда бывает низким. Ответственность за ведение курса очень сложна, кафедра работает неудовлетворительно. <...> Комиссия в целом сделала правильные выводы, и т. Кертман надо предупредить».

Горовой Ф.С.: «Узнав о неблагоприятном положении дел на кафедре всеобщей истории, партбюро историко-филологического факультета, после решения партсобрании факультета, создало комиссию во главе с т. Хитровым для проверки работы кафедры. Но тов. Кертман сделал все от него зависящее для того, чтобы скомпрометировать комиссию партбюро, доказать ее «некомпетентность». Он требовал пересоставления расписания для его присутствия на всех лекциях, которые будет посещать комиссия, пытался добиться через своих знакомых, чтобы Обком ВКП(б) требовал ускоренной проверки. Это бесчестность, бестактность, зазнайство. Меня удивляет поведение т. Кертман сегодня на партбюро. На заседании бюро ГК ВКП(б) т. Кертман признал свои методологические ошибки, отмеченные в статье т. Дедова. После выступления т. Мадонна он прямо заявил, что в основу моих лекций нужно брать произведения классиков марксизма-ленинизма, чего я до сих пор не делал. Теперь же от всего сказанного на бюро ГК ВКП(б) т. Кертман отказывается и признает за собой только методические ошибки и неточные формулировки. Странное и подозрительное поведение. Вслед за тов. Кертман с отрицанием ошибок в своих лекциях выступили и члены кафедры всеобщей истории т. т. Малыгин, Бородина. Параллельно замечу, что на кафедре всеобщей истории нет критики и самокритики. Там есть подхалимство и преклонение перед авторитетами.<...> Я понимаю решение ГК ВКП(б) как документ, дающий общую оценку качества лекций т. Кертман с их грубыми методологическими ошибками. <...> Тов. Кертман делает, по меньшей мере, бестактность по отношению к присутствующим на бюро, пытаясь отделить свою деятельность в вечернем университете от деятельности в госуниверситете. Тов. Кертман, пользуясь некоторой неосведомленностью членов партбюро в вопросах истории, на глазах фальсифицирует факты и обстоятельства, при этом скрывает и не говорит о фактах, которые его [пропуск в протоколе — О. Л.] как человека, делающего грубые политические ошибки.<...> Почему тов. Кертман ничего не говорит о том, как он на лекциях студентам V курса историков читал клеветническую по отношению к советской стране ноту белоэстонцев без всяких дополнительных объявлений, причем помещенная, вслед за белоэстонской нотой нота советского правительства, разоблачающая клевету белоэстонских предателей, не

была прочтена студентам? Что это — недоразумение, тов. Кертман, недомыслие, или что-то еще? <...> Тов. Кертман даже не замечает (а может, и замечает), что его выступления против комиссии являются выступлением против марксистской концепции, изложенной т. Сталиным. Вообще же тов. Кертман, как показала практика, многие свои ошибки признает с тем, чтобы от них впоследствии отказаться. Хотелось бы видеть не ненужные мудрствования и стремление доказать отсутствие ошибок, а искреннее признание и исправление ошибок. Лекции т. Кертман страдают грубыми методологическими ошибками и их нужно немедленно устранить, радикально перестроив работу кафедры».

Оборин А.И.: «Ваши лекции, т. Кертман, хорошо слушаются, но вы позволяете себе вольности. Форма изложения их очень хорошая, но анализ фактов вы даете недостаточный. Цитаты нужно записывать, а не полагаться на свою память и способности. В выступлении у Вас чувствуется неискренность. Ошибки надо признать и их исправить. Быть более прямым и честным».

Хитров П.И.: «Своей характеристикой состава комиссии т. Кертман пытается, по меньшей мере, поставить под сомнение основательность и серьезное значение выводов, сделанных ею, и тем самым замазать грубые ошибки, допущенные им в лекциях, которые прослушала комиссия (я не говорю уже о том, что такая характеристика членов комиссии — преподавателей — является, по меньшей мере, самовосхвалением зазнавшегося сомнительного человека и стремлением определенными грубыми средствами опровергнуть критику, по существу не признавать ее)».

Мочалов К.И.: «Тов. Кертман ведет себя неискренне, он крутится и упорно не хочет признать честно своих ошибок. Более того, т. Кертман сегодня вводит в заблуждение бюро, заявляя о том, что будто бы бюро ГК ВКП(б) не полностью признало правильной статью т. Дедова в газете «Звезда». Я присутствовал на заседании бюро и заявляю, что оно признало статью т. Дедова правильной, что лекции т. Кертман в вечернем университете марксизма-ленинизма читает на низком идейно-теоретическом уровне, в обобщениях и выводах допускает небрежные формулировки. <...> Мы хотели услышать от Вас искреннее признание имеющихся недостатков, мы хотели бы услышать, что Вы думаете делать для устранения этих недостатков <...> Главное то, что Вы лекции читаете на низком идейно-теоретическом уровне, в основу их не берете высказывания классиков марксизма-ленинизма, допускаете небрежные формулировки, не разоблачаете правых социалистов на данном этапе.<...> Кертман

зазнался, возомнил себя всезнайкой и не прислушивается к критическим замечаниям товарищей. <...> Надо отбросить эту спесь. <...> Если Вы этого не сделаете в ближайшее время, то окажетесь в худшем положении. Мы не потерпим того, чтобы т. Кертман и дальше читал политическую дисциплину на низком идейно-теоретическом уровне. Мы предупреждаем Вас об этом, т. Кертман. Делайте выводы сами».

В конце концов, партийное бюро приняло постановление, состоящее из двух пунктов:

Выводы комиссии о работе кафедры всеобщей истории утвердить.

Предупредить т. Кертман, что в случае, если он не исправит указанные недостатки в своей лекционной работе и в работе по руководству кафедрой, то он не сможет быть использован на преподавательской работе в университете¹.

К протоколу заседания партийного бюро приложены «Основные выводы комиссии по обследованию работы кафедры всеобщей истории...» Вместе с речами на заседании партийного бюро они позволяют понять методы охоты на строптивного историка.

Стенограмма лекции сопоставляется с набором цитат из сталинских текстов, имеющих какое-либо, пусть отдаленное, отношение к предмету. Искусство охотника как раз и состоит в том, чтобы набрать таких цитат по максимуму и не ошибиться: не сослаться на что-либо политически устаревшее.

Далее к делу привлекаются свежие, проверенные книги и статьи, либо отмеченные Сталинскими премиями, либо опубликованные в директивных журналах: «Большевик», «Вопросы экономики». Члены комиссии очень гордились собой, поскольку были в состоянии проделать фундаментальную работу: прочесть и *проработать* главу из «Истории дипломатии» и уязвить лектора: «Авторы «Истории дипломатии», удостоенные Сталинской премии, рассуждают иначе, чем т. Кертман»².

Вооружившись новым знанием, они приступают к разбору текста. Здесь техника упрощается. Каждое из положений, услышанных на лекции, проверяется на соответствие найденным цитатам. Если лектор толкует о другом: о политике «блистательной изоляции» Великобритании, например, значит, он игнорирует требования марксистско-

ленинской методологии и прямые указания товарища Сталина. Если он предлагает свои формулировки, либо хотя бы авторскую их редакцию, он, стало быть, методологию извращает и протаскивает контрабандой какой-нибудь дрянной багаж: буржуазный, оппортунистический, троцкистский, или космополитический, на выбор. П. И. Хитров обнаружил даже «протаскивание взглядов Покровского, осужденных партией и советской исторической наукой».

У лектора, попавшего в облаву, есть одна возможность: огородить себя частоколом из цитат, а вовнутрь поместить комментарии из свежих газет. В этом случае также могут обвинить в начетничестве, схоластике и догматизме, но здесь уже открываются возможности для активной обороны. Л. Е. Кертман так защищаться не захотел — и потому его контркритика была слаба и неубедительна. Он упрекнул, было, членов комиссии в «буржуазности», но те сразу же заслонились сталинской цитатой и легко парировали выпад.

Надо заметить, что техникой облавы загонщики владели блестяще. Здесь нужно было либо самому побывать в шкуре дичи, либо иметь особый талант к охоте на человека.

Если не принимать во внимание агрессивности вузовских партийных функционеров (они просто отработывали свой хлеб), наибольшую непримиримость к Л. Е. Кертману проявили его товарищи по историческому цеху Ф. С. Горовой и П. И. Хитров.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что первого обвинителя в течение нескольких лет изблачивали в политических грехах. Уже упоминавшаяся старший преподаватель русской литературы Анна Николаевна Руденко писала в обком партии, затем в ЦК, возможно, что и в иные органы, заявления на Ф. С. Горового, которого она заподозрила «... в непартийном образе мыслей» и других политических преступлениях, вплоть до троцкизма. Одним из поводов стало его замечание на лекции, что Московское вооруженное восстание в 1905 г. началось на день раньше, чем это указано в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Причем, Ф. С. Горовой четыре года подряд на всех партийных совещаниях упорно не соглашался признать свою политическую ошибку. Его наказали, но нестрого. В январе 1952 г. секретарь Молотовского обкома Мельник отказал Горовому в рекомендации в докторантуру, пообещав, что к этому вопросу «... можно будет вернуться через некоторое время». Отвечая на запрос из ЦК, тогдашний 1-й секретарь обкома Ф. М. Прасс, как мог, смягчал вину перспективного работника, напоминал о его фронтовом прошлом, перечислял научные заслуги и общественные нагрузки. «Недостатки в его поведении, отмеченные выше, являются следствием недостаточной вос-

¹ Протокол № 24 заседания партбюро Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 104. Л. 32—45.

² Там же, Л. 41.

питанности тов. Горового, переоценки им собственных знаний, и они, несомненно, преодолает»¹.

В связи с этим грубые нападки, с которыми Горовой набрасывается на Льва Кертмана, выглядят актом психологической самозащиты. Глубоко уязвленный несправедливыми обвинениями, Ф. С. Горовой, быть может, не задумываясь об этом, стремится передвинуть их на другого, более слабого. Здесь на память приходит любопытная гипотеза Н. Вольского, касающаяся распространения антисемитизма, его индукции: «Значительная часть самых рьяных антисемитов состоит из трусоватых “интеллигентов” русско-еврейского происхождения. <...> Трусость вовсе не предохраняет от жестокости, напротив, очень часто именно она служит подспудным мотивом для экстремизма и безудержной жестокости»². Уберем национальный момент, и мы обнаружим подобную ситуацию. Обвиненный в троцкистской контрабанде Ф. С. Горовой, обличает своего коллегу в политических грехах, делая это с большевистской прямоотой, неистовостью и страстью. Он больше не отщепенец, он снова в строю, снова громит общего врага. По-солдатски. По-другому он не умеет.

Я не нашел документа, который бы прямо удостоверял, что именно Ф. С. Горовой был инициатором расправы. До поры, до времени он вообще держится в стороне. На первые роли выдвигаются фигуры помельче: Дедов, Хитров. Только им явно не под силу привести в действие маховик газетной кампании, заставить отступить университет марксизма-ленинизма, подчинить своему влиянию ученый совет. Здесь необходима более крепкая рука. В заседании бюро горкома Ф. С. Горовой уже принимает деятельное участие — и не только по должности заведующего кафедрой истории народов СССР. В университетских стенах Федор Семенович явно заправляет всем обвинительным процессом: назначает комиссию, добивается обсуждения, вставляет разящие формулировки в партийные решения.

Наверное, на месте Л. Кертмана мог оказаться кто-то другой, но для Федора Горового именно он стал самой подходящей жертвой.

Ф. Горовой и Л. Кертман — ровесники³. Первый на год старше. Оба южане. Кертман — киевлянин. Горовой родился и вырос под

¹ Прасс — Яковлеву 17.04.1952//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 205. Л. 222–226.

² Вольский Н. Национализм как превращенная форма страха//Звезда. 2007. №12. С. 163.

³ См.: Горовой Федор Семенович. Ноябрь 1949.//ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 18. Д. 1566. Л. 3–5.

Одессой. Фронтвики, вернувшиеся в науку после тяжелых ранений. Защитили кандидатские диссертации примерно в одно и то же время по сюжетам, хотя и разным, но относящимся к XIX веку. В городе Молотове — новички. За каждым из них тянется шлейф зловещих слухов, недобрых пересудов, банальных сплетен. Говорят о темном прошлом: о какой-то организации, о подписке, о запрете на проживание в 35 городах. Говорят и даже пишут. Анонимный корреспондент сообщает товарищу Сталину, будто «Горовой является сыном кулака, что он исключался из Херсонского сельскохозяйственного института за меньшевистскую пропаганду в 1933 г. (в 16 лет — О. Л.) и тогда же снимался с должности агронома за контрреволюционную пропаганду, что степень кандидата исторических наук он получил мошенническим путем». Анонимку сочиняют где-то в университете. Ее автор (или авторы) хорошо осведомлены о том, «что 18 студентов из числа сдававших экзамены Горовому получили неудовлетворительные оценки». Секретарь обкома, вынужденный давать разъяснения по этому поводу, сообщает в Москву: прошлое Федора Семеновича мы обязательно проверим, по поводу «двоек» разберемся, но «обвинение в незаконном получении ученой степени кандидата наук и права преподавания в высшей школе» так же как и «в пропаганде меньшевистских взглядов в университетских лекциях и печатных статьях и меньшевистских взглядов» неверное и необоснованное¹.

И вот этим людям по воле случая пришлось вступить в конкурентные отношения на образовательном поприще.

Ф. С. Горовой и Л. Е. Кертман заведуют историческими кафедрами, работают над докторскими диссертациями, читают курсы на факультете и в городском университете марксизма-ленинизма. В этом соревновании Ф. С. Горовой уступает. Конечно, он крепкий администратор с зычным голосом и отличными хозяйственными навыками, но студенты да и слушатели ВУМЛа предпочитают лекции Л. Е. Кертмана. Они на него, во всяком случае, не жалуются. На Горового кто-то из партийных пропагандистов сочинил донос в обком и в ЦК, обвинив лектора в том, что тот неправильно трактует состояние советской исторической науки. Горовой проигрывает и на кафедральном уровне. Сотрудники кафедры всеобщей истории, несмотря на жесткое давление, открыто поддерживают своего шефа, не сдаются. В своих подчиненных Федор Семенович не так уверен.

¹ Ляшенко — Андрееву. 16.07.1948//ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 127. Л. 39–40.

Л. Е. Кертман покусается на самое ценное достояние Ф. С. Горového: на его профессиональный авторитет. Горовой привык смотреть свысока на своего коллегу по историческому цеху: как командир артиллерийского дивизиона на рядового пехотинца, как облеченный доверием коммунист на сомнительного беспартийного, как представитель руководящего народа на безродного еврея, наконец, просто как человек физически крупный на интеллигентного хлюпика. «Основным изъяном характера Ф. С. Горového, — повторяет расхожее университетское мнение не близко знавший его В. Семенов, — было гипертрофированное представление о своей личности и о своих возможностях»¹.

Есть еще одно обстоятельство. Горовой и Кертман — историки разного профиля. Первый исходит из факта, знает цену архивного источника, ищет детали. Сохранились легенды, иногда страшноватые, про то, как Федор Семенович изымал документы у частных лиц. Для него вопрос, когда именно началось вооруженное восстание в Москве: 8 или 9 декабря 1905 г. — является принципиальным. Горовой твердо знает, что восстание началось 8-го. И если «Краткий курс истории ВКП(б)» утверждает: баррикады на Пресне появились 9 декабря, то, значит, в нем пропущено важнейшее событие.

Кертман прежде всего дорожит возможностью самостоятельной интерпретации собранных другими людьми исторических фактов. Кертман — адепт интеллектуальной истории. Его учитель Е. В. Тарле работал в западных архивах. Лев Ефимович мог читать зарубежные книги в столичных спецхранах. Он пишет книги и статьи по опубликованным источникам, тем же мемуарам. В такой ситуации конструирование объяснительных моделей, создание теоретических схем, обращение к истории политической мысли являются доминирующей тенденцией в его научном творчестве. Кертман задает иной масштаб исследования, в котором далеко не всякое событие различимо. Его интересуют тенденции и ситуации, обладающие такой временной протяженностью, в которой вопрос о точной дате конкретного события теряет свое значение. Только в свои последние годы Л. Е. Кертман с видимым удовольствием погружается в архивные изыскания. Н. Е. Васильева — его сотрудница по изданию истории Пермского университета вспоминала, как Кертман «требовал все новых подтверждений, заставлял поднимать из небытия усохшие от времени листы многотиражек, “прогонял” по живым очевидцам тех дней, добивался четкого знания “личного

дела” крупных ученых, задавал вопросы, казавшиеся ненужными, хотел иметь перед глазами исчерпывающий перечень документов»¹. Все-таки такое бережное отношение к деталям — это только демонстрация исследовательского мастерства историка, больше всего, ценящего методологические изыскания. С исторической перспективы методологический конфликт 1952 г. приобретает гротескные черты. Люди, называвшие себя в минуту откровенности «ползучими эмпириками» (П. И. Хитров), обличают в теоретической слабости историка, тяготеющего к концептуализму.

В конфликте Ф. С. Горовой — Л. Е. Кертман присутствует дополнительный личный момент. Слишком различались между собой принятые ими стратегии поведения. Лев Ефимович — человек компромисса, по мнению хорошо знавшего его филолога, «ему была близка модель компромисса, присущая западной культуре и демократии»². Сразу же скажу, что стратегия компромисса была единственно возможной профессиональной стратегией для историка, занимающегося методологией. Статья Л. Е. Кертмана «Законы исторических ситуаций», предлагающая отличный от марксизма учебников взгляд на исторический процесс, была вся скроена из ленинских цитат. Подобным образом Кертман вел себя и в повседневной жизни: советовал, а не приказывал, уступал в мелочах для того, чтобы достичь цели; не будучи склонным к конфронтациям, знал толк в обходных маневрах. Его недруги задавались вопросом, до каких пределов он может пойти в своем стремлении к соглашению. Чем или кем жертвует по дороге. Ф. С. Горовой шел напролом. «Федор Семенович был человеком не только темпераментным, но и раздражительным, вспыльчивым, крайне невыдержанным, я бы даже сказал — недостаточно интеллигентным, с волюнтаристским складом характера», — вспоминает о нем сотрудник учебного управления ПГУ³.

Уверенный в своей правоте, Горовой не обращал внимания на препятствующие обстоятельства, с противниками вступал в непримиримую схватку. Свой последний бой — с Борисом Никандровичем Назаровским в конце шестидесятых — начале семидесятых годов Федор Семенович проиграл вовсе не потому, что уступил своему противнику в исторической эрудиции. Они спорили о том, когда основан город Пермь — в 1781 (Ф. С. Горовой) или в 1723 году (Б. Н. Назаровский). В знании источников профессор превосходил

¹ Мир личности..., С. 132.

² Там же, С. 129.

³ Кривошей С. Ф. Записки бывшего... коммуниста. Пермь, 2004. С.99.

¹ Семенов В. Л. Размышления о прошлом..., С. 272.

партийного журналиста по всем статьям. Конечно, Б. Н. Назаровский облекал собственные записки для областного партийного начальства в лучшие литературные формы, чем это умел делать историк Ф. С. Горовой. Идеологическим оружием Борис Никандрович тоже владел виртуозно, обвинив своего оппонента в том, что тот на старости лет перестал быть марксистом: «Его смелая концепция — плод фантазии, которая занесла его далеко в сторону — к Милюкову»¹. Все это было, однако, неважным. Назаровский победил, потому что писал именно то, что хотели прочесть его адресаты: через год — два будет юбилей Перми. Под эту дату можно взять и дополнительные фонды, и обеспечить публикации в центральной прессе, в конце концов, получить правительственные награды. Горовой со своими историческими выкладками только мешал важному делу, и потому его мнение не было принято во внимание. В университет пришел новый ректор. Кертман держался в стороне, изредка подавая советы. Кому — не знаю. В «записках» Нины Васильевой впечатления о тогдашней баталии изложены нарочито неясным языком: «Вспоминаю одну наиболее затянущуюся и острую коллизию конца 60-х годов, когда обе спорящие стороны, поддавшись власти навязчивой идеи победить во что бы то ни стало, переключились с убеждений на амбиции и обиды. Лев Ефимович, не будучи участником дискуссии, оказался консультантом одной из сторон и весьма терпеливо корректировал ход этой дискуссии, пытаясь доказать, что уязвимые места следует находить в позиции противника, а не в его маневренности, в системе аргументов, а не в способе их подачи, в ошибках стратегического характера, а не в дипломатии “между понедельником и четвергом”»².

По своим личным ориентациям, вкусам, исследовательским методам, поведенческим стратегиям Федор Семенович Горовой и Лев Ефимович Кертман были антиподами. Это, к слову, не помешало их сотрудничеству в шестидесятые годы, во многом благодаря более гибкой позиции Кертмана.

«Насколько мне известно, — писал о нем историк философии Герасим Сергеевич Григорьев, — он был равнодушен к людям, которых не уважал: не сводил счеты, был свободен от мстительности, не испытывал ненависти даже к тем, кто был к нему несправедлив»³.

¹ Назаровский Б. О некоторых вопросах истории Перми//Назаровский Б.: к столетию со дня рождения Б.Н. Назаровского. Пермь: Пушкиа, 2004. С. 331.

² Мир личности..., С. 146—147.

³ Мир личности..., С. 115.

Они и проживали в одном доме на Комсомольском проспекте, в знаменитом доме ученых, или по-другому — в профессоратнике. Встречались во дворе, иногда даже в шахматы играли¹.

В 1952 г. Федор Семенович вел партию по иным — совсем не шахматным правилам. Сохранилась рукопись отчетного доклада секретаря партийного бюро историко-филологического факультета Ф. С. Горowego, с которым тот намеревался выступить 27 марта 1952 г.

Докладчик сначала цитирует решение университетского бюро, усилив обвинение в адрес кафедры всеобщей истории («подавляющее большинство членов кафедры читает лекции на низком идейно-теоретическом уровне»), а далее переходит непосредственно к Л. Е. Кертману. В строчках, ему посвященных, сквозит удивление, смешанное с обидой.

«Поражает то обстоятельство, что т. Кертман долгое время, благодаря внешне изящной форме изложения материала, преподносил студентам порочные по содержанию лекции. Эта легко воспринимаемая увлекательная форма привела к тому, что среди части студентов сложилось мнение о т. Кертмане как о лучшем лекторе-марксисте. Причем, все выступающие с критическими замечаниями по адресу т. Кертмана квалифицировались как преследования [так в тексте — О. Л.] талантливого лектора, а т. Кертман объявлялся в этом случае гонимым мучеником. Ошибка партбюро и деканата состоит в том, что они шли на поводу ложных мнений о т. Кертмане»².

Ф. С. Горовой не может не признать мастерство лектора, но оно ему чуждо и потому опасно. Он не приемлет стиль Л. Е. Кертмана: изящный, ироничный, свободный, но пишет о «порочном содержании», употребляя эту ритуальную формулу для того, чтобы скрыть ревнивое чувство по отношению к более талантливому коллеге. Ф. С. Горовой стремится раз и навсегда избавиться от этого преподавателя, поскольку боится вновь подпасть под обаяние его лекций, пойти «... на поводу ложных мнений».

Ф. С. Горовой не прощает обид. Вполне возможно, что его раздражает также и то обстоятельство, что Л. Е. Кертмана пригласили читать юристы, с которыми он сам находится в застарелом конфликте.

В глазах Ф. С. Горowego, тесное сотрудничество с такими неприятными людьми могло быть только отягчающим обстоятельством.

¹ См.: Васильева Н. Дом// http://philolog.pspu.ru/vasilieva_dom.shtml.

² Протокол № 3 отчетно-выборного партийного собрания историко-филологического факультета//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 106. Л. 28.

Иначе говоря, у Ф. С. Горového были причины недолюбливать Л. Е. Кертмана. Ситуация складывалась таким образом, что можно было выразить свои чувства на языке партийных инвектив. Добавим сюда общественный темперамент вкупе с превосходным знанием сталинского политического стиля и в итоге получим ту неподдельную ярость, с которой доцент Ф. С. Горовой ополчился на доцента Л. Е. Кертмана. Он со страстью вживается в роль хранителя партийной и научной этики, обличителя нравственных уродств и политических уклонов, воплощенных в фигуре обвиняемого. Его не останавливает мысль о том, что своими действиями он обрекает человека на безработицу, готовит ему запрет на профессию. Горовой не был наивным человеком и знал, что идейные разоблачения подсказывают соответствующим службам МГБ, кого следует брать в активную разработку. Это его не остановило. Положение обязывало.

Когда спустя несколько лет изменятся внешние обстоятельства, ректор университета профессор Ф. С. Горовой будет вполне лоялен по отношению к профессору Л. Е. Кертману. Новые времена — новые песни, но читать курс на историческом факультете тот в конце концов прекратит.

Павел Иванович Хитров был человеком иного калибра. Его фронтовая специальность — старший писарь. Командиры учли педагогическое образование молодого красноармейца. Он заканчивает войну заведующим секретным делопроизводством в артиллерийском полку, дислоцированном в Северо-Кавказском военном округе.

Записной оратор на всех партийных собраниях, постоянный член всех проверочных комиссий, он в промежутках успевае́т доносить на студентов, которые «...ходят в библиотеки города, где берут дореволюционную литературу и притом реакционную. Это отравление юношеского недомыслия»¹. Сам же Хитров библиотек не любил, в университетскую даже не был записан².

П. И. Хитров кипит, суетится, шумит, рассыпается мелкой дробью, спешит отметить в каждой идеологической кампании и все время перебарщивает. Ему не хватает основательности. Он постоянно сбивается с тона, ерничает.

В деле Л. Е. Кертмана он хлопочет и о собственном интересе. После закрытия кафедры всеобщей истории на отделении останется только

¹ Протокол общего собрания партийной организации [Молотовского Госуниверситета]. 15.10.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. 52.

² См: Отчет о работе Фундаментальной библиотеки Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького за 1950–1951 гг.//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 303. Л. 140.

одна кафедра «истории народов СССР». Заведующим назначат, естественно, Ф. С. Горového, тут же взявшего отпуск для работы над докторской диссертацией. Исполнять обязанности заведующего станет П. И. Хитров. Ждать ему невмоготу. В мае 1953 г., когда уже подписан приказ об увольнении Л. Е. Кертмана, но тот еще работает, Хитров поднимается на трибуну партийного собрания, чтобы напомнить:

«...В прошлом учебном году обследовалась работа кафедры всеобщей истории. Было принято соответствующее решение Горкома КПСС. Партбюро было дано ряд указаний, они не были выполнены»¹.

Из протоколов обсуждения видно, что П. И. Хитров чувствует себя лично задетым репликой Л. Е. Кертмана о некомпетентности. Он всеми силами стремится доказать обратное, но его исторической эрудиции хватает только на обильное цитирование одной страницы из «Истории дипломатии». Он раздражается, усиливает обвинения, переходит на личности, невнятно намекает на политическую подоплеку «теоретических» ошибок. Топит, одним словом. На сентябрьском партийном собрании в 1953 г. именно П. И. Хитров назовет выступление в поддержку уволенного Л. Е. Кертмана «антипартийным»².

Вернемся к истории увольнения. 27 марта секретарь парторганизации историко-филологического факультета Ф. С. Горовой официально обвинил Л. Е. Кертмана в двурушничестве, тут же заклеив его как «зазнавшегося и зарвавшегося руководителя»³. Спустя месяц, уже на университетском отчетном собрании уходящий с должности секретарь партбюро К. Мочалов назвал поведение Л. Е. Кертмана «недостойным преподавателя»:

«Вместо того чтобы признать справедливую критику в его адрес и принять меры к устранению недостатков, он стал на неправильный путь, считая себя непогрешимым». После чего вновь пригрозил увольнением:

«Если он коренным образом не улучшит содержания читаемых лекций, то он будет отстранен от работы в университете»⁴.

¹ Протокол общего собрания партийной организации [Молотовского Госуниверситета]. 28.05.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. С. 8.

² Протокол общего собрания партийной организации [Молотовского Госуниверситета]. 10.09.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. 33.

³ Протокол отчетно-выборного собрания партийной организации историко-филологического факультета. [Молотовского Госуниверситета]. 27.03.1952//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 106. Л. 28.

⁴ Протокол отчетно-выборного собрания партийной организации [Молотовского Госуниверситета]. 24.04.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 103. Л. 58.

Потом наступило затишье. Больше кафедру никто не проверял. На лекции Л. Е. Кертмана комиссии не ходили. Партбюро не требовало стенограмм. На первый взгляд, кажется, что вся подготовительная работа по увольнению доцента Кертмана по профессиональной и политической непригодности завершена. В официальных документах многократно зафиксировано, что он, во-первых, негодный преподаватель (все лекции читает на низком идейно-методологическом уровне), никчемный руководитель (по его личной вине целая кафедра работает неудовлетворительно), чужой, подозрительный человек с низкими моральными качествами. Тем не менее, в сентябре 1952 г. доцент Л. Е. Кертман вновь приступает к работе в прежней должности. Кто остановил университетские власти? Можно с большой долей уверенности предположить, что это сделал горком ВКП(б), выдавший Льву Ефимовичу своего рода охранную грамоту, пусть условную и временную: предупредить, но преподавателем ВУМЛ оставить. Партийные чиновники руководствовались деловыми соображениями. Слушатели университета марксизма-ленинизма — публика требовательная и капризная — к лекциям Кертмана настроена благожелательно: не уходит, не жалуется, даже хвалит. Это явно не нравится другим преподавателям. Они обижаются, склочничают, стучат, даже статью в «Звезде» организовали. Надо и этим товарищам бросить кость, иначе дойдут со своими кляузами до ЦК, но Кертмана на преподавательской работе сохранить. Позицию горкома штурмом не взять. Ректорат университета переходит к осадным действиям. Цель остается прежней — Кертмана уволить, желательно с волчьим билетом. Не получится — по сокращению штатов. Чтобы их сократить, можно даже закрыть кафедру, а для этого требуется согласие министерства.

В «Отчете Молотовского университета» за 1952 г. Л. Е. Кертману был посвящен целый абзац. В нем повторялись обвинения в «низком идейно — теоретическом уровне лекций», в «небрежности и неточности формулировок», в «политических ошибках» и добавлялись новые: «слабый показ всемирно-исторического значения русского революционного движения: партии большевиков, великой октябрьской социалистической революции»¹. В дальнейшем недоброхоты действовали за кулисами, документов не оставляли. Ждали подходящего момента, который и случился в начале 1953 г. В разгар «дела врачей» в университете разворачивался свой собственный конфликт,

в который были вовлечены партийная организация, кафедры общественных наук и преподаватели вместе со студентами — выпускниками юридического факультета. «Завязался такой узел, — сообщал первому секретарю обкома один из его подчиненных, — разбором которого партийная организация университета занимается в течение всей зимы и который требует своего разрешения»¹.

К февралю ситуация сложилась таким образом, что главные оппоненты Ф. С. Горового И. С. Ной и В. В. Пугачев были вынуждены занять оборонительные позиции и не могли противодействовать каким бы то ни было кадровым решениям университетской администрации. 24 февраля 1953 г. газета «Молодая гвардия» опубликовала два материала. Фельетон «Халтурщики» клеймил И. С. Ноя. В обзоре печати «Настойчиво воспитывать политическую бдительность» сообщалось о том, что «в Одесском госуниверситете орудовала подлая группка еврейских буржуазных националистов — сионистов»². Это упоминание одного из украинских университетов в местной прессе было сигналом. Что Киев, что Одесса. Человека, заподозренного по части космополитизма, пора было увольнять. Инициатива исходила из университета. Горком не вмешался. Из обкома зимой 1953 г. поступали устные указания, как избавляться от нежелательных элементов. Готовить к увольнению — искать замену и после окончания учебного года выставлять за дверь. На дворе уже была весна, но в университете решили воспользоваться старой подсказкой, правда, учли изменившуюся обстановку. Основанием для увольнения сделали сокращение штатов, а не политические ошибки. Ректор подписал приказ об увольнении в апреле — заранее, за пару месяцев до окончания учебного года, с нарушением всех правовых норм. Было не до них.

В октябре 1953 г. Л. Е. Кертман вернулся в университет доцентом на кафедру истории народов СССР. Когда спустя два года была восстановлена кафедра всеобщей истории, заведующим назначили доцента Л. Н. Чирикина, переведенного на эту должность из педагогического института. О нем известно очень немного. Немолодой человек, ветеран гражданской войны, он не забывал напоминать о том, что служил в бригаде Григория Котовского. Злые языки уверяли, что кашеваром. Историк — дилетант Л. Н. Чирикин все свободное время в глубокой тайне сочинял трактат о производительности труда, который собирался переправить прямо в ЦК, минуя проме-

¹ Отчет о работе Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького за 1952—1953 учебный год. Июль 1953 // ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 102. Л. 48.

¹ Справка о работе кафедр общественных наук Молотовского госуниверситета им. А. М. Горького. Май 1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 95. Л. 17.

² Молодая гвардия. 24.02.1953.

жуточные инстанции. На лекциях шутил, иногда рискованно (на партийном бюро у него все допытывались: правда ли, что он сказал с иронией «Великая Албания имеет столько-то километров железных дорог»), мог отвлечься от темы и вслух поразмышлять о диалектическом противоречии между мужчиной и женщиной. В конце концов, партийное бюро университета в своем решении от 28 марта 1957 г. рекомендовало «...ректорату объявить конкурс на замещение должности заведующего кафедрой всеобщей истории»¹. В мае того же года конкурсная комиссия представила Л. Е. Кертмана к избранию на должность заведующего кафедрой всеобщей истории. Заметим, что в заключении комиссии можно найти отголосок той давней истории. При характеристике преподавательской деятельности указано, что «...тов. Кертман Л. Е. читает лекции на идейно-теоретическом уровне»². Был опущен один из обязательных эпитетов: «высокий» или «достаточный».

В должности заведующего кафедрой Л. Е. Кертман проработает до конца жизни. По вечерам, выходя на прогулку, он будет раскланиваться с Кузьмой Ивановичем Мочаловым — деканом химического факультета. Тот «гулял всегда один. Шел он всегда бочком, слегка крадучись, в глазах вопросительно-виноватых угадывался порыв «прощупать» собеседника на предмет, не знает ли он о нем чего-нибудь такого-этакого. Для беседы никогда не останавливался, стараясь побыстрее скрыться из виду»³. В коридорах исторического факультета он будет встречаться с доцентом кафедры истории СССР П. И. Хитровым.

Тот остался верен себе, менял свои взгляды в соответствии с политической конъюнктурой, но делал это поспешно и неуклюже, не всегда попадая в такт⁴. Тогда наступала реакция: Павел Иванович слушал Би-би-си, перечитывал газету «Новая жизнь» за 1917 год и на ответственном партсобрании обвинял Президиум ЦК в разложении. Потом трусил, униженно признавал свои ошибки («я не вилял

¹ Протокол заседания партийного бюро Молотовского государственного университета им. А. М. Горького. 28.03.1957//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 123. Л. 65—69.

² Характеристика доцента Кертмана Л. Е. Май 1957//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 2588. Л. 67.

³ Васильева Н. Дом//http://philolog.pspu.ru/vasilieva_dom.shtml.

⁴ См. Бушмаков А. «Не нужно выпячивать имен Тамары и Давида Строителя во избежание культа личности» Молотовский госуниверситет//1956: незамеченный термидор. Пермь: изд-во ПГТУ, 2007. С. 166—179.

хвостом»)¹, давал обещания, много пил. «Этот человек имел определенную, несколько скандальную известность на факультете. <...> Его не любили», — пишет о П. И. Хитрове хорошо знавший его и, более того, расположенный к нему В. Л. Семенов².

Восстановив внешнюю фабулу конфликта, попытаемся понять его истоки. Можно предположить, что отторжение доцента Кертмана местными обществоведами происходило прежде всего вследствие коренной разницы в стиле публичных выступлений. Нужно согласиться с мнением П. Ю. Рахмира: «Даже в выдержанных в духе тогдашней ортодоксии статьях и лекциях Кертмана прорывалась его неординарность: они отличались своеобразием построения, подачи материала, яркостью речи»³. Его манера общения со слушателями не совпадала с партийным канонами. Л. Е. Кертман не читал лекций с листа, не пользовался конспектом, не умел быть патетичным. При всем своем увлечении методологией он знал, что история интересна деталями и наполнял лекции разнообразнейшими историческими сюжетами. Богатый и очень гибкий язык, изящное построение фразы, ироничное отношение к предмету открыто противоречили официальному стилю. В моностилистической культуре, для которой свойственно исключение «чуждых» культурных элементов⁴, такое публичное поведение не может быть принятым.

Более того, Л. Е. Кертман обладал незаурядной способностью проблематизировать предмет изложения, разворачивать его перед слушателями все новыми и новыми гранями, находить в самых тривиальных сюжетах тему для рефлексии. «Культурные эксперты» в «сталинках» или в бостоновых костюмах, напротив, требовали простоты, в которой усматривали мерилу нравственности и общества, и отдельного человека. Сталин был прост. В одном из рифмованных текстов «бесконечно прост»⁵. Кертман — нет, и не скрывал этого.

Он был профессионалом, глубоко верующим в то, что ремесло историка позволяет выразить личностное отношение к миру. Выступая на ученом совете университета в декабре 1952 г., Л. Е. Кертман резко возражает против принудительного обновления тематики научных исследований:

¹ Протокол партийного собрания Молотовского госуниверситета имени А. М. Горького. 4.07.1957//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 122. Л. 75.

² Семенов В. Л. Размышления..., С. 238.

³ Мир личности..., С. 55.

⁴ Ионин Л. Г. Социология культуры. — М., 1996. С. 185.

⁵ Маршак С. Памятная страница//Новый мир. 1949. № 12. С. 7.

«Нельзя заставить аспиранта или ассистента сменить тему работы. Это превращает его в школяра, не имеющего своей точки зрения, что всегда дает отрицательный результат»¹.

Л. Е. Кертман не жаловал дилетантов, поучающих специалистов. В культурной ситуации, в которой общедоступность считалась главным достоинством научной работы, это выглядело снобизмом.

Л. Е. Кертман был одним из тех людей, кто создавал особый стиль преподавания и изучения всеобщей истории: более свободный в выборе исторических сюжетов и персонажей, академический по тону, предъявляющий повышенные требования к исследователям по части знания иностранных языков и общей эрудиции, в конечном счете, менее идеологический.

Таким образом, в культурной ситуации, сложившейся в Молотовском госуниверситете в начале 1950-х гг., конфликт между обществоведами, с одной стороны, и Л. Е. Кертманом, с другой, был неизбежен и неустраим. В его основе лежали стилевые различия, более глубокие и непримиримые, нежели разногласия по историческим и даже политическим вопросам. Восстановление на преподавательской работе нельзя считать окончанием конфликта, но лишь завершением его наиболее драматического этапа. Пройдут годы, прежде чем университетская общественность признает за Л. Е. Кертманом право на собственный стиль. Правда, органично он будет чувствовать себя в иной среде: «...при любой возможности ученый вырывался в Москву, Ленинград, Томск и другие университетские и академические центры. Там наука вулканировала в формальных и еще более в неформальных дискуссиях, можно было пообщаться на равных с корифеями вроде М. В. Нечкиной, А. И. Некрича, А. З. Манфреда, И. Д. Ковальченко и многих других»².

С ними Лев Кертман мог и умел говорить на равных.

¹ Протоколы заседания ученого совета Молотовского госуниверситета имени А. М. Горького. Декабрь 1952//ГАПО. Фр.180. Оп. 12. Д. 296. Л. 164.

² Лаптева М. П. Лев Кертман: провинциал столичного масштаба//<http://www.csu.ru/files/history/503.rtf>

НОЙ И ДРУГИЕ Юридические споры в 1953 г.

Первое послевоенное десятилетие — тяжелое время в истории отечественного гуманитарного знания. Власть передала науку в руки невежественных функционеров, сделавших карьеру на верноподданнических комментариях, ура-патриотической риторике, разоблачениях и доносах. Следующие одна за другой идеологические кампании истребляли остатки вольномыслия в академических и университетских кругах. Хулиганские фельетоны в прессе, проработки на собраниях, изъятие из библиотек научных трудов, увольнения по политическим или этническим основаниям, наконец, аресты определяют мрачный колорит эпохи. Власть не только лишает гуманитариев научной свободы, она запрещает профессиональный язык, требует *простоты* и *доступности* от любого текста. Б. М. Эйхенбаум 9 декабря 1949 г. запишет в свой дневник: «Думаю, что пока надо оставить мысль о научной книге. Этого языка нет — и ничего не сделаешь»¹.

«Последние могики» русской гуманитарной традиции (Е. В. Тарле, Ю. О. Оксман, Б. М. Эйхенбаум) задыхаются в атмосфере доносов, склок, проверок, бесстыдного плагиата и казенного патриотизма. На кафедрах, в научных советах, в редакциях господствуют люди другой культуры, в которой нет места ни человеческой порядочности, ни бескорыстной любви к науке, ни настоящего образования. Именно они образуют круг новой советской гуманитарной интеллигенции.

«Пять лет в Саратове, — признается Ю. Г. Оксман в письме к своему старому товарищу, — были более суровой школой для духа, чем десять лет Колымы»².

Опальный профессор Саратовского университета, подозреваемый во все грехах и органами безопасности, и партийными инстанциями, изгой в среде советской научной общественности Ю. Г. Оксман был любимцем студентов: («Серьезным удовлетворением является

¹ Вопросы литературы 1987. №1. С. 159.

² Оксман Ю. — Азадовскому М. 25.12.1951.//Волга. 1999. № 2. С. 153.

и признание этой [преподавательской работы — О. Л.] — прежде всего молодой студенческой аудиторией, которая так иногда горячо выражает свои чувства, что мне становится даже страшно»¹. Из учеников и друзей постепенно складывался новый круг людей, разделявших — с поправкой на время — склад его убеждений и манеры поведения. Университетское начальство смотрело на них косо и при малейшей возможности старалось избавиться. Так историк Владимир Владимирович Пугачев в 1948 г. после защиты в Ленинграде кандидатской диссертации был распределен в Молотовский университет. Уехал он туда со своим товарищем — юристом по образованию Ильей Соломоновичем Ноем.

Они были сверстниками. Оба родились в 1923 году, приятельствовали с детских лет, учились в Саратовском университете. Илья Ной успел прослыть знаменитостью в местной университетской среде. Он окончил юридический институт за два года, обучаясь попеременно то на дневном, то на заочном отделении². Одновременно он проходил срочную воинскую службу делопроизводителем в военно-санитарном поезде № 85³. В. В. Пугачев в годы войны мирно учился в Саратовском госуниверситете. Судя по почерку, он был крайне близорук.

К двадцати пяти годам оба защитили кандидатские диссертации. И. С. Ной — по юриспруденции, В. В. Пугачев — по русской истории: «Подготовка России к Отечественной войне 1812 года». Первоначально диссертация называлась иначе: «Барклай де Толли в 1812 г.». В ней саратовский историк искал ответ на вопрос: «Может ли наша территория поглотить врага. <...> Из этого желая понять силу русского пространства и вырос мой пожизненный интерес к 1812 году»⁴. И проблематика, и выбор главного персонажа, и техника исполнения (В. В. Пугачев обильно цитировал «вражеские источники») — все выглядело крайне несвоевременно, едва ли не крамольно. В журнале «Большевик» Сталин опубликовал свой знаменитый «Ответ товарищу Разину», в котором авторитетно разъяснил: «Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай де Толли является единственным полководцем, заслу-

¹ Оксман Ю. — Чуковскому К. 28.12.1949//Ю.Г. Оксман — К.И. Чуковский. Переписка. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.20.

² См.: Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 21.05.1953.//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 118.

³ Ной Илья Соломонович//ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 2510. Л. 1.

⁴ Пугачев В. В. Пушкин, Радищев и Карамзин. — Саратов: изд-во СГУ, 1992. С. 172.

живающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был, бесспорно, двумя головами выше Барклая де Толли. А ведь могут найтись в наше время люди, которые с пеною у рта будут отстаивать это ошибочное высказывание Энгельса»¹. В. В. Пугачев и был одним из таких странных людей.

В 1948 г. он опубликует в Ученых записках Молотовского госуниверситета несколько разделов своей диссертации и замолкнет на долгие пять лет². Так же поступит И. С. Ной. Впоследствии, вернувшись в Саратов, он сделает себе имя в отечественной криминологии. Яркий полемист, сторонник неортодоксальных подходов И. С. Ной предложит искать корни преступного поведения в биологической структуре личности, едва ли не на генном уровне³. Автор многочисленных монографий и учебников И. С. Ной, не скрываясь под псевдонимом, сочиняет также памфлеты, расходившиеся в рукописях в среде столичной интеллигенции. Но все это будет позднее и в другую эпоху. В г. Молотове В. В. Пугачев и И. С. Ной пишут тексты совсем иного жанра: заявления, докладные записки, объяснительные.

Работу им предоставили на вновь образованном юридическом факультете, где к 1953 г. обучалось 407 студентов: «дневников» и экстернов⁴. Отделения отличались по составу. Экстернат был открыт специально для ответственных работников областного управления МГБ, прокуратуры и суда. Учились в нем недолго: два-три года. После получали дипломы о высшем образовании. Для поступления, однако, необходимо было, кроме разного рода рекомендаций предъявить аттестат зрелости. Чиновные абитуриенты выправляли себе их всеми правдами и неправдами. Недоброжелатели сигнализировали в партийные органы. Обком производил проверку, устанавливал: да, факты подтвердились: заместитель прокурора области по спецделам никогда в средней школе для взрослых в г. Ленинграде не учился, «удостоверение об окончании среднего образования является подложным, законченное общее образование имеет всего

¹ Сталин И. В. Ответ товарищу Разину. 23 февраля 1946 года//Большевик, 1947. № 3. <http://www.petrograd.biz/stalin/16-32.html>.

² См.: Библиографический указатель печатных работ В. В. Пугачева//Освободительное движение. Вып. 16. //http://old.sgu.ru/users/project/16_dvizhenie_pugachev2.html

³ См.: Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. — Саратов: изд-во СГУ, 1975.

⁴ Справка о состоянии учебно-воспитательной и научной работы на юридическом факультете Молотовского госуниверситета на 15 марта 1953 г.//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 112. Л. 15.

7 классов»¹. На прокурора наложили партийное взыскание, но в университете оставили. В 1953 г. ему был выдан диплом по специальности «юридические науки»².

Преподавателей, распределенных между двумя кафедрами: теории и истории государства и права и советского уголовного права и процесса, на факультете было всего четырнадцать. Первой заведовал Владимир Владимирович Пугачев, второй — Илья Соломонович Ной. Между собой эти молодые люди, в то время не обремененные семейными узами, были близки. Сохраняли дистанцию от коллег по факультету. Среди них большинство составляли бывшие практические работники — прокуроры, судейские чиновники и адвокаты. Деканом некоторое время был Никиенко — до войны помощник прокурора города в Перми, спасшийся от ареста благодаря бюрократической щепетильности московских работников карательного ведомства. В протоколе допросе его бывшего шефа следователь перепутал даты, что вызвало у сотрудников Секретариата Особого совещания при НКВД СССР вопрос, на который местные головотяпы так и не смогли вразумительно ответить: «Спрашивается, мог ли Волнушкин завербовать Никиенко, не являясь сам участником организации, следствием это противоречие не уточнено...»³ В годы войны Никиенко служил военным прокурором. «Уровень образования у него был значительно выше, чем у наших следователей, — случайно наткнулся я на упоминание о Никиенко в записках гулаговского "сидельца", — но методы ведения следствия были те же: от "откровенной беседы" до запугивания и угроз, разъяснений, что только чистосердечное признание может облегчить нашу участь»⁴.

С людьми такого калибра и такого жизненного опыта саратовские выпускники близко не сходились.

Исключение делали для молодого историка Льва Ефимовича Кертмана, изгнанного в 1949 г. из Киевского университета за космополитизм. В. В. Пугачев поручил ему читать для юристов курс «История политических учений». Друзья открыли для себя круг общения за университетскими стенами, среди молотовских адвокатов. В спи-

¹ Прасс Ф. М. — Шкирятову М. Ф. 9.12.1952 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 223.

² Буканов Иван Иванович // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 299. Д. 24. Л. 39.

³ Заключение по следственному делу №3641 УНКВД по Пермской области по обвинению Волнушкина Михаила Ивановича. 19.10.1939 // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9846. Л. 37.

⁴ Павлов И. Из воспоминаний политзаключенного // Нева. 2005. №7. С. 188.

сках юридической коллегии были и старые знакомые по Саратову. В их числе Евгений Александрович Старкмет. Здесь позволительно сделать некоторое отступление.

В начале пятидесятых этот тридцатилетний выпускник Саратовского госуниверситета занимал видное место в молотовской городской адвокатской среде. Он был выгодно женат на дочери одного из местных нотаблей, имел прочную репутацию среди судейских работников и — что немаловажно — среди клиентов. Зарабатывал он немало. Надо заметить, что к своей профессии Е. А. Старкмет относился серьезно, более того, трепетно: «Адвокаты — особая каста», а вот своих коллег по работе откровенно не любил и нисколько не уважал. Кого-то считал чужаками, пришедшими из прокуратуры за легкими заработками. Кого-то людьми никчемными и бестолковыми. Кого-то карьеристами. Видимо, своим пребыванием среди них он тяготился и потому неустанно шутил. Шутки эти были особого свойства: злые и личные. Один из адвокатов вдруг получает письмо из школы коневодства, в котором перечислены условия приема в нее. Другой по телефонному звонку выходит морозным вечером с собакой на улицу и битый час в темноте спрашивает прохожих, не они ли хотели купить у него эту собаку. Третий, находящийся в преклонном возрасте, получает на дом извещение из кожно-венерологического диспансера с требованием незамедлительно пройти соответствующее обследование. К пожилой адвокатессе в консультацию приходит нетрезвый гражданин и предъявляет рекомендательное письмо от Старкмета с любезным предложением взять этого гражданина в мужья. Е. А. Старкмет был мизантропом: людей он не любил, в особенности стариков. Как-то позвонил матери своего сослуживца и сообщил, что ее сын ночевать не вернется, «так как взят органами МГБ».

Со временем шутки становились все злее, все оскорбительнее. Их мишенью становятся исключительно члены президиума областной коллегии, по преимуществу сверстники Старкмета. В его розыгрышах явно ощущался привкус провокации, вроде бы еще не политической, но уже угрожающей. Любовные записочки, оставленные в кармане пиджака; намеки на внебрачные связи. То, что в иной ситуации оставалось бы банальной сплетней дурного пошиба, в советской атмосфере начала пятидесятых годов приобретало иной смысл — моральной и профессиональной дискредитации. В перечне партийных проступков супружеская измена (или как тогда писали в протоколах, сожительство с посторонней женщиной) считалось одним из самых тяжких, в отличие, например, от злоупотребления спиртными напитками. Получив информацию о внебрачной связи кого-то

из сотрудников, партийные органы немедленно начинали следствие: «проверялись факты его измены жене». Кого-то ловили, кого-то нет. Наказывали разоблаченных любовников строго: снятием с работы, исключением из партии, публичными разбирательствами на собраниях. Задетые сплетней коллеги искали случая свести счеты. Однажды он предоставился. За обедом в кафе «Кама» 6 декабря 1952 г. Евгений Александрович объясняет одному из сотрапезников — своему удачливому сопернику по коллегии, что тому не быть в аспирантуре: «Евреев не берут». Тот возражает: «У тебя старорежимные взгляды. После Октябрьской революции все поменялось». Старкмет срывается: «Таким, как ты Октябрьская революция все дала. Мне она не дала ничего». Напуганная компания немедленно покидает кафе. Собеседник Старкмета делает официальное заявление в президиум коллегии. Ровно через месяц (6 января 1953 г.) после злополучного обеда президиум исключает Е. А. Старкмета из коллегии адвокатов. Старкмет пытается сопротивляться, пишет во все инстанции пространные заявления, обличает обидчиков, оправдывается, нападает, но все тщетно. Он сумеет причинить неприятности своим гонителям, но себя не реабилитирует.

Приятельские отношения с таким человеком ни И. С. Ною, ни В. В. Пугачеву симпатий в университетской среде не добавляли.

«Молоотовский университет, — по строгому замечанию А. Бушмакова, — практически утратил традиции дореволюционного университета, характерные для него еще в двадцатые годы»¹. Это было рядовое советское учреждение с правильно подобранными кадрами: не такое ответственное, как городской партийный комитет, но и не такое выморочное, как областная коллегия адвокатов. Сравнение университета с юридической коллегией не случайно. В соответствии со сходными статусами в сталинской государственной машине они были сборными пунктами для людей, хотя и обладавших некоторым образованием (в коллегии могли быть приняты, однако, и люди с семилеткой за плечами), но недостаточно пригодных для работы на более ответственных участках — или по инвалидности, или по анкетным данным, или по неполному политическому доверию.

Люди, в университете служившие, вели себя, как полагается чиновникам средней руки в областном городе: исправно приходили на кафедру, выполняли непомерную преподавательскую нагрузку, часами сидели на партийных собраниях, писали многочисленные отчеты

¹ Бушмаков А. В. «Не нужно выпячивать...» // 1956: незамеченный термидор. Пермь, 2007. С. 154.

и справки. В свободное время выстаивали в очередях за продуктами, добывали мануфактуру, потом возвращались домой в тесные комнаты в коммунальных квартирах, в покосившихся деревянных домиках дореволюционной постройки, в бараках и общежитиях. Много и часто пили. Быт был скудным и нечистым. Партийное бюро университета на своих регулярных заседаниях вновь и вновь выясняло обстоятельства коммунальных склок, семейных неурядиц, пьяных скандалов и внебрачных связей. Уличенные в неблаговидном поведении преподаватели с партийными билетами признавали свои ошибки. Их сурово и принципиально осуждали. Те давали заверения, впредь такого не допускать — все возвращалось на круги своя. Делалось все примерно так. Признание: «Близкие отношения с т. З-м продолжались все лето. Я совершенно не имела мысли разбить семью т. З-на. В пьяном виде я, действительно, появлялась в общежитии работников университета». Осуждение: «Она неправильно утверждает, что якобы стала жертвой неправильного поведения т. З-на. Тов. С. забыла, по-видимому, что она является работником идеологического фронта». Заверение: «Близиких отношений с т. З-м больше не будет. Однако она не гарантирует возможность столкновения с женой З-на, ибо это зависит не только от меня, но и от т. З-ой. Если бюро считает необходимым возобновить обсуждение этого вопроса, то необходимо вызвать меня и т. З-на». Наказание: «Указать т. С. на неправильное поведение в быту и предупредить ее о недопущении впредь такого поведения»¹.

Любовники — оба они служили заведующими кафедрами — расстались. И через несколько месяцев партийное бюро снова обсуждало поведение в быту члена КПСС с 1943 г. тов. С. Пожаловалась свекровь: «Тяжелые отношения в семье сложились в результате того, что тов. С. стала вести себя неправильно как мать и как женщина». Тов. С. оправдывалась: «Любой разговор между нами переводился на тему о мужчинах. <...> Последнее время наши отношения перешли в ненависть между нами. Факт драки со свекровью я, действительно, не помню. С ее стороны началась прямо слезка, связанная с отношениями с З-ным и вот, по-видимому, это привело к тому, что я, не помня себя, нанесла ей удары и укусы». Партбюро решило: «За неправильное поведение в быту, крупные недостатки в воспитании детей, избиение и оскорбление свекрови тов. С. Т. П. объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку. Просить собрание утвердить

¹ Протоколы заседаний партийного бюро Молоотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. Сентябрь 1953 // ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 138—139.

данное решение. Просить ректора рассмотреть вопрос о возможности оставления тов. С. руководителем кафедры»¹.

У саратовских выпускников были основание брезгливо смотреть на своих новых коллег. Те платили им открытой неприязнью.

Тридцатилетние преподаватели, вернувшиеся с фронта, также относились к саратовским мальчикам неодобрительно. Те же не упускали случая напомнить об особом статусе, который, по их мнению, занимала юриспруденция в отечественном гуманитарном знании. В тогдашней науке, как, впрочем, и в иных частях государственной машины действовал сугубо иерархический принцип. На публике каждую научную отрасль представлял один большой ученый, увенчанный общественным признанием: депутатством, академическим титулом, лауреатством. Внутри круга светил науки также существовала своя собственная иерархия. Самыми признанными учеными, пользующимися милостями «корифея всех наук», в описываемое время были двое: академики Т. Д. Лысенко и А. Я. Вышинский. Последний, несмотря на свои дипломатические должности, а может быть, и благодаря им, оставался патроном советской юриспруденции. В. В. Пугачев в 1950 г. обратился к секретарю партбюро университета Ф. С. Горовому с просьбой разрешить студенческую конференцию на тему: «Вышинский — великий корифей науки». Тот отказал: «Мы изучаем биографии даже не всех членов Политбюро, а, во-вторых, незачем копать в биографических данных тов. Вышинского и этим самым наталкивать их узнавать о меньшевистском прошлом тов. Вышинского»². Юристы обиделись и обвинили бестактного партийного секретаря в «дискредитации тов. Вышинского». Памятливый Ф. С. Горовой потом долго объяснялся в начальственных кабинетах, но взыскания не получил и при должности на некоторое время остался³.

¹ Протоколы заседаний партийного бюро Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 25.11.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 160—162.

² Прасс — Яковлеву. 17.04.1952//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 205. Л. 224.

³ За 12 лет до этих событий весной 1938 Г. М. Алданов в парижской газете «Последние новости» писал: «Вот ведь и г. Вышинскому до поры до времени не напоминают о его отнюдь не большевистском прошлом. Однако и он, верно, понимает, что на Лубянке добрые люди все, все помнят. Может быть, потихоньку, на всякий случай составляют и “досье”?» Алданов М. Очерки. М.: изд-во АПН, 1995. С. 249—250. Помнили, не только на Лубянке, но и на Заимке, где в те годы, как, впрочем, и сейчас, находился Молотовский государственный университет.

И. С. Ной и В. В. Пугачев являлись блестящими лекторами. Один из его бывших студентов на добрый десяток лет запомнил, как Пугачев читал лекции:

«Многое можно вообразить себе, но только не Пугачева, смотрящего в конспект. Негромкий, но хорошо поставленный голос с легкой хрипотцой с первых же минут завораживал аудиторию. <...> Говорит лаконично и просто. Главное для него — это живая мысль, летящая в аудиторию»¹.

«Нынешний V курс расхваливал тов. Ноя в свое время на все лады», — напомнил при обсуждении его персонального дела студент Булдаков². Правда, были семестры, когда И. С. Ноею приходилось читать едва ли не дюжину разных предметов. В 1949—1950 учебном году он, во всяком случае, вынужден был принимать экзамены у студентов-экстернов по шестнадцати дисциплинам³.

Естественно, далеко не все получалось одинаково хорошо. И. С. Ноя хватило, однако, на то, чтобы в том же 1950 г. поработать по совместительству адвокатом. Правда, на этом поприще он особых лавров не стяжал. Заработав за год около 2500 рублей, что было меньше месячного доцентского оклада, из коллегии ушел⁴.

Университетская молва разнесла, тем не менее, весть о его высоких заработках. За спиной И. С. Ноя было произнесено: «халтурщик».

Это обидное слово на советском новоязе было очень емким. Оно подразумевало и работу на стороне, и недобросовестность в исполнении трудовых обязанностей, и незаслуженно высокую зарплату, и рвачество, недостойное советского человека. В анонимном доносе на имя заместителя прокурора области по спецделам И. И. Буканова, датированном июлем 1952 г., в той же самой халтуре заодно обвинили И. С. Ноя. В письме же, отправленном М. Ф. Шкирятову, секретарю Молотовского обкома удостоверять, что Илья Соломонович, напротив, — добросовестный преподаватель:

«По отзывам ректора Госуниверситета и партийной организации, лекции читает квалифицированно, учебным материалом владеет»⁵.

¹ Парсамов В. С., Гаркавенко О. В. К семидесятипятилетию профессора В. В. Пугачева//Волга 1999. № 1. С. 192.

² Протоколы партийного собрания 21.05.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 121.

³ Ной Илья Соломонович//ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 2510. Л. 2.

⁴ Там же, Л. 1.

⁵ Ф. И. Прасс — М. Ф. Шкирятову на N 57 от 23.07.1952 г./ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 222.

И. С. Ной вступил в партию в 1946 году, В. В. Пугачев был принят кандидатом в 1950 г.

Будучи по природе своей людьми темпераментными и задиристыми, они избрали для себя в университете выигрышную позицию неистовых ревнителей идеологической чистоты и страстных борцов против всех и всяческих отклонений от генеральной линии. Что их на это подвигло: инстинкт самосохранения, азарт игроков, стремящихся, во что бы то ни стало выиграть на чужом поле, интеллектуальное высокомерие, не изжитая вовремя подростковая агрессивность? Иногда складывается ощущение, что они просто ребячились, походя переступая все и всяческие моральные запреты, скорее всего, попросту их не замечая. Может быть, В. В. Пугачев хотел продемонстрировать своему учителю, как его ничтожных гонителей можно уничтожить их же оружием. Во всяком случае, к большинству своих коллег по факультету они относились так же, как Ю. Оксман к филологам последнего призыва: презрительно и зло и вовсе не скрывали этого¹. Преподаватель кафедры истории народов СССР Хитров публично жаловался на партийном собрании, что де Ной ему сказал: «А Вы знаете, Павел Иванович, что о Вас ходит молва, что Вы порядочная сволочь»².

Их кредо демонстративно сформулировал И. С. Ной:

«Да, мы лихорадим университет в том смысле, что на протяжении пяти лет нашей работы в университете смело критикуем, невзирая на лица, всех тех, кто в своих лекциях допускает ошибки, отступает от марксизма-ленинизма»³.

Вели они себя дерзко, партийным слэнгом владели в совершенстве, назубок знали канонические тексты, университетских зубров несколько не боялись. С мнением ректора позволяли себе не соглашаться. Новоназначенного декана юридического факультета И. М. Кислицина третировали. В. В. Пугачев как-то предложил уволить его из университета по профессиональной непригодности. Кислицин остался, но права вмешиваться в работу кафедр не получил.

¹ Ю. Г. Оксман не стеснялся в выражениях, называл литературоведа Р. Самарина «топтуном», «Фаддеем Булгариным», «групенфюрером», старую большевичку Елену Стасову — полупокройной, А. Иванова — гангстером и невеждой. См.: Письма Ю. Г. Оксмана к Р. А. Резник // Волга. 1994. № 1. С. 104–114.

² Протоколы заседаний партийного бюро Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 23.04.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 85.

³ Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 12.02.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 15.

Заведующие сохранили за собой на некоторое время привилегию самостоятельно подбирать кадры. Делали они это не лучшим образом. Илья Соломонович устроил перевод в Молотовский университет из Саратова молодого криминалиста инвалида войны Василия Федотовича Зудина. Тот был отличный фотограф, недурной эксперт, хороший организатор, к тому же активист, умеющий с нужным напором выступать на партийных собраниях. Преподаватель он был никакой, на лекциях мямлил нечто невразумительное, к месту и не к месту цитировал классиков. Иной раз случался конфуз. Слушатели его высказывания коллекционировали. В. Ф. Зудина мучили страшные головные боли — последствия фронтальной контузии. И. С. Ной относился к нему хоть и несколько снисходительно, но вполне доброжелательно. Было за что. Криминалистическую лабораторию Зудин создал. Василий Федотович платил Ною искренней преданностью. В личном общении он был приятным и обаятельным молодым человеком, пел, аккомпанировал на гитаре, непринужденно болтал со студентами. Отличался непосредственностью манер: мог после занятий, накинув на плечи пальто, сесть на стол и продолжить беседу. Впрочем, и другие сотрудники юридического факультета держать себя в рамках, как подобает советским доцентам, еще не научились. В официальной справке «О деятельности юридического факультета Молотовского госуниверситета» от 15 марта 1953 г. по этому поводу имеется соответствующая запись: «На заседаниях совета многие научные работники ведут себя недисциплинированно: разговаривают, переписываются, перебрасываются репликами, остротами»¹.

И. С. Ной был близко знаком с сотрудниками МГБ. Он им читал лекции и принимал экзамены. На служебной машине его отвозили в общежитие. Полезными знакомствами явно бравировал. На партийном собрании ставил себе в заслугу разоблачение студента Шашмурина, который «вел открытую антисоветскую пропаганду. Я, будучи членом партийного бюро факультета, много раз обращался в партбюро и лично к т. Кузнецову. <...> Однако, ни партбюро, ни т. Кузнецов не реагировали. А Кузнецов лишь смехом встречал мои возмущения. После всего этого я вынужден был обратиться в соответствующие органы. Как известно, студента Шашмурина не стало в университете»². Отмечу, что доносить на студентов отнюдь не считалось чем-то зазорным. В. П. Шах-

¹ Справка «О деятельности юридического факультета Молотовского госуниверситета» 15.03.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 112. Л. 48.

² Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 12.02.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 15.

матов — один из самых горячих противников И. С. Ноя сообщал как-то партийным товарищам: партбюро не знает всех вопиющих фактов. Студенты юридического факультета в общежитии на Громовском купили библию, читали литературу террориста Савинкова. Я поставил в известность декана, но на это мне было сказано, что не нужно "выносить сор из избы"¹. Правда, в протоколе собрания имени студентов не значатся, а декан тут же ответил: «Упомянутые книги принадлежали студентам филологам — дипломникам, над которыми они работали», а его критик поступает «... как неординарный товарищ»².

Не надо обладать большой проницательностью, чтобы понять, как к этим двум сорвиголовам относились их коллеги. До поры до времени их в университете терпели. Было некем заменить. Начальство не хотело или опасалось связываться. Принципиальных юристов поддерживал обком: то ли потому, что они вовремя выносили сор из избы, то ли потому, что кое-кто из высокопоставленных партийцев получал у них экстерном ускоренное образование, то ли по обоим причинам сразу. Но всему приходит конец.

Осенью 1952 года в университет прибыли два новых сотрудника, молодые кандидаты наук: уже упомянутый В. П. Шахматов — двадцати восьми лет и несколькими годами старший В. А. Павлович. Первый поступил на кафедру В. В. Пугачева. Второй возглавил кафедру политической экономии. В фонде университета сохранилась копия письма, отправленного в ноябре того же года В. А. Павловичем некому Семину, по-видимому, министерскому чиновнику:

«Коротко сообщаю обстановку. Квартиру дадут через два года?! Живу в общежитии. Учебная нагрузка 1,5 ставки доцента. Зарплата доцента даже без 20 % надбавки. <...> Обещали много, но ничего не сделано. Обстановка на кафедре. Заслуженно пользуюсь авторитетом у студенчества и в городе. Преподаватель молодой, растущий, дружный коллектив. Работать лучше, чем в технических вузах, но я сел на чужое место... Я человек новый и подводных камней не знаю. Это очень важно. Прошу срочного вызова. Я не возражаю против Томска. Павлович»³.

Если согласиться с расхожим мнением, что стиль — это человек, то автопортрет здесь получается достаточно выразительный. Рубленные

¹ Протоколы заседаний партийного бюро Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 14.10.1954//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 116. Л. 59.

² Там же. Л. 61.

³ Павлович — Семину. Копия. 14.11.1952//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 2579. Л. 64.

фразы. Рваное сознание. Смесь наивного хвастовства и неподдельной обиды, Стремление поскорее покинуть негостеприимный Молотов.

Владимир Пантелеймонович Шахматов был человеком иного склада. Несколько месяцев находился на фронте, затем три года (с августа 1942 г. по октябрь 1945 г.) учился в Военно-воздушной академии, которую, видимо, так и не закончил, отбыв из нее механиком по оборудованию авиационной эскадрильи в г. Беломорск в октябре 1945 года. На следующий год благополучно демобилизовался из армии и устроился работать секретарем-машинистом в Свердловскую областную прокуратуру. Получив диплом о высшем юридическом образовании, стажировался в областной коллегии адвокатов. Через год он уже аспирант юридического института, затем старший преподаватель университета в Одессе. В 1952 г. ему пришлось оттуда уволиться¹. В Молотовский госуниверситет В. П. Шахматова пригласил доцент М. Г. Гуревич. Представление на конкурсную комиссию («имеет все основания быть избранным на вакантную должность доцента по кафедре теории и истории государства и права») подписал В. В. Пугачев².

Новый преподаватель имел две распространенных слабости: пил горькую и не любил евреев³.

Вскоре по приезду в г. Молотов Шахматов пришел в гости к своему новому шефу В. В. Пугачеву. Позднее на партийном собрании он рассказал о состоявшемся разговоре:

«Я спросил доцента Пугачева:

«Владимир Владимирович! Вы русский человек. Вам присущи воля и характер, но мне непонятно, как Вы можете держать в руках эту *грязную* компанию, то есть Гуревича, Зудина и Ноя?»⁴

¹ Шахматов В. П.//ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 3256. Л. 1.

² Шахматов В. П. Представление на конкурс. 24.06.1952//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 303. Л. 22.

³ Через два года партийное собрание университета, выслушав сбивчивые объяснения В. П. Шахматова («я пью не каждую неделю и месяц, хотя были из ряда вон выходящие случаи») и показания свидетелей («Шахматов пропивал все деньги, не оставляя на пропитанье семье»), объявит ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 3.06.1954//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 116. Л. 10—12. Вскоре после этого В. П. Шахматов покинет г. Молотов, займется наукой, станет доктором и профессором, основателем и бессменным руководителем кафедры гражданского процесса в Красноярском госуниверситете, признанным авторитетом в области семейного права.

⁴ Протоколы партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького 12.02.1953 г.//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 10.

Секретарь собрания был человеком грамотным, знал, что на собрании говорить можно, что нельзя, и опустил эпитет «грязная», применительно к компании. Шахматов ошибся в своем собеседнике. В. В. Пугачев на дух не переносил антисемитов. Он что-то невразумительное ответил, вроде того, что держит с трудом, но справляется, разговор прервал, а затем сообщил своему другу, кого к ним из Одессы привез М. Г. Гуревич¹. Кадровую ошибку надо было исправлять.

В самом начале учебного года В. В. Пугачев назначил новому преподавателю открытую лекцию и пришел на нее вместе с тем же М. Г. Гуревичем. На заседании кафедры заведующий настоял на том, чтобы признать лекцию непартийной, аполитичной и непрофессиональной — «на уровне юридической школы». Кроме того, по мнению В. В. Пугачева, лектор, сообщив студентам, что Совет министров СССР забраковал проект гражданского кодекса, либо раскрыл государственную тайну, либо безответственно болтал. В общем, если сравнить «Краткий курс истории ВКП(б)» с текстом лекции молотовского доцента, то текст безусловно проигрывает: «Можно ли представить, что в “Кратком курсе” могли быть места немарксистские, аполитичные? Конечно, нельзя, а в лекции тов. Шахматова такие места есть (например, начало лекции)»².

В. П. Шахматов, несмотря на молодость, был человеком закаленным. Он тут же опротестовал решение кафедры, отправил соответствующее заявление ректору В. Ф. Тиуну, приложив к нему текст лекции, и попросил направить его на рецензию в министерство³.

Ректор с министерством связываться не стал, передал заявление своему заместителю Н. П. Игнатьеву — геологу по специальности. Тот, как и полагается настоящему технарю, между общественными науками оттенков не различал и переправил многострадальный текст В. А. Павловичу, который в письме Семину отрапортовал: «Эта группка обвинила тов. Шахматова в непартийности и аполитичности лекции. Эту лекцию дали мне на отзыв. Я снял эти обвинения. Это было реально. Теперь хотят этого сделать его левой?!?»⁴

Что значит последнее предложение, расшифровать не берусь, но волнение автора текст письма передает адекватно.

¹ Ной И. С. // ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 2510. Л. 8.

² Справки и докладные записки горкома и обкома КПСС о выполнении постановления пленума ГК КПСС, проверки работы кафедр. 1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 105. Л. 7—12.

³ Там же, Л. 7.

⁴ Павлович — Семину. Копия. 14.11.1952//ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 2579. С. 64.

В декабре настала очередь В. А. Павловича. По плану, утвержденному ректором, к нему на лекцию пришли два заведующих кафедрами: философ Букановский и юрист Ной.

Павлович увлекся. Труды классиков марксизма-ленинизма он знал нетвердо. Лекции читал за двоих, проверяющих не боялся и потому наговорил много лишнего. Сообщил, что у нас экономика первенствует над политикой, назвал иную дату завершения реконструктивного периода, нежели в «Кратком курсе истории ВКП (б)» да еще вспомнил, что во время оно был лозунг: «Учиться у Форда». По меркам 1952 г. это была настоящая крамола, о чем тт. Ной и Букановский написали соответствующее заявление в партбюро. Возмущенный И. С. Ной добавил:

«Политические ошибки т. Павлович могут быть расценены как грубое извращение марксистско-ленинской теории и в связи с этим заслуживают наказания по статье 58 уголовного кодекса»¹.

После закрытых частных совещаний с участием ответственных министерских и обкомовских функционеров 13 декабря 1952 г. партийное бюро Молотовского Госуниверситета обсуждало лекцию В. А. Павловича. Заседание длилось семь часов. Закончилось оно поздней ночью. Обвиняемый яростно сопротивлялся, обличал своих критиков в ревизии марксизма, а также в организованной травле честного коммуниста, при этом не удержался в рамках и походя заметил, что и Сталин может ошибаться, и в «Кратком курсе» могут быть неточности. Надо сказать, что члены партийного бюро сочувствовали скорее В. А. Павловичу, нежели его обвинителям. Ни секретарю (им был тогда В. В. Кузнецов), ни ректору политический скандал был совсем не нужен. Требовал довести дела до решительного конца только один В. Ф. Зудин, да и тот, сморенный усталостью, в конце концов, проголосовал за то, чтобы «.. указать тов. Павлович на допущенные им ошибки». Иначе говоря, простить. Через несколько дней Зудин опомнился и направил письмо в адрес секретаря обкома т. Мельника, где назвал это решение партбюро «беспринципным и политически вредным обманом партии», поскольку В. А. Павлович своих ошибок не признал («все, что я говорил, и впредь буду говорить»). Василий Федотович обвинил В. В. Кузнецова в том, что тот «всячески замораживал разбор данного дела в коллективном органе партбюро», более того «выгораживал и защищал его [Павловича — О. Л.] как “прекрасного лектора” и нападал на тов. Ноя

¹ Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 12.02.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 6.

за то, что тем «...испорчена “спокойная” (слова Оборина) жизнь в университете»¹.

Неделей раньше В. Ф. Зудин послал в управление МГБ заявление на трех листах:

«20 ноября 1952 г. в ректорате Молотовского госуниверситета, где присутствовало 15 человек — ректор университета тов. Тиунов В. Ф., секретарь партийной организации тов. Кузнецов В. В., зав. отделом вузов обкома КПСС тов. Мадонов, зав. лекторской группой обкома тов. Соседов, зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма Волин, Черемных, представитель министерства ВО [высшего образования — О. Л.] т. Соловьев, член кафедры политэкономии т. Пранович, я и др. — проводилось обсуждение допущенных в лекциях политических ошибок зав. кафедрой политической экономии доцента Павлович.

В ответ на критические замечания рецензентов зав. кафедрой философии доцента тов. Букановского и зав. кафедрой уголовного права и процесса доцента тов. Ной, доцент Павлович высказал компрометирующие суждения в отношении гениальной работы Великого Сталина Краткого курса истории партии. Раскрывая период индустриализации, он высказал недоверие, ревизуя имеющуюся периодизацию, данной [!] товарищем Сталиным, заявив, что якобы по имеющимся у него данным “в кратком курсе могут быть неточности”. Этим заявлением, я считаю, он дискредитирует гениальное творчество Великого Сталина. Не ограничиваясь этим, в дальнейшем “рассуждении” на этом же совещании он также заявил, что мы “учились в Америке у Форда”. Эти же измышления он повторил на партийном собрании, на котором присутствовал секретарь Молотовского обкома КПСС тов. Прасс. Это было 29 ноября 1952 года. На этом собрании дали указание партийному бюро университета разобраться в данном вопросе о Павловиче. <...> Секретарь партийного бюро тов. Кузнецов стал защищать Павловича в вопросе об Америке и пытается представить факты вышестоящим партийным органам о наличии какой-то беспринципной шумихи вокруг “невинного” Павловича. Более того, как сообщил мне зав. кафедрой теории и истории государства и права коммунист Пугачев В. В., в разговоре с ним до партийного собрания секретарь парторганизации тов. Кузнецов и член бюро тов. Оборин защищали Павловича, “доказывали” о каких-то “ошибках” товарища Сталина. Считаю своим гражданским долгом обратить ваше внима-

¹ См.: Зудин — Мельнику. 16.12.1952//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 105. Л. 90—93.

ние на то, что в период *напряженной* [так в тексте. — О. Л.] борьбы на идеологическом фронте с англо-американским империализмом руководитель ведущей кафедры *унта* (так в тексте. — О. Л.) *в студенческой среде* доцент Павлович проводит объективно антипартийную агитацию. А секретарь партбюро тов. Кузнецов и член партбюро Оборин защищают всеми средствами эту разнузданную агитацию.

Также считаю необходимым сообщить, что Павлович ранее исключался из рядов нашей партии»¹.

Простыми доходчивыми словами В. Ф. Зудин сообщал в МГБ, что в университете орудует враг, находящийся под покровительством секретаря партбюро. Врага следует немедленно обезвредить. Его покровителя — примерно наказать. Мотивы автора доноса прозрачны. Не в них дело. Куда интересней позиция секретаря партбюро В. В. Кузнецова — химика по специальности. Он, действительно, не торопится дать ход партийному разбирательству, медлит, ищет и находит смягчающие обстоятельства, берет на себя защитные функции.

Конечно, на первом месте здесь интересы дела. Новый преподаватель — человек работающий и активный, с фронтовым прошлым, на данный момент, скорее всего, трудно заменимый.

Он, правда, крамольничает на лекциях, небрежно относится к главному каноническому тексту эпохи «Краткому курсу истории ВКП(б)». Более того, на обсуждении Павлович оправдывается: в любой книге, в том числе и в такой важной, могут быть неточности. Все члены партийного бюро обучались в системе политического просвещения и, надо думать, биографию Сталина штудировали. В ней «Краткий курс» назван могучим орудием большевизма, настоящей энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма. Более того, прямо указано, что его авторство принадлежит Сталину². И что же? Университетские партийцы вовсе не спешат уничтожить святотатца. Они его, конечно, корят, но без особого убеждения, скорее машинально, подчиняясь раз и навсегда выработанному ритуалу. Говорить так, конечно, нельзя, особенно студентам, но и наказывать не за что. Такую позицию не объяснить только привходящими обстоятельствами: деловыми соображениями руководства и житейской проницательностью партийных активистов. Конечно, все это имеет место. Ректор всеми силами пытался избежать политического скандала, угрожавшего его репутации. Он хотел представить дело как

¹ Зудин — УМГБ по Молотовской области. 10.12.1952//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 226—227.

² Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 163.

беспринципную склоку. Дело неприятное, но вполне обычное. Члены партийного бюро были достаточно опытны для того, чтобы понять, из каких побуждений Василий Федотович надел на себя латы неистового борца за чистоту марксизма-ленинизма, кто вручил ему меч и копье. Спустя два месяца В. В. Пугачев выйдет из тени и задаст грозный вопрос партийному собранию: «Когда у нас в университете прекратятся безобразия с выискиванием ошибок у товарища Сталина»¹? И никого не напугает, только разозлит.

Складывается впечатление, что в декабре 1952 г. в университетской партийной среде увеличилась дистанция между повседневными практиками и политической риторикой. Появилось некоторое чувство критичности по отношению к священным советским текстам. Партийные активисты на самом деле согласны с тем, что и у товарища Сталина бывают ошибки. Некоторые говорят об этом вслух, убеждая несговорчивых оппонентов — того же В. В. Пугачева. Другие молча соглашаются.

Возможно, что к такой позиции молотовских вузовских преподавателей подтолкнул сам Сталин. В 1946 — 1951 гг. выходят из печати тринадцать томов его сочинений, в которых после поверхностной редактуры опубликовано множество ранних работ, в том числе и тех, которые Сталин позднее признал ошибочными: об отношении к временному правительству в марте 1917, например. «До сих пор удивляюсь, зачем он ее там напечатал», — спустя долгие десятилетия говорил В. М. Молотов². Кроме того, Сталин вновь предал огласке явно несвоевременные мысли, в том числе о необходимости учиться у американцев, бороться против русификации и даже брать под защиту оклеветанных чеченцев и ингушей. «Перед нами совершенно уникальный случай, когда корпус сакральных писаний заведомо включает в себя жесточайше табуированные фрагменты», — справедливо замечает по этому поводу литературовед М. Вайскопф³.

Какими бы мотивами не руководствовался автор, но для внимательных читателей литературное творчество вождя лишалось каноничности. Однако для того, чтобы эту внимательность проявить, необходимо было проделать большую внутреннюю работу — избыть в себе религиозное чувство и по отношению к текстам Сталина, и по отношению к нему самому. Здесь следует оговориться: если таковое

чувство на самом деле имело место, а не являлось готовой ритуальной формой, в которую облакались совсем иные переживания и настроения или маскировалось их полное отсутствие. Рационально мыслящим вузовским партийцам было ясно: кое-что в сталинском наследии устарело, может быть, и «Краткий курс» тоже. Все послевоенные идеологические кампании, так или иначе затрагивавшие советскую интеллигенцию, тематически и сюжетно выходили за рамки, этой книгой предложенные. В них ставились и решались на обновленном языке совсем иные вопросы. Тематика «Краткого курса» стремительно утрачивала свою актуальность. Его сюжеты относились к древней партийной истории. По всей видимости, так, или почти так считали и в областных инстанциях.

Из МГБ письмо В. Ф. Зудина было переправлено в обком партии: мол, дело по вашей части, вы сначала и разбирайтесь¹.

Там оно пролежало несколько месяцев без движения, пока не было снято с контроля 19 мая 1953 г. В «Справке», подписанной Мадоновым, решение мотивировалось тем, что «бюро обкома КПСС обсудило вопрос "О работе кафедр общественных наук Молотовского государственного университета". В постановлении отмечено, что т. Павлович в некоторых своих лекциях допускает неряшливые формулировки и даже ошибочное толкование отдельных важных вопросов марксистско-ленинской теории. Бюро обкома партии указало т. Павловичу на это, а также на неправильное, непартийное с его стороны реагирование на критику своих недостатков. Бюро потребовало от т. Павловича коренного улучшения работы и руководства кафедрой политэкономии. <...> Таким образом, вопросы, поставленные в письме т. Зудина, следует считать исчерпанными»². В январе было не до него. Начиналась новая политическая кампания — дело врачей.

В январе 1953 г. организационный отдел ЦК в течение недели после опубликования Сообщения ТАСС ежедневно запрашивал Молотовский обком о реакции населения на «арест группы врачей-вредителей».

Согласно «Информации», подписанной секретарем обкома И. Мельником, вечером 13 января и в течение всего дня 14 января у газетных витрин и киосков [так в тексте — О. Л.] собираются большие группы трудящихся. <...> Повсюду: в магазинах, на улицах слышны возгласы возмущения, население города Молотова по-

¹ Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 15.02.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 12.

² Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 158.

³ Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: НЛЮ, 2001. С. 14.

¹ Кремлев — Прассу. 15.12.1952//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 225.

² Справка. 19.05.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206. Л. 228.

трясено подлостью врачей-профессоров. В цехах заводов, учебных заведениях, учреждениях проводятся коллективные читки газет и беседы». Судя по черновому варианту «Информации», местные пропагандисты нетвердо представляли себе темы бесед и содержание комментариев. Молотовское начальство было застигнуто событиями врасплох. В обкоме не знали, как следует относиться к прямым антисемитским высказываниям и заявлениям. В первоначальном тексте «Информации» сообщалось, что «в отдельных случаях» проявляется «неправильное отношение к еврейской нации в целом» и приводились соответствующие примеры. Безымянная работница шлюза сказала: «Зачем только евреев держат в Советском Союзе, они еще во время войны зарекомендовали себя плохо». Партийные организации борются с такими высказываниями и «принимают меры к разъяснению рабочим, что поведение отдельных представителей наций не означает, что в этом повинна вся нация». В конце концов, все эти замечания были вычеркнуты и в официальный текст не вошли. Спустя сутки начальство разобралось в ситуации и больше таких неосторожных заявлений не делало, ограничиваясь в спорных случаях применением стандартной формулы: «Организовали разъяснение этих документов через газеты, агитаторов, лекторов и докладчиков среди широких масс трудящихся».

Из сводок, стекавшихся в областной комитет партии, было ясно, какие ноты преобладают в этих разъяснениях. Слушатели реагировали на них соответственно: «Снять всех евреев с руководящей работы», «дать им в руки лопаты», «предложить органам безопасности заняться деятельностью еврейских общин», «проверить, насколько глубоко сионизм проник в среду евреев в нашей стране»¹.

Проверить было легко. Еврейская религиозная община в г. Молотове была невелика: по данным МГБ, не больше пятисот человек, оставшихся к тому же без раввина. Старый умер, а нового в город не пустили².

Интеллигентные люди вроде адвоката Евгения Александровича Старкмета предлагали проводить не коллективные, а личные

¹ Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров — вредителей» и сообщения ТАСС «Об аресте группы врачей-вредителей»// Лейбович О. Россия. 1941—1991. — Пермь, 1993. С. 69—70.

² См.: Информационный отчет Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме за 1 квартал 1953 года. 11.04.1953. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 165.

обследования. В обращении к секретарю обкома Ф. М. Прассу Старкмет писал:

«Из его отдельных намеков и высказываний у меня сложилось убеждение, что своему сыну Льву Трегубов и Малкина [молотовские адвокаты — О. Л.] сделали в свое время обрезание (еврейский религиозный ритуал). Но насколько это верно, я утверждать не берусь. Во всяком случае, это нетрудно проверить. Мальчик учится в 11-ой средней мужской школе. А проверить необходимо, ибо, если членов партии русских по национальности исключают из рядов КПСС, то почему должно быть оказано снисхождение члену партии еврею, придерживающемуся религиозных обрядов»¹.

И проверили, но все-таки не визуальным, но бюрократическим способом. Запросили мать, которая сообщила, что все это ложь и потребовала «подвергнуть освидетельствованию» своего сына.² Удивляться такой просьбе не следует. В еврейские семьи пришел великий страх, а с ним и самые злоеющие слухи. «Когда был отпечатан материал о группировке врачей убийц отравителей, — писала в областную прокуратуру В. С. Хейнман из поселка Углеуральского, — пришли мои знакомые с шахты «Сталина» — рабочий с женой Нагорные — проведать меня, что, мол, он на шахте слышал, что всех евреев будут снимать и сажать в тюрьму». Хотя Валентина Семеновна утверждала, что не верит, «чтобы когда-нибудь наша партия вела нацистскую политику», весь тон ее письма свидетельствует об обратном³.

Для многих жителей области антисемитские цели кампании не были секретом, хотя власти, не получив ясных и однозначных указаний, старались их не слишком афишировать. В официальных документах этноним «евреи» был прикрыт другими терминами: «семейка», «компания», «нечестные люди», «еврейские буржуазные националисты», «безродные космополиты» и т. п.

Людей образованных и опытных эта игра словами не обманывала. Из университета сообщали в обком: «Было обращено внимание на тот факт, что большинство участников группы врачей-вредите-

¹ Старкмет Е. А. — Прассу. Ф. М. 2—6.01.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 255. Д. 935. Л. 32. Е. А. Старкмет в партии не состоял, так что высказывался сугубо из принципиальных побуждений — и чтобы Трегубову неприятность учинить.

² Малкина — Козлову Б. Д. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 255. Д. 935 Л. 117.

³ Хейнман В. С. — Яковлеву М. В. 15 02 1953 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. Л. 137 — 138.

лей еврей по национальности»¹. Приличия, однако, соблюдались. Идеологическую кампанию сопровождали учетно-регистрационные акции, направленные на диссимилиацию еврейского населения. В паспортах восстанавливали этнические имена, вместо русских. «Петр» меняли на «Пинхус»². Учились у нацистов, которые также применяли эту процедуру, предшествующую окончательному решению еврейского вопроса³.

У местных властей возникли новые заботы: как присоединиться к неожиданной и рискованной кампании и не потерять головы от усердия или от его недостатка. Первый секретарь обкома Ф. М. Прасс отправляется то ли на лечение, то ли в отпуск, оставляя «на хозяйстве» И. Мельника. Тот вместе с коллегой М. Пономаревым подписывают документы, уходящие в центр. Как-то получилось, что и вместо областного прокурора М. В. Яковлева его обязанности исполняет младший советник юстиции Мальшаков. Большие начальники устраниются от непосредственного участия в кампании, подозревая что-то недоброе. Их подчиненные также ищут простой выход и находят его. Как не уверенные в своих силах шахматисты они повторяют ходы, сделанные центральной властью. В Москве — дело врачей-вредителей. В Молотове также надо «тряхнуть медиков», начать с областной клинической больницы. Заведующий Молотовским Облздравом Милосердов, совсем недавний партийный выдвиженец, попытался ограничиться сугубо ритуальными мероприятиями. В «Информации об обсуждении материалов газеты «Правда» о врачах-вредителях» он сообщал в обком о чистках среди медицинских работников, о количестве собраний, проведенных по этому поводу; употребил все необходимые выражения, вроде «с чувством возмущения», «усилить бдительность», «покончить с ротозейством», «применить к преступной банде убийц высшую меру наказания» и др. Председатель обкома профсоюза медицинских работников, в свою очередь, привел количественные показатели: собрания и митинги состоялись в 147 организациях, в них участвовали 4409 человек, выступили 362 медика.

¹ Лучников Е. — Мадонову Г. Ф. 3.02.1953 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. С. 1.

² См.: Протоколы заседаний партийного бюро. 10. 02. 1953 г. // ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 106. Л. 35.

³ По закону от 5 января 1938 года всем евреям — поданным III рейха вменялось в обязанность принять традиционные имена из реестра, утвержденного Министерством внутренних дел, либо добавить к христианскому имени второе: «Израэль» для мужчин и «Сарра» для женщин. См.: Juden unter dem Hakenkreuz. [Ost] Berlin, 1973. S. 157—158.

Получается так, что по 2-3 оратора на каждом собрании. Не больше. Ученый совет медицинского института поставил задачу: «добиваться, чтобы ошибки не перерастали в преступные дела»¹.

В обкоме решили, что дело буксует. Заведующая административным отделом З. Семенова (она курировала и медицину, и правоохранительные органы) накладывает резолюцию на официальную бумагу, поступившую из облздравотдела: «Ничего такая информация не дает. Никаких мероприятий по улучшению работы и повышению бдительности», — и принимается за дело сама². Она готовит «Справку о крупных недостатках в областной клинической больнице», в которой скрупулезно подбирает факты неудачных операций, неверно поставленных диагнозов, перечисляет еврейские фамилии виновников и формулирует выводы:

«Вся эта семейка помогает создавать обстановку восхваления “особых дарований” т. Кац [главврача областной клинической больницы — О. Л.], работающего по принципу “не выносить сора из избы”, за что пользуется особым вниманием и заботой со стороны главного врача. Административный отдел обкома партии просит обсудить на бюро обкома вопрос о серьезных недостатках в работе областной больницы и облздравотдела»³.

Просьбу приняли во внимание. 5 февраля 1953 г. Л. В. Кац был исключен из партии⁴. Его восстановят решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС ровно через полгода⁵. Милосердова сняли с работы, объявив ему строгий выговор с предупреждением.

Закончив с медиками, обком занялся кадрами. Официального решения, предписывающего увольнять евреев с руководящих постов, обнаружить не удалось. Возможно, его и не было. Что касается устных указаний, выраженных с полной прямотой или намеком, то их следы обнаруживаются в разных документах. Та же В. С. Хейнман рассказывает, что после того как ее мужа — начальника шахты освободили от должности, к ним на квартиру по поручению секретаря горкома пришел его друг доктор Кузовлев — объясниться:

¹ Докладная председателя Обкома профсоюза медработников от 1.02.1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 407. Л. 1—2.

² Там же, Л. 1.

³ Справка о крупных недостатках в областной клинической больнице. Б.Д. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 86. Л. 77—84.

⁴ См.: Протокол заседания Молотовского обкома КПСС от 5.02.1953. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 31. Л. 43.

⁵ См.: Выписки из решений КПК при ЦК КПСС // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 200. Д. 16. Л. 46.

«Товарища Губанова [партийного секретаря — О. Л.] недавно слушали на бюро обкома за кадры, где ему крепко попало, причем он получил установку от Молотовского обкома под любым предлогом снять с руководящей работы всех евреев, так как партия питает политическое недоверие к еврейскому народу, мол, они все шпионы и т. д. 1953 год, — продолжает Кузовлев, — будет годом изгнания всех евреев с руководящей работы, поэтому не отчаивайтесь, тов. Губанов здесь неповинен, такой поворот сейчас в национальной политике»¹.

В архиве сохранились не датированные «Заметки к выступлению» инструктора обкома Стариковой, в которых директору сельскохозяйственного института Николаю Константиновичу Масалкину ставилось в вину, что он не исполняет устного распоряжения обкома об увольнении двух заведующих кафедрами З. М. Шапиро и М. П. Рабиновича:

«Товарищу Масалкину было сказано, чтобы он освободил институт от этих нечестных людей. Сразу этого было сделать нельзя (не было замены), и мы согласились с тем, чтобы они пока работали в институте, но при условии замены их в ближайшее время. Это обязывало т. Масалкина вести себя с ними так, чтобы можно было использовать любой случай, чтобы освободить этих людей. Тов. Масалкин такой линии не вел. <...> Тов. Масалкин хвалит Рабиновича на каждом шагу как лучшего лектора по вопросам организации сельскохозяйственных предприятий, и линии на подготовку его освобождения из института не видно»². За Н. К. Масалкина взялась «Молодая гвардия», в которой был опубликован фельетон, обвиняющий директора в покровительстве «пойманных с поличным дельцов», но тот стоял на своем³.

Николай Константинович директором института был назначен совсем недавно, в 1951 году; до этого десять лет был на партийной работе, откуда ушел после унижительной проверки, выяснявшей, не были ли его родители «крупными кустарями», не столовались ли у них колчаковские офицеры, не владела ли его дальняя родственница публичным домом. Хотя доказать ничего не удалось, на всякий случай заведующего отделом обкома передвинули в институт⁴.

¹ Хейнман В. С. — Яковлеву М. В. 15.02.1953 г. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. Л. 135.

² Заметки к выступлению инструктора обкома Стариковой. Без даты. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 12. Л. 121–122.

³ Болотов Г. Доходное место // Молодая гвардия 21.03.1953.

⁴ Материалы к заседаниям бюро обкома. 1951 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 89. Л. 148.

Такой была обстановка в городе, когда партийная организация университета вновь вернулась к обсуждению лекции В. А. Павловича, а заодно с ней и поведения И. С. Ноя, В. В. Пугачева и В. Ф. Зудина. Те поначалу опасности не заметили и вели себя по-прежнему. В отличие от начальников цехов завода им. Калинина, к несчастью своему оказавшихся евреями, которые просто не пошли на собрания, посвященные разоблачению англо-американских шпионов, И. С. Ной не только на такое собрание пришел, но и выступил, проведя прямую линию между преступлениями «врачей-убийц» и «идеологическими ошибками т.т. Шахматова и Кислицина»¹. Отвести удар, однако, не получилось.

Противники Ноя и Пугачева нашли ситуацию подходящей, чтобы свести с ними окончательные счеты. Тем более, что подоспела замена. На заседании ученого совета декан юридического факультета Кислицин вспоминает, что В. В. Пугачев является историком по специальности и уже поэтому «...не может руководить научной работой кафедры истории государства и права»².

В конце ноября В. А. Павлович пишет заявление в ученый совет университета, забыв указать адресата в заголовке. Он сообщал в нем, что на юридическом факультете действует «семейно-приятельская группа», возглавляемая т. Ной, «который использует свое служебное положение в своих интересах. Поэтому эта группа (есть основание предполагать, что в нее входят представители других кафедр) намерена прибывающего научного работника включать в систему «семейно-приятельских отношений» или, при удобном случае, осуществить расправу, если, конечно, этот работник не имеет отношения к ним. (т. Шахматов, Павлович, возможно, и другие)». Далее он потребовал от партбюро и ректората принять необходимые меры и пожаловался на то, «что т. Ной возводит на меня ложную политическую клевету, обвиняя в идейном отходе от марксизма»³.

Ученый совет заявление принял, но с решением торопиться не стал. Дело партийное, пусть бюро занимается. По заявлению В. А. Павловича, пригрозившего написать товарищу Сталину, в январе 1953 г. партийным бюро была создана комиссия для проверки

¹ Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 12.02.1953 г. // ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 11.

² См.: Протоколы Ученого Совета Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 27.11.1951–3.07.1953 // ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 296. Л. 108.

³ Протоколы Ученого Совета Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 27.11.1951–3.07.1953 // ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 2579. Л. 73–74.

работы юридического факультета¹. Работала она рука об руку с комиссией ученого совета. В соответствии с доброй университетской традицией партийная комиссия действовала без спешки, основательно: просматривала документы, читала научные отчеты и публикации, беседовала со студентами. В ее распоряжение были предоставлены новейшие технические средства — магнитофон. Как только начался II-й семестр, члены комиссии совета отправились на лекции. Пока комиссии собирала материалы, В. Ф. Зудина лишили путевки на курорт. Когда же он пошел в местком выяснить причины, В. П. Шахматов, ставший к тому времени полноправным членом этого органа, публично оскорбил его².

На февральском партийном собрании В. Ф. Зудин был выведен из состава университетского бюро. В. П. Шахматов гремел:

«На факультете имеется группа лиц, которые тормозят и мешают работе факультета. В эту группу входят т.т. Пугачев, Ной, Гуревич и Зудин. [Это] организованная группа клеветников. <...> С целью расправы над негодными им работниками организованно выступают с обвинениями в политических ошибках»³.

Преподаватель военной кафедры С. И. Капцугович публично напомнил И. С. Ною, что у того — в отличие от оратора — и родины-то нет.

В наиболее ударных местах аудитория аплодировала. Не вся, конечно. Кое-кто морщился. Начальник университетских мастерских С. Чусовитин позднее подаст реплику: «Приехал к нам тов. Шахматов. Тов. Пугачев пригласил его в гости. А Шахматов высмеял это гостеприимство здесь на собрании»⁴. Большинство, однако, придерживалось других взглядов. В решении собрания И. С. Пугачев, В. Ф. Зудин и И. С. Ной были названы «семейно-приятельской группой», деятельность которой нужно всесторонне проверить.

Через несколько дней после собрания И. С. Ной пришел в кабинет проректора по учебной работе Н. А. Игнатьева и изложил ему свое видение проблемы. Из записи, сделанной Игнатьевым по горячим следам и переданным им в комиссию по проверке юридического факультета, следует, что его собеседник не сложил оружие и каяться

¹ См.: Протоколы заседаний партийного бюро Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 2.1.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

² См.: Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 12.05.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 13.

³ Там же, Л. 10.

⁴ Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 28.05.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. 9.

не собирается. Он назвал доклад В. В. Кузнецова «тенденциозным, создавшим атмосферу нетерпимости в отношении тт. Ной, Пугачева и Зудина». Их не слушали и не хотели правильно понять их высказывания:

«Мы пишем заявления тов. Прасс, будем просить тов. Прасс лично принять нас для объяснения положения, создавшегося в университете. Тов. Пугачев ведет переговоры с корреспондентом газеты «Правда». На последнем партийном собрании в университете в выступлениях т. Шахматова и т. Капцугович были высказаны антисемитские взгляды, что политически неверно, а присутствующие на собрании не поправили этих товарищей, следовательно, согласились с ними. Мы (Ной и Пугачев) на протяжении работы в университете всегда боролись против низкого качества лекций отдельных преподавателей (Никиенко, Кислицин, Гилев и др.), ставили вопрос всегда остро, за что нас сейчас подвергают неправильной критике, прежде всего, со стороны т. Кузнецова В. В. Мы (Ной и Пугачев) боролись против ревизии трудов тов. И. В. Сталина со стороны Капцуговича и Павловича». В конце разговора И. С. Ной сообщил, что в Москве беседовал с дочерью тов. Вышинского, которая сказала: «Что же у Вас там, дураки, что ли сидят?»»

К. Н. П. Игнатьеву зашел и Зудин, сказал, что он не еврей, и скоро все об этом узнают, и ушел¹.

На угрозы следовало отвечать. И противная сторона нанесла упреждающий удар, применив старое проверенное оружие — советскую печать. 24 февраля 1953 г. в газете «Молодая гвардия» за подписями студента-юриста В. Богданова и корреспондента И. Фукаловой появился фельетон «Халтурщики», посвященный И. С. Ною и В. Ф. Зудину. Среди прочего в нем говорилось о том, что, «доцент Иосиф Соломонович Ной немало потрудился, чтобы перевести своего приятеля Зудина из Саратова». Оба преподавателя аттестовались «халтурщиками и нечестными людьми». Авторы фельетона заступались за декана, от которого указанные приятели «...грубо требовали не вмешиваться в “чужие” дела», любопытствовали, почему столь откровенная халтура в преподавании никого не возмущает, кроме студентов. Статья заканчивалась утверждением, что Ной и Зудин «не похожи на советских научных работников — воспитателей. Благодаря их ста-

¹ Справки и докладные записки обкому КПСС по проверке состояния учебно-воспитательной работы на юридическом факультете. Заявления коммунистов юридического факультета//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. Д. 112. Л. 12–14.

раниям на факультете царит затхлая атмосфера группировок, отнюдь не способствующая развитию критики»¹.

В соответствии с советским политическим ритуалом критическая статья в прессе являлась необходимым основанием для служебного и партийного расследования и последующего наказания виновных. В. В. Кузнецов, зная, что этих людей голыми руками не возьмешь, решил серьезно проработать вопрос. Если верить заинтересованным лицам, речь шла о подготовке исключения И. С. Ноя и В. Ф. Зудина из партии².

В марте закончила работу комиссия. В итоговой «Справке», датированной 15 марта 1953 г., указывалось на неправильное использование и извращение критики со стороны заведующих кафедрами т.т. Ной и Пугачева, которые по-настоящему не желают руководить работой кафедр, а также «...не осуществляют достаточного контроля и помощи в деле улучшения идейно-теоретического уровня лекций каждого преподавателя. <...> Т.т. Ной, Пугачев, Зудин, будучи связанными личными приятельскими отношениями, переносят эти отношения на деловую почву. <...> Они не критикуют друг друга и не вскрывают до конца причины и следствия ошибок тех товарищей, которые не критикуют их самих по принципиальным политическим вопросам. <...> Они не скупятся приклеивать своим критикам ярлыки “неспособный”, “академик” и другие, приклеивают ярлыки: “политически вредная лекция”, “разглашение государственной тайны”, “политическая ошибка”»³.

Проверяющие посетили восемнадцать лекций и четыре семинарских занятия. Они нашли, что лекции т. Зудина страдают схематичностью, недостаточной аргументированностью, бездоказательностью, сдержанно похвалили лекции тт. Шахматова, Кислицина.

«Что касается лекций т. Ноя, то яркого представления о характере и качестве составить не удалось, так как членами комиссии была посещена лишь одна лекция. Общее впечатление от прослушанной лекции положительное, но имеются и недостатки»⁴. Иначе говоря, уни-

верситетская комиссия подтвердила все без исключения обвинения Павловича и Шахматова, тем самым создав основания для принятия решительных организационных мер: исключения из партии и снятия с работы. Дальше в дело могли вступать иные инстанции. Противники И. С. Ноя и В. В. Пугачева были готовы отплатить им той же монетой.

И. С. Ной, как и обещал, отправил письмо на имя секретаря обкома, в котором обвинял В. В. Кузнецова в зажиме критике, а также в слабости к идеологическим уклонам.

В обкоме не спешили. Политическая ситуация после смерти И. В. Сталина оставалась неопределенной. Вплоть до 4 апреля не было ясно, как повернется дело врачей. Занимать какую-либо сторону в университетском споре казалось небезопасным. Заступиться за И. С. Ноя, а он еврей. Принять сторону партбюро, а оно примиренчески относится к идейным ошибкам. Лучше ждать.

23 апреля партийное бюро университета в расширенном составе приступило к обсуждению статьи «Халтурщики». Вместо 10–12 человек — в таком составе обычно заседало партийное бюро, — собрали втрое больше: членов комиссии, студентов-пятикурсников, сотрудников факультета. В самом начале заседания П. И. Хитров поинтересовался, почему оно проходит так поздно — через два месяца после публикации. В. В. Кузнецов ответил, что проверяли факты; не могли разыскать тов. Ноя. Потом выступали проверяющие, которые вновь указывали В. Ф. Зудину на методические недостатки его лекций, но отмечали и положительные стороны. Н. П. Игнатьев пояснил, как Зудин появился в университете. Спорили, являются ли лекции В. Ф. Зудина неудовлетворительными с методической точки зрения, «так как студенты не уловили содержания лекции», или все-таки удовлетворительными, хотя и с оговорками: «Первые вопросы освещал не по плану, прыгал с одного вопроса на другой». Пеняли на то, что Зудин экзамены принимает либерально: «Нельзя ставить отлично, если студент не отвечает на все вопросы билета». Об И. С. Ное позабыли. В общем, шло рутинное обсуждение без особого накала, пока не выступил студент-выпускник юридического факультета Владимир Трефилов. Перед тремя дюжинами преподавателей и студентов он произнес заранее заготовленную речь, написанную по всем правилам советского ораторского искусства. В протокольной записи она занимает более шести машинописных страниц. Текст речи заслуживает того, чтобы быть опубликованным, хотя бы с некоторыми пропусками. Преамбулу приведу полностью:

«Товарищи! У коммуниста нет другого места для исповеди, кроме собрания членов партии. У коммуниста не может быть двух

¹ Богданов В., Фукалова И. Халтурщики // Молодая гвардия. 24.02.1953.

² См.: Ной И. С. Объяснения по поводу предъявленных мне обвинений на партийном собрании университета. 21.05.1953 // ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 2510. Л. 11.

³ Справка о состоянии учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы на юридическом факультете Молотовского госуниверситета им. Горького. 15.03.1953 // ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 112. Л. 15–57.

⁴ Отчет о проверке состояния учебно-методической и политико-воспитательной работы на юридическом факультете и кафедрах за 1952/1953 учебный год // ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 109. Л. 1–11.

душ — одна напоказ, а другая про запас, у него должна быть одна, честная и прямая партийная душа. Замечательной особенностью принятого XIX съездом устава партии является то, что он с особой силой подчеркивает необходимость для члена партии быть искренним и правдивым перед партией. Согласно уставу, член партии не имеет права скрывать неблагополучное положение дел, проходить мимо неправильных действий, наносящих ущерб интересам партии и государства. Именно с этих позиций мы обязаны обсудить сегодня статью «Халтурщики» и дать партийную, политическую оценку изложенным в ней фактам, поскольку, разумеется, они будут признаны подтвердившимися. Мне хотелось бы предослать своему выступлению слова А. Фадеева из его последней статьи по вопросам советской литературы, так как их смысл, на наш взгляд, подсказывает правильный путь, по которому должно идти обсуждение т.т. Зудина и Ноя, то есть главных виновников сегодняшнего заседания:

“Да, человека надо показывать всесторонне, в положительном и в недостатках. Да, мы знаем, что совершаются более или менее плохие поступки и хорошими людьми. Но важно видеть в человеке главное, важно правильно видеть стимулы поведения человека и как человек реагирует на свои поступки, и вообще смотреть на него с лица, а не сзади”.

Подходя вот с этой меркой, я не могу отнести ни т. Зудина, ни т. Ноя к категории хороших людей. Само собой напрашивается вот такой вопрос: почему т. Зудин и т. Ной лишились всякого морального авторитета в глазах коммунистов университета, в глазах студентов юридического факультета? А то, что они не имеют этого авторитета, является несомненным фактом для тех, кто умышленно не затыкает себе уши и не закрывает глаза. Если сказать коротко, то тов. Зудин начал лишаться этого авторитета, благодаря плохому чтению своих лекций, а тов. Ной — благодаря тому, что он зазнался, возомнил себя слишком ученым человеком, стал очень много говорить и мало работать. Но с этого началась только потеря авторитета. А дальше тов. Зудин и т. Ной повели себя совершенно неправильно, окончательно потеряли к себе всякое доверие и уважение и как научные работники, и, что еще хуже, как коммунисты. Они, видимо, забыли, что патриотизм — понятие более широкое, чем готовность к самопожертвованию в прямой схватке с врагом, что патриотизм включает в себя еще честное, самоотверженное отношение к труду на благо общества, что патриотизм проверяется не только на патриотических речах, но прежде всего на патриотических делах в повседневной, будничной, черновой работе. И вот потому, что они забыли об этом, или пренеб-

режительно к этому отнеслись, т.т. Ной и Зудин лишились авторитета в глазах окружающих, оказались в состоянии моральной изоляции и даже морального бойкота. Все это произошло значительно раньше, чем тов. Зудина вывели из состава бюро, все это произошло значительно раньше, чем появилась статья «Халтурщики». Эти факты — вывод т. Зудина из партбюро и выход в свет статьи «Халтурщики» явились лишь внешними выражениями тех глубинных процессов, которые происходили в среде партийной организации университета и в студенческой среде.

Теперь вернемся к существу самой статьи. Я считаю, что обсуждаемая статья является правильной от начала до конца. Если чего-то не достает этой статье, так это того, чтобы она называлась не просто «Халтурщики», а «Двоедушные халтурщики». Во-первых — тов. Зудин — не лектор с точки зрения методической. Если студентов что-нибудь заинтересовывает в лекциях т. Зудина, то это его беспомощность. Очень экспансивный в обыденной жизни, в бытовых отношениях, тов. Зудин являет собой пример вялости, ограниченности и полного неумения владеть аудиторией, когда он оказывается в положении лектора. (...) Во-вторых, было бы еще полбеды, если бы все дело заключалось в методических пороках. Вся беда в том, что лекции т. Зудина страдают политической тупостью (...) Известно, что если работник перестает расти политически, то он теряет перспективу и превращается в делягу — крохобора. Тов. Зудин стоит уже на этом опасном пути. В-третьих: беда была бы не столь опасна, если бы у тов. Зудина была бы хоть капля принципиальности и критического восприятия своих грехов; если бы тов. Ной честно и по-партийному относился к своим обязанностям зав. кафедрой, если бы на кафедре культивировалась научная критика, невзирая на лица, критика, проникнутая стремлением улучшить работу. Но ведь ничего подобного нет. Т. Зудина и т. Ноя связывает круговая порука во всех сферах их деятельности (...) Т. Зудин с усердием, достойным лучшего применения, оправдал надежды тов. Ноя. Он явился слепым, но к несчастью для тов. Ноя, не тонким орудием в его руках. (...) Тов. Зудин под собственный аккомпанемент на аккордеоне исполнял, кажется, уже вышедшую из употребления даже в уголовном мире «знаменитую» «Мурку». Вот политическое и моральное лицо т. Зудина (...) Перейдем к тов. Ной.

Во-первых, не вызывает никаких сомнений тот факт, что тов. Зудин попал в университет по инициативе т. Ноя. (...) Во-вторых, тов. Ной не может не видеть, а если все-таки не видит, то тем хуже для него, что тов. Зудин уж если не совсем — даже с точки зрения тов. Ноя — не

пригоден для преподавания в вузе, то грешит, по крайней мере, плохим качеством своих лекций. Но где, кто и когда слышал, чтобы тов. Ной критиковал тов. Зудина, хотя бы не с такой страстью, с какой тов. Ной критикует других, но хотя бы даже по шерсти, а не против шерсти? Нигде, никто и никогда в партийной организации этого не слышал. Наоборот, тов. Ной всячески выгораживает и защищает т. Зудина, применяя, как правило, активную оборону. (...) Это, товарищи, гиноз общественного мнения. Это нечестный прием. Но у нас есть противогипнозный иммунитет, называется он политической бдительностью, и Вам, тов. Ной, бросающему в реку массу мелких щеп, не скрыть от окружающих плывущее большое бревно. В-третьих, если раньше, в начале существования юридического факультета тов. Ной был скромнее и трудолюбивее, то со временем он зазнался и возомнил, что он безгрешен, как в научном отношении, так и в партийном отношении (...) Партия и государство дали возможность тов. Ною получить высшее образование, закончить аспирантуру, получить ученую степень кандидата наук. Чем воздаст т. Ной за эту заботу? Первое — погоней за длинным рублем (...) Вспомните, как Вы (...) терроризировали студентов на экзамене по уголовному процессу, мучая и пытая их по нескольку часов, придираясь к малейшим оговоркам и оплошностям, искусственно создавая атмосферу нервозности и паники среди студентов. Делать из мухи слона, что касается других, и превращать слона в муху, что касается себя, — вот ваша тактическая линия, тов. Ной. Это ли не позорное лицемерие, это ли не отвратительное двуличие, спрашиваю я вас, тов. Ной? (...) Я считаю, что на юридическом факультете образовалась злокачественная опухоль (...) Необходимо (...) принять в отношении т. т. Ной и Зудина решение о проведении неотложной хирургической операции с применением самых современных инструментов партийной дисциплины».

Я встречал В. А. Трефилова на излете его партийной карьеры. Он тогда заведовал кафедрой политической экономии в Пермском политехническом институте. В памяти сохранилось немного: серое с зеленоватым отливом пиджачное сукно, неяркий галстук, плотно сдвинутые губы, придававшие мясистому лицу всегда брюзгливое выражение, равнодушный взгляд из-под очков, аккуратно зачесанные назад поредевшие и посеревшие волосы. Лекции свои он читал, не отрываясь от конспекта. Этот образ исполнительного чиновника никак не соотносится с фигурой пламенного оратора, увлеченно цитирующего художественные тексты. Впрочем, время меняет людей.

Сам доклад заслуживает отдельного разговора. Он весь выдержан в сталинском стиле. Автор (или авторы) сначала предложил

систему координат. По одной оси расположил полярные значения: «хороший человек» — «плохой человек». По другой оси, перпендикулярной к ней: «честный человек» — «бесчестный человек». Создал поле. Нашел в нем точки для размещения главных персонажей доклада — мишеней для критики — в верхнем правом углу. Ной и Зудин — одновременно и дурные, и бесчестные люди. После этого к ним добавляются новые негативные определения: беспринципные, ограниченные, тупые, двуличные, лицемерные. Под готовые значения подверстываются эмоционально окрашенные повторяемые аргументы. Вне контекста они слабы. «Мурку» пел или студентов на экзамене гонял. Однако внутри очерченного поля они приобретают зловещий смысл. Докладчик использует фольклорный прием кумулятивности: ничтожный факт становится звеном в цепи событий, влекущих за собой моральную катастрофу. Повторы следуют за повторами, что резко усиливает эмоциональное воздействие речи на слушателей. Повторюсь и я. Это сталинский стиль: «всего пять или десять процентов истины тождественны целостной картине, чуть приметная, третьестепенная тенденция, прослеженная в ее гипотетическом развитии, “целиком и полностью” вытесняет вроде бы куда более массивные, весомые факторы, обреченные, однако, на регресс и уничтожение, а потому наделенные уже сейчас крайне зыбким онтологическим статусом»¹.

Вот только имя Сталина упоминается в речи всего однажды, да и то в странном контексте. Хотел де Зудин связать тему графической экспертизы с трудом «Марксизм и языкознание», да только студентов рассмешил. Автор текста внимательно следил за газетами и приметил, что имя Сталина из них за месяц куда-то пропало. К слову, и других партийных имен нет. Есть ссылка на последний съезд, вернее, на устав, принятый по докладу Н. С. Хрущева. Но и его имя отсутствует. Всех классиков марксизма-ленинизма заменяет писатель Александр Фадеев. С его авторитетного высказывания и начинается речь. Текст аккуратно очищен от всех пропагандистских клише зимней кампании: «семейка», «семейно-приятельская группа», «безродные космополиты».

Поверить в то, что Владимир Трефилов так виртуозно владел сталинским стилем, столь же трудно, как и в его глубокое знание политической конъюнктуры. Так что остается тайной, кто писал этот текст, или хотя бы правил его. Для Павловича слишком гладко. Для Шахматова — чересчур литературно. Возможно, был кто-то третий — и

¹ Вайскопф М. Писатель Сталин..., С.106.

не обязательно из г. Молотова. Текст был тщательнейшим образом выверен, для создания таких конструкций нужно время. Может быть, именно по этой причине В. В. Кузнецов затянул обсуждение статьи.

Бесспорно, речь Владимира Трефилова была домашней заготовкой секретаря партийного бюро. Долгое обстоятельное выступление студента входило в сценарий. На заседаниях бюро не было обыкновения произносить долгие речи. Это было деловое собрание. В протоколах после фамилии ораторов обычно впечатаны две-три фразы. Не больше. И если бы Трефилов самостоятельно решил нарушить обычай, его прервали бы на первой же цитате. Этого, однако, не случилось. Полчасовой доклад утомленные преподаватели выслушали до конца. Секретарь партийного бюро университета В. В. Кузнецов поддержал мнение студента:

«Партийная организация и ректорат давно должны были поставить т. т. Ноя и Зудина на свое место, но, к сожалению, не сделали этого. Мне кажется, что тов. Трефилов дал правильную политическую оценку фактам, изложенным в статье, и поведению т. т. Зудина и Ноя».

Ободренный похвалой В. Трефилов предложил исключить из партии т. т. Ной и Зудина за непартийное отношение к делу и неискреннее поведение на партийном бюро.

Затем предоставили слово приглашенным пятикурсникам и коллегам по факультету. Декан Кислицин поддержал мнение студента:

«Факты в статье изложены правильно. Я был на лекции тов. Зудина. Здесь Зудин сказал, что я якобы обвинил его в том, что лекция слишком политична. Это может сказать только дурак. <...> Лекцию по криминалистике нельзя превращать в примитивное изложение основ марксизма-ленинизма. <...> Факты в статье правильные».

Так же выступал и бывший декан Никиенко:

«Отдельная часть преподавателей юрфака зазналась, считая свои высказывания абсолютно истинными, мстя за деловую критику другим методом зашательской критики. Ной и Пугачев до сего дня считают себя непогрешимыми. <...> Я считаю статью “Халтурщики” правильной, а объяснения Ноя и Зудина неправильными, непартийными и не заслуживающими внимания».

Студенты были не так единодушны. Если одни из них — Зеленин, Коренченко, Овеснов поддержали тезисы основного доклада или даже развили их: «Тов. Ной занимается словесной эквилибристикой в духе буржуазных адвокатов. <...> У т. т. Ноя и Зудина крепка вот эта мелкобуржуазная сущность», то другие — Тарасов, Кудрин, Лумельский находили смягчающие обстоятельства: «Зудин может исправить свои

ошибки. <...> Зудин — молодой преподаватель. Он стремится читать хорошо, часто спрашивал у студентов о своих лекциях. Но если ему сказать о недостатках, то он очень болезненно реагирует на критику. <...> Богданов не всегда пишет приемлемые фельетоны. Студенчество осуждает часто его фельетоны. <...> Но т. Зудин старается».

От комиссии, проверявшей юридический факультет, выступил П. И. Хитров, повторивший основные тезисы мартовской справки:

«Могу сказать, что группа преподавателей, связанных приятельскими отношениями, на юрфаке существует (Ной, Зудин, Пугачев и Гуревич). Взаимоотношения этих товарищей носят земляческий характер. Эти отношения отрицательно сказываются на работе и в университете, и в факультете. <...> Ной принимал экзамены по 15–16 предметам. Пугачев также принимал по 15–16 экзаменов. Я считаю, что статья “Халтурщики” правильна и по существу, и по названию. Руководить в первый год 15-ю дипломниками и, как говорит Ной, без всяких затруднений, может вундеркинд».

Другие преподаватели были значительно более сдержанными в своих оценках.

Голованова: «Я считаю, что Ной и Зудин осознают всю критику в их адрес и сделают правильные выводы. <...> Выступлением тов. Трефилова я сегодня впервые недовольна. У тов. Трефилова правильные мысли изложены не в корректной форме. Надо учиться корректно излагать свои мысли. <...> Но почему раньше никто из студентов-коммунистов не говорил о недостатках тов. Зудина?»

Лясс: «Я не могу согласиться с речью тов. Трефилова по тем же мотивам, что и Голованова. <...> Но заглавие заметки неправильно, хотя суть заметки верна. Злостной халтуры нет».

Ректор университета статью не одобрил: «По таким вопросам газете следовало бы выступать глубже. <...> Зудин не работает над повышением своей деловой квалификации. Ной и Зудин имеют между собой приятельские отношения, между ними нет принципиальной критики. Это тоже подтверждается. Это вопросы главные. В какой момент Зудин приехал и т. д. — это мелочи неважные. Если товарищи не поймут, не будут по-партийному относиться к делу, то будут приняты самые решительные меры. Это покажут ближайшие дни. Нельзя терпеть такое положение в университете».

Затем, по-моему, уже за полночь, предоставили слово Зудину и Ною. Первый оправдывался: «Я никогда не допускал мысли, что у меня есть такие недостатки, которые сегодня были высказаны студентами. В течение 15 лет пребывания в партии я не получал таких замечаний». Ной напал:

«Кто дал право тов. Трефилову облить меня грязной клеветой? Остальные выступавшие принесли мне пользу. Меня даже мало критиковали. Видимо, я как-то отдалился от студенческой среды. Но это не от зазнайства. Этого я за собой не замечал, и мои товарищи тоже. Видимо, мне надо исправлять недостатки. Зудина можно было критиковать еще больше. Но я слаб в криминалистике. У Зудина страдает методика, и у Зудина неправильные отношения со студентами. Он называет студентов: Ваня, Петя и т. д. Это панибратство. Я с удовольствием принимаю справедливую критику. Я не халтурю. В отношении выступления тов. Трефилова. Он смешал меня и Зудина с грязью. Какое право, тов. Трефилов, Вы имели сказать, что я гонюся за длинным рублем. Из студентов Вы один, тов. Трефилов, читали платные лекции по линии лекционного бюро. Вы, тов. Трефилов, не едете на Сахалин, а остаетесь заведующим учебной частью в университете. На каком основании Вы говорите, что меня выгнали из адвокатуры? Я выдвигал в партбюро тов. Зудина, тов. Виноградова и Вас, тов. Трефилов. Я еще раз повторяю, что я не халтурю. <...> Я узнал в редакции газеты “Звезда”, что Шахматов написал на меня и других клеветническую статью. И только бдительность редакции “Звезда” помешала выходу в свет этой статьи. <...> Поэтому я с Пугачевым подал заявление о приеме нас секретарем обкома КПСС тов. Мельником, который сказал, что примет нас ближе к бюро обкома КПСС. Я собираюсь подать в суд на авторов статьи за клевету. Я считаю статью клеветнической, но критику здесь на бюро признаю, кроме двух-трех злобных выпадов».

После выступил В. В. Кузнецов: «Правильно здесь критиковали коммунисты т. т. Ной и Зудина за то, что они нередко, страстно критикуя других, сами совершенно не воспринимают критику, обычно называя ее клеветой. Т. т. Ной и Зудин зазнались, перестали добросовестно, по-партийному относиться к делу, перестали прислушиваться к мнению коммунистов, и результаты не замедлили сказаться. <...> Т. т. Ной и Зудину ничего не оставалось в интересах дела и в личных интересах т. т. Зудина и Ноя сегодня сделать, как по-серьезному раскритиковать свои недостатки, признать их и дать партийной организации обещание трудиться над исправлением своих недостатков. Т. т. Ной и Зудин избрали другой, неправильный путь. А т. Ной даже встал на путь угроз. Это недопустимо. <...> Товарищам Ной и Зудину мешает во многом распушенность в дисциплине. Партийная организация и ректорат давно должны были поставить тов. Ноя и Зудина на свое место, но, к сожалению, не сделали этого. Мне кажется, что тов. Трефилов дал правильную политическую оценку фактам, изложен-

ным в статье, и поведению т. Ноя и Зудина. Т. т. Ной и Зудин за свое неправильное поведение и отношение к делу заслуживают серьезного предупреждения, а т. Ной еще и наказания <...> Нужно разобраться с юридическим факультетом и навести там порядок». Ной ответил: «Я подал заявление в обком КПСС, где обвиняю в серьезных недостатках Кузнецова. Больше я говорить ничего не буду. Добавлю, что с тов. Кузнецовым у нас за последнее время отношения натянутые». Потом заседание прервали из-за позднего времени, чтобы вновь вернуться к обсуждению через день. В кратком постановлении записали: «партийное бюро считает, что критика в статье “Халтурщики” крупных недостатков в работе тов. Ноя и Зудина правильна»¹.

Новое заседание бюро началось спустя двое суток также в вечерние часы. Днем ректор подписал приказ, которым объявлял И. С. Ноя выговор за неявку на работу в университет. Заседание было кратким и деловым. Никаких приглашенных, никаких долгих речей. Объяснения И. С. Ноя («я признаю обвинение меня в том, что я недостаточно контролировал работу Зудина»), объяснения В. Ф. Зудина («критика, которая была дана на бюро — это действительная критика»), настойчивые вопросы главным обвиняемым: признают ли И. С. Ной и В. Ф. Зудин статью правильной, или нет. Члены бюро умело расставляли ловушки. Не согласиться — значит, не признать критики, не подчиниться только что принятому постановлению, то есть совершить серьезное преступление против партийного устава. Согласиться — значит, признать себя халтурщиком, нечестным человеком. Такому не место в партии. Обвиняемые маневрировали, как могли: с критикой согласны, а со статьей — и особенно с ее названием — нет. Члены партбюро также колебались: «Нет фактов, подтверждающих халтурное отношение т. Зудина к своим лекциям». Спорили, сейчас ли освобождать И. С. Ноя от обязанностей заведующего кафедрой («когда Ной был рядовым работником, он к работе относился значительно лучше»), или повременить. В. Ф. Тиунов предложил «поставить на обсуждение вопрос о работе т. Ноя в качестве зав. кафедрой отдельно». Проголосовали. Приняли предложение ректора большинством в один голос.

Требование В. Трефилова исключить халтурщиков из партии также было отклонено по инициативе ректора: «т. т. Ной и Зудин многие свои ошибки признали, и у нас нет оснований для строгого взыскания». В принятом постановлении указывалось, что статья неглубокая

¹ Протоколы заседаний партийного бюро Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 23.04.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 66–90.

и поверхностная, но недостатки в работе т. т. Зудина и Ной критикует правильно, «партийное бюро предлагает тов. Зудину устранить отмеченные недостатки в работе и предупреждает, что при повторении их оно будет вынуждено поставить вопрос об освобождении тов. Зудина от работы в университете». Другой обвиняемый — тов. Ной «непартийно относится к критическим замечаниям, оторвался от коллектива, не уделяет внимания воспитательной работе среди студентов». В решении бюро не было ни слова о семейно-приятельской группе, или организованной группе клеветников. Только на бюро оба товарища вели себя неправильно¹.

Процедура партийного расследования весьма любопытна и с точки зрения культуролога, настолько она многослойна и многозначна. Вот верхний уровень. Члены корпорации получили из прессы информацию о девиантных поступках своих сотоварищей, верифицировали сведения, обсудили в открытом дискуссионном режиме, насколько эти поступки противны признанным корпоративным ценностям и нормам. Установили готовность оступившихся товарищей исправить свое поведение и вынесли решение о санкциях, призванных восстановить корпоративное единство. Все совершенные коллективные действия соответствуют параметрам рациональной культуры: они целесообразны, формализованы, открыты для критики. Каждый акт документируется. Суждения соотносятся с нормативными документами. Однако под этими рационализированными практиками обнаруживается иной культурный слой. Начнем с того, что газетная информация не являлась новой. Те факты, о которых она сообщала, могли быть извлечены из непосредственного опыта — студенческого и преподавательского. О чем сообщала газета? О том, что некий старший преподаватель плохо читает лекции, а его непосредственный начальник мирится с этим положением. Для того чтобы узнать это, ни студентам, ни преподавателям не нужно было ждать фельетона. Тем не менее, только публикация в прессе придала повседневному знанию новый статус. Мы имеем дело с ситуацией, в которой печатное слово обладает абсолютным преимуществом по отношению к слову высказанному. Такое возможно, если за набранным типографским способом текстом скрывается некий трансцендентный авторитет, не подлежащий критическому рассмотрению. Иначе говоря, газетная строка есть не что иное, как цитация из священного писания или, точнее, продолжение некоего сакрально-

¹ Протокол заседаний партийного бюро Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 25.04.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 91–95.

го текста. Само расследование выстроено по канону средневековой мистерии. Участники скрыты под масками праведников и грешников. Первые — суть воплощение благодати. Они очищены от всех земных забот и привязанностей. Вторые олицетворяют пороки. Одни наделены правом обличать. Другим следует каяться. Поступки и тех, и других в равной степени подчинены ритуалу. Здесь нет места профанным рассуждениям, житейской прозе. На любое проявление чувств наложено табу. Илья Соломонович не мог сказать, что он просто пожалел израненного и изувеченного Василия Федотовича. Это было бы кощунственно. И еще. Действительные мотивы участников тщательно скрыты под покровом ритуальных фраз и жестов. Никто не сказал Ною, что ты нам просто надоел своими вечными придирками, обвинениями и походами по начальству. Да и сам Ной не скажет правду, для чего он без усталости охотится на своих коллег. Может быть, и сам не отдает себе в этом отчета. Что в этом действе от современности, так это его театральность. Когда нужно усилить напряжение, на сцену выходит хор. Когда нужно добавить зловещей таинственности, хор исчезает. Все свершается за закрытыми дверями. Представляется, что именно традиционалистские практики обеспечивают действительный смысл всем этим бесчисленным заседаниям. Партийные товарищи, как и их несознательные прашуры, изгоняют беса, тем самым, стараясь себя очистить от грехов и тем самым спастись, однако, не от адского огня, а от преследований жестокого безжалостного начальства.

Руководство университета (В. Ф. Тиунов, Н. П. Игнатъев, В. В. Кузнецов) надеялось на то, что напуганный И. С. Ной угомонится и прекратит разоблачительную кампанию. Партийное бюро и было призвано приструнить бузотера, не более того. Такое предположение может объяснить бросающийся в глаза диссонанс между грозными обличительными речами, исполненными прямыми и скрытыми угрозами (Владимир Трефилов старался на славу), и сугубо мягким примирительным постановлением, не содержащим никаких партийных взысканий, только укоризны.

Схожую позицию занял и заведующий отделом школ и вузов Молотовского обкома партии Мадонов. Он сдал в секретариат *Справку*, вполне заслуживающую эпитета «каучуковая».

«Завязался такой узел, разбором которого партийная организация университета занимается в течение всей зимы и который требует своего разрешения».

С одной стороны, И. С. Ной, В. В. Пугачев, В. Ф. Зудин правы, когда критикуют ошибки В. А. Павловича.

С другой стороны, В. А. Павлович — кандидат наук, тянущий нагрузку за двух доцентов. «Спрашивается, почему нужно обязательно «разгромить» т. Павловича, исключить его из партии?»

С одной стороны, И. Ной со товарищи занимают принципиальную позицию по отношению ко всяческим безобразиям, творящимся в университете.

С другой стороны, во-первых, они сами далеко не без греха и в некоторых случаях бывают неправыми, во-вторых, «почему-то пренебрегают мнением партбюро, парторганизации», в-третьих, совсем недипломатичны, настаивая на хирургических мерах там, где можно ограничиться воспитательными, в-четвертых, «часто противоречат мнению подавляющего большинства коммунистов университета». Их обвинения В. В. Кузнецова в том, что он является главарем всех антипартийных элементов в университете, несостоятельны. «Тов. Ной поднимает в своем письме старые вопросы, давно решенные парторганизацией, об ошибках тов. Никиенко, Капцугович, Горового, но рисует их тоже далеко не точно и неизвестно почему приписывает их влиянию тов. Кузнецова, который в те времена был только членом партбюро». Еврейская тема, вновь ставшая неприличной, не затрагивалась вовсе. Вывод из *Справки* напрашивался сам собой: партийное бюро университета поступило правильно. Нужно мириться¹.

8 мая 1953 г. состоялось еще одно совещание, в котором вместе с университетскими работниками участвовали секретари обкома.

Здесь нужно заметить, что в это время областные комитеты партии исполняли весьма специфические властные функции. Они ведали кадрами и отвечали за политическое воспитание населения. Эти обязанности, к тому же поставленные под сомнение реформаторскими проектами Л. П. Берии, позволяли секретарям проводить рабочее время в совещаниях подобного рода, выяснять, кто прав, кто виноват в толковании партийных текстов, копаться в служебных и семейных дрязгах, разбирать заявления многочисленных разгребателей грязи.

Когда же Н. С. Хрущев приказал партийным органам непосредственно руководить народным хозяйством («партийной работы в чистом виде не бывает.. Нам надо добиться такого положения, чтобы все наши партийные работники хорошо знали конкретные вопросы производства»), одними из первых пострадали молотовские руководители. Никита Сергеевич им устроил экзамен на знание агротехники и

¹ См.: Справка о результатах проверки писем научных работников Молотовского госуниверситета тт. Павловича, Ноя, Зудина и Пугачева//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 298. Л. 63—68; Справка о работе кафедр общественных наук МолГУ//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 95. Л. 10—19.

уволил, обставив это все соответствующими процедурами, за то, что не получил от них вразумительного ответа, что же такое квадратно-гнездовой метод¹.

Протокол совещания не сохранился. Из иных документов видно, что И. С. Ной и В. В. Пугачев потребовали строго наказать руководство партбюро за примиренческое отношение к антипартийной деятельности все того же В. А. Павловича, за потворство антисемитизму и травлю честных коммунистов. В свою очередь В. В. Кузнецов все эти обвинения отверг как беспочвенные и указал своим оппонентам на групповщину, нелояльное отношение к товарищам и недобросовестное отношение к работе, сославшись и на мнение партийного бюро, и на статью в областной газете.

Секретарь обкома И. Мельник открыто солидаризовался с воинствующими юристами, заявив, что они «ведут в университете принципиальную партийную линию, борясь с извращениями марксизма и недопустимыми высказываниями среди отдельных преподавателей, и обком партии в этом вопросе их полностью и безоговорочно поддерживает»².

Компромисс не состоялся. Возможно, В. В. Кузнецов почувствовал себя лично уязвленным тем, что его протянутую для примирения руку бесцеремонно оттолкнули. Может быть, просто рассердился, услышав, в чем его обвиняют. Так или иначе, но он решился на действия, идущие вразрез с ожиданиями областного партийного начальства. Бюро внесло в повестку дня очередного майского партийного собрания обсуждение статьи «Халтурщики», хотя ни по уставу, ни по традиции не обязано было этого делать. В. В. Пугачев, видимо, ободренный долгожданной поддержкой обкома, подал заявление о приеме в члены партии из кандидатов. Партийное бюро под присмотром областных и городских функционеров обсуждало его заявление 14 мая. Среди участников были секретарь горкома и заведующий отделом обкома. В. В. Пугачева вежливо спрашивали: есть ли коалиции на юридическом факультете, в каких отношениях он состоит с т. Ноем, правильно ли его критиковали в газете. Он же, ссылаясь на мнение секретаря обкома И. Мельника, твердил одно: групп и коалиций нет; мы не являемся «халтурщиками», «на критику мы иногда реагируем болезненно, это верно». Выступил

¹ См.: Протоколы пленума Обкома. Январь 1954 г.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 21. Д. 10. Л. 47—48.

² См.: Ной И. С. Объяснения по поводу предъявленных мне обвинений на партийном собрании университета. 21.05.1953//ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 2510. Л. 6.

рекомендующий: «Лекции тов. Пугачев читает хорошо. Почти закончил докторскую диссертацию. Общественные поручения выполняет добросовестно». Ему возразил Владимиров, бывший секретарь бывшего начальника Молотовского УМГБ, пострадавший вместе с шефом за неуклюжие махинации с обменом денег в декабре 1947 г. и не так давно восстановленный в партии: «на кафедре нет никакой документации. Это неверно и недопустимо. У тов. Пугачева неправильное отношение к критике. Я считаю, что есть приятельские отношения на факультете между определенной группой лиц». Трефилов держался прежней линии: «Я считаю, что тов. Пугачев — хороший лектор. Но он еще не созрел для того, чтобы быть принятым в члены КПСС. Я предлагаю исключить его из членов [так в протоколе — О. Л.] КПСС». Ректор, как и в прошлый раз, занял примирительную позицию: «У тов. Пугачева есть крупные недостатки, но ведь исключают за преступления. А тов. Пугачев преступлений перед партией не совершил. Поэтому я предлагаю принять его в члены КПСС». Секретарь партбюро с ректором не согласился: «На сегодня тов. Пугачев не созрел для того, чтобы быть принятым в члены КПСС. Я не за исключение, но я думаю, что тов. Пугачеву надо дать время подумать. Я предлагаю продлить тов. Пугачеву на один год кандидатский стаж». Стали голосовать. За прием подняли руки трое; за исключение — двое, за продление стажа на один год — четверо»¹. По уставу решение бюро должно было быть утверждено собранием, тем самым, на котором коммунисты должны были обсуждать статью «Халтурщики».

В. В. Кузнецов не ошибся в своих расчетах. Он знал, как большинство партийцев относится к возмутителям спокойствия в университете, тем более к ревнителям марксистского благочестия. Партийное собрание поправило бюро. Оно примерно наказало т. Ноя, переведя его из членов партии в кандидаты. В иерархии взысканий следующим было исключение из партии. Собрание также отклонило заявление т. Пугачева и оставило его в кандидатах.

В. Трефилов характеризовал интеллектуальные возможности обвиняемых: «Тов. Ной — крикливый халтурщик. Это страшный болтун. Это человек средних способностей, раза в два способнее т. Зудина и раз в 10 менее способный, чем т. Пугачев», — и предложил исключить из партии и Ноя, и Пугачева. Владимира Владимировича — за дружбу с Ноем, «...который является нехорошим человеком». Мадон

¹ Протоколы заседаний партийного бюро Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 14.05.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 104–106.

нову стоило большого труда уговорить собрание оставить в партии И. С. Ноя и не выносить взыскание В. Ф. Зудину¹.

В июне персональными делами И. С. Ноя и В. В. Пугачева занялась вышестоящая партийная инстанция: Кагановический райком КПСС. Партбюро университета представило на них короткие однотипные характеристики, подписанные В. В. Кузнецовым. Об И. С. Ное сочли уместным сообщить следующее: «Будучи и. о. зав. кафедрой уголовного права, тов. Ной не обеспечивает надлежащего руководства работой кафедры, не уделяет внимания учебной и воспитательной работе студентов, непартийно относится к критическим замечаниям, оторвался от коллектива»². О В. В. Пугачеве сказано несколько больше: «За время работы в Молотовском университете т. Пугачев читал курс лекций — история государства и права СССР, история государства и права, история гражданского права в России, осуществлял руководство дипломными работами студентов, читал курс истории СССР и спецкурсы. Тов. Пугачев В. В. систематически ведет научно исследовательскую работу. Однако тов. Пугачев имеет крупные недостатки по руководству работой кафедры; он не уделяет должного внимания развертыванию научно-исследовательской работы на кафедре, как среди научных сотрудников, так и студентов; на кафедре слабо развертывается критика и самокритика учебной и научной работы. Сам тов. Пугачев неправильно относится к критике. На что партийная организация неоднократно указывала ему. Тов. Пугачев принимает участие в общественной работе университета. Он являлся консультантом группы научных работников, самостоятельно изучающих материалы XIX съезда КПСС и труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». К выполнению поручений относится без должной инициативы»³.

И. С. Ной представил в свое оправдание очень толковые «Объяснения по поводу предъявленных мне обвинений», в которых пункт за пунктом все их отверг. Побочные заработки: «За последние два года я не прочел ни одной платной лекции». Прием экзаменов по 16 разным предметам. Это было в 1949–1950 учебном году, «...когда на факультете было лишь четыре преподавателя, в числе которых лишь один

¹ Протоколы партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 21.05.1953//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 109. Л. 102–132.

² Характеристика на члена КПСС с 1946 г. партбилет № 7859209 Ноя Иосифа Соломоновича//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 110.

³ Характеристика на кандидата в члены КПСС с декабря 1950 года, доцента Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького Пугачева Владимира Владимировича//ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 111. Л. 108.

кандидат юридических наук. <...> Никакой корыстной заинтересованности в приеме экзаменов у меня не могло быть, так как эта работа не оплачивалась». Недостаточная научная активность. «Я защитил кандидатскую диссертацию лишь в ноябре 1949 года. <...> Я еще не дорос до докторской» — и далее в том же духе. Высказал предположение, что с ними сводят счеты за принципиальную критику, к месту процитировав соответствующие слова секретаря обкома, заявил, что имела место интрига. «Секретарь парторганизации тов. Кузнецов на закрытом заседании партбюро сказал: “Мы их, то есть меня и Зудина, исключим из партии. Вышестоящие партийные органы их все равно восстановят, но зато Ной и Зудин прочувствуют”. И. С. Ной оснастил свое оправдание рефреном: «Студент Трефилов, видимо, этого не понимает». Одновременно И. С. Ной самокритично признал, что ему не удалось перестроить работу кафедры и свою собственную в соответствии с требованиями XIX съезда КПСС, и в конце «Объяснений» попросил бюро райкома о своей «полной реабилитации»¹.

В. В. Пугачев представил более краткую объяснительную записку, к тому же совершенно неразборчивую, несмотря на крупный почерк. Он скорее нападал, нежели защищался, ошибки не признавал, ни в чем не раскаивался, в общем, нарушал, как умел, неписанные нормы партийной этики. Райком утвердил решение партийного собрания и продлил кандидатский стаж В. В. Пугачеву на год «в связи с серьезными недостатками в руководстве кафедрой и неправильным отношением к критике по работе»².

К И. С. Ною бюро Кагановического райкома отнеслось много мягче: «За допущение элементов бахвальства, слабое восприятие критических замечаний тов. Ной Иосифа Соломоновича предупредить»³.

На газетные публикации полагалось отвечать. В июле 1953 г. В. В. Кузнецов писал редактору «Молодой гвардии»:

«За недобросовестное отношение к работе, непартийное отношение к критике своих недостатков и неискренне поведение перед партийной организацией решением собрания тов. Ной переведен кандидатом в члены КПСС. <...> Кагановический райком КПСС <...> счел возможным ограничиться в отношении его указанием на недостатки,

¹ См.: Ной И. С. Объяснения по поводу предъявленных мне обвинений на партийном собрании университета. 21.05.1953/ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 2510. Л. 2—12.

² См.: Пугачев В. В./ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д. 2720. Л. 1—12.

³ Ной И. С./ГОПАПО. Ф. 106. Оп. 23. Д., Д. 2510. Л. 17.

но не разъяснил парторганизации мотивы изменения решения партийного собрания в отношении тов. Ной»¹.

На октябрьском партсобрании по этому поводу высказался и Ф. С. Горовой, назвавший «безобразием» отмену решения по делу И. С. Ноя вследствие вмешательства секретаря обкома И. Мельника. С ним у Федора Семеновича были свои счеты.²

Ученый Совет университета формально обкому не подчинялся и потому вынес собственную резолюцию:

«Ректору университета рассмотреть вопрос о работе доц. Павловича В. А., доц. Ной И. С., старшего преподавателя Зудина В. Ф. и других».³

Это и было исполнено. В августе «по собственной просьбе» были уволены В. В. Пугачев и В. А. Павлович. Последний с дополнительной формулировкой: «В преподавательской работе допускал ошибки. Научно-исследовательской работы не вел и квалификацию не повышал»⁴. И. С. Ной потерял кафедру, а В. Ф. Зудин был переведен из старших преподавателей в лаборанты⁵.

И. С. Ной скоро уехал в Саратов. Через некоторое время был вынужден покинуть университет и В. П. Шахматов. Все было забыто, и только неугомонный В. Ф. Зудин, вернувший себе преподавательский статус, попытался реабилитировать своих товарищей:

«В нашей парторганизации были большие ошибки, и парторганизация находилась в заблуждении (в зале шум). Когда возглавлял парторганизацию тов. Кузнецов В. В., в течение двух лет занималась ненужным делом. Почему Кузнецов не сказал о своих недостатках до сих пор?» (В зале шум, крики: «Кончай»)⁶.

¹ Кузнецов — Гребенщикову. 17.07.1953/ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 112. Л. 91.

² Протокол партийного собрания Молотовского Госуниверситета им. А. М. Горького. 15.10.1953/ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 110. Л. 51.

³ Протоколы ученого совета университета. 3.07.1953./ГАПО. Ф. р180. Оп. 12. Д. 296. Л. 21.

⁴ См.: Список штатных научных работников, по разным причинам освобожденных от работы в Молотовском госуниверситете в 1954 г./ГОПАПО. Ф. р180. Д. 2579. Л. 8.

⁵ Через семь лет В. Ф. Зудин защитил кандидатскую диссертацию, через тридцать пять лет докторскую. В 1991 г. станет профессором Воронежского госуниверситета. Он опубликует несколько монографий: «Предотвращение и расследование преступлений» (1963 г.); «Социальная профилактика преступлений» (1983 г.); «Экономика права и экология России на рубеже третьего тысячелетия» (1995 г.) См.: <http://www.main.vsu.ru/sci/prof/doctors/zudin.htm>.

⁶ Протоколы партийного собрания. 1.03.1955./ГОПАПО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 118. С. 13.

И. С. Ной продолжил исследовательскую и преподавательскую работу, через десять лет защитил докторскую диссертацию. В конце семидесятых годов был бит партийной печатью за антимарксистские взгляды.

В. В. Пугачев вернулся к исследованиям российской истории XVIII—XIX столетий в Саратовском, а позднее в Горьковском университете. Он продолжал дружить с Ю. Г. Оксманом, которому во время его последней опалы помог устроиться профессором в Горьковский университет.¹ В. В. Пугачев разделял не только этические, но и мировоззренческие позиции своего учителя, и потому его печатали мало и неохотно, как правило, в малотиражных изданиях. В некрологе, подписанном его учениками, В. В. Пугачева называли «чудаковатым Палладином чести и свободы в век холопства и лжи. Он был верен только истине, когда требовалась только верность партии»². В пермских библиотеках нет ни одной монографии В. В. Пугачева.

На сайте ПГУ помещена историческая справка о становлении и развитии юридического образования в университете. Первым годам юридического факультета посвящен следующий абзац: «В то время на факультете работал дружный коллектив преподавателей: И. М. Кислицин, Е. А. Голованова, А. А. Ушаков, А. В. Рыбин, Е. И. Коваленко, В. А. Похмелкин, а также известные ученые доктора юридических наук Д. Н. Бахрах (выпускник факультета), В. В. Пугачев, А. Н. Талалаев, В. П. Шахматов, И. С. Ной, В. Д. Дорохов».

Сюжет завершен, и все-таки остается вопрос, что подвигло всех этих молодых людей к войне на уничтожение в, казалось бы, мирной университетской среде. Только ли неумная страсть к самоутверждению, помноженная на неутоленное честолюбие? Тогда почему же в конфликт втягивались без заметного внутреннего сопротивления все новые и новые люди — и не только в г. Молотове. Один из последних ифлийцев Лев Адлер вспоминал недавно, что и в МГУ в 1949 г. шла ожесточенная борьба клик. В партийной организации исторического факультета «различались две конкурирующие группы — условно говоря, радикалы и либералы. (...) При этом обе группы самым жестоким образом копали друг под друга — и прямо разоблачали «вражеских» профессоров, и через их студентов. (...) Такая вот двухпартийность или, точнее, двухфракционность внутри одной ВКП(б)»³.

¹ См.: Пугачев В. В. Опальный пушкинист в Горьком (Ю. Г. Оксман и «Пражская весна»)// Волга. 1995. № 5–6. С. 156–163.

² Парсамов В. С. Гаркавенко О. В. Указ. Соч., С. 192.

³ Адлер Л. «Времена не выбирают, в них живут...»// Вопросы литературы. 2003. январь — февраль. С. 323.

Модели конфликтного взаимодействия задавались господствующей политической культурой, в которой борьба на уничтожение являлась нормой, закрепленной опытом политических кампаний и авторитетными текстами: трудами Ленина-Сталина, тем же «Кратким курсом», литературными афоризмами вроде горьковского: «Если враг не сдается, его уничтожают». В советской мифологии классовый враг мог приобретать любое обличье, появляться из каких угодно мест, говорить какие угодно речи. Без него мир был не полон и не объясним. И потому власть в согласии с мнением народным создавала все новых и новых врагов, с которыми вела беспощадную борьбу: вредителей, космополитов, двурушников и, в конце концов, просто нехороших, нечестных людей.

Гуманитарии, по роду своей службы постоянно соприкасающиеся с соответствующими текстами (а среди них, конечно же, и читатели А. Я. Вышинского), были восприимчивей многих других к пропаганде ненависти. У них не было возможности тиражировать ее в профессиональных текстах. В начале пятидесятых годов юристы, как филологи или историки, публикуются редко и неохотно, разве что в газетах. Теоретизировать не полагается. Комментировать рискованно — можно и ошибиться: выпасть из тележки на крутом повороте истории, ненароком впасть в идеологическую скверну. Они и не печатаются. И тогда мы можем наблюдать своеобразный трансфер. Технологии, выработанные для политической борьбы, переносятся в мир профессиональных или административных конфликтов. Другого языка просто нет в обиходе. И приходится решать деловые споры, прибегая к формулам классовой или внутривнутрипартийной борьбы.

Вся жизнь молотовских научных работников была публичной. Они проживали в общежитиях рядом друг с другом. Быт, личные связи, праздники и будни, домашние ссоры и любовные игры — все было открыто для внешнего контроля. В такой ситуации молодые люди, не связанные узами брака, должны были испытывать сильнейшее напряжение, толкающее их на безрассудные поступки. Одни пили, другие проявляли агрессивность, облекая ее в приемлемые общественные формы, а именно: в принципиальную борьбу против всех и всяческих политических ошибок и извращений.

В обращении к четким и недвусмысленным идеологическим формулам гуманитарии могли находить и некоторую компенсацию убожеству быта, хаосу и неопределенности повседневного существования: очередям, общим кухням, коммунальным склокам, трамвайной тесноте.

Вузовские преподаватели, назначенные министерством, утвержденные обкомом, или горкомом КПСС, не представляли собой

единой корпорации ни по своей профессиональной подготовке, ни по культурным ориентирам, ни по языковым формам. Они были людьми, чуждыми друг другу. Новые традиции, поддерживаемые партийным контролем, препятствовали и формированию личных отношений, за исключением отношений недоброжелательства и взаимных претензий. Профессиональная самореализация гуманитариев в позднюю сталинскую эпоху была жестко ограничена готовыми формулами, едиными для всех учебниками, партийным языком и административными препонами. Не было условий для нормальной научной конкуренции: по публикациям, по конструктивным идеям, по ученикам. И конкурентная борьба на кафедрах перетекала в иную сферу — взаимных обвинений, разоблачений и банальных склок с участием партийных инстанций и карательных ведомств.

Молотовские юристы, избравшие своей миссией «будоражить университет», прекрасно уловили дух времени, но не приняли во внимание ни сил противодействия, ни того, что эпоха, детьми которой они являлись, уже уходила в прошлое.

КЛИМУ ВОРОШИЛОВУ ПИСЬМО Я НАПИСАЛ...

18 апреля 1953 г. в Молотовский обком КПСС из секретариата Верховного Совета СССР было доставлено специальной почтой письмо следующего содержания:

«Уважаемый Климент Ефремович!

Мы решили обратиться к Вам по следующему вопросу. Дело в том, что в г. Молотове за последний год и особенно в настоящее время появился ужасный бандитизм, нельзя пройти по улицам позже 10 часов вечера, не говоря уже о ночном времени. Каждую ночь раздевают, убивают, режут, насилуют, бьют стекла в квартирах и т. д. Известен случай, что даже в 6 часов вечера у себя в квартире на лестнице начали душить женщину с целью ограбления. И всеми этими делами занимаются подростки в возрасте от 15—20 и молодые люди от 20 до 35 лет, т. е., иначе говоря, молодежь. Более того, ученики 10 класса одной из школ г. Молотова изнасиловали девушку и привязали ее на кладбище к кресту, которая получила повреждение и отморожение и вскоре скончалась. Имеется много и таких случаев, когда людей просто убивают или калечат без всяких видимых к этому причин. В гор. Молотове есть так называемый Шпальный поселок, который бандиты проиграли в карты и начали жечь в нем дома, затем они проиграли в карты 300 девушек, и начались убийства абсолютно повсюду, даже и около милиции, и рядом с тюрьмой. Жители гор. Молотова глубоко возмущены этими действиями. После амнистии выпущенные хулиганы до 18-летнего возраста занялись опять своим прежним делом — воровством и убийствами. Как указывают работники скорой помощи, в первое воскресенье после вступления в силу амнистии буквально происходила резня и побои в трамваях, поездах, на базарах, в магазинах и т. д., что скорая помощь не успевала выезжать на вызовы. Милиция, по-видимому, не в состоянии справиться с хулиганами, об этом говорит хотя бы тот факт, что в кинотеатре у двух милиционеров при публике срезали наганы. Раньше разъезжали по улицам конные

патрули, а теперь, когда в них крайняя необходимость, их почему-то нет, непонятно, то ли милиция с ними не может справиться, то ли не принимают должных мер, а население из-за этого страдает.

Климент Ефремович, если бы это был пустяк, мы бы к Вам не обратились, но когда уже дело доходит до крайности, то мы просим Вас как председателя Высшего органа государственной власти в стране вмешаться в это дело и принять меры к устранению подобных явлений. Очень жаль, что в нашей стране нет для бандитов расстрела, который бы очень помог в этом деле, несомненно, привел снижение бандитизма, ибо этих людей ничто не исправляет и уже не исправит, ибо они, вышедши из тюрьмы, продолжают заниматься тем же. Этим бандитов надо рассматривать как классовых врагов, мешающих нам строить коммунистическое общество, нарушающих нашу деятельность и быт, буквально погрязших в пьянку, потерявших чувство человечности и совести. Мы надеемся, Климент Ефремович, что наше письмо дойдет до Вас, и вы примете все надлежащие меры для устранения бандитизма.

Жители города Молотова
Всего 85 чел.»¹.

Адресатом анонимного письма был Клим Ворошилов, ставший в марте 1953 г. председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР. Вопреки сталинским обычаям московская комиссия для проверки создана не была. Письмо вернули по принадлежности — местному партийному начальству: у вас безобразия — вы и разбирайтесь. Руководители Молотовского обкома КПСС на этот раз проявили не свойственную им оперативность, тут же поставили вопрос на бюро. На документе, хранящемся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области, есть пометка карандашом: «1) Принято пост. Бюро обкома КПСС от 27/IV—53 г.». «Пост» означает «Постановление», копия которого содержится на следующих страницах дела. Из документа, наспех принятого, видно, что местные партийные начальники были очень встревожены вестью из столицы.

Сталин умер вчера. Что будут делать его преемники — закручивать гайки, или стравливать пар, или то и другое вместе, было совсем непонятно. Хозяин области Филипп Прасс четыре года назад работал в ЦК на маленькой должности, но нрав Г. М. Маленкова — первого человека в новом руководстве (я видел документ, где Георгия Максимилиановича уже называли «вождем партии») — он знал и по этой

¹ Аноним — К. Е. Ворошилову. 4.04.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. Л. 181—182.

причине очень торопился. В первом абзаце постановления, в констатирующей его части, как было положено, члены бюро признали допущенные ошибки: «...в гор. Молотове имеют место многочисленные факты хулиганства, хищений социалистической и личной собственности граждан, грабежей и других грубых нарушений общественного порядка. Только в первом квартале текущего года зарегистрировано свыше 340 случаев разбоя с целью ограбления и раздевания граждан, хулиганства, бандитизма, краж и других преступлений. Вместе с тем, борьба с этими фактами ведется крайне неудовлетворительно». Такое положение дел необходимо немедленно исправить, для чего найти виновных и объявить им взыскания. Члены бюро раздали выговоры начальнику областного управления милиции и первым городским руководителям. Дальше было подробно расписано — кому и что делать.

Наказанным милицейским командирам «...принять безотлагательные и исчерпывающие меры, чтобы в кратчайший срок навести строжайший общественный порядок в городе, пресечь и разгромить все преступные элементы. В этих целях обеспечить значительное повышение боеспособности личного состава органов милиции и правильную расстановку милицейских сил на важнейших участках города. О принятых мерах по наведению общественного порядка в г. Молотове доложить обкому КПСС к 1 июня 1953 г.».

Председателю горисполкома Зайцеву под личную ответственность «...провести мероприятия по освещению трамвайных линий и улиц города».

Начальнику гарнизона «...и командирам всех войсковых частей и соединений, дислоцированных в г. Молотове и его окрестностях, принять срочные меры к значительному усилению патруля в городе и улучшении организации его работы, оказывать повседневную помощь органам милиции в обеспечении общественного порядка, упорядочить отпуск военнослужащих из расположения частей и строго пресекать факты их недостойного поведения»¹.

Не дожидаясь отчетов об исполнении, Ф. М. Прасс отправляет в Президиум Верховного Совета СССР пространную докладную записку — ответ на анонимку:

«Проверкой письма, адресованного на Ваше имя, о преступности в городе Молотове, установлено, что преступность, действительно, имеет большое распространение, однако такого угрожающего положения, как указано в письме, фактически в городе нет.

¹ Постановление Бюро Молотовского обкома КПСС от 27 апреля 1953 г. «О фактах преступности в гор. Молотове и мерах усиления борьбы с ними»//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. Л. 183—185.

Изложенный в письме факт, что в 6 часов вечера у себя в квартире, на лестнице начали душить женщину с целью ограбления, проверкой не подтвердился. Не было также указанного в письме случая изнасилования учащимися 10 класса девушки, которую, как сообщается в письме, привязали на кладбище к кресту и она, получив повреждения и обморожение, скончалась. Вымышленным оказался факт о том [так в тексте — О. Л.], что бандиты проиграли в карты 300 девушек.

В ноябре — декабре 1952 г. в поселке Шпальном было 7 пожаров в частновладельческих домах. Эти пожары послужили поводом к распространению провокационных слухов о том, что будто бы заключенными проигран в карты поселок Шпальный — и его намечено сжечь. Однако фактов проигрыша поселка в карты и подготовки его поджога не установлено. За период с декабря 1952 по апрель 1953 года в городе обнаружено 8 анонимных записок с угрозами о поджогах. Авторы этих записок сознались в распространении ложных слухов, над тремя из них состоялся товарищеский суд. Работа по выяснению истинных причин пожаров в поселке Шпальный продолжается.

Не соответствует действительности изложенный в письме факт о том, что после амнистии выпущенные хулиганы до 18-летнего возраста занялись опять воровством и убийствами. Как установлено проверкой, амнистированными в городе Молотове совершено 10 преступлений, за которые привлечено к ответственности 11 человек, из них только 1 человек до 18-летнего возраста.

Не подтвердилось проверкой также и то, что в первое воскресенье после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, происходила резня и побои в трамваях, поездах, на базарах, в магазинах и т. д., что скорая помощь не успевала выезжать на вызовы. В действительности, в воскресенье 29 марта было зарегистрировано 5 случаев побоев и порезов, которые к амнистированным никакого отношения не имеют.

В письме правильно сообщаются факты о похищении оружия у двух милиционеров. Первый факт имел место 21 декабря 1952 г., преступник был найден, и оружие у него изъято. Второй факт совершился 23 марта 1953 г., розыск преступника и оружия производится.

В работе органов милиции города Молотова по борьбе с преступностью имеются серьезные недостатки. Особенно слабо организована наружная служба милиции. Из-за некомплекта сержантского и рядового состава милицейских постов в городе выставляется мало. Высылаемые 9 пар конных патрулей, по существу, незаметны.

Бюро Молотовского обкома КПСС 27 апреля 1953 года специально рассмотрело вопрос о фактах преступности в городе Молотове и

мерах усиления борьбы с ними. За неудовлетворительную работу, неприятие должных мер по улучшению деятельности работы милиции в борьбе с преступностью начальнику областного управления милиции тов. Ушахину объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. За проявленную бездеятельность в организации работы по борьбе с преступностью в городе и безучастное, формально-бюрократическое отношение к этому важнейшему делу секретарю Молотовского горкома КПСС тов. Боброву и председателю горисполкома тов. Зайцеву объявлен выговор. Секретарю обкома ВЛКСМ тов. Мелькову и секретарю Молотовского горкома ВЛКСМ тов. Хорошутину указано на их безответственное отношение к выполнению указаний обкома КПСС об улучшении воспитательной работы среди молодежи. Обращено внимание начальника областного управления МВД тов. Цикляева на крайне неудовлетворительное руководство работой милиции как в городе Молотове, так и в области.

Бюро обкома КПСС наметило ряд мер по наведению порядка в городе, повышению боеспособности личного состава органов милиции, усилению политико-воспитательной и культурно-массовой работы среди трудящихся города, особенно среди молодежи и обеспечению строгого порядка и организованности при отправке амнистированных к месту жительства. Проведение в жизнь намеченных мероприятий обкомом партии взято под контроль¹.

Вот, собственно, и вся история, укладываемая в простую формулу: жалоба — заседание — отписка по начальству. Естественно, с бюрократическим продолжением. В обком все лето поступали справки из разных мест о принятых мерах. Так горисполком рапортовал, что он, мобилизовав «внутренние резервы», произвел «...усиление уличного освещения», но «кабельных изделий» все равно не хватает и потому он «...вошел 17 июня 1953 с ходатайством в Совет Министров СССР о выделении для г. Молотова необходимых материалов». Получен благоприятный ответ, и появляется возможность «...оборудовать освещение основных магистралей города и закончить освещение трамвайных линий», а пока оборудование не пришло, горисполком занят важным делом: активизирует работу административных комиссий при райисполкомах².

¹ Прасс — Ворошилову 20.05.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 157. Л. 96—97.

² Отчет о выполнении постановления бюро Молотовского обкома КПСС от 27 апреля и бюро горкома от 26 апреля 1953 г. о мерах борьбы с преступностью в городе. 8.08.1953//ГАПО. Ф. р176. Оп. 6. Д. 134. Л. 51—52.

Управление милиции, в свою очередь, также докладывало о принятых мерах по усилению общественного порядка: обезврежена бандитская группа, задержаны участники разбойных нападений и пр.

Отписывался об усилении воспитательной работы среди молодежи обком комсомола.

В конце концов, постановление бюро обкома от 27 апреля было «...снято с контроля» как выполненное.

На первый взгляд, здесь все обыкновенно. Типичный случай функционирования советской бюрократической машины. Анонимный гражданин жалуется большому начальству на отдельные недостатки и недоработки начальства малого. Москва требует разъяснений от своих местных агентов, те признают свои ошибки, обещают их исправить, выносят взыскания, сочиняют постановления, собирают справки и доклады, которые затем с течением времени списываются в архив. С точки зрения формальной, все операции с «письмом Климу Ворошилову» укладываются в эту схему. А вот что касается содержания, скрытого за казенными оборотами, то оно не столь просто и однозначно.

Начнем с письма. Автор его, взявший в качестве псевдонима, числительное — «85 человек», был, скорее всего, мужчиной вполне зрелого возраста, политически подкованным и грамотным, хотя и не слишком образованным. Правда, в деле сохранилась только копия, переписанная в секретариате Верховного Совета на машинке, так что ошибки могли и устранить, хотя, как правило, этого не делали. Стиль же не меняли никогда. Судя по нему, письмо сочинил человек, поднаторевший в чтении официальных бумаг, скорее всего, маленький служащий, может быть, отставник НКВД-МГБ, или прокуратуры, на крутых поворотах карьеры потерявший и чин, и партбилет. По этой причине и пишет наш автор не в ЦК КПСС, а в Верховный Совет.

Впрочем, молотовские органы сочинителя не искали. В политике анонимный автор разбирается, знает хорошо не только новую должность Клима Ворошилова, но и ее конституционный статус. Официальной риторикой владеет превосходно: идея — признать уголовных преступников врагами народа и на этом основании расстрелять — свидетельствует о глубоком знании большевистской логики, а возможно, и практики образца 1937 года. Только в одном он расходится с партийной линией: явным образом не любит молодежь, не противопоставляет кучке хулиганов и бандитов сплоченные ряды юных строителей коммунизма, оказывается не в состоянии пересилить личную неприязнь и страх по отношению к дерзким и беспашашным подросткам.

Итак, можно предположить, что автор письма — человек молодой, грамотный, далеко отстоящий от властных учреждений, явно

не фронтовик — о войне в письме ни строчки. Он жадно ловит все слухи и охотно им верит. На местное начальство не надеется. Правда есть только в Кремле. Его письмо к Ворошилову — отчаянный крик о помощи, но не только. Житель Молотова призывает Правительство изменить закон — вернуть смертную казнь за уголовные преступления. В 1954 г. вернули.

Письмо очень точно передает атмосферу страха и неуверенности, порожденную нахлынувшими событиями — смертью вождя и большой амнистией.

Едва ли не все истории, о которых оно рассказывает, это страшные городские сказки. Не распинали злые хулиганы нагую деву на кресте, не проигрывали в карты 300 юниц, не палили из озорства поселок Шпальный. Не мчались по воскресным улицам кареты «Скорой помощи», увозя изрезанных, изрубленных людей. Постового, правда, разоружили, ну так это случалось и раньше.

Самое главное, не злодействовали на улицах города амнистированные преступники. Их 4 апреля в областном центре просто не было. Амнистия 27 марта 1953 г. была актом политическим, а поэтому неожиданным и технически не подготовленным. Из лагерей предписывалось немедленно освободить тысячи людей, выдать им документы, деньги, проездные билеты по месту жительства и, в конце концов, трудоустроить. Самое легкое — это было прочесть на утреннем разводе указ об амнистии, подписанный все тем же Климом Ворошиловым, выкрикнуть здравицу родному Правительству, а дальше решать навалившиеся неожиданно проблемы. Нужно было создать комиссию, пересмотреть, а затем рассортировать всю лагерную картотеку по статьям и срокам, отобрать отпускников, найти где-то деньги, одежду, раньше времени закрыть наряды за март, договориться с железной дорогой, в общем, для лагерной администрации дел было невпроворот. По приказам на всю подготовку отводилось десять дней. В реальности, процедура освобождения затягивалась до четырех — десяти недель: Амнистированных отпускали на волю без гроша в кармане, зачастую без сапог, в рваных телогрейках последнего срока. Сносную одежду отбирали.

«Действительно, первый день освобождения [15 апреля 1953 г. — О. Л.] был не совсем организован, — сообщал в Молотовский обком начальник областного управления лагерей и колоний, — освобождающимся не была выдана зарплата за март месяц, ввиду не закрытия нарядов хозорганом. Но последним разъяснено, что [так в тексте — О. Л.] они по приезду к месту жительства сообщили свой адрес, и причитающаяся им зарплата за март месяц будет выслана почтой. Отсутствовал автотранспорт для перевозки на вокзал.

В последующие дни недоработки первого дня были устранены, и всех освобождающихся обеспечивали билетами к избранному ими, согласно опроса [так в тексте — О. Л], места жительства, деньгами взамен продуктов питания на путь следования и зарплатой»¹.

В первые дни апреля жители г. Молотова «...выпущенных хулиганов до 18-летнего возраста» видеть не могли. И потому рассказ о совершенных ими грабежах и убийствах, это не свидетельство очевидца, а, скорее, предвосхищение будущего.

Сотни людей, одетых в арестантские телогрейки и бушлаты, будут на станциях в Соликамске, в Чусовом, в Красновшерске, в Губахе ждать поездов, брать на крик железнодорожное начальство, бродить по улицам, пить, задирать с местными жителями, приставать к женщинам, тащить, что плохо лежит, раздевать прохожих, случалось, и браться за ножи. Власти спохватились только в самом конце мая, предписав постановлением Совета Министров СССР «...прекратить торговлю спиртными напитками на вокзалах и привокзальных площадях во время стояния эшелонов с амнистированными»².

Не знаю, как этот запрет соблюдался, но в мае торговля водкой на станциях и пристанях шла бойко.

«Преступность в г. Соликамске с 4 мая 1953 г. резко возросла в связи с освобождением по указу от 27.III.53 г. амнистированных, — сообщал по начальству городской прокурор. — Подрезано ножами и другими предметами в г. Соликамске и р-не всего 8 человек, из них 2 человека умерли — один вольный из Соликамского района Белорусов — солдатами воинской части. Второй ТЕЛЯКОВ [так в тексте — О. Л] амнистированный, изрезан неизвестно кем в г. Соликамске. Подрезан работник Соликамской тюрьмы № 2 г. Соликамска Шорин Николай Васильевич тоже неизвестно кем. <...> В г. Соликамск с Ныроба пригнали 3 баржи и пароход, но и не смогли обеспечить своевременной их отправки. 750—800 человек находилось освобожденных 4—5—6 мая в г. Соликамске. Освободившиеся с разных ОЛПов, между ними началась ссора и поножовщина. <...> Освобожденные продолжают ежедневно прибывать и бродят по г. Соликамску группами в 3—5 человек.

Гражданам г. Соликамска надлежащего покоя нет, и нам нормально работать не дают, приходят и требуют их отправки.

Показывают набранные ножи и другие боеприпасы: заточенные скобы, гвозди, финки — вот в такой обстановке мы работаем в на-

¹ Дикой — Семеновой З. П. 30.04.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 179. Л. 189.

² Приказ генерального прокурора СССР. 8.06.1953//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 240. Л. 95.

стоящее время, и это нам обещают еще на продолжительное время. Просим оказать нам соответствующую практическую помощь»¹.

В те дни быстрее пассажирских поездов бежала молва о страшных бандитах, отпетых убийцах, берущих штурмом поселки, станции и города. И еще раньше, чем в г. Молотове появились первые амнистированные, местное население уже знало: пришли лихие времена. Надеяться не на кого, прятаться некуда, бежать нельзя.

В городах появились сотни бывших лагерников, легко узнаваемых по стриженным головам, по серым потертым ватникам и по блатным повадкам. Милиция сообщала:

«По имеющимся данным по гор. Молотову и районам области на 1 октября 1953 г. из числа амнистированных по указу ПВС СССР от 27 марта 1953 г. В Молотове прописано: 5991 человек; трудоустроено 4818 чел., выбыло 233 чел. <...> По Городам и Районам области прописано: 15794; трудоустроено: 15068; арестовано 728 человек; выбыло 2649 чел.»².

Устроиться на работу бывшим заключенным было трудно. До июня 1953 г. в полном объеме действовали старые инструкции, запрещающие или ограничивающие прием на оборонные предприятия лиц, имеющих судимости. Только 30 мая Совет Министров СССР принял совершенно секретное постановление «Об устранении недостатков в трудоустройстве освобожденных по амнистии граждан», в котором среди прочих указаний руководителям предприятий предписывалось «...не бояться ответственности за “засоренность кадров”» и брать на работу амнистированных³.

Те, впрочем, в большинстве своем не торопились возвращаться к размеренной и скудной жизни сознательных советских граждан и куролесили вовсю. Вот зарисовка с натуры:

«31.12.53 г. хулиганы Аков, Юлушев и Якшнев, будучи пьяными, пришли в Усть-Гаревский клуб, где проводился новогодний бал-маскарад. Перечисленные выше лица учинили в клубе хулиганские действия, выражались нецензурными словами, разогнали участников бала, в окнах выбили стекла, сломали диван, досками от которого избивали граждан, сломали кувшин, графин, сбили два портрета. Выбе-

¹ Сибириков — Яковлеву. Май 1953//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 277. Л. 24.

² Справка управления милиции УМВД по Молотовской области. Октябрь 1953//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 587. Л. 5—7.

³ Приказ генерального прокурора СССР. 8.06.1953//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 240. Л. 95.

жав из клуба на улицу, они продолжали хулиганить, избили палками гр-на Шицина, с головы которого сорвали шапку и унесли ее»¹.

Паника охватывала не только мирных обывателей, но и людей казенных: Из тихого села в адрес областного прокурора пришла паническая телеграмма: «По сообщению начальника Осинского РО МВД майора т. Демченко, оперативный состав прокуратуры проигран в карты вышедшими недавно из заключения лицами. <...> Прошу о даче нам разрешения на право ношения огнестрельного оружия и выдачи нам такового»².

И на самом деле, амнистия 27 марта 1953 года отозвалась на территории области ростом уличной — самой заметной и для мирного обывателя самой опасной — преступности. Лагерная культура, привитая в большом объеме культуре уличной и барачной, стала ферментом, усилившим и интенсифицировавшим процессы криминализации быта. В общественной жизни области можно было наблюдать явление интерференции: сошлись в один момент времени две волны: подъем молодежной преступности и послелагерный разгул, спровоцированный неожиданным и неподготовленным возвратом к вольной жизни вчерашних заключенных³.

В сентябре 1953 г. местные власти подвели первые итоги: разбойных нападений по области за первое полугодие — 138, а за второе полугодие прошлого, 1952 года — 112; разбойных нападений с убийствами — 8; в прошлом году — 10; изнасилований зафиксировано 19 — против прошлогодних 20 и т.д.⁴.

Годовой баланс был более впечатляющим:

«Состояние преступности по Молотовской области за весь 1953 год характеризуется следующими данными:

¹ Гуцин — Яковлеву. 24.04.1954//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 586. Л. 403.

² Решетникова — Яковлеву. 11.07.1953//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 587. Л. 25.

³ Постоянный рост молодежной, особо опасной, преступности: умышленные убийства, бандитизм и изнасилования — был замечен областной прокуратурой за несколько лет до амнистии. См.: О состоянии борьбы с преступностью за январь — октябрь 1951 г.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 216.Л. 9—11. «В основном совершает преступления молодежь», — констатировалось на межведомственном совещании в 1952 г. Протоколы межведомственных совещаний работников милиции судов и прокуратур городов и районов области и материалы к ним. 29.12.1952.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 3. Д. 53. Л. 65.

⁴ См.: Доклад на межведомственном совещании при Молотовском обкоме КПСС руководящих работников Облпрокуратуры и прокуратуры г. Молотова, управления министерства юстиции, Облсуда, УМВД, управлений милиции и т.д. 11.09.53.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 275. Л. 5—6.

За бандитизм привлечены к уголовной ответственности 144 человека по 47 делам, против 63 человек по 30 делам в 1952 году.

За умышленное убийство привлечено 181 человек по 169 делам, против 142 человек по 33 делам в 1952 г.

Из числа привлеченных лиц за умышленное убийство в 1953 г. было несовершеннолетних 6 человек, из них 2 человека до 16 лет и 4 человека от 16 до 18 лет.

За хищение государственного и общественного имущества привлечено в 1953 г. 2665 человек по 1896 делам, против 3868 чел. по 2653 делам в 1952 г., в т.ч. 29 подростков до 16 лет и 98 чел. от 16 до 18 лет.

За кражу личной собственности граждан привлечено 2306 чел по 1775 делам, в том числе несовершеннолетних до 16 лет — 42 человека и от 16 до 18 лет — 177 человек.

За хулиганство в 1953 г. привлечено 4276 человек по 3454 делам, против 3356 человек по 452 делам в 1952 г. Из них несовершеннолетних до 16 лет 3 человека и от 16 до 18 лет — 96 человек.

За изнасилование привлечено 152 человека по 119 делам, против 132 человек по 104 делам в 1952 г.

Всего за уголовные преступления в 1953 г. привлечено органами следствия 555 несовершеннолетних, из них до 16 лет 93 человека и от 16 до 18 лет 462 человека.

Из числа привлеченных несовершеннолетних членов ВЛКСМ было 365 человек»¹.

Среди задержанных в г. Молотове преступников с были новобранцами уголовного мира². Правда, у них были хорошие учителя. В январе 1954 г. сотрудниками городской милиции была раскрыта и арестована преступная группа, совершавшая дерзкие нападения на прохожих: отбирали шапки, снимали часы, охотились за портсигарами. Во главе группы стоял 18-летний грузчик, прошедший в лагерях около года. С ним разбойничали юные фрезеровщики, слесари, токари и ученик сапожника, все прежде не судимые³.

¹ Яковлев — Струеву 23 01 1954//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 160. Л. 52—53.

² См.: Доклад и отчет о работе прокуратуры г. Молотова по выполнению приказа Генерального Прокурора СССР 225с от 31 авг. 1953 г. и постановления Совета Министров СССР от 27 авг. 1953 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью» в 1953 г. 18.01.1954//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 500. Л. 4.

³ Кудряшов — Новикову 30.01.1954//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 586. Л. 109.

Милицейские сводки все чаще сообщали о преступлениях, совершаемых подростками и молодыми людьми, ряженными под матерых рецидивистов. Если слово «амнистированный» внушало мистический ужас, грех было местным озорникам этим не воспользоваться.

Осенью 1953 г. в обком поступило новое анонимное письмо. Автор, спрятавшийся под псевдонимом «рабочие», доносил начальству: «В последнее время участились случаи, когда грабители нападают на граждан, раздевают, отнимают ценности — часы, серьги отбирают. Эти звери в образе людей так обнаглели, что орудуя открыто днем и тем больше в ночное время. Днем подходят и прямо предлагают снять с рук часы и угрожают ножами. Таких случаев очень много. Видно, потому что борьбы с этим злом, с проклятым прошлым органы милиции не ведут на руку вора и грабителям. У этих людей нет никаких убеждений, ни человеческой морали, ни человеческого отношения. Их девиз — грабеж, разбой и убийство, что невместно [так в тексте — О. Л.] в нашем социалистическом обществе.

В городе население запугано, помощь друг другу оказать боятся, хотя раздевают рядом»¹.

Упомянутые в письме «органы милиции» регулярно поставляли табличные отчеты, в которых скрупулезно, до единицы были подсчитаны все преступные акты, разнесенные по статьям уголовного кодекса. Правда, милицейской статистике ни в обкоме, ни в прокуратуре не верили. Помощник прокурора области И. И. Буканов, оставив всякую дипломатию, говорил на официальном совещании в январе 1952 года:

«Преступность в области растет с каждым месяцем, раскрываемость преступлений еще очень низкая. Цифры, приведенные тов. Миловым [заместителем начальника областного управления милиции — О. Л.], далеки от истины и не соответствуют действительности, так как многие преступления в органах милиции не регистрируются»².

Прошло полтора года, и вновь на межведомственном совещании прокурор области М.В. Яковлев повторил все тот же упрек: «Многие преступные проявления не учитываются органами милиции»³.

¹ Аноним — Прассу. Без даты//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 178. Л. 267—267(об).

² Протокол оперативного совещания при прокуратуре области. 14.01.1952//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 246. Л. 73.

³ Доклад на междуведомственном совещании при Молотовском обкоме КПСС руководящих работников Облпрокуратуры и прокуратуры г. Молотова, управления министерства юстиции, Облсуда, УМВД, управлений милиции и т.д. 11.09.53//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 275. Л. 6.

Числа, даже точно подсчитанные, — это только числа — заполненные графы в таблицах. 17977 человек, осужденных за 1952 год в Молотовской области¹, это много, мало или в пределах неписанной нормы? Эмоциональное воздействие статистики на читателя, привыкшего к сводкам, невелико. Руководители прокуратуры об этом наверняка знали и потому обильно оснащали справки фактическим материалом, явно стремясь пробудить интерес партийных начальников к проблеме преступности. Прочитируем фрагмент официального доклада, изменив имена фигурантов:

«В городе Молотове 13 декабря 1953 года Кротов А. А., 1939 года рождения, ученик 7 класса, встретив своего товарища Трофимова В. Г., 1938 г. рождения, ученика 7 класса, пригласил его распить пол-литра водки, которая у него была спрятана в снегу. После распития водки Кротов пригласил Трофимова пойти к его знакомой девочке Перминовой Любе, ученице 7 класса с целью склонить ее к совершению полового акта с ними обоими, если она откажется, то убить ее. Вызвав Перминову из дома, Кротов познакомил ее с Трофимовым, и все трое пошли гулять. Кротов и Трофимов стали склонять Перминову к совершению полового акта с ними обоими, а когда она отказалась, то он стал угрожать ей имеющимся у него финским ножом. Когда Перминова на последнее предупреждение и угрозу Кротова ответила отказом, то Кротов ударил Перминову ножом в шею, а затем нанес несколько ударов ножом в голову. Перминова умерла. Кротов и Трофимов засыпали труп Перминовой снегом и разошлись по домам»².

Возникает вопрос, зачем прокуроры и милиционеры так старательно пытались потрясти воображение партийных начальников шокирующими подробностями? Ждали от них каких-то чрезвычайных мер? Но все то, что предлагали руководители правоохранительных учреждений, сводилось к повторению маловразумительных заклинаний о необходимости «усилить воспитательную работу», «повысить роль комсомольских организаций», «обратить внимание хозяйственных руководителей», «нацелить на решительную борьбу» и пр. Или, может быть, надеялись, что секретарь обкома в состоянии повлиять на центральные инстанции, побудить их

¹ См.: Яковлев — Прассу Ф. М. 18.02.1953. О неудовлетворительном выполнении Постановления Совета Министров Союза ССР от 8 апреля 1952 г. «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР»//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 79—90.

² Яковлев — Струеву 23.01.1954 «О состоянии преступности по Молотовской области (преступления, совершаемые молодежью)»//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 160. Л. 56.

внести изменения в карательную политику (но об этом в докладах ни строчки, ни слова). Вряд ли чиновники в коричневых и синих мундирах были настолько наивны, чтобы верить в существование какой-то магической партийной палочки, взмахом которой можно было остановить волну преступности. А может, все было проще, и побуждая партийное руководство к действию, они стремились переложить ответственность на чужие плечи: мы предупреждали, но нас не слушали; или: мы строго следовали полученным директивам; кто их давал — с тех и спрос.

В конце концов, общими усилиями они добились своего. Партийное начальство признало существование проблемы и даже поставило о ней в известность московские власти в отчете 1953 года перед высшей партийной инстанцией — большим 50-страничным докладом, адресованном первому секретарю ЦК партии Н. С. Хрущеву.

Руководителям области в декабре предстояло держать ответ на секретариате ЦК КПСС о результатах работы за последние четыре года. Столько времени прошло с того дня, когда по решению высшей партийной инстанции сотрудник центрального аппарата Ф. М. Прасс заменил К. М. Хмелевского на должности первого секретаря Молотовского обкома. Четыре года — срок небольшой, но за это время успела смениться эпоха. В сталинском кабинете сидели уже другие люди. С ними входил в силу новый стиль партийной речи. Бравурный пафос прежних лет, уже заклеянный как «политическая трескотня», был оставлен для пропагандистских статей. Кадровая тема из центральной становилась периферийной. Хозяйственные вопросы в аппаратной партийной среде полагалось теперь обсуждать по-деловому, самокритично, профессионально. Люди Прасса, готовившие отчет, очень старались попасть в тон, но не слишком в этом преуспели. В качестве образца они взяли докладную записку 1950 года, подшитую в ту же самую папку, что и копия нового отчета. Тогда все было предельно ясным. Ф. М. Прасс рапортовал Г. М. Маленкову: кадровая чистка команды Хмелевского успешно осуществлена. Партийные массы приветствуют увольнение прежних руководителей и подсказывают, кого еще нужно прогнать: «По просьбам собраний актива освобождены также от работы секретари Половинковского горкома ВКП(б) Блиновских и Шушков — за злоупотребления, пьянку и недостойное поведение, председатель Молотовского горисполкома Михайлин и его заместитель Герасимов — за бюрократизм в работе и безответственное отношение к порученному делу. <...> Из 420 работников основной номенклатуры обкома ВКП(б), сменившихся в первом полугодии 1950 г., освобождены как не справившиеся с рабо-

той, как скомпрометировавшие себя, за нарушение директив вышестоящих органов 176 человек»¹.

Ф. М. Прасс знал, о чем и как докладывать Г. М. Маленкову. Фигура Н. С. Хрущева, председательствующего в новом секретариате, оставалась для него загадочной. Образ недалекого провинциала, заискивающего перед сильными мира сего, на глазах приобретал новые необъяснимые черты². Хрущев не только выступал от имени партии, но и все больше прибирал к рукам партийный аппарат. С Никитой Сергеевичем приходилось считаться, его требования предугадывать.

По старым прописям делать отчет было нельзя. О новых в г. Молотове имели смутное представление. И потому отчет 1953 года по качеству исполнения значительно уступал докладу трехлетней давности.

В конце концов, получилась развернутая и маловразумительная объяснительная записка. Мы де очень старались, да мало смогли, поскольку увлеклись «... заседательской стороной дела, в ущерб живой организаторской работе по проведению в жизнь директив Партии и Правительства». Иногда авторы не выдерживали тон, и тогда униженная самокритика вдруг перебивалась звонкими рапортами о славных победах. Но вообще-то составители доклада сильных слов в свой адрес не щадили и недостатков не скрывали.

В заключительном разделе доклада неожиданно возникла тема преступности:

«В области имеется много фактов нарушения общественного порядка, пьянства, хулиганства, нарушения трудовой дисциплины и незнательного отношения к социалистической собственности. Административные органы и хозяйственные руководители слабо борются с этим злом, но главной причиной такого позорного положения яв-

¹ Ф. М. Прасс — Г. М. Маленкову 14.08.1950 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 123. Л. 16—17.

² Прежняя репутация Н. С. Хрущева в столичных кругах была вполне однозначной: пресмыкающийся перед Сталиным и его ближайшими соратниками лакей. См.: Маневич И. У «вертушки» // Искусство кино. 1988. №7. С. 134. По отношению к подчиненным — хам: «Всегда одинаково грубый, беспрекословный, истеричный он откровенно выслуживался перед Вождем и Учителем. Каждое его появление ознаменовывалось длинной литанией благодеяний детям и взрослым, которые должны есть только с монаршей руки. В захлебе преданности вождю он не знал себе равных. <...> Всегда потный, обтиравший лицо огромным платком, человек с маленькими глазками и визгливым голосом не мог переродиться, не мог иначе начать мыслить, если никогда не пытался мыслить вообще». Молева-Билютинина Н. Вычеркнутые тексты // Вышгород. 2006. №5—6. С. 125.

ляется запущенность воспитательной работы среди некоторой части населения»¹.

Партийный язык тех лет нуждается в переводе. «Позорное положение» означало непрерывный рост уголовных преступлений на протяжении всех четырех лет; «некоторой частью населения» называлась молодежь, поставившая большую часть криминальных элементов.

Правда, руководители обкома тут же переложили ответственность за рост преступности на правоохранительные органы, в основном, конечно же, на милицию. И здесь каждое лыко аккуратно ложилось в строку. Почему хулиганы распоясались? Да потому что в городе мало конных патрулей — всего 9 пар; некоторые рядовые милиционеры несут постовую службу в нетрезвом состоянии; их командиры самовольно сокращают себе рабочий день, а на службе точат лясы:

«Проведенной по вашему указанию специальной проверкой режима работы в Управлении милиции г. Молотова и во всех двенадцати подчиненных ему городских отделениях милиции установлено:

Существующий в управлении милиции распорядок служебной работы: до 12 часов ночи — всему оперативно-начальствующему составу и до 2 часов ночи руководящему составу (от начальника отдела и выше) выдерживается только формально, — докладывал секретарю обкома начальник областного управления МГБ. — Сотрудники систематически опаздывают на работу или, если и являются аккуратно, то непроизводительны тратят время на беспечное хождение по кабинетам, неделовые разговоры между собой»².

Если попытаться из пространных рассуждений на криминальные темы в официальных партийных бумагах 1953 года сделать более или менее вразумительное умозаключение, то его можно сформулировать так: причиной роста преступности является неудовлетворительная работа милиции. Не могу с точностью утверждать, что на самом деле думали секретари обкома, но писали и говорили они именно это.

Взглянуть на проблему иначе партийные работники сталинской школы не умели и, видимо, не могли. Обдумывать ситуацию в социальных терминах не полагалось: и соответствующий язык был утрачен, и идеологическая традиция запрещала. Советское общество нужно было видеть и описывать единым, здоровым, оптимистически настроенным, счастливым, бодрым и устремленным в будущее трудовым коллективом. В нем, если и встречались отдельные недос-

татки, то они подлежали быстрому и решительному искоренению под руководством партийных организаций. Да и сами недостатки появлялись только потому, что отдельные недобросовестные начальники плохо справлялись со своими обязанностями, или вредили враждебные элементы. Социальной основы для преступности при социализме нет. Этот тезис советская юридическая наука защищала до середины 80-х годов. В начале 50-х гг. в ходу было суждение, согласно которому некоторые отсталые слои населения ведут себя ненадлежащим образом, потому что несут в себе родимые пятна старого мира. Так уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Молотовской области, донося по начальству о состоянии религиозности сельского населения, в заключении сделал соответствующую приписку: «Все еще сказываются отрывки и пережитки капитализма, оставшиеся в сознании еще у отдельной части населения, с которым необходимо вести упорную массово-разъяснительную и политико-воспитательную работу, чтобы помочь им освободиться от всяких суеверий прошлого»¹.

В данном случае такое объяснение не подходило. Преступность пятидесятых зарождалась в иной возрастной среде, выросшей при советской власти. Она была молодежной.

Надо заметить, что и милиция, и прокуратура очень точно указывала на группу риска — подростков и юношей в возрасте от 14 до 25 лет, учащихся в школах и ремесленных училищах и работающих на предприятиях:

«Кто у нас хулиганит — не бродяги какие-нибудь, а рабочие промышленности и транспорта, преимущественно молодежь», — констатировал ситуацию в Кизеле работник прокуратуры².

«В общежитиях молодежи творятся безобразия, — соглашались с ним сотрудники районного отделения милиции в областном центре, — молодежь играет в азартные игры, пропивает деньги. <...> В школе продают спиртные напитки, с безнадзорностью дело обстоит плохо. <...> Хулиганство нас одолевает»³.

Молодежь — это передовая часть общества, она выросла при социализме, воспитывалась в советской школе, это юноши и девушки,

¹ Горбунов — Карпову. 23.06.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 143.

² Протокол междуведомственного совещания при Молотовском обкоме КПСС. 3.10.53//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 274. Л. 39.

³ Протоколы междуведомственных совещаний работников милиции судов и прокуратур городов и районов области и материалы к ним. 29.12.1952//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 3. Д. 53. Л. 3—4.

¹ Ф. М. Прасс — тов. Хрущеву Н. С. 12.12.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 123. Л. 215.

² Кремлев — Прассу. 24.01.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 41—42.

преданные товарищу Сталину и коммунистической партии, полные энтузиазма. «Счастьем советского человека является работа на благо нашей любимой Родины, работа на удовлетворение постоянно растущих потребностей наших людей — строителей коммунизма», — так полагалось говорить и писать о молодежи даже в деловых партийных документах¹.

Некоторые молодые люди своему официальному портрету никак не соответствовали. О таких «выродках» за два месяца до амнистии начальник областного управления МГБ отзывался совсем иначе:

«За последнее время участились случаи совершения особо опасных преступлений учащимися школ, ремесленных училищ и молодежью, работающей на предприятиях города»².

Правда эта информация никак не укладывалась в принятые ведомственные нормативы. В отчетных документах о состоянии преступности, подаваемых по инстанции органами милиции, суда и прокуратуры, не было строки «учащиеся»:

«Указать точное число привлеченных к уголовной ответственности в 1952 г. и за 1 квартал т/года лиц указанной категории не представляется возможным, — докладывал секретарю обкома прокурор области, — т. к. специальной статистической отчетностью о совершенных преступлениях и осуждения за них лиц, это состояние не предусмотрено»³.

Поведение молодых рабочих и школьников не соответствовало ни газетным передовицам, ни произведениям социалистического реализма. Они безобразничали, хулиганили, буянили, сотнями дезертировали со строек коммунизма, даже совершали уголовные преступления.

Более того, выяснялось, что молодые люди злодействовали по собственному почину: «Более старших по возрасту лиц, которые бы подстрекали, втягивали или организовывали группу на указанное преступление, а также связей группы с другими преступными элементами следствием не установлено», — информировал прокурор города о расследовании по горячим следам зверского убийства молодой девушки бандой юнцов летним днем на берегу мотовилихинского пруда⁴.

¹ Справка «О работе Молотовского отделения Союза Советских писателей» 1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 200. Л. 4.

² Кремлев — Прасс 15.01.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 21.

³ Яковлев — Мельник 4.04.1953. Справка «О преступлениях учащихся школ старших классов в 1952 году и 1 квартале 1953 г. по Молотовской области»//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 157. Л. 82.

⁴ Кудряшов — Прассу. 6.08.1953.//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 164.

Очаги преступности были известны.

Прежде всего это рабочие общежития, до отказа набитые подростками. Слово «общежитие» не должно вводить в заблуждение. Молодых рабочих размещали в бараках, брошенных деревянных домах, бывших складах и иных помещениях, по официальной оценке «...не пригодных для жилья»¹. Да и заводские помещения мало напоминали просторные, ярко освещенные цеха промышленных гигантов, которые можно было тогда увидеть в советской кинохронике. «Заводы № 260 и № 344 размещены в каркасно-засыпных помещениях, которые в настоящее время находятся в аварийном состоянии, большое количество рабочих в условиях уральской зимы вынуждено работать на открытых площадках, — докладывал секретарь обкома в ЦК. — Заводские поселки этих предприятий не благоустроены и состоят наполовину из пришедших в ветхость зданий барачного типа. Но министерства не принимают должных мер»².

Долгий рабочий день, низкие зарплаты, дурное питание, начальственный произвол — все это вместе взятое порождало атмосферу безнадёжности, разрываемую дикими загулами. «Как правило, хулиганство совершается в обычные будничные дни в нетрезвом состоянии молодежи в возрасте 20—25 лет, работающими на производстве, в основном в тресте «Пашийцемстрой», Владимирская экспедиция и в леспромхозах, частично на других предприятиях города», — информировал областное начальство прокурор города Чусового³.

Прокурор г. Березники писал со знанием дела: «...большой частью эти хулиганские действия совершаются в женских общежитиях». Эти слова не следует понимать так, будто юные работницы, вернувшись с завода, избивали друг друга, воровали мыло и носильные вещи или устраивали оргии. Все было проще. В женских общежитиях резвились «в нетрезвом состоянии» юноши призывного возраста: комсомольцы наравне с преступными элементами, «...вооруженными ножами, самодельными кинжалами и свинчатками». Вот пьяный член ВЛКСМ Г в три часа ночи «...пытался изнасиловать спящую девушку Г-ну, а так как она оказала ему сопротивление, то он перешел на кровать к другой девушке М-ой и пытался еще изнасиловать, в результате М-ва в течение 4 дней говорила, заикаясь, так как сильно испугалась, когда

¹ Справка о проверке неопубликованной статьи собственного корреспондента Комсомольской правды т. Новоплянского «Это мешает строительству жилья» 9.10.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 131. Л. 145.

² Прасс Ф. М. — тов. Хрущеву Н. С. 12.12.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 123. Л. 197.

³ Лыкасов — Яковлеву. Июнь 1953.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 277. Л. 38.

на нее сонную напал Г»./96/ Вот безымянные «пьяные хулиганы», врываясь в женские общежития, приводят туда собак, заставляют «...девушек поить этих собак из кружки, а после этого пить воду, недопитую собакой» и т. д. и т. п. Перечислив множество фактов такого рода, прокурор высказывает, наконец, свое к ним отношение «Многочисленные факты хулиганских проявлений молодежи, особенно в женских общежитиях, вызывают тревогу»¹.

Кроме заводских барачных, рассадниками подростковой преступности были детские дома, в которых на территории области содержалось более 13 000 мальчиков и девочек². «Многие воспитанники [детских домов] не соблюдают гигиены. Имеют место факты сожительства работников детских домов с воспитанницами», — сообщил в обком прокурор области, перечисляя факты нарушения законности в этих учреждениях³. Голодные и битые бесшабашные детдомовцы были пугалом для жителей близлежащих улиц. На языке улице слова «детдомовец» и «преступник» были синонимами. Даже тогдашние адвокаты, прося о снисхождении к своим подзащитным, ссылались на их детдомовское воспитание: что с них в таком случае возьмешь?⁴

Колонии и исправительно-трудовые лагеря были настоящей школой преступности. В 1953 г. прокурор Кизеллага Козлов отправил областное управление юстиции «Представление о нарушениях социалистической законности» в лагере. В нем были подобраны «...факты систематического произвола, избиений заключенных администрацией [Кизеловского] лагеря, умышленные расстрелы заключенных как при их конвоировании к месту работы, так и при задержании бежавших заключенных из лагеря».

Описание лагерных нравов выглядело шокирующим: «заключенный Прохоров был избит надзирателем лагпункта № 2 «Вильва», <...> Избитый Прохоров был раздет до белья, облит холодной водой и в наручниках брошен в нетопленную камеру, где в течение 5 суток лежал без пищи и воды. Кроме того, оперуполномоченный Алексеев при допросе бил Прохорова по лицу». Тот же Алексеев дал прика-

¹ Представление Секретарю Березниковского Горкома ВЛКСМ прокурора г. Березники. 1953. Б.Д. //ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 277. Л. 97—100.

² См.: Тридцать лет. Статистический сборник по развитию хозяйства области за 1917—1947 гг. 25.10.1947//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 175. Л. 96—97.

³ Яковлев М. В. — Прасс Ф. М. 18.02.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 83.

⁴ См.: Семенова — Прассу 21.04.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 144.

зание самоохраннику Ерошенкову: «живых в зону беглецов не приводить, а расстреливать при любых обстоятельствах». Такие же преступные указания Алексеев давал и солдату ВСО лагеря Коньшину. <...> «13 февраля 1953 г. при доставке на автомашинах заключенных к месту работы солдат Гасюков, без каких-либо к этому причин, выстрелом в упор, сзади в голову застрелил заключенного Онорина» и т. д. и т. п. Правда, выяснилось, что начальники не только стреляют в заключенных, но и мирно сотрудничают с ними в предпринимательской деятельности: «При Косьвинской лесобирже незаконно была организована мастерская для изготовления мебели /столы, диваны, шифоньеры, буфеты и т. д. /. Изготовление мебели скрывалось администрацией 8-го л/о путем выписывания фиктивных нарядов заключенным на другие лагерные работы. Изготовленная мебель забиралась руководством без оплаты ее стоимости.

Технорук Косьвенской лесобиржи Савельев систематически изготавливал мебель и продавал ее частным лицам пос. Створ, вырученные деньги присваивал»¹.

За пять лет до этого прокурор области Д. Н. Куляпин напоминал сотрудникам МВД, что «...политико-воспитательная работа во всех исправительно-трудовых учреждениях не может сопровождаться ни причинением заключенным физических страданий, ни унижением их человеческого достоинства» и требовал сделать «условия содержания заключенных»². С тех пор минуло пять лет, но все осталось по-прежнему.

Наконец, следует назвать еще один очаг преступности — расквартированные в области воинские части, подведомственные Министерству обороны и внутренних дел. Дисциплина в них совсем не отличалась строгостью. Солдаты бегали в самоволки, напивались, буянили.

«За последнее время участились случаи бесчинств со стороны военнослужащих 14 стрелковой бригады, дислоцируемой в Бершетских лагерях, — сообщается в официальном документе. — Установлен ряд фактов, когда военнослужащие указанного соединения устраивали нападения на отдельных жителей поселка Юг Верхне-Муллинского района и других прилегающих к лагерям населенных пунктов, врывались со взломом окон и дверей в квартиры местного населения

¹ Козлов — Вавилову 5.06.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 5—16.

² Стенограмма доклада областного прокурора т. Куляпина на объединенном совещании работников прокуратуры и МВД. 20.10.1948 г.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

и похищали их имущество. При попытке жителей к задержанию мародеров, последними применялось огнестрельное оружие»¹.

Бойцы воинской части МВД, дислоцированной в Левшино, по ночам, подобно березниковским комсомольцам, резвились в женских общежитиях. Задержанного патрулем дебошира «...группа солдат, вооруженная кинжалами, шпагами и одним обрезом», отбила от конвоиров и «...скрылась на территории склада»². Больше всех неприятностей доставляла лагерная охрана. Вооруженные автоматами пьяные вохровцы терроризировали соседние деревни, иногда, увлекшись, заходили и на чужую территорию. Д. Н. Куляпин упоминал о случае, когда «...пять человек из работников лагеря во главе со старшиной Брагиным направились на машине для розыска Киселева. Прибыли в [нрзб] район Свердловской области, напились там пьяными, открыли стрельбу, убили одну гражданку и произвели целый ряд других дискредитирующих действий. Возмутительный факт! Вооруженные люди, имея на себе форму, погоны, облеченные доверием, врываются в деревню, открывают стрельбу, убивают людей. Это более чем страшно!»³. Судя по докладу прокурора Козлова, ситуация в 1953 г. совсем не изменилась: «15 мая 1953 г. солдаты того же 11 дивизиона Востриков и Крючковой, прибыв в пос. Створ на учебные сборы проводников собак и пользуясь бесконтрольностью командования ВСО, не сдали имевшееся у них оружие системы “наган”, ушли в поселок. В пос. Створ купили вино, пригласили двух женщин, ушли с ними в лес, использовали их и там же расстреляли обоих»⁴.

Новый прокурор области М. В. Яковлев считал, что существует еще один очаг преступности — начальные, неполные и средние школы, в которых «...не принимают должных мер к улучшению обучения и воспитания детей, имеют место грубое администрирование и извращения. Допускают многие случаи вызова в школы работников милиции для задержания учащихся и доставления их в детские комнаты за малозначительные проступки. В сентябре 1952 г. только в одном г. Краснокамске таким образом были доставлены в детскую комнату при горотделении милиции 12 человек учащихся из 6 и 8 школы (директора школ т. т. Конюхина и Вепри-

¹ Семенов — Тесля. О бесчинствах, чинимых в пос. Юг Верхне-Мулинского района военнослужащими 14 отдельной стрелковой бригады 15.06.1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 161. Л. 22—23.

² Семенов — Китаеву. 18.02.49//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 15. Д. 131. Л. 50.

³ Стенограмма доклада областного прокурора т. Куляпина на объединенном совещании работников прокуратуры и МВД. 20.10.1948 г.//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

⁴ Козлов — Вавилову 5.06.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 12.

на), из них: Мосейкин, Шкляев, Каун, Лаптев, Гуляев, Ширинкин и др. за то, что они во время перемены ссорились с девочками, срывали цветы в садике школы, нарушали своим поведением школьную дисциплину. Многие учащиеся задерживаются в школах и доставляются в детские комнаты “за подозрения” в мелких кражах и хищениях, в то время как в органы милиции заявления о кражах или хищениях ни от кого не поступало»¹.

Почва для преступности была хорошо унавожена: в переполненных бараках, в обстановке ужасающей нищеты и бесправия выросло поколение людей, не знавших отцовского ремня и материнской ласки, людей ожесточенных, злых и нервных, очень часто пьяных. Появление амнистированных на улицах городов можно сравнить с детонатором, приведшим в действие уже готовый взрывчатый материал.

Очаги молодежной преступности были известны прокуратуре. Вопрос заключался в другом, как их погасить, если они спаяны воедино с основными звеньями социалистического порядка — с промышленностью, школой и армией. И что побуждает подростков и молодых людей нарушать закон? Уже первое суждение было крамольным. Ответ на второй полагалось искать в недостатках воспитательной работы.

На самом деле разговоры на тему воспитания были пустой болтовней, прикрывающей нежелание, неумение и боязнь разобраться в подлинных причинах молодежной преступности: нищета подавляющего большинства населения, особенно тяжело переносимая в атмосфере официальной лжи о счастливой жизни советского народа. Нищета тоже имеет свои градации.

Прокурор области процитировал Справку, выданную сельсоветом: «Дана учащемуся Михалеву Ивану Александровичу, 10 лет, сыну колхозницы колхоза им. Калинина Михалевой Н. В. в том, что таковой едет в г. Молотов за сбором милостыни, ввиду отсутствия средств существования у их семьи. Что и удостоверяю»².

Подростки, выросшие в бараках, могли видеть приметы полагающегося им благосостояния в быте одетых в драповые пальто и шляпы благополучных граждан, ужинающих в центральных ресторанах и кафе, курящих на улице папиросы «Казбек», проживающих в каменных домах. Если с исторической дистанции все эти имущественные различия кажутся ничтожными, то для современников они представлялись весомыми и значимыми. Они были маркерами, указывающими на высокий общественный статус их владельцев. В кожаных

¹ Яковлев М. В. — Прасс Ф. М. 18.02.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 80.

² Яковлев М. В. — Прасс Ф. М. 18.02.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 84.

пальто или наручных часах их владельцы — чиновники областных учреждений, инженеры-конструкторы, рабочие-стахановцы, адвокаты, доценты местных вузов, фронтовики, вернувшиеся домой с трофеями — видели признание государством своих заслуг¹.

Для полуголодных выпускников ремесленных училищ все эти предметы роскоши казались зримым воплощением общественной несправедливости, нарушением социалистического нравственного закона, но также и вожаденной добычей, стирающей — пусть на время — границы между общественными классами.

Украсть, чтобы прикоснуться к завидной жизни, — часто встречающийся преступный мотив. Вот рабочие-подростки ночью взломали подсобку городского кафе, что-то съели и выпили там, остатки унесли домой, где и были взяты под арест милицейским нарядом. «Произведенным обыском в указанной квартире было обнаружено 8 бутылок наливки, 6 килограмм шоколада, 3 килограмма шоколадных конфет и 25 пачек папирос»².

Кража — дело постыдное, но вот насильственное изъятие — это увлекательное приключение. Молодые люди не шарят по карманам в трамваях. Они грабят при помощи оружия. Сопrotивляющихся могут и застрелить. Так ученики 21-ой мужской школы, «...организовавшись в разбойную группу в период с августа 1952 г. по февраль 1953 г., вооружившись холодным и огнестрельным оружием, боевым пистолетом «Бавард», систематически занимались в вечернее и ночное время в центре г. Молотова ограблением граждан, отбирали часы, деньги, снимали одежду, обувь и в 2 часа ночи 1 января 1953 г., встретив на ул. Коммунистическая против дома № 37 гр. Чиркова, на почве ограбления убили его выстрелом из пистолета. Всего ими совершено около 30 ограблений граждан»³.

Насилие было разлито по всем ячейкам общественной организации. Семейным орудием воспитания считался ремень. Драки были распространенным и признанным методом разрешения домашних и коммунальных споров. Жены ответственных работников кулаками учили домработниц: «Она кинулась бить меня по голове кулаком и валенком. Потом меня стала выталкивать из комнаты раздетую и без вещей. Я не

¹ «У интеллигенции, по логике сталинизма, не могло быть никакой вины за полученные награды и посты, как не могло быть и зависти со стороны менее облаканных властью». Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с меншанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Коло, 2004. С. 320.

² Кремлев — Прасс 15.01.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 21.

³ Яковлев — Мельник Справка «О преступлениях учащихся школ старших классов в 1952 году и 1 квартале 1953 г. по Молотовской области» 4.04.1953. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 157. Л. 80.

стала выходить раздетая и без вещей. Тогда она пальто и платок головной кинула на улицу, а меня схватила за волосы и вытащила в сени. В сенях топтала и таскала за волосы. Я стала кричать. Тут увидели соседи и меня отобрали. Она вынесла мне вещи и книги, я оделась и ушла»¹. Школьные педагоги не стеснялись в средствах поддержания порядка. Самые яркие случаи сохранялись в хрониках прокуратуры:

«В Чермозском районе, ученик 3-го класса Стариков Володя 28 апреля с. г., идя в школу, по дороге запачкал руки. В школе был вскоре вызван учительницей Поповой А. М. к доске. Увидя загрязненные руки у Старикова, Попова приказала трем учащимся класса немедленно вывести его из школы на двор и бросить в помойную яму, что ученики и исполнили. Затем Стариков этими учениками был вытаскен из ямы и сидел в классе мокрый и грязный на виду у всех учеников класса. Придя домой, от испуга заболел и длительное время не посещал школу»².

Озверение нравов, присущее послевоенным эпохам, за семь лет не было излечено³. Военные практики внедрились в быт. Обычные стычки молодых людей на танцплощадках приобретали характер боевых операций, растиражированных кинематографом: с засадами, внезапными нападениями и карательными экспедициями и взятием заложников⁴.

Преступления, совершенные юнцами, вообще отличались какой-то тупой жестокостью, полным безразличием к чужой, да и к своей жизни. Подростки повторяли на свой лад не раз наблюдаемые ими акты насилия, или разыгрывали сцены по рассказам, подслушанным у подвыпивших фронтовиков.

Милиционеры, каждодневно сталкивающиеся с бунящими подростками, винили во всем водку. Молодежь куролесит, потому что

¹ Объяснения Виноградовой Нины Андреевны студентки школы медсестер, члена ВЛКСМ 16.01.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 178. Л. 52—52(об).

² Казымов — Прассу 30.05.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 130. Л. 48.

³ Уместно здесь вспомнить предсказание Ф. Энгельса о последствиях мировой войны: «Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс...». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 21. С. 361.

⁴ Описание такой боевой операции, проведенной бойцами НКВД на территории завода «Молот» в Чермозском районе, содержится в обширном отчете, отосланном секретарю обкома с места событий. Стародубцев — Гусарову 26.01.1946//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 1140. Л. 4—9.

пьет: «Нужно потребовать от торгующих организаций прекратить продажу спиртных напитков в разлив из киосков, столовых»¹.

Пили в то время, действительно, много. Их отрывочных сведений, сохранившихся в документах, складывается картина всеобщего тяжелого, постоянного пьянства. Пьют все: водку, самогон, брагу. Пьют все. Учителя (правда, только мужчины) и заводские рабочие. Колхозники и члены союза художников. Прокуроры и школьники. Милиционеры и писатели. Офицеры и генералы местного гарнизона. Вот картинка с натуры: «В день открытия лагерей группа генералов и офицеров, коим положено быть на трибуне, после торжественной части так нализалась и валялась недалеко от трибуны, отсюда и пьют солдаты и офицеры, а что, им скажешь — не пей, он ответит, а вы почему пьете»². Не отставали от них партийные секретари и настоятели храмов. Надзирающий за священнослужителями уполномоченный и тот удивлялся: люди преклонного возраста «...65—70 и более лет», а так злоупотребляют³.

«Взять Молотовскую область, я нигде не видал такого массового пьянства мужчин и женщин, что в рабочий день валяются по городу не десятки, а сотни пьяных мужчин и женщин, подчас в трамвае валяется пьяный, милиционер спокойно перешагивает через него, в результате массовое нищенство в городе, забываются отцовские и материнские обязанности, развита проституция открытая, усиливается влияние поповщины», — писал в ЦК ВКП(б) в 1952 г. офицер Молотовского гарнизона⁴.

В трамваях и на улицах лежали пьяные. Обком партии требовал от органов милиции интенсивней проводить их уборку⁵.

Пили тупо, пили с выдумкой. По городу Гремячинску после окончания смены с песнями под гармошку от пивной к пивной, от столовой к столовой шествовали молодые шахтеры. «Пьянствуют, как бы отметку делают — в каждой столовой по 100 грамм, а после чего получается хулиганство, невыход на работу и т. д.»⁶.

¹ Протокол междуведомственного совещания при Молотовском обкоме КПСС. 3.10.53//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 274. Л. 39.

² Армейская дисциплина в офицерском письме Некрасов — Маленкову. 1952. года. <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.030703.asp>

³ См.: Горбунов — Карпову 28.10.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 131. Л. 178.

⁴ Армейская дисциплина в офицерском письме ...

⁵ См.: Протокол междуведомственного совещания при Молотовском обкоме КПСС. 3.10.53//ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 274. Л. 46.

⁶ Выписка из протокола № 15 партийного собрания парторганизации Гремячинского Горотдела МГБ от 20.10.1952//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20.

Водка была самым доступным продуктом. Власти не делали ничего, чтобы как-то ограничить ее продажу навывнос и распивочно, хотя бы возле заводских проходных. Профсоюзный активист завода имени Молотова Колпаков годами пытался объяснить высоким партийным руководителям, что так делать не следует, письмо на 18 листах под заголовком «Поклонники бога вина Бахаса»(!) отправил на имя Ф.М. Прасса. Все тщетно: «...некоторые руководящие работники просто мне говорили, что я не понимаю политики партии и правительства, что я подрываю этим самым экономику нашей страны»¹.

Здесь не место выяснять причины всеобщей алкоголизации мужского населения в послевоенных городах и селах. Отмечу только, что повальное пьянство добавляло новые штрихи в общую картину повсеместного одичания, вызванного войной и отчаянной нищетой. Молодежь, усваивающая свои первые жизненные уроки в этой среде, жадно впитывала в себя атмосферу повседневного насилия и пьяного разгула, не стесняемого твердыми нравственными устоями.

Вот характерный случай, относящийся все к тому же 1953 году. В селе Гамово в Великую субботу 4 апреля отключили электричество. Молодежь, собравшаяся было в клуб — в кино и на танцы, отправилась в местный храм. Во время службы пьяные юнцы резвились, как могли: в паперти играли на гармошке, сквернословили, курили, орали священнику: «А ну-ка, батька, спой еще что-нибудь получше, а мы послушаем». Во время крестового хода в церковной ограде под свист и гогот началась драка, закончившаяся смертоубийством. На приеме у уполномоченного по делам русской православной церкви настоятель Гамовского храма сказал: «Я не знаю, кто был организатором этих неприятностей, молящиеся были весьма огорчены»².

Основания огорчаться были и у жителей областного центра. Темными вечерами в центре г. Молотова орудовала вооруженная банда. Один за другим следовали нападения на прохожих. «В течение декабря 1952 и начала января 1953 г. в г. Молотове ими совершено 7 разбоев и 5 попыток ограбления». Под угрозой пистолета у обывателей отнимали часы, портсигары, если удавалось и деньги, если нет, раздевали. Как-то раз у старушки отобрали пуховую шаль и забрали туфли. Сопrotивляющихся избивали. Случались и неудачи. 3 января

Д. 158. Л. 243.

¹ Выступление тов. Колпакова — председ. культурно-массовой комиссии завкома, на партийном собрании завода им. Молотова. Апрель 1956//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 106.

² См.: Информация «О посещаемости церквей в прошедший религиозный праздник пасху». 18.04.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 181—182.

1953 года в час ночи на ул. Луначарского около авиатехникума налетчики напали на работниц фабрики «Пермодежда», пытались их ограбить, обыскали и отпустили, ничего ценного не найдя. Порвали на одной из женщин пальто, но, уходя, проявили галантность: кто-то из налетчиков поцеловал ей руку.

Потерпевшие не запомнили лиц. Улицы областного центра плохо освещались. В памяти остались белые шарфы, завязанные поверх пальто — отличительный знак банды.

Мне неизвестно, как милиция вышла на след преступников, скорее всего, через известного ей скупщика краденого, которому налетчики сбывали изъятые у прохожих вещи. Так или иначе, но уже в январе 1953 г. начальник управления МГБ по Молотовской области (в его ведении в те времена находилась милиция) докладывал секретарю обкома Ф. М. Прассу: «Управлением милиции только за 14 дней января этого года ликвидировано 3 грабительско-воровских группы, задержано и арестовано — 16 человек». Среди арестованных были и «белые шарфы». После перечисления совершенных ими разбойных нападений — откуда и заимствованы изложенные чуть раньше факты — в докладе приводились сведения о составе банды:

«Осипов Ю. А., 1936 года рождения, учащийся 10 класса школы № 11, судимый за кражу к 8 годам условно.

Его мать — Осипова Т. А., член КПСС, работает народным судьей 3-го участка Ленинского района.

Попов В. Н., 1935 года рождения, бывший учащийся школы № 11, не работал около 5 месяцев, ранее не судимый.

Отец — Попов Н. С., член КПСС, главный механик цеха патефонного завода».

Всего 12 человек: старшекласников, выпускников, как правило, выходцев из благополучных и по меркам того времени обеспеченных семей. Среди них оказался даже один студент университета: «Балашов А. Н., 1934 года рождения, член ВЛКСМ, профорг группы, ранее не судимый»¹. Были среди них и молодые рабочие.

Спустя три месяца прокурор области М. В. Яковлев сообщал секретарю по идеологии Молотовского обкома, что следствие по делу вооруженной группы завершено. Доказано, что ими совершено тридцать разбойных нападений на граждан «...с применением угроз и указанного оружия»: ножа, стартового и боевого пистолета марки «маузер»².

¹ Кремлев — Прасс. 15.01.1953//ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 21—23.

² Яковлев — Мельник Справка «О преступлениях учащихся школ старших классов в 1952 году и 1 квартале 1953 г. по Молотовской области»

Уголовное дело по обвинению членов преступной группы было передано в областной суд. В течение шести дней — с 13 по 18 апреля 1953 года — под председательством члена областного суда Пиликиной продолжалось слушание дела. В итоге был вынесен приговор, вызвавший шок у московских блюстителей правопорядка. Местная публика, за исключением ряда высокопоставленных лиц, по всей вероятности, ничему не удивившихся, естественно, ничего о приговоре не знала. Самого приговора я обнаружить не смог, зато нашел письмо заместителя министра юстиции РСФСР, отправленное в адрес первого секретаря Молотовского обкома КПСС. Вот его текст с некоторыми сокращениями:

«В министерство юстиции РСФСР поступило частное определение Верховного Суда РСФСР, в котором указывается, что Молотовский областной суд, рассматривая в судебном заседании с 13 по 18 апреля 1953 года под председательством члена суда тов. Пиликиной уголовное дело по обвинению Санникова, Попова и других в числе 10 человек, преданных суду по ст. 59 — 3 УК РСФСР и по ст. 2 части 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», вынес в отношении большинства привлеченных лиц неправильный и чрезмерно мягкий приговор.

Верховный суд считает установленным, что привлеченные по делу лица, организовавшись в бандитскую группу, возглавляемую Санниковым и Поповым, с лета 1952 года по январь 1953 г. совершили в г. Молотове более 20 бандитских и разбойных нападений на граждан.

На вооружении этой бандитской группы было три пистолета, два финских ножа и свинчатка (холодное оружие).

При нападениях подверглись насилию и ограблению более 25 человек, причем ряду из них были нанесены побои.

Несмотря на совершение таких тяжких преступлений, после вынесения мягкого приговора в местах лишения свободы остался лишь один соучастник — скупщик краденного Луканин, а все 11 исполнителей преступлений были освобождены от наказания в силу Указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии». <...> 11 мая 1953 г. Верховным Судом РСФСР приговор Молотовского областного суда в отношении десяти человек отменен по кассационному протесту прокурора за мягкостью назначенной осужденным меры наказания, и дело передано на новое рассмотрение.

Считая, что Молотовский областной суд под председательством тов. Пиликиной допустил серьезную политическую ошибку, прошу вас обсудить вопрос о партийной ответственности т. Пиликиной.

4.04.1953. //ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 157. Л. 79—80.

О результатах прошу поставить меня в известность»¹.

В общем, все участники разбойных нападений получили меры наказания, не связанные с лишением свободы. Скупщик краденного был отправлен в лагерь на долгих 8 лет.

В деле под номером 157 подшито письмо, отправленное Пиликиной все тому же секретарю обкома. Оно датировано 25 апреля 1953 г., то есть месяцем ранее, чем строгое указание из столицы. Содержание письма по форме и содержанию напоминает тщательно подготовленную речь высококвалифицированного адвоката в судебном заседании, оспаривающего пункт за пунктом все положения обвинительного заключения. Замечу, что в те времена защитники так себя в суде не вели, во всяком случае, в Молотовском. Инструкции Министерства юстиции и решения партийных инстанций, практика взысканий и исключений приучали их к сдержанности и скромности в полемике с государственными обвинителями. Судья Пиликина таких ограничений не знала. Вот выдержки из этого письма:

«Несмотря на то, что по делу проходят 7 человек несовершеннолетних ребят <...>, следствие по делу проведено необъективно.

Им предъявлено обвинение в том, что они все занимались бандитизмом. Будучи вооруженными и нападая на граждан г. Молотова, совершали ограбление.

В суде установлено, что пистолет «Маузер», который по материалам предварительного следствия значится изъятый из квартиры Карманова 22 января 1953 г., в действительности, был выдан работнику милиции Старцеву матерью Карманова из своего служебного сейфа (она работает инструктором по кадрам геодезических разведок). Пистолет мать Карманова взяла у сына еще в ноябре месяце 1952 года, и он лежал у нее на работе до выяснения вопроса с отцом Кармановым, который является военнослужащим и находится в настоящее время на курсах в Сольвычеготске [так в тексте — О. Л].

До 3 декабря 1952 г. вооруженного ограбления совершено не было, следовательно, пистолет «маузер» не применялся ни в одном ограблении.

Не было проведено очной ставки подсудимого Фролова, не признавшего себя виновным, с другими обвиняемыми, которые его уличают в преступлении.

При объективном исследовании такая очная ставка была необходима.

¹ Ф. Беляев (Минюст РСФСР) — Прассу Ф. М. 29.05.1953 // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 157. Л. 105–106.

У отца Осипова в столе изъяты старые замки, накладки и ключи, которые приложены к делу, тогда как они не имеют к преступлению Осипова Юрия никакого отношения.

Стартовый пистолет изъят у свидетеля Лыхина, которому продал Попов в декабре месяце 1952 года.

Самодельный пистолет, не пригодный к стрельбе, взят у Ганчук из квартиры.

Финский нож — из квартиры Максимова.

<...> Судом установлено, что «финский нож», изъятый у Максимова из квартиры, размером всего не более 10 см вместе с ручкой. Им отец Максимова пользовался для заточки карандашей. Между тем, по фотоснимку, этот ножичек имеет вид, действительно, финского ножа как холодного оружия.

Все ограбления ребята производили в разное время <...> не вооруженными, за исключением 3 декабря и 8 декабря 52 г.

Попов, Санников, Кузнецов, Карманов, Ганчук, действительно, нападали на трех граждан, угрожая им ножом и кобуром (!) от пистолета.

При тщательном рассмотрении дела в суде установлен только один случай нанесения гр-ну Постановову царапины головы. Других случаев нанесения телесных повреждений потерпевшим не было. Судом установлены 2 случая как бы озорных действий со стороны Осипова и Попова 2 января 53 г., остановив ночью двух женщин, обыскав их — одну поцеловали в щеку, другой — руку, отпустили. В предварительном следствии говорится, что «символом» их бандитской группы были белые шарфы. Тогда как в суде установлено, что имеющиеся белые шарфики у 3-х человек никакими признаками банды не являются.

Областной суд считает, что ребята могут исправиться вне тюремного заключения, в обычной обстановке. Об этом свидетельствует их личное признание своей вины, чем они помогли раскрыть свои преступления»¹.

Судья обвиняет органы прокуратуры в недобросовестном проведении предварительного следствия и, как сказали бы сейчас, в неоправданном обвинительном уклоне. Разбойные нападения кажутся ей озорными шалостями не в меру разошедшихся подростков: никого же не убили. Колотили тоже не сильно, так — пугали. Нож короткий, пистолет самодельный, «маузер», у мамы хранимый, а та женщина вполне приличная, у нее и сейф есть. В общем, не разбойники,

¹ Пиликина — Прассу 25.04.1953 г. // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 157. Л. 107–109.

а милые озорники в белых шарфиках, таких и хочется добавить слово «чулочках». Какой же это признак банды, просто деталь одежды.

Казалось бы, удрученные ростом преступности руководители области немедленно накажут впавшего в гуманизм судебного работника. Нет, все происходит иначе. Сперва председатель областного суда Хлопина не соглашается с Верховным судом РСФСР и представляет дело в Верховный суд СССР. Безрезультатно. Решением от 11 июня 1953 г. он оставляет в силе определение Верховного Суда РСФСР в отношении 8 лиц. Дело вновь поступает в областной суд 31 августа 1953 г. и не рассматривается им. Процитируем очередной документ: «Задержка с рассмотрением этого дела объясняется тем, что секретарь обкома тов. Прасс Ф. М. просил тов. Хрущева Н. С. о неприведении в исполнение определения Верховного суда РСФСР от 11 мая, т. к. все обвиняемые молоды, в данное время занимаются общественно-полезным трудом, исправляются на производстве, имеют хорошие показатели по работе и нецелесообразно лишать их теперь свободы. Этим объясняет тов. Хлопина и то обстоятельство, что до сих пор не выполнено требование министерства юстиции РСФСР и не приняты меры в отношении члена суда тов. Пиликиной, под председательством которой рассматривалось это дело»¹.

Скажу сразу, мне так и не удалось узнать, чем кончилось дело: отправились ли сын судьи вместе с сыном начальника цеха на нары, туда, где бы их встретили дети рабочих и колхозников, или отделались легким испугом; какова была их дальнейшая судьба.

Здесь интересно иное — двойная шкала правосудия, применяемая для выходцев из разных социальных слоев. Для номенклатурных детей — пусть и не самого высокого ранга — одна; для выходцев из низов — совсем другая. Есть еще один аспект — разрыв между официальной риторикой, призывами выжечь дотла преступность, покончить с бандитизмом и эластичной практикой, варьирующей меры наказания в зависимости от сложного переплетения сил внутри все того же номенклатурного слоя. Сейчас не узнать, кто именно воздействовал на секретаря обкома, побуждая его послать письмо непосредственно Хрущеву: директор завода, где работали родители городских разбойников, или командир воинской части, или кто-то еще. Ясен результат — отступление от политики борьбы с преступностью в угоду частным интересам.

¹ Докладная записка «О работе Молотовского областного суда по рассмотрению уголовных дел в 1953 г.» // ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 159. Л. 207.

Предисловие	5
Место действия	14
Разорение дома Париных. Молотовские медики в политической кампании 1947 г.	37
Генеральские деньги. Денежная реформа 14 декабря 1947 г. в г. Молотове	72
Враги	114
Увольнение Кертмана	178
Ной и другие. Юридические споры в 1953 г.	215
Климу Ворошилову письмо я написал... ..	263